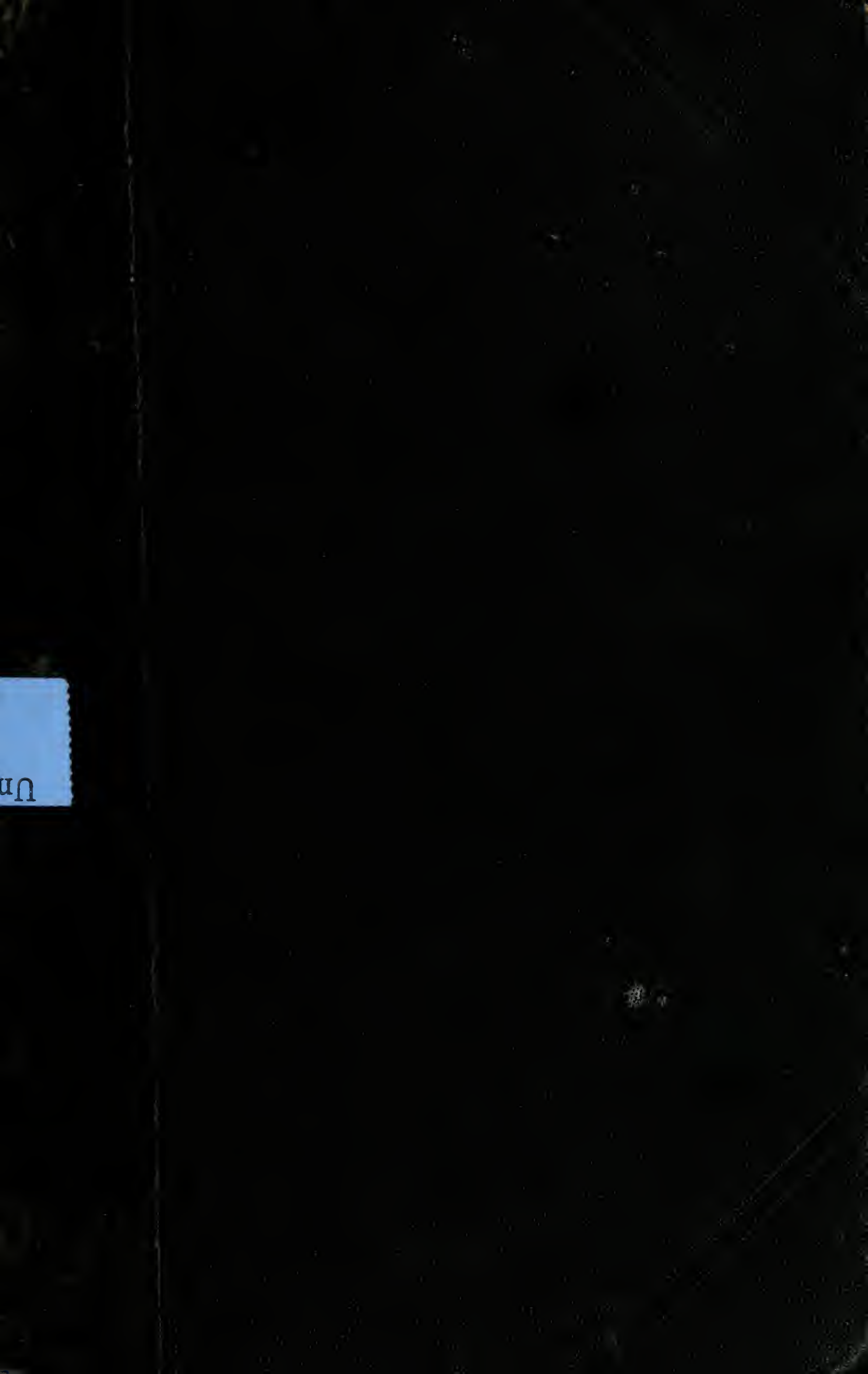

301

SEAL OF THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA
LET THERE BE LIGHT
1868

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
БРЭТЪ-ГАРТА.

Съ біографическимъ очеркомъ
и портретомъ автора.

Книга III

РОМАНЫ. ▪ ПОВѢСТИ.
РАЗСКАЗЫ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА.—1915

У трехъ опекуновъ

РОМАНЪ.

ПРОЛОГЪ.

Въ Санъ-Франциско, къ великому удивленію переселенцевъ съ востока, «дождливый сезонъ» оказался самой несомнѣнной дѣйствительностью. Днемъ еще мелькало по временамъ солнце изъ-за густыхъ тучъ, но за короткими днями слѣдовали долгія ночи съ непрерывнымъ дождемъ. Капли дождя выстукивали барабанную дробь на дранковыхъ крышахъ и на цинковыхъ кровляхъ «піонеровъ» и скатывались съ нихъ непрерывнымъ потокомъ. Юго-восточные вѣтры доносили соленое дыханіе Тихаго океана даже въ оживленные центры Коммерческой и Кернейской улицъ. Расположенный въ низинѣ проспектъ Духовныхъ Миссій превратился въ болото, а вдоль Сити-Рода, несмотря на столбы, насыпь и дамбу, волны Тихаго Океана заявляли о себѣ грязью и пѣной вплоть до Сэнсомской улицы. Деревянные тротуары на улицахъ Клей и Монгомери превратились не то въ деревянные мосты не то понтоны; на улицѣ Монгомери и на площади образовались опасныя и глубокія рытвины, и въ нихъ безнадежно вязли колеса проѣзжающихъ экипажей; ихъ приходилось вытаскивать руками добровольцевъ-прохожихъ.

И вотъ какъ разъ одна изъ такихъ выручепныхъ изъ бѣды каретъ подъѣхала къ общественному зданію, извѣстному подъ именемъ городской ратуши. Изъ кареты вышла женщина подъ густымъ вуалемъ и поспѣшно вошла въ зданіе. Немногіе прохожіе обернулись, чтобы поглядѣть на нее, частью потому, что женскія фигуры были вообще рѣдкостью въ ту отдаленную эпоху, о которой идетъ рѣчь, а тѣмъ болѣе, такія стройныя и «дамскія», какъ эта женская фигура въ частности.

Когда она проходила по коридору и поднималась по чугунной лѣстницѣ, мимо нея пробѣжало нѣсколько человѣкъ, но ихъ вниманіе было поглощено различными дѣлами, при-

влекшими ихъ въ ратушу. Только одинъ изъ нихъ уставился на нее такъ, какъ будто ея наружность ему была знакома, затѣмъ повернулся налѣво кругомъ и пошелъ за нею. Когда она остановилась у двери съ надписью: «Кабинетъ городского головы», онъ также остановился и со взглядомъ насмѣшливаго удивленія оглядѣлся, какъ бы ища, съ кѣмъ бы подѣлиться впечатлѣніемъ,—но, никого больше не видя, пошелъ прочь.

Женщина между тѣмъ вошла въ большую переднюю, и у нея вырвался вздохъ облегченія, когда она увидѣла, что передняя пуста; она подозвала сторожа и спросила его о чемъ-то чуть слышно. Сторожъ въ отвѣтъ прошелъ въ другую комнату, съ надписью: «секретарь городского управленія», и вернулся, повидимому, съ подросткомъ, лѣтъ семнадцати или восемнадцати,—но единственнымъ признакомъ молодости въ сдержанномъ лицѣ этого подростка были только удивительно блестящіе и живые глаза. Оглядѣвъ женщину съ полу-мальчишескимъ, полу-оффиціальнымъ видомъ, онъ съ преувеличенной серьезностью пригласилъ ее сѣсть, точно онъ игралъ заученную роль взрослаго мужчины и переигрывалъ; послѣ того онъ взялъ ея визитную карточку и вернулся съ нею въ свою контору. Но тутъ онъ не всталъ на голову и не прошелся колесомъ, какъ можно было бы отъ него ожидать. Налѣво была большая, обитая зеленой клеенкой, дверь съ мѣдными гвоздиками и на ней надпись: «Приватно». Эту дверь онъ толкнулъ и вошелъ въ частное помѣщеніе городского головы.

Муниципальный сановникъ Санъ-Франциско, статный, военнаго вида господинъ пожилыхъ уже лѣтъ, сидѣлъ, приставивъ спинку своего оффиціальнаго стула къ стѣнѣ, а ноги положивъ на спинку другого стула, который служилъ для той же цѣли и другому господину, сидѣвшему напротивъ него въ креслѣ. Оба лѣниво курили.

Городской голова взялъ карточку изъ рукъ секретаря, взглянулъ на нее, издалъ звукъ: гмъ! — и передалъ собесѣднику, а тотъ вслухъ прочиталъ: «Кэтъ Говардъ»—и протяжно свистнулъ.

— Гдѣ она?—спросилъ голова.

— Въ передней, сэръ.

— Кто-нибудь есть тамъ еще?

— Нѣтъ, сэръ.

— Говорили вы ей, что я занятъ?

— Да, сэръ, но, кажется, онъ спросила сама, кто у васъ, и когда я ей сказалъ, она объявила:—тѣмъ лучше, я хочу также видѣть и полковника Пендльтона.

Присутствующіе вопросительно поглядѣли другъ на друга, а полковникъ Пендльтонъ вдругъ присвоилъ себѣ права городского головы и рѣшилъ:—Зовите ее сюда!—при этомъ онъ выпрямился въ креслѣ.

Минуту спустя дверь отворилась и вошла незнакомка.. Когда она, затворивъ за собой дверь, приподняла вуаль, то оказалась очень красивой женщиной лѣтъ за тридцать. Необходимо прибавить только, что это лицо было знакомо обоимъ джентльменамъ и всему Санъ-Франциско.

— Ну, Кэтъ,—сказалъ мэръ, указывая ей на стулъ, но не двигаясь самъ и не перемѣняя позы:—вотъ я самъ, а вотъ полковникъ Пендльтонъ—и теперь мой пріемный часъ. Чѣмъ мы можемъ служить вамъ?

Если бы онъ принялъ ее съ оффиціальной формальностью или нѣсколько вѣжливѣе, она, быть-можетъ, смутилась бы, несмотря на смѣлость, выражавшуюся въ ея глазахъ, и на привычное сознаніе своей силы. Возможно, что собственная развязность городского головы и развязность его товарища были лишь инстинктивнымъ проявленіемъ ихъ добродушія и тонкости чувствъ. Она такъ и поняла это, взяла фамильярно стулъ и сѣла на него бокомъ, закинувъ одну руку на его спинку, въ свободной и не лишенной граціи позѣ.

— Благодарю васъ, Джэкъ... я хочу сказать, г-нъ голова, и васъ также, Гарри. Я пришла по дѣлу. Я хочу, чтобы вы оба согласились быть опекунами моей маленькой дочери.

— Вашей... чего?—въ одинъ голосъ спросили господа.

— Моей дочери,—повторила она съ короткимъ смѣшкомъ, въ которомъ, однако, звучала вызывающая нотка.—Конечно, вы не знаете, что у меня есть дочь. Ну вотъ, чтобы не терять лишнихъ словъ, говорю вамъ, что у меня есть дочка, и она находится на воспитаніи въ монастырѣ Санта-Клары. Я ее берегла, господа, берегла отъ всякаго зла. А теперь хочу обезпечить ея будущее. Слушайте. Я хочу укрѣпить за ней все мое состояніе, около семидесяти-пяти тысячъ долларовъ... вѣдь вы знаете, Бобъ Снеллингъ уговорилъ меня купить водяныя акціи годъ тому назадъ... ну, и вотъ, я хочу назначить законныхъ опекуновъ, душеприказчиковъ, попечителей, или какъ они тамъ называются, чтобы они распоряжались за нее ея имуществомъ.

— Кто ея отецъ?—спросилъ мэръ.

— Какое вамъ до этого дѣло?—сказала она вспыльчиво.

— Всякое... потому что отецъ ея естественный опекунъ.

— Предположимъ, что онъ неизвѣстенъ... положимъ, онъ умеръ.

— Если умеръ, то и прекрасно,—отвѣчалъ важно голова.

— Да, если умеръ, то и прекрасно,—повторилъ полковникъ Пендльтонъ.

Послѣ паузы, въ продолженіе которой оба какъ бы хоронили этого загадочнаго родителя, городской голова зорко взглянулъ на женщину.

— Кэтъ, вы поссорились съ Бобомъ Ридлеемъ?

— Бобъ Ридлей слишкомъ хорошо меня знаетъ и слишкомъ уменъ, чтобы со мной ссориться,—коротко отвѣтила она.

— Значитъ, вы дѣлаете это только ради дочери, какъ сказали?

— Разумѣется. Кажется, этого довольно?

— Да.

Городской голова снялъ ноги со спинки стула и выпрямился. Полковникъ Пендльтонъ сдѣлалъ то же самое и вынулъ сигару изо рта.

— Я полагаю, что вы еще хорошенько подумаете, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться,—прибавилъ онъ.

— Нѣтъ... я хочу кончить это сейчасъ... здѣсь на мѣстѣ, не выходя изъ вашей канцеляріи.

— Но вы знаете, что это будетъ уже неизмѣнно.

— Этого-то я и хочу... что бы потомъ ни случилось.

— Но вы ничего не оставляете себѣ, и если вы все отдадите дочери и перемѣните образъ жизни, то...

— Кто вамъ сказалъ, что я его собираюсь перемѣнить?

Оба замолчали и уставились на нее.

— Слушайте, господа, вы меня не понимаете. Съ того дня, какъ бумага эта будетъ подписана, я навѣки разстанусь съ ребенкомъ. Онъ поступитъ подъ ваше вѣдѣніе и вы вырастите, воспитаете ее богатой дѣвушкой... и она не должна знать, *кто* я или гдѣ я. Она и теперь не знаетъ. Я не заявляла ни ей ни монахинямъ, что я ея мать. Онѣ думаютъ, что я—знакомая матери. Она видѣла меня разъ или два въ жизни и не узнаетъ, если бы снова увидѣла. Да вотъ, на-дняхъ, она прошла мимо меня съ сестрами и другими воспитанницами во время прогулки и не узнала меня... но одна изъ сестеръ узнала. Впрочемъ, онѣ и не болтливы... Да вотъ что еще: вѣдь вы, Джекъ, въ качествѣ городского головы, бываете въ школѣ на экзаменахъ... и должны знать ее. Маленькая дѣвчурка, лѣтъ девяти, густые волосы, какъ у меня, и такого же цвѣта, а глаза темные. Въ бѣломъ платьицѣ съ желтымъ поясомъ. На шеѣ ожерелье изъ настоящаго жемчуга. Я *купила* его сама у Туккера, заплатила двѣсти пятьдесятъ долларовъ и послала ей передъ послѣднимъ экзаменомъ, вмѣстѣ съ большимъ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ и сирени.

— Помню, что видѣлъ ее на эстрадѣ,—отвѣчалъ городской голова съ серьезнымъ видомъ.—Такъ это ваша дочка?

— Да, да... и не глупа при этомъ, могу вамъ сказать. Но это къ дѣлу не относится. То, что мнѣ нужно теперь, это—чтобы вы и Гарри смотрѣли за ней и за ея имуществомъ такъ, какъ если бы меня не было въ живыхъ. Больше того,—такъ, какъ если бы *я никогда не жила на свѣтѣ.* Я обращаюсь къ вамъ, господа, потому, что считаю васъ честными людьми и знаю, что вы меня не выдадите. Но я хочу это слѣдать крѣпко-накрѣпко; я хочу, чтобы вы взяли на себя опекунство не въ качествѣ Джека Гаммерсли, но въ качествѣ *городского головы Санъ-Франциско.* И когда вы уступите мѣсто другому головѣ, онъ приметъ опекунство отъ васъ, и такъ далѣе. Я хочу, чтобы опекунъ былъ всегда изъ уроженцевъ Санъ-Франциско и городскимъ головой... по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока дѣвочка не достигнетъ совершеннолѣтія. Конечно, новый человѣкъ не долженъ знать, кто и почему такъ устроилъ. Пусть исполняетъ свои обязанности безъ разспросовъ. Онъ долженъ помѣщать деньги выгодно и безопасно, платить изъ доходовъ все, что слѣдуетъ, и совѣтоваться съ Гарри когда нужно.

Оба они поглядѣли другъ на друга одобрительно.

— Но подумали ли вы о преемникѣ и для меня, въ случаѣ если кто-нибудь застрѣлитъ меня до истеченія десяти лѣтъ?—спросилъ Пендльтонъ такимъ же серьезнымъ тономъ, какъ и городской голова.

— Я думаю, что такъ какъ вы предсѣдатель правленія банка Эльдорадо, то будете передавать послѣ себя свою опекунскую обязанность каждому новому предсѣдателю. Вы должны уговорить директоровъ согласиться на это, такъ же, какъ Джекъ уговоритъ городскую управу возложить эту обязанность на городского голову.

Они встали съ мѣстъ и, обмѣнявшись взглядомъ, молча поглядѣли на нее.

Наконецъ Гарри сказалъ:

— Это можно сдѣлать, Кэтъ, и мы для васъ это сдѣлаемъ,—не правда ли, Гарри?

— Разсчитывайте на меня,—кивнулъ головой Пендльтонъ.

— Но вѣдь вамъ нуженъ еще третій человѣкъ.

— Это зачѣмъ?

— Чтобы былъ рѣшающій голосъ на случай разногласія.

Женщина перемѣнилась въ лицѣ.

— Я хотѣла сохранить эту тайну между вами двумя,—замѣтила она съ горечью.

— Не бѣда. Мы найдемъ кого-нибудь, или вы подумаете и прінщете.

— Но я хотѣла кончить это дѣло теперь же,—проговорила она нетерпѣливо.

Съ минуту она помолчала, нахмуривъ густыя черныя брови. Потомъ вдругъ сказала:

— Кто этотъ милый мальчикъ, что ввелъ меня сюда? У него лицо, внушающее довѣріе.

— Это Поль Гетвей, мой секретарь. Онъ умный малый, но слишкомъ молодъ. Однако постойте! это не мѣшаетъ. Законъ ничего не говоритъ о возрастѣ опекуна, а голова у него очень, очень солидная,—замѣтилъ городской голова задумчиво.

— А я скажу: тѣмъ лучше, что онъ молодъ,—поспѣшно промолвилъ полковникъ Пендльтонъ. — Онъ выросъ въ Санъ-Франциско и не зараженъ проклятыми восточными понятіями, которыя у другихъ надо еще выбивать изъ головы. Онъ согласится на все, не задавая нескромныхъ вопросовъ. Я бы взялъ его.

— Позовите его!—сказала женщина.

Онъ пришелъ. Блестящіе его глаза, крѣпко сжатыя губы и умный лобъ обращали на себя вниманіе.

Голова коротко, но дѣловито объяснилъ, въ чемъ дѣло.

— Ваша обязанность, м-ръ Гетвей,—заключилъ онъ,—въ настоящее время будетъ чисто номинальная, а главное, конфиденціальная. Полковникъ Пендльтонъ и я справимся пока одни съ дѣломъ.

Юноша поклонился въ знакъ согласія и хотѣлъ выйти, но женщина жестомъ остановила его.

— Покончимъ все теперь же,—сказала она головѣ.—Напишите бумагу, которую мы всѣ трое и подпишемъ.

Она пристально поглядѣла на юношу, отчасти изъ любопытства и желанія убѣдиться, точно ли онъ заслуживаетъ ея довѣрія, отчасти для того, чтобы видѣть, не продѣлаетъ ли онъ какой-нибудь мальчишеской выходки. Но юноша отвѣтилъ спокойнымъ и серьезнымъ взглядомъ на ея взглядъ, какъ будто вся ея прошлая жизнь была для него ясна.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ слышно было только, какъ скрипѣло перо по бумагѣ въ рукахъ головы. Вдругъ онъ пересталъ писать и спросилъ:

— Какъ ее зовутъ?

— Она не должна носить моего имени,—сказала женщина торопливо.—Это входитъ въ мой планъ. Она должна носить такое имя, которое ничѣмъ бы не напоминало обо мнѣ. Придумайте-ка вдвоемъ, господа. Что-нибудь такое, чтобы показать, что она дочь города знаете.

— Вы не захотите ее назвать Санта-Франциска?—съ сомнѣніемъ спросилъ полковникъ Пендльтонъ.

— Нѣтъ,—отвѣчала женщина съ серьезностью, устранявшей всякія дальнѣйшія поползновенія на какія-нибудь инсинуаціи.

— Или, напримѣръ, Хризополинія?—спросилъ мэръ.

— Но вѣдь это только имя, а надо же ей фамилію,—нетерпѣливо замѣтила женщина.

— Не придумаете ли чего вы, Поль?—спросилъ голова, обращаясь къ Гетвею.—Вы такъ много читаете и еще недавно разстались съ классиками, а я давно.

Голова, хотя практическій человѣкъ и западникъ, любилъ по временамъ вспоминать про свою alma mater, коллегію Гараварда.

— Какъ вамъ нравится—Эрба Буэна, сэръ?—отвѣчалъ юноша серьезно.—Это старинное испанское названіе одного здѣшняго поселка. Оно происходитъ отъ названія, какое далъ патеръ Юниперо Серра дикой виноградной лозѣ, что растетъ на песчаныхъ холмахъ и означаетъ: «добрая трава». Онъ называлъ ее «бальзамъ для раненыхъ и огорченныхъ».

— «Для раненыхъ и огорченныхъ»?—повторила медленно женщина.

— Такъ говорятъ,—отвѣчалъ Гетвей.

— Вы шутите?—спросила она съ улыбкой, которая, впрочемъ, чуть только скользнула по ея губамъ.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ голова поспѣшно. — Онъ говоритъ правду. Я часто это слышалъ. И великолѣпно это будетъ звучать: имя—Эрба, а Буэна—фамилія. Ее будутъ звать миссъ Буэна, когда она выраститъ.

— Пусть будетъ Эрба Буэна!—рѣшила женщина.

И среди воцарившагося безмолвія снова заскрипѣло перо мэра по бумагѣ. Полковникъ Пендльтонъ застегнулъ сюртукъ, оправилъ воротникъ, закрутилъ длинные усы и направился къ окну, не глядя на женщину. Затѣмъ мэръ всталъ съ мѣста и съ нѣкоторой формальной любезностью, до сихъ поръ не проявлявшейся въ его манерахъ, передалъ ей перо и пригласилъ сѣсть въ кресло за его столомъ. Она взяла перо и быстро подписала бумагу. Другіе послѣдовали ея примѣру и по знаку мэра тоже подписались. Сторожа позвали изъ прихожей засвидѣтельствовать подписи. Когда это было сдѣлано, голова обратился къ секретарю:

— Готово, Поль.

Новоиспеченный и юный опекунъ серьезно поклонился и вышелъ. Когда зеленая клеенчатая дверь за нимъ затворилась,

голова внезапно повернулся къ женщинѣ, держа въ рукахъ бумагу.

— Послушайте, Кэтъ, еще время одуматься и, если вы пожелаете, разорвать эту бумагу. Если вы рѣшитесь на это, обѣщаюсь вамъ, никто никогда не узнаетъ о томъ, что здѣсь произошло. Никому отъ этого не будетъ худо, а мы зачтемъ вамъ въ кредитъ усиліе, оказавшееся вамъ не подъ силу.

Она было уже встала съ кресла, но опустилась въ него вновь и нетерпѣливо глядѣла на мэра, пока онъ говорилъ, а тотъ тоже пытливо глядѣлъ на нее.

— О чемъ вы говорите?—рѣзко спросила она.

— О *васъ*, Кэтъ. Вы все отдали ребенку, съ чѣмъ же вы сами-то останетесь?

— Развѣ я уже никуда не гожусь?—спросила она, взглядывая то на того, то на другого.

Конечно, никто бы этого не сказалъ про сильную, красивую, энергичную женщину; но они промолчали.

— Это не все, Кэтъ,—продолжалъ мэръ, складывая руки и глядя на нее.—Подумали ли вы о значеніи того, что дѣлаете? вы отрекаетесь отъ всѣхъ правъ на ребенка. Вотъ что вы подписали сейчасъ, и что мы теперь обязаны будемъ заставить васъ выполнить. Съ этого момента мы встанемъ между вами и ею, какъ станемъ между нею и свѣтомъ. Готовы ли вы примириться съ тѣмъ, что вы будете вполнѣ исключены изъ ея жизни, что, проходя по улицѣ мимо васъ, она не будетъ васъ знать и, можетъ-быть, отвернется отъ васъ, какъ отъ особы, которой—ей это непремѣнно скажутъ—слѣдуетъ избѣгать? Готовы ли вы закрыть глаза и уши на все, что, быть-можетъ, вы о ней услышите въ ея новой жизни? Когда она будетъ счастлива, богата, уважаема, когда она будетъ богатой невѣстой и, можетъ-быть, женой какого-нибудь высокопоставленнаго человѣка? Готовы ли вы къ тому, что никто никогда не узнаетъ и *не долженъ будетъ* узнать, какую роль вы играли въ ея жизни, и что если кто-нибудь когда-нибудь обмолвится о томъ, что вы ей мать, то мы должны будемъ преслѣдовать его судомъ за клевету и диффамацію?

— Я для того сюда и пришла,—отвѣчала она.

— Если такъ, то я пришлю вамъ копію съ этого документа завтра и приму отъ васъ капиталъ.

— Чекъ здѣсь со мной,—сказала она, вынимая его изъ кармана и кладя на столъ.—Теперь, надѣюсь, все кончено. Прощайте!

Голова снялъ шляпу, полковникъ Пендльтонъ также; оба они проводили ее до дверей и растворили ихъ передъ нею съ солидной вѣжливостью.

— Что вы собираетесь дѣлать господа? — спросила она, поглядывая то на того, то на другого.

— Проводить васъ до кареты, м-съ Говардъ, — сказалъ голова голосомъ еще болѣе серьезнымъ, чѣмъ обыкновенно.

— По всему коридору? мимо всѣхъ, кто встрѣтится въ сѣняхъ и на лѣстницѣ? Я уже столкнулась съ Даномъ Стюартомъ, какъ шла сюда.

— Итакъ, если позволите, — сказалъ голова, взглядывая на полковника Пендльтона, который, не говоря ни слова, низко поклонился въ знакъ согласія.

Легкій румянецъ показался у нея на щекахъ. Это былъ единственный признакъ волненія, выказанный ею за все время свиданія.

— Я не желаю васъ безпокоить, господа, если вамъ все равно, — проговорила она съ рѣзкимъ смѣхомъ. — Быть-можетъ, *вамъ* все равно, если васъ увидятъ со мной, но *мнѣ* не все равно. Прощайте.

Она пожала руку имъ обоимъ. Затѣмъ вышла за дверь, опустила густой вуаль на лицо и исчезла.

— Поль, — сказалъ голова, вернувшись въ бюро и обращаясь къ секретарю: — вы знаете, кто эта женщина?

— Да, сэръ

— Она одна изъ милліона! А теперь забудьте, что вы когда-нибудь видѣли ее.

ГЛАВА I.

Большая пріемная въ новой гостиницѣ «Золотыя Ворота» въ Санъ-Франциско по справедливости прославлялась мѣстной прессой за великолѣпіе отдѣлки и меблировки, «достойной настоящаго дворца», по выраженію туземныхъ репортеровъ. Но 5-го августа 1860 г. эта пріемная была еще такая новенькая, точно съ иголочки, и это, очевидно, стѣсняло ея посѣтителей; по крайней мѣрѣ, такъ можно было судить по замѣшательству, проявлявшемуся въ манерахъ четверыхъ господъ, которыхъ только-что провели въ нее. Поколебавшись съ минуту между двумя роскошными кушетками, обитыми свѣтло-желтымъ шелкомъ, одинъ изъ нихъ съ рѣшимостью отчаянія усѣлся на козеткѣ, называемой tête-à-tête, уединивъ себя, такимъ образомъ, отъ остальной компаніи, неизвѣстно зачѣмъ и, очевидно, вопреки своему желанію. Другой опустился на диванъ и выпрямился,

точно аршинъ проглотилъ. Остальные двое оставались на ногахъ, неопредѣленно глядя въ потолокъ и обмѣниваясь похвалами отдѣлкѣ и убранству комнаты съ ненужнымъ паѳосомъ и неизвѣстно для чего—шопотомъ.

Между тѣмъ то были люди не послѣдніе въ своемъ родѣ и съ вѣсомъ, судя по ихъ рѣчамъ.

Къ нимъ вошелъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти съ замѣчательно блестящими и симпатичными глазами. Окинувъ улыбающимся взглядомъ всю группу, онъ направился къ одиноко сидѣвшему на козеткѣ. Тотъ немедленно всталъ съ благодарностью во взглядѣ.

— Ну, Поль, я не ожидалъ, что вы узнаете меня. Вѣдь уже четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ Мэрисвилѣ. А теперь вы стали такимъ великимъ человѣкомъ; что...

— Не знаю, какъ бы я забылъ Тони Шера или мэрисвильскихъ друзей,—прибавилъ Поль, обращаясь къ остальнымъ посѣтителямъ, которые, какъ это свойственно всѣмъ людямъ, уже выказывали знаки сердитаго нетерпѣнія за то, что не они были предметомъ вниманія вновь вошедшаго.

— Впрочемъ, я всегда утверждалъ, что первый шагъ къ фортунѣ сдѣланъ вами въ Мэрисвилѣ,—продолжалъ Шеръ.— Но я привелъ съ собой нѣсколько друзей изъ нашей компаніи и желаю вамъ ихъ представить: капитанъ Стиджеръ, предсѣдатель нашего комитета; м-ръ Генри Госкинсъ изъ фирмы Госкинсъ и Блумеръ, и Джо Слетъ изъ «Союзной Прессы», одинъ изъ нашихъ самыхъ выдающихся журналистовъ. Джентльмены!—продолжалъ онъ, внезапно возвышая голосъ и придавая ему ораторскую напыщенность, представлявшую рѣзкій контрастъ съ его прежнимъ непринужденнымъ тономъ: — мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что это достопочтенный Поль Гетвей, младшій изъ сенаторовъ нашего штата въ законодательномъ собраніи. Вы знакомы съ его докладомъ!

И, снова переходя въ обычный разговорный тонъ, онъ прибавилъ:—Мы прочитали о вашемъ отъѣздѣ прошлой ночью изъ Сакраменто, и я рѣшилъ, что мы придемъ пораньше, пока еще не будетъ толпы.

— Горжусь знакомствомъ съ вами, сэръ,—сказалъ капитанъ Стиджеръ, вдругъ переводя бесѣду снова на ораторскую платформу.—Я слѣдилъ за вашей карьерой, сэръ. Я читалъ вашу рѣчь, м-ръ Гетвей, и, какъ уже говорилъ нашему общему другу, м-ру Шеру, когда мы шли сюда, я не знаю другого человѣка, который бы съумѣлъ такъ ясно изложить прямыя цѣли партіи. Ваше бичующее изложеніе такъ называемыхъ Джеферсоновскихъ принциповъ и ваше безпощадное осужденіе резолюціи

98 г. были... были,—капитанъ прокашлялся и перешелъ въ разговорный тонъ:—были замѣчательнѣйшей вещью. Вамъ стоитъ только назначить день, сэръ, когда вы обратитесь къ намъ съ рѣчью, и я обѣщаю вамъ самую многочисленную аудиторію въ Санъ-Франциско.

— Я уполномоченъ издателемъ «Союзной Прессы»,—сказалъ м-ръ Слетъ, нащупывая записную книжку и карандашъ:— предложить вамъ столбцы его газеты для всякихъ объясненій, какія бы вы пожелали сдѣлать въ формѣ личнаго письма или отъ издателя въ отвѣтъ на критику вашей рѣчи въ «Адвертайсерѣ», и вообще для всякихъ сообщеній, какія вы бы сочли полезными для нашихъ читателей и для партіи.

— Если вы когда-нибудь завернете въ наши мѣста, м-ръ Гетвей, и заглянете ко мнѣ по-пріятельски, то я могу показать вамъ самое крупное заведеніе по части консервированныхъ припасовъ и бакалейнаго товара въ штатѣ и вообще показать вамъ Баттери-стритъ. Или же, если вы назначите день, то у меня есть пара добрыхъ лошадокъ, которая мигомъ домчитъ васъ къ обѣду въ ресторанъ Клифъ-Гаузъ и обратно. У меня обѣдалъ губернаторъ Фиксъ, и сенаторъ Дуланъ, и еще тотъ крупный англійскій капиталистъ, который былъ здѣсь въ прошломъ году и... что жъ, сэръ, они *остались довольны.* Или же, если вамъ угодно осмотрѣть городъ, если вы въ немъ въ первый разъ, то я берусь показать вамъ его.

Нельзя было привѣтливѣе и радушнѣе отвѣчать на всѣ эти любезности, чѣмъ это сдѣлалъ Поль Гетвей. Онъ любилъ людей даже съ ихъ слабостями и недостатками, а потому они находили его неотразимымъ.

— Я жилъ здѣсь семь лѣтъ тому назадъ,—улыбаясь, отвѣтилъ онъ Госкинсу.

— Когда вода доходила до Монгомери-стрита,—вмѣшался м-ръ Шеръ почтительнымъ, но внятнымъ шопотомъ.

— Когда м-ръ Гаммерсли былъ городскимъ головой,— продолжалъ Гетвей.

— Вы же занимали офиціальное положеніе—частнаго секретаря, еще не достигнувъ двадцатилѣтняго возраста,—пояснялъ Шеръ все тѣмъ же восхищеннымъ и конфиденціальнымъ тономъ.

— Съ тѣхъ поръ городъ очень разросся, сэръ, выросъ какъ грибъ въ одну ночь,—вступился капитанъ Стиджеръ, торопливо взбираясь на воображаемые подмостки при помощи этой двусмысленной метафоры, предназначенной, какъ кажется, для вящаго очарованія группы нарядно одѣтыхъ молодыхъ лэди, только-что вошедшихъ въ пріемную.—Когда тихо-океанская дорога будетъ окончена, мы сдѣлаемся естественнымъ конечнымъ

пунктомъ великаго пути, по которому будутъ шествовать всѣ народы!

Лицо м-ра Гетвея не выразило того, что онъ уже много разъ слышалъ такія пышныя фразы, и онъ ограничился сочувственнымъ согласіемъ. Точно такъ вниманіе его не было привлечено тѣмъ обстоятельствомъ, что группа молодыхъ лэди на другомъ концѣ комнаты представляла странное сходство съ той группой мужчинъ, которой онъ былъ центромъ. Молодыя барышни точно такъ же окружили одну изъ своихъ подругъ, осыпая ее комплиментами и ласками, а та принимала ихъ съ такою же юной и скрыто-иронической благосклонностью, которая тоже, удивительнымъ дѣломъ, смахивала и на его собственную. Очевидно, было также, что родъ соперничества возникъ между обѣими группами, и что по мѣрѣ того, какъ поклонники Гетвея становились шумнѣе въ выраженіяхъ своей симпатіи, поклонницы молодой особы все громче и восторженнѣе привѣтствовали подругу.

Какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, настоящая борьба шла между самими партизанами; каждая выходка одной изъ группъ вызывала соотвѣтствующую выходку другой, и въ то время, какъ обѣ, повидимому, поклонялись своимъ идоламъ, на дѣлѣ онѣ слѣдили другъ за другомъ и прислушивались другъ къ другу. Наконецъ партія Гетвея получила подкрѣпленіе въ новыхъ посѣтителяхъ, и одна высокая брюнетка изъ оппозиціи замѣтила притворно конфиденціальнымъ, но, въ сущности, вполнѣ явственнымъ тономъ:

— Ну, что жъ, милая моя, я думаю, намъ не зачѣмъ слушать эту политическую дребедень, а потому не вернуться ли намъ въ дамскій будуаръ, пока не соберется комитетъ?

— Я знаю, какъ дорого ваше время, такъ какъ всѣ вы дѣловые люди,—сказалъ Гетвей, обращаясь къ своей партіи такимъ же внятнымъ голосомъ;—но прежде нежели вы разойдетесь, джентльмены, позвольте мнѣ предложить вамъ закусить въ отдѣльной комнатѣ.

И онъ непринужденно пошелъ къ двери, а красивая соперница, уже вставшая было по приглашенію подруги, остановилась въ замѣшательствѣ, смущенная затруднительной побѣдой. Оставаться имъ здѣсь или уходить? Лэди, бывшая предметомъ дѣвическаго обожанія, обернулась въ сторону Гетвея и глаза ихъ встрѣтились. Молодая дѣвушка безпечно обратилась къ подругамъ и сказала:

— Нѣтъ, останемся здѣсь, вѣдь это общая гостиная.

— Цвѣтникъ молодыхъ дѣвицъ изъ монастыря Санта-Клары, м-ръ Гетвей,—пояснилъ капитанъ Стиджеръ, наивно оставляя безъ вниманія невѣжливость юныхъ особъ и слѣдуя

за Гетвеемъ, котораго взялъ подъ руку.—Не послѣднее изъ нашихъ сокровищъ, сэръ. Большею частью дочери піонеровъ и всѣ калифорнскія уроженки и питомицы. Знатоки говорятъ, что имъ принадлежитъ здѣсь пальма первенства по граціи, по уму и по высшей женской прелести, и что женщины востока не могутъ съ ними соперничать.

Выпустивъ этотъ парѳянскій комплиментъ, капитанъ перешелъ къ обычному разговорному тону:

— Я полагаю, что вы сами въ этомъ убѣдитесь, если пробудете здѣсь подольше. Санъ-Франциско можетъ доставить достойную невѣсту младшему изъ калифорнскихъ сенаторовъ.

— Я боюсь, что пробуду здѣсь только недѣлю и ограничусь одними дѣлами,—отвѣчалъ Гетвей, замѣтившій только, что та дѣвица, за которой ухаживали подруги, была очень хороша собой и оригинальна на видъ.—Въ сущности я пріѣхалъ отчасти повидаться съ стариннымъ знакомымъ, полковникомъ Пендльтономъ.

Трое мужчинъ переглянулись.

— О! Съ Гарри Пендльтономъ,—сказалъ недовѣрчиво м-ръ Госкинсъ.—Неужели вы *съ нимъ* знакомы?

— Вѣдь это старинный піонеръ,—вмѣшался Шеръ успокоительно и убѣдительно:—во времена Поля полковникъ былъ здѣсь великимъ человѣкомъ.

— Я слышалъ, что полковнику не повезло,—произнесъ Гетвей внушительно, но въ *мое* время онъ былъ предсѣдателемъ правленія банка Эльдорадо.

— А банкъ все еще не расплатился со своими кредиторами,—сказалъ Госкинсъ. — Надѣюсь, что *вы* не разсчитываете получить свои деньги?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Гетвей, улыбаясь:—я былъ мальчикомъ въ тѣ времена и жилъ на свое жалованье. Я ничего не знаю про затрудненія банка, но всегда считалъ полковника Пендльтона честнымъ человѣкомъ.

— Не въ томъ дѣло,—энергично заявилъ капитанъ Стиджеръ:—Гарри Пендльтона упрекаютъ въ томъ, что онъ не развивался вмѣстѣ съ штатомъ и никогда не хотѣлъ къ нему приспособиться. И не захочетъ! Онъ считаетъ, что здѣсь былъ рай между 49 и 50 гг., а затѣмъ началось паденіе. Онъ принадлежитъ къ старымъ временамъ, когда *простого слова* было достаточно, чтобы вести дѣла, и говорятъ, что въ прежнемъ банкѣ не было ни клочка бумаги на добрую половину выданныхъ имъ денегъ. Все это было прекрасно, сэръ, въ 49 и 50 гг., но не годится въ 59 и 60 гг. А старикъ этого не понимаетъ.

— Но готовъ воевать за прежніе порядки,—произнесъ м-ръ Слетъ,—и терпѣнія нѣтъ съ его хронологіей. Онъ больше чѣмъ кто-либо въ штатѣ содѣйствовалъ укорененію здѣсь дуэли и не хочетъ знать, что весь духъ прогресса и цивилицазіи противъ нея.

Невозможно было по лицу Поля Гетвея судить, симпатизируетъ ли онъ слабостямъ полковника Пендльтона, или согласенъ съ критикой своихъ собесѣдниковъ. Но компанія подъ вліяніемъ изрядной выпивки была имъ вполнѣ довольна, и когда, наконецъ, разошлась, то на всю гостиницу «Золотыя Ворота» прогремѣло, что достопочтенный м-ръ Поль Гетвей прибылъ изъ Сакраменто и удостоился «самой искренней оваціи».

Тѣмъ временемъ предметъ этой оваціи растянулся на кушеткѣ у окна своей комнаты и старался оживить въ памяти событія прошлыхъ лѣтъ. Молодые люди въ періодъ отъ девятнадцати и до двадцати шести лѣтъ забывчивы, и Поль Гетвей не только исполнилъ совѣтъ городского головы забыть про сдѣлку, которой онъ былъ свидѣтелемъ въ кабинетѣ головы, но, отправляясь искать счастія на пріискахъ, формально передалъ полковнику Пендльтону всѣ свои права по управленію имуществомъ м-съ Говардъ, и все участіе его въ этомъ дѣлѣ ограничивалось тѣмъ, что онъ ежегодно подписывался подъ бумагами. Онъ былъ, слѣдовательно, немного удивленъ, когда нѣсколько дней тому назадъ получилъ письмо отъ полковника Пендльтона, который просилъ его пріѣхать повидаться съ нимъ.

Поль смутно помнилъ событія, происходившія восемь лѣтъ тому назадъ. А съ тѣхъ поръ много воды утекло и наступили значительныя перемѣны. Городской голова умеръ и передалъ опекунство своему преемнику, котораго Поль никогда не видалъ. Банкъ Эльдорадо обанкрутился, и хотя полковникъ Пендльтонъ все еще былъ живъ, но ясно было, что преемника у него по опекунству не будетъ, и званіе это умретъ вмѣстѣ съ нимъ. Мать питомицы, м-съ Говардъ, исчезла черезъ годъ послѣ того, какъ учредила опекунство надъ дочерью, и съ тѣхъ поръ о ней ничего не было слышно. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ Поль Гетвей дивился, зачѣмъ онъ понадобился полковнику Пендльтону, тѣмъ болѣе, что дѣвушка, довѣренная ихъ заботамъ, должна была скоро достигнуть совершеннолѣтія и выйти изъ-подъ опеки.

Тѣмъ не менѣе, онъ повидаетъ полковника, не теряя времени, и рѣшитъ этотъ вопросъ. Онъ взглянулъ на адресъ: «гостиница Сентъ-Чарльзъ». Онъ припомнилъ старый постоялый дворъ этого имени на площади. Неужели онъ пережилъ перемѣны и улучшенія въ городѣ? Онъ разыскалъ гостиницу, казавшую-

ся очень жалкой, сравнительно съ новыми, окружавшими ее великолѣпными зданіями. Возможно ли, что эта узкая, скрипучая лѣсенка казалась ему когда-то широкими ступенями, ведущими къ славѣ и богатству? На первой площадкѣ озабоченный слуга-ирландецъ съ шваброй въ рукахъ подвелъ его къ двери въ концѣ коридора и постучался въ нее. Дверь отворилъ сѣдой негръ-слуга, державшій въ рукахъ замшу, между тѣмъ какъ пистолеты, вынутые изъ футляра и лежавшіе на столѣ. показывали, чѣмъ онъ занимался.

Впустивъ Гетвея съ большой вѣжливостью, онъ сказалъ своимъ ломанымъ англійскимъ языкомъ:

— У м-ра Гарри опять исторія, сэръ, и я долженъ вычистить его пистолеты, а если вы потрудитесь присѣсть на софу, то я доложу ему о вашемъ приходѣ.

Когда негръ вышелъ въ сосѣднюю компату, Поль поспѣшно оглядѣлся. Мебель, бывшая когда-то роскошной и изящной, теперь обветшала. Обивка полиняла и вытерлась. Полка съ книгами, среди которыхъ находилось нѣсколько юридическихъ сочиненій,—Поль припомнилъ, что существовало смутное преданіе о томъ, что полковникъ Пендльтонъ когда-то занимался юриспруденціей,— въ углу винтовка, сабля, нѣсколько классическихъ гравюръ на стѣнахъ и одинъ или два несгораемыхъ шкапа съ надписью: «Банкъ Эльдорадо», дополняли убранство комнаты. Въ воздухѣ пахло затхлостью и метиловымъ эѳиромъ. Впрочемъ, все было чисто и прибрано, и нѣсколько вычищенныхъ паръ платья, аккуратно сложенныхъ на стулѣ, свидѣтельствовали о рачительности слуги. Но когда Поль заглянулъ за диванъ, то увидѣлъ сюртукъ, который былъ, очевидно, второпяхъ заброшенъ туда съ торчавшей въ немъ иголкой съ ниткой, и понялъ, что негръ былъ занятъ его починкой, а чистка пистолетовъ была только вѣжливымъ предлогомъ.

— Вы извините м-ра Гарри за то, что онъ приметъ васъ въ постели, но нога у него такъ разболѣлась сегодня, что онъ не можетъ стоять,—сказалъ слуга, вернувшись въ комнату.

— Извините меня, сэръ,—прибавилъ онъ конфиденціальнымъ шопотомъ, но съ большимъ достоинствомъ: — если вы будете избѣгать всякихъ волнующихъ умъ предметовъ или споровъ, то тѣмъ будетъ для него лучше.

Поль съ улыбкой кивнулъ головой, и черный слуга, съ преувеличенной даже для его расы торжественной церемонностью, ввелъ его въ спальню. Она была меблирована съ такой же поблекшей роскошью, какъ и гостиная, и въ ней стояла сверхъ того низкая желѣзная походная кровать, на которой протянулась высокая, воинственнаго вида фигура полковника Пендль-

тона, облеченная въ шелковый, проношенный до дыръ, халатъ.

Онъ сильно перемѣнился въ эти восемь лѣтъ. Волосы его посѣдѣли и порѣдѣли на вискахъ, но сѣдые усы все еще были густы и тщательно закручены. Лицо носило слѣды болѣзни и заботъ; по угламъ ноздрей шли глубокія морщины, говорившія о взрывахъ гнѣва и усиліяхъ сдержать его, и придавали его улыбкѣ сардоническую неподвижность. Темные глаза, горѣвшіе лихорадкой, устремились на вошедшаго Поля и съ свойственной больнымъ настойчивостью уже не отрывались отъ него.

— Ну, что, Гетвей?

Вмѣстѣ съ звуками этого голоса Поль почувствовалъ, что прошедшіе годы какъ бы стушевались, и онъ снова сталъ мальчикомъ, восхищавшимся сильнымъ мужчиной, который теперь безпомощно лежалъ передъ нимъ. Онъ вошелъ въ комнату съ смутнымъ сознаніемъ своего снисходительнаго превосходства и состраданія; но это разсѣялось при звукахъ властнаго голоса полковника Пендльтона. Несмотря на болѣзненныя ноты въ немъ, онъ все же звучалъ непобѣдимой повелительностью, и Поль вновь восхитился этимъ качествомъ въ своемъ старинномъ знакомомъ, котораго онъ не находилъ въ новыхъ.

— Я не видалъ васъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, Гетвей. Подойдите ближе и дайте на себя поглядѣть.

Поль подошелъ къ кровати съ дѣтской покорностью. Пендльтонъ взялъ его за руку и критически разглядывалъ.

— Я бы узналъ васъ, сэръ, несмотря на усы и эспаньолку. Въ послѣдній разъ, какъ я васъ видѣлъ, это было въ кабинетѣ Джека Гаммерсли. Ну, вотъ—Джекъ умеръ, да и я чуть живъ. Вы помните домъ Гаммерсли?

— Да,—отвѣчалъ Поль, удивляясь вопросу.

— Знаете, нѣчто въ родѣ швейцарскаго шалэ. Я помню, какъ Джекъ его строилъ. На-дняхъ я тамъ былъ. И что бы вы думали они сдѣлали изъ него?

Поль не могъ придумать.

— Да, сэръ, они превратили его въ церковно-миссіонерскую лавку и читальню для молодыхъ людей христіанскаго направленія! Все это «прогрессъ» и «усовершенствованія».

Онъ умолкъ и медленно, вынимая руку изъ руки Поля, прибавилъ съ угрюмымъ извиненіемъ:

— Вы молоды и принадлежите, можетъ-быть, къ новой школѣ. Что жъ, сэръ, я прочиталъ вашу рѣчь; я не принадлежу къ вашей партіи... моя умерла десять лѣтъ тому назадъ... но я

поздравляю васъ... Джорджъ! чортъ побери! куда этотъ мой парень провалился?

Негръ, величаемый такимъ юношескимъ титуломъ, несмотря на то, что былъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ на десять старше своего хозяина, послѣ торопливой возни въ гостиной, появился въ дверяхъ.

— Джоржъ, шампанскаго и все, что нужно для пунша этому джентльмену! *Лучшаго!*—понимаете? Не какой-нибудь новѣйшей дряни отъ этого новаго содержателя.

Поль, которому показалось, что глаза Джорджа смущенно замигали,—онъ приписалъ это опасенію вреднаго возбужденія у паціента,—попросилъ хозяина не безпокоиться, такъ какъ онъ по утрамъ очень рѣдко что-нибудь пьетъ.

— Возможно, сэръ, возможно, сэръ,—поспѣшно отвѣтилъ полковникъ.—Я знаю, что по новымъ идеямъ вино вредно и все подобное; но вѣдь вы здѣсь не передъ избирателями, и я не стану припуждать васъ насильно пить, сэръ. Но такова моя привычка, Гетвей, старинная привычка, отжившая, можетъ-быть, какъ и все остальное, но, тѣмъ не менѣе, привычка, и я удивляюсь только тому, что этотъ Джорджъ, который все это знаетъ, забылъ объ этомъ.

— Простите, мистеръ Гарри,—отвѣчалъ Джорджъ:—я засуетился съ разными дѣлишками и совсѣмъ изъ головы вонъ,—но я сейчасъ доставлю.

И исчезъ.

— Славный парень, сэръ, но начинаетъ портиться. Привезъ я его сюда изъ Нашвиля слишкомъ десять лѣтъ тому назадъ. Восемь лѣтъ тому назадъ *они* доказали ему, что онъ больше не рабъ, и разогорчили его этимъ въ конецъ, пока я не пообѣщалъ ему, что все останется по-старому. Я, конечно, послалъ за его женой и дѣтьми—это значило выбросить за окно тысячу восемьсотъ долларовъ—но, чортъ меня побери, если онъ не такъ же несчастливъ съ ними, какъ и безъ нихъ, потому что долженъ отрывать отъ дѣла два часа по утру, да три послѣ полудни, чтобы видѣться съ ними. Я уговаривалъ его забрать семью съ собой и итти на пріиски, чтобы разбогатѣть, какъ это дѣлаютъ всѣ эти банкиры, спекуляторы и маклеры, какъ ихъ тамъ зовутъ; или же отправиться въ Орегонъ, гдѣ его выберутъ въ мэры или въ шерифы... такъ не хочетъ. Онъ собираетъ доходы съ небольшого имущества, какое у меня осталось, и платитъ по моимъ счетамъ; сэръ, и если бы эта глупая цивилизація оставила его въ покоѣ, онъ былъ бы вполнѣ добрымъ и честнымъ парнемъ.

Поль невольно подумалъ, что доходы, собираемые Джорджемъ, вѣроятно, очень невелики, если ему приходится

самому штопать платье хозяина, но въ эту минуту въ гостиной послышался звонъ стакановъ, и старый негръ появился въ дверяхъ. Выпрямившись, онъ съ церемонной вѣжливостью обратился къ Полю:

— Не угодно ли вамъ, сэръ, пожаловать и взглянуть на вино, какое вамъ угодно будетъ выбрать.

Поль всталъ и вышелъ вслѣдъ за нимъ въ пріемную, куда Джоржъ тщательно притворилъ дверь. Къ своему удивленію, Гетвей увидѣлъ поднось съ двумя рюмками виски и полынной водки, вмѣсто шампанскаго.

— Извините меня, сэръ, — сказалъ старикъ съ достоинствомъ: —но для джентльменовъ, какъ вы, сэръ, полковникъ требуетъ лучшаго шампанскаго, а я не смѣлъ ему сказать, что здѣсь въ предмѣстьи хорошаго шампанскаго не достанешь. Не угодно ли вамъ будетъ, сэръ, чтобы не волновать полковника пустыми кулинарными дѣлами, сказать, что вы предпочитаете водку?

— Разумѣется,—отвѣчалъ Поль, улыбаясь.

И, вернувшись въ спальню, прибавилъ:

— Извините меня, полковникъ, но я взялъ на себя смѣлость отослать шампанское назадъ и удовольствоваться рюмкой виски. Даже лучшая марка—вдовы Клико,— тутъ онъ поймалъ благодарный взглядъ Джорджа,—вредна мнѣ по утру

— Какъ вамъ будетъ угодно, Гетвей,—отвѣчалъ полковникъ немного сухо.— Полагаю, что теперь новая мода и на напитки, и джентльменскій желудокъ отошелъ въ область прошлаго. Значитъ, мы можемъ обойтись безъ слуги, тѣмъ болѣе, что ему пора итти домой. Поставьте этотъ ящикъ съ документами на кровать, Джорджъ, и ступайте. М-ръ Гетвей обойдется безъ вашихъ услугъ.

Въ то время, какъ старый слуга низко, низко поклонился обоимъ и заперъ за собою дверь, Поль замѣтилъ:

— Но вотъ Джорджъ съумѣлъ, однако, сохранить прежній стиль, полковникъ, несмотря на прогрессъ, который вы оплакиваете.

— Онъ всегда былъ негромъ «дэнди»,—отвѣтилъ Пендльтонъ, и его хмурое лицо слегка прояснилось, когда онъ поглядѣлъ вслѣдъ своему сѣдому слугѣ:—но его преувеличенная вѣжливость отрадная вещь, болѣе естественная и мужественная, чѣмъ преувеличенная невѣжливость, которую вашъ высшій цивилизованный «гарсонъ» принимаетъ за самоуваженіе. Извиненіемъ всякого рода службы служитъ ея непроизвольность и привязанность. Когда вы знаете, что человѣкъ ненавидитъ васъ и служитъ вамъ только изъ выгоды, то вы со-

знаете, что онъ подлецъ, а вы тиранъ. Это вашъ пустой прогрессъ сдѣлалъ личную службу низостью, научивъ людей стыдиться ея. Да что, сэръ! когда я впервые сюда прибылъ, то Джекъ Гаммерсли и я самъ служили поварами для всей нашей партіи. Я не считалъ себя отъ этого меньше джентльменомъ, чѣмъ другіе. Но довольно объ этомъ.

Онъ остановился, приподнялся на локтѣ и нѣсколько секундъ не то съ осторожностью, не то съ сомнѣніемъ глядѣлъ на своего собесѣдника.

— Мнѣ надо вамъ сказать кое-что, Гетвей,—медленно произнесъ онъ.—Вамъ мало было хлопотъ съ опекунствомъ; ваше участіе не тяготило васъ, не мѣшало спать по ночамъ и дѣлать карьеру. Я отлично понимаю,—продолжалъ онъ въ отвѣтъ на жестъ какъ бы извиненія со стороны Гетвея:—я согласился дѣйствовать *за васъ* и дѣйствовалъ. Я не жалуюсь. Но пора вамъ узнать, что я дѣлалъ и что вамъ придется дѣлать. Вотъ отчетъ. На другой день послѣ извѣстнаго вамъ свиданія въ кабинетѣ городского головы, банкъ Эльдорадо, предсѣдателемъ правленія котораго я состоялъ и все еще состою, я получилъ на храненіе по чеку м-съ Говардъ семьдесять пять тысячъ долларовъ. Два года спустя банкъ, благодаря счастливымъ спекуляціямъ, пріумножилъ эту сумму до полутораста тысячъ долларовъ, то-есть удвоилъ капиталъ. Въ слѣдующемъ затѣмъ году этотъ самый банкъ прекратилъ платежи.

ГЛАВА II.

Въ одну секунду картина всего положенія и его собственной связи съ нимъ представилась уму Поля съ ужасающей ясностью и почти въ карикатурной полнотѣ. Въ самомъ началѣ своей карьеры онъ оказывался отвѣтственнымъ лицомъ за растраченный капиталъ дочери потерянной женщины и теперь былъ обязанъ содержать эту дочь на свой счетъ! Такъ вотъ зачѣмъ полковникъ Пендльтонъ вызывалъ его на свиданіе... Была одна позорная минута, когда онъ думалъ даже: вотъ почему полковникъ такъ охотно принималъ на себя его обязанности! Вся эта исторія имѣла такой подозрительный характеръ, а самъ онъ выказалъ такую непростительную безпечность, благодаря той самой безконтрольной довѣрчивости, которую Пендльтонъ только-что восхвалялъ, что мало ли какихъ дѣлъ можно было надѣлать при такихъ обстоятельствахъ! Ему уже представилось, какъ по этому поводу будутъ надъ нимъ издѣваться его противники и, что еще хуже

какъ вяло станутъ его выгораживать его политическіе друзья! Все это отразилось на его поблѣднѣвшемъ лицѣ и въ сверкающихъ глазахъ, устремленныхъ на лежащаго старика.

Полковникъ Пендльтонъ выдержалъ этотъ взглядъ все съ тѣмъ же критическимъ, испытующимъ вниманіемъ, съ какимъ смотрѣлъ на него и прежде. Наконецъ выраженіе его лица слегка измѣнилось, въ глазахъ промелькнула тѣнь разочарованія, а вокругъ рта образовалась насмѣшливая складка.

— Успокойтесь, сэръ,—молвилъ онъ со вздохомъ, какъ бы желая скорѣе отогнать непріятное открытіе,—вамъ не изъ чего волноваться. Хлебните глоточекъ водки, а то вы совсѣмъ поблѣднѣли. Ну, хорошо-съ. Оглянитесь-ка на эти стѣны. Кажется, незамѣтно, чтобы на нихъ было потрачено много денегъ? Теперь взгляните на меня. Похожъ я на человѣка, разжирѣвшаго съ чужихъ денегъ? Кажется, нѣтъ. Ну, и будетъ съ васъ. Ни одинъ долларъ изъ ввѣреннаго намъ капитала не пропалъ, Гетвей, и весь онъ цѣлехонекъ, со всѣми наросшими процентами и дивидендами. Каждый центъ обращенъ въ облигаціи Государственнаго Банка и хранится въ конторѣ Ротшильда. Вотъ тутъ всѣ квитанціи и расписки, выданныя за недѣлю до банкротства... Но довольно объ этомъ. Я не за этимъ просилъ васъ пріѣхать и повидаться со мной.

Кровь бросилась въ лицо Полю и ему стало очень неловко. Какъ въ первую минуту ему показалось яснымъ, что товарищъ по опекѣ обманулъ его довѣріе, такъ теперь онъ сразу понялъ, что старикъ, вѣроятно, самъ разорился въ конецъ, лишь бы спасти ввѣренный ему капиталъ. Онъ кое-какъ пробормоталъ, что и не думалъ сомнѣваться въ мудрости его распоряженій и вовсе не намѣренъ въ нихъ мѣшаться.

— Э, не все ли равно, сэръ, — сказалъ полковникъ раздражительно, — вы въ своемъ правѣ и, вѣроятно, думали, даже, что такова ваша обязанность, — прибавилъ онъ полупрезрительно, — но не въ томъ дѣло. Деньги въ сохранности, но... я вотъ о чемъ хотѣлъ съ вами потолковать, мистеръ Гетвей: сдается мнѣ, что секретъ-то нашъ выходитъ наружу.

Онъ съ большимъ трудомъ приподнялся, чтобы подвинуться ближе къ собесѣднику, и снова уставился на него своими горящими глазами. Но Поль смотрѣлъ на него такимъ недоумѣвающимъ взглядомъ, что онъ поспѣшилъ прибавить:

— Понимаете, сэръ... я начинаю думать, что есть такіе подлые скоты, именно скоты... которые каждую минуту могутъ проговориться, что это дѣвочка, воспитывающаяся въ пансіонѣ Санта-Клары—родная дочь Кэтъ Говардъ!

Въ другое время Поль могъ бы усомниться въ важности подобнаго предположенія, но онъ былъ такъ пораженъ чрезвычайной горячностью полковника и его властнымъ тономъ, внушавшимъ молодому человѣку невольное почтеніе, что воздержался отъ всякихъ легкомысленныхъ замѣчаній и, стараясь казаться какъ можно болѣе заинтересованнымъ, проговорилъ только:

— Почему вы такъ думаете?

— Вотъ это я и хотѣлъ вамъ сказать, Гетвей, и еще то, что я одинъ виноватъ въ этомъ. Когда настали затрудненія въ банкѣ и я порѣшилъ въ душѣ возмѣстить сиротскій капиталъ изъ своихъ собственныхъ личныхъ средствъ, я зналъ, что такой образъ дѣйствій подвергнется нареканіямъ. Въ такое время бываетъ особенно щекотливо выказывать предпочтеніе кому-либо изъ вкладчиковъ. Поэтому я, выбравъ изъ среды своихъ товарищей двухъ или трехъ директоровъ, на которыхъ считалъ, что можно вполнѣ положиться, взялъ да и довѣрился имъ. Я имъ разсказалъ всю исторію, чтобы они сами убѣдились, какъ для меня священны мои обязательства по этой опекѣ. Но это была съ моей стороны ошибка, сэръ, — продолжалъ Пендльтонъ съ сардонической усмѣшкой,—и крупная ошибка. Я не принялъ во вниманіе того обстоятельства, что за эти три года цивилизація и благочестіе весьма распространились въ нашемъ краю. Въ числѣ людей, которымъ я довѣрился, былъ одинъ скотъ... Іуда предатель. Ну, онъ иначе понялъ мои побужденія. Приводилъ Священное Писаніе, говорилъ о нравственности, толковалъ что-то о томъ, что деньги, нажитыя цѣною грѣха, позорны и что слѣдуетъ ихъ конфисковать, что грѣхи отцовъ отзываются на дѣтяхъ и что въ этомъ заключается высшая справедливость. Ну, я остановилъ потокъ его краснорѣчія... Знаете ли, отчего у меня нога разболѣлась? Вотъ посмотрите!

Онъ съ нѣкоторымъ трудомъ и съ невозмутимой серьезностью откинулъ полу своего халата, спустилъ чулокъ съ ноги и обнаружилъ передъ глазами Поля шрамъ отъ зажившей раны, нанесенной пулею.

— Вотъ ужъ почти годъ, какъ эта штука меня мучитъ. Ну, а та рана, которую «я» ему нанесъ, съ тѣхъ поръ его не тревожила.

— Но я думаю,—продолжалъ полковникъ, съ облегченіемъ откинувшись обратно на подушку,—что онъ успѣлъ разсказать нашъ секретъ другимъ такого же сорта молодцамъ, хотя это должно было оставаться между нами, какъ водится у порядочныхъ людей. Но эти пока молчатъ, предпочитая развязать

себѣ языки впослѣдствіи. Они знаютъ, что я всегда на-готовѣ. Но это не вѣчно же будетъ продолжаться; когда-нибудь они выучатся стрѣлять получше и мѣтить повыше! Насколько это меня лично касается,—прибавилъ онъ, сурово обведя взоромъ полинявшія стѣны и обветшалую меблировку своей комнаты,—оно ничего, не бѣда; мнѣ-то они рта не зажмутъ.

Онъ помолчалъ, потомъ вдругъ совсѣмъ инымъ тономъ быстро заговорилъ, не то жалобно, не то просительно:

— Гетвей, вы молоды и Гаммерсли васъ любилъ, скажите, что дѣлать? Я ужъ думалъ передать мое оружіе въ ваши руки... Стрѣлять вы умѣете и, говорятъ, мѣтко стрѣляете... Но дѣло въ томъ, что если вы уложите одного или двухъ, начнутъ вѣдь спрашивать, изъ-за чего, да почему; пока я одинъ этимъ занимаюсь, никто не справляется о причинахъ, думаютъ, что просто таковъ мой нравъ. Я ужъ не говорю о томъ, что если бы во время выборовъ вамъ случилось стереть съ лица земли одного или двухъ такихъ скотовъ, это, пожалуй, повредило бы вашей популярности, но главная бѣда въ томъ, что они принадлежатъ къ вашей партіи, и слѣдовательно, это испортило бы вашу карьеру!

— Знаете что,—молвилъ Поль, пропустивъ мимо ушей эту насмѣшку,—мнѣ кажется, вы преувеличиваете значеніе подобнаго разоблаченія. Это дѣвушка съ большимъ приданымъ, прекрасно воспитанная. Кому какое дѣло разбирать, какая у ней была мать, тогда какъ мать исчезла съ лица земли, никогда не зналась съ ней, и по закону считается умершей?

— Въ мое время, сэръ,—сказалъ полковникъ,—никто, знакомый съ обстоятельствами дѣлами, не обратилъ бы на это вниманія. Но мы дожили до такого благословеннаго періода, когда всюду суютъ намъ въ носъ христіанское возмездіе, да цивилизованныя приличія; нынче развелось множество такихъ господъ и госпожъ, которые только тѣмъ и проявляютъ свою добродѣтель, что изобличаютъ чужіе пороки. Мы переживаемъ реакцію переходнаго времени. Старые пьяницы всегда громче всѣхъ кричатъ въ пользу абсолютной трезвости, а умѣренные люди помалкиваютъ. Я вамъ говорю, Гетвей, теперь такое время, когда открытіе нашей тайны могло бы повести къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ.

— Но она скоро достигнетъ совершеннолѣтія?

— Черезъ два мѣсяца.

— И навѣрное выйдетъ замужъ.

— Замужъ!—повторилъ Пендльтонъ съ горькой ироніей.— Вотъ «вы», напримѣръ женились бы на ней?

— Это совсѣмъ иное дѣло,—быстро подхватилъ молодой человѣкъ,—и главное, вопросъ личнаго вкуса; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы не нашелся для нея женихъ ничѣмъ не хуже меня, и даже лучше.

— Ну, положимъ, что найдется такой, прежде чѣмъ секретъ раскроется. Какъ вы полагаете, обязаны мы предупредить его на этотъ счетъ?

— Конечно.

— А слѣдовательно, придется и «ей» сказать?

— Гм... да,—молвилъ Поль съ запинкой.

— И вы находите, что такимъ образомъ будетъ выполнено условіе опеки и мы сдержимъ клятвы, данныя этой женщинѣ?—продолжалъ Пендльтонъ, сверкая глазами и принявъ снова свой властный тонъ.

— Дорогой полковникъ,—сказалъ Поль менѣе рѣшительно, но все еще улыбаясь,—вы сами видите, что заключили съ миссисъ Говардъ романическое условіе, котораго осуществить нельзя; согласитесь, что могутъ возникнуть такія обстоятельства, при которыхъ не будетъ возможности его выполнить по существу. И еще вы забываете, что сейчасъ только сказали мнѣ, что вы сами нарушили это условіе, правда, при такихъ обстоятельствахъ, которыя дѣлаютъ вамъ честь, и что ваши отчаянныя усилія поправить это дѣло не привели ни къ чему. И я, право, не вижу причинъ скрывать отъ лица, завѣдомо къ ней расположеннаго, тѣ факты, которые вы сообщили недоброжелателямъ этой дѣвушки.

Наступило продолжительное молчаніе. Распростертый старикъ издалъ легкій стонъ, какъ-будто ему стало очень больно, и, потянувъ ногу, перемѣнилъ положеніе. Черезъ нѣкоторое время онъ проговорилъ сдержаннымъ голосомъ:

— Я иного мнѣнія, мистеръ Гетвей; но пока довольно объ этомъ. Мнѣ нужно поговорить съ вами о другомъ. Кому-нибудь изъ насъ совершенно необходимо тотчасъ съѣздить въ Санта-Клару и повидать миссъ Эрба Буэну.

— Боже милостивый,—воскликнулъ Поль,—неужели ее такъ и зовутъ?

— Конечно, сэръ. Вы сами ее назвали этимъ именемъ. Развѣ вы позабыли?

— Я только подалъ мысль, кажется,—отвѣчалъ Поль безнадежно,—но все равно, продолжайте

— Я, какъ видите, не могу ѣхать,—продолжалъ Пендльтонъ, усталымъ жестомъ указывая на раненую ногу,—и мнѣ было бы особенно пріятно, чтобы «вы» повидались съ ней передъ тѣмъ, какъ мы съ вами и съ городскимъ головой окончательно

устроимъ ея дѣла и сдадимъ свои отчеты по опекѣ черезъ два мѣсяца. Я приготовилъ нѣкоторыя бумаги, которыя вы можете показать ей, и написалъ одно письмо къ игуменьѣ ихъ монастыря, собственно только для того, чтобы васъ рекомендовать ей, а другое къ ней самой. Вы ея никогда не видали?

— Нѣтъ,—сказалъ Поль,—но, вѣроятно, вы видѣли.

— Въ послѣдніе три года не видалъ.

Въ глазахъ Поля отразилось такое удивленіе, что полковникъ, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Видите ли, Гетвей, на меня здѣсь смотрятъ, какъ на чудака, представителя беззаконнаго и неприличнаго минувшаго времени. А потому я счелъ за лучшее не компрометировать ее въ глазахъ общества своими визитами. Голова бываетъ тамъ... Присутствуетъ на экзаменахъ и на какихъ-то тамъ упражненіяхъ... И его онѣ чествуютъ, сэръ, устраиваютъ ему торжественную встрѣчу, угощеніе... лимонадъ, что ли... и рѣчи произносятъ...

— Я намѣревался завтра вечеромъ уѣхать въ Сакраменто,—сказалъ Поль, съ любопытствомъ глядя на безпомощнаго старика,—но если вы этого желаете, я съѣзжу.

— Спасибо. Такъ будетъ лучше.

Сообщивъ ему еще нѣсколько разъясненій насчетъ бумагъ, Пендльтонъ передалъ Полю пакетъ. Молодой человѣкъ всталъ. И вдругъ ему показалось, что эта комната еще болѣе обветшала и поблекла, чѣмъ онъ думалъ въ первую минуту, а этотъ старикъ еще болѣе одинокъ, заброшенъ и безпомощенъ. И Поль, съ присущимъ ему сердечнымъ порывомъ, сказалъ:

— Не хочется мнѣ оставлять васъ одного. Увѣрены ли вы, что можете справиться тутъ одни, безъ Джорджа? И не могу ли я вамъ чѣмъ-нибудь услужить, прежде чѣмъ уйду?

— Я къ этому привыкъ,—сказалъ Пендльтонъ спокойно,—это со мной случается, примѣрно, раза два въ годъ, а когда я послѣ этого оправляюсь и выхожу со двора... ну, право же, мнѣ тамъ хуже, чѣмъ здѣсь.

Онъ машинально взялъ протянутую руку Поля и посмотрѣлъ на него тѣмъ же сомнѣвающимся, критическимъ взглядомъ, какъ въ первую минуту свиданія. И въ голосѣ его зазву чали прежнія, властныя ноты, и онъ почти покровительственнымъ тономъ проговорилъ съ формальной вѣжливостью:

— Ну, ужъ извините, некому проводить васъ отсюда. Дайте же мнѣ знать, когда съѣздите въ Санта-Клару, я хочу знать всѣ подробности. До свиданія!

Поль медленно и нерѣшительно пошелъ внизъ, и на этотъ разъ лѣстница и стѣны показались ему еще болѣе жалкими и

блѣдными, чѣмъ вначалѣ. Достигнувъ нижней площадки, онъ остановился и постоялъ, смутно соображая, не воротиться ли ему лучше назадъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ,—до того совѣстно ему было покидать одинокаго старика. Онъ ужъ рѣшилъ навести нѣкоторыя справки касательно личныхъ и финансовыхъ дѣлъ полковника, о которыхъ не посмѣлъ освѣдомиться у него самого; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мысленно составилъ планъ испытать свое вліяніе и популярность въ нѣкоторой области, дабы этимъ способомъ выручить полковника изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и тѣмъ удовлетворить за разъ и своему личному честолюбію и своимъ симпатіямъ.

Тѣмъ не менѣе, выйдя на улицу и постоявъ у подъѣзда, онъ возымѣлъ вдругъ странную фантазію подождать еще нѣкоторое время. Въ дальнемъ углу отеля была маленькая лавочка цырюльника, нѣчто въ родѣ паразита, выросшаго на разрушающемся организмѣ этого заведенія. Ему пришло въ голову зайти туда постричься, почистить свое платье и, оставаясь еще сколько-нибудь подъ одной кровлей съ безпомощнымъ отшельникомъ, придумать что-либо для его облегченія. Онъ вошелъ въ опрятную, но скудно обставленную лавочку и усѣлся въ первое попавшееся кресло, не замѣтивъ даже, что, кромѣ него, другихъ посѣтителей не было, а за стеклянной дверью виднѣлся единственный подмастерье, занимавшійся въ эту минуту правкой бритвы. Но когда этотъ человѣкъ вошелъ черезъ стеклянную дверь и, ставъ за его стуломъ, произнесъ обычный вопросъ съ преувеличенной учтивостью интонаціи, его голосъ и говоръ показались Полю знакомыми.

— Доброго утра, сэръ! Будемъ ли мы имѣть удовольствіе побрить вашу милость или вамъ угодно только постричься?

Поль быстро взглянулъ въ стоявшее противъ него зеркало и увидѣлъ въ немъ отраженіе чернокожей физіономіи и сѣдой головы Джорджа.

Гетвей до того обрадовался, увидѣвъ стараго слугу такъ недалеко отъ его барина, что позабылъ удивиться и только сказалъ привѣтливо:

— Эге, Джорджъ, такъ вотъ вы какъ навѣщаете свое семейство?

Старикъ вздрогнулъ; его толстыя красныя губы мгновенно поблѣднѣли и пересохли, глаза налились кровью и выпучились, и онъ испуганно смотрѣлъ въ зеркало на Поля. Впрочемъ онъ быстро опомнился и, поклонившись, сказалъ умоляющимъ тономъ

— Простите ради Бога, сэръ! Я знаю, что видимость противъ меня, но дѣло въ томъ, что я временно замѣняю одного стараго пріятеля, который отлучился на минуту...

— А я очень радъ, Джорджъ, что по какому бы то ни было случаю меня будетъ стричь собственный камердинеръ полковника Пендльтона. Принимайтесь-ка за дѣло!

Старикъ былъ такъ польщенъ этими словами, что по всему его лицу расползлась блаженная улыбка, а сморщенные пальцы, которыми онъ смущенно вытащилъ изъ дыряваго кармана пару ножницъ, перестали дрожать и ловко приступили къ операціи. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе, во время котораго только и слышны были звуки стрижки; но Поль, продолжавшій наблюдать въ зеркало лицо негра, замѣтилъ въ немъ нервное подергиванье и тревогу. Тогда онъ рѣшился начать разспросы.

— Слушайте, Джорджъ, почему вы серьезно не займетесь этимъ ремесломъ въ свободные часы? Вы такъ искусно это дѣлаете и съ такимъ вкусомъ, что, право, могли бы заработать порядочныя деньги.

Съ полминуты все тѣло старика колыхалось отъ беззвучнаго, ребяческаго смѣха.

— Нечего дѣлать, мистеръ Гетвей, вы такой давнишній другъ моего барина и сами такой благородный джентльменъ, сэръ, что я, такъ и быть, вамъ признаюсь... Я вѣдь этимъ давно занимаюсь! Все-таки лишнюю копейку зарабатываю для моей старухи и ребятишекъ. Только полковникъ про это ничего не знаетъ. Ахъ, сэръ, если бы полковникъ заподозрилъ меня въ этомъ, онъ бы меня убилъ... либо себя самого. Полковникъ человѣкъ высокаго полета, сэръ... Вы понимаете, такъ какъ вы сами такой же джентльменъ. Онъ бы не могъ равнодушно перенести, если бы зналъ, что его негръ работаетъ на двухъ господъ... несмотря на то, что отпускаетъ меня со двора и велитъ мнѣ заниматься моимъ семействомъ. Но это совсѣмъ иное дѣло, сэръ! А все-таки полковникъ не можетъ обходиться безъ меня.

— Вы вѣдь, кажется, собираете его доходы?—сказалъ Поль спокойно.

— Точно такъ, сэръ.

— А много онъ получаетъ?

— Н... нѣтъ, сэръ, не такъ много, какъ въ прежнія времена. Изволите видѣть, у полковника есть кое-какія угодья въ старой части города, гдѣ живутъ бѣлые люди самаго бѣднаго класса; ну, и они нельзя сказать, чтобы аккуратно платили. А полковникъ такой добрякъ, что не хочетъ прижимать

ихъ. Изъ нихъ иные тутъ поселились съ сорокъ девятаго года, какъ и онъ самъ; а есть и испанцы, и эти такіе же добряки и смыслятъ не больше малыхъ ребятъ, и думаютъ, что все осталось по-старому, какъ было до мексиканской войны, живутъ на прежнихъ мѣстахъ, а платить и не думаютъ. Впрочемъ, что жъ, живемъ помаленьку, ну, конечно, не въ томъ родѣ, какъ въ старые годы... тогда былъ первый сортъ!.. И не такъ, какъ нынче принято, потому что полковникъ не любитъ новой моды, сэръ... Однакожъ ничего, кое-какъ поддерживаемъ свое достоинство и вино подаемъ для гостей. Въ слѣдующій разъ, сэръ, будетъ у насъ и шампанское вдовы Клико.

— У полковника здѣсь много знакомыхъ?

— Старые-то больше перемерли, сэръ, а къ новымъ людямъ его не тянетъ. Полковникъ мало бываетъ въ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ банкѣ началось разстройство. Извините, сэръ. Я бы хотѣлъ знать, когда оно кончится? У полковника свалилась бы гора съ плечъ, если бъ онъ покончилъ расчеты съ этимъ банкомъ! Вы тамъ, въ Сакраменто, такой важный господинъ, что, можетъ-быть, вамъ ничего бы не стоило это устроить?

— А вотъ я посмотрю,—сказалъ Поль съ загадочной усмѣшкой.

— Прикажете шампанскаго, сэръ?

— Нѣтъ, мнѣ больше ничего не нужно по этой части,—сказалъ Поль, вставая съ кресла,— по ваши услуги нужны мнѣ въ другомъ мѣстѣ. Вы прекрасный цырюльникъ, Джорджъ, и я не отступаюсь отъ того, что сказалъ насчетъ вашей будущности, но въ настоящее время мнѣ кажется, что лучше бы вы всецѣло посвятили себя полковнику. Ему очень нездоровится. Вотъ, возьмите,—продолжалъ онъ, сунувъ въ руку удивленнаго слуги золотую монету въ двадцать долларовъ,—дня три-четыре подъ какимъ-нибудь предлогомъ не уходите домой и лавочку бросьте, и оставайтесь все время при баринѣ. Этихъ денегъ довольно, чтобы наверстать то, что вы теряете по здѣшнему ремеслу, а когда полковникъ выздоровѣетъ, успѣете воротиться сюда и опять приметесь за работу. Но развѣ вы не боитесь, что кто-нибудь можетъ васъ узнать?

— Нѣтъ, сэръ, какъ можно! Сюда попадаютъ только пріѣзжіе, которые города не знаютъ.

— А вдругъ вашъ баринъ самъ зайдетъ? Вѣдь ему это удобно, поблизости отъ его квартиры...

— Какъ, чтобы мистеръ Гарри зашелъ въ цырюльню?— подхватилъ старикъ съ беззвучнымъ смѣхомъ.—Извините, сэръ,—продолжалъ онъ почтительно, но съ чувствомъ собственнаго достоинства,—вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ никто не

дотрогивался до полковничьяго подбородка, кромѣ меня Когда мистеру Гарри доведется самому зайти въ цырюльню... тогда уже все равно, кто будетъ тутъ брить!

— Будемъ надѣяться, что ему не придется этого дѣлать,— сказалъ Поль шутливо и, желая избѣжать изъявленій пылкой признательности, которая сіяла въ глазахъ стараго негра съ той минуты, какъ онъ получилъ щедрую подачку, угрожая излиться въ высокопарной и многословной рѣчи, Поль прибавилъ:—А дня черезъ два или три я опять зайду, и надѣюсь, застану васъ неотлучно при особѣ полковника,—и онъ съ улыбкой ушелъ изъ цырюльни.

Часа черезъ два хозяинъ цырюльни воротился на смѣну своему подмастерью, получилъ счетъ и нѣкоторый процентъ съ той суммы, что была заработана за время его отсутствія, исключая того, конечно, что далъ Поль, послѣ чего Джорджъ заявилъ хозяину, что въ теченіе нѣсколькихъ дней не будетъ являться въ лавочку.

— Долженъ отлучиться по неотложнымъ и важнымъ дѣламъ,—объяснялъ цырюльнику старый негръ, не дѣлая различія между своими личными дѣлами и дѣлами своего барина. — Недосугъ мнѣ будетъ, очень много накопилось собственныхъ заботъ.

Такъ какъ Джорджъ былъ дѣйствительно искусенъ въ этомъ ремеслѣ, цырюльнику было жалко потерять такого дѣльнаго помощника и онъ попробовалъ уговорить его, предлагая увеличить плату за труды; но Джорджъ былъ непоколебимъ.

Когда онъ вошелъ въ гостиную, полковникъ узналъ его походку и позвалъ его въ спальню.

— Въ другой разъ, Джорджъ, никогда не дозволяйте моему гостю отсылать вино обратно. Если ему не угодно пить, отставьте бутылку въ буфетъ, и только.

— Слушаю, сэръ. Но такъ какъ вы сами не изволите пить этого вина, а Клико самый дорогой сортъ...

— Чортъ побери, какое мнѣ дѣло до его цѣны!—Полковникъ вдругъ замолчалъ и вопросительно устремилъ глаза на слугу.

— Джорджъ, — молвилъ онъ мягкимъ голосомъ, — не смѣйте врать, или... (еще мягче) я съ васъ спущу вашу черную шкуру... Слушайте, у васъ еще «есть» деньги?

— Есть, сэръ, какъ же!—отвѣчалъ негръ серьезно.—Сейчасъ я вамъ покажу и счета всѣ принесу.

— Постойте, постойте! Я сейчасъ, лежа тутъ, соображалъ, что если вдовѣ Малло нечѣмъ платить, потому что она передала квартиру, а хозяинъ табачной лавочки совсѣмъ разорился, и

намъ пришлось самимъ уплатить водяныя пошлины за стараго Билля Сомса, то, должно-быть, за прошлую недѣлю ты собралъ не много денегъ. А тутъ надо уплатить за мѣсяцъ въ ресторанъ, да аптекарь прислалъ счетъ за всякія лѣкарственныя снадобья... Вотъ мнѣ и кажется, что мы съ вами совсѣмъ сѣли на мель. Я здѣсь ни въ чемъ не нуждаюсь, но клянусь Богомъ, сэръ, если я узнаю, что вы ради меня тратите собственныя деньги или врете мнѣ, или вздумали занимать...

— Какъ же, мистеръ Гарри, вдова Малло сегодня сама приходила и все уплатила, какъ слѣдуетъ. Сейчасъ я вамъ докажу по книгамъ, деньги принесу,—съ этими словами онъ поспѣшно ушелъ въ гостиную.

Тутъ онъ дрожащими руками высыпалъ на столъ все, что у него было въ карманахъ, въ томъ числѣ подарокъ Поля и свой дневной заработокъ; потомъ выдвинулъ ящикъ изъ стола и вытащилъ оттуда полосатый бумажный платокъ, какими негритянки повязываютъ себѣ голову; въ одномъ изъ угловъ этого платка былъ туго завязанный узелокъ съ мелкой серебряной монетой, а въ другомъ—дѣтскій кошелекъ. Всю эту благодать онъ высыпалъ на столъ и смѣшалъ со своими деньгами. То были единственные доходы полковника Пендльтона! Собирались они отъ трудовъ «Джорджа Вашингтона Томсона», брадобрея, жены его, въ просторѣчіи «тетки Дины», ремесломъ прачки, и «Сципіона Томсона», ихъ сына, отроду четырнадцати лѣтъ, занимавшагося чисткою сапогъ. Не велики были ихъ заработки; но сквозь счастливыя слезы, Богу извѣстно, какъ они казались значительны!

ГЛАВА III.

Горячіе лучи солнца съ безоблачнаго неба обдавали зноемъ долину Санта-Клары и такъ высушили почву по всѣмъ дорогамъ и тропинкамъ, что бѣлая пыль на нихъ обратилась въ глубокіе слои тончайшаго порошка; тѣмъ не менѣе усталые пѣшеходы, которые, обливаясь потомъ, неосторожно искали убѣжища въ тѣни придорожныхъ дубовъ, немедленно бывали насквозь прохвачены сѣверо-западнымъ вѣтромъ: въ августѣ мѣсяцѣ, особенно послѣ полудня, пассатъ сильно дуетъ изъ всѣхъ ущелій прибрежнаго хребта, забираясь даже въ пастушескую долину Санъ-Хозэ. Этимъ и объяснилось то странное явленіе, что всѣ путники, ѣхавшіе въ кабріолетахъ или въ станціонныхъ омнибусахъ, были въ соломенныхъ шляпахъ и въ теплыхъ пальто; и даже въ хорошо защищенномъ саду

виллы «Эль-Розаріо» двѣ молодыя дѣвушки, гулявшія по широкой аллеѣ изъ цвѣтущихъ розъ, шедшей подъ прямымъ угломъ отъ длинной и глубокой веранды помѣщичьяго дома, были въ легкихъ лѣтнихъ платьяхъ, но съ накидками на плечахъ.

Впрочемъ, невзирая на прохладный вѣтеръ, старинный домъ испанской постройки и окружавшіе его густые сады представляли роскошнѣйшую, почти тропическую картину со стороны проѣзжей дороги. Клумбы, рабатки, бесѣдки изъ розъ оправдывали названіе этой усадьбы, украшая ее всѣми оттѣнками своихъ цвѣтовъ; древовидныя фуксіи ниспадали цѣлыми каскадами, разноцвѣтныя вербены образовали пышные холмики, а кусты ціанотусовъ и геліотроповъ составляли подлѣсокъ старыхъ и почтенныхъ маслинъ, фиговыхъ и грушевыхъ деревьевъ. Помѣщичій домъ живописно выдѣлялся среди пестрыхъ и вычурныхъ дачъ новѣйшей архитектуры, окаймлявшихъ дорогу, и съ большимъ вкусомъ былъ приспособленъ къ потребностямъ и обычаямъ позднѣйшей цивилизаціи. Такъ, галлереи внутренняго двора или испанскаго «паціо», перенесенныя къ наружнымъ стѣнамъ, образовали глубокія веранды, между тѣмъ, какъ старыя глинобитныя стѣны были покрыты вьющимся капскимъ жасминомъ и усѣяны звѣздчатыми цвѣтами страстоцвѣта, заканчиваясь вверху крышами изъ цилиндрической красной черепицы.

— Миссъ Эрба! — произнесъ съ веранды сухой мужской голосъ.

Та изъ молодыхъ дѣвушекъ, которая была повыше ростомъ, внезапно бросилась за большой кустъ кастильскихъ розъ и увлекла за собой свою спутницу, повелительно приложивъ палецъ къ красивому рту нѣсколько капризной формы. Другая дѣвушка, удерживаясь отъ смѣха, удивленно взирала на сердито сдвинутыя брови своей подруги.

Съ веранды въ другой разъ раздался тотъ же призывъ; но черезъ минуту послышались удаляющіеся шаги и все опять затихло.

— Эрба, скажи на милость, почему ты не отозвалась? — спросила дѣвушка меньшаго роста.

— Охъ, я его терпѣть не могу! — отвѣчала Эрба.—Онъ вѣдь затѣмъ только и звалъ меня, чтобы опять заводить свои глупѣйшіе, несносные, формальные, будто бы родственные разговоры. Такъ какъ онъ офиціально считается моимъ опекуномъ, то думаетъ, что при каждой встрѣчѣ со мной обязанъ соблюдать этотъ тонъ, и обращается со мной такъ, какъ будто я ему падчерица или сирота изъ богадѣльни. или воспитанница

изъ полицейскаго пріюта. Все это тѣмъ болѣе смѣшно и глупо, что обязанности опекуна лежатъ на немъ только на то время, пока онъ голова, и онъ это знаетъ, и я знаю, и мнѣ ужасно надоѣло играть комедію. Душа моя, вѣдь ихъ мѣняютъ каждый годъ, у меня ужъ ихъ перебывало человѣкъ семь, и всѣ болѣе или менѣе были въ этомъ родѣ съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ помню.

— Но я думала, что у тебя еще два другихъ опекуна, и тѣ безсмѣнные, — сказала пріятельница, ласкаясь къ ней.

Эрба вздохнула.

— Нѣтъ, былъ еще одинъ, управляющій банкомъ, но въ случаѣ его смерти его долженъ былъ замѣнить слѣдующій директоръ, такъ что и онъ былъ офиціальный опекунъ. Этотъ мнѣ, впрочемъ, нравился; онъ, кажется, и въ самомъ дѣлѣ былъ среди нихъ единственный джентльменъ. Но говорятъ, что онъ ужасно неприличный человѣкъ, отъ времени до времени стрѣляетъ въ людей и убиваетъ ихъ ни съ того ни съ сего; и банкъ свой онъ обанкротилъ... Ну, разумѣется, нельзя же съ нимъ знаться. А такъ какъ этотъ банкъ больше не существуетъ, то когда онъ умретъ, никто его не замѣнитъ въ роли опекуна.

— Но есть еще и третій, знаешь, тотъ чужой, который никогда не показывается, — сказала подруга.

— А знаешь ли, кто онъ такой? Помнишь ты того самодовольнаго франтика... еще его называли «сенаторъ-младенецъ», котораго мы застали на-дняхъ утромъ въ пріемной отеля «Золотыхъ Воротъ», помнишь, еще его окружала цѣлая куча идіотическихъ поклонниковъ, дурацкихъ избирателей, которые передъ нимъ разсыпались въ комплиментахъ? Ну, вотъ это и есть мистеръ Поль Гетвей, или достопочтенный Поль Гетвей, тотъ самый, душа моя, который съ самаго начала отъ меня отрекся и сдалъ меня на чужія руки!

— Какъ же такъ, Эрба, а мнѣ показалось, что онъ и рѣчами и манерами...

— Ахъ, перестань, пожалуйста, Милли, ничего тебѣ не показалось, а просто онъ самодовольный франтъ, и больше ничего!— объявила Эрба повелительно.—Да иного и ждать нельзя отъ человѣка, которому до такой степени грубо льстятъ и передъ нимъ извиваются! Мнѣ просто тошно было смотрѣть... На его мѣстѣ я бы ихъ всѣхъ выгнала вонъ.

Въ подтвержденіе такого строгаго настроенія, она ухватилась за одну изъ длинныхъ ниспадающихъ вѣтвей огромнаго розоваго куста, за которымъ скрывалась, и рѣзко дернула ее. Отъ этого движенія нѣсколько вполнѣ распустившихся цвѣт-

ковъ осыпались и упали дождемъ блѣднорозовыхъ лепестковъ на ея черные волосы и желтое платье.

— Я не выношу фатовства!—прибавила она въ заключеніе.

— О, Эрба, остановись въ этой позѣ! Какая жалость, что дѣвицы не видятъ тебя въ эту минуту! Ты теперь такая картинка, что просто прелесть!

И точно, она была прелестна: нѣсколько лепестковъ увязли въ ея волосахъ, другіе пристали къ платью, наводя на мысль, что ея собственная нѣжная кожа должна быть того же оттѣнка и свойства. Однако, она нетерпѣливо отвернулась, быть можетъ, все-таки давъ время своей пылкой обожательницѣ запечатлѣть этотъ образъ въ ея памяти, и сказала:

— Уйдемъ отсюда, не то этотъ ужасный человѣкъ, пожалуй, опять выйдетъ на веранду.

— Если онъ тебѣ такъ противенъ, зачѣмъ же ты согласилась встрѣтиться съ нимъ здѣсь за палисадникомъ?—полюбопытствовала Милли.

— Я и не думала соглашаться; это мать игуменья распорядилась за меня, потому что онъ городской голова въ Санъ-Франциско и въ гостяхъ у твоего дяди, а она всегда старается угождать предержащимъ властямъ. Кромѣ того, я думала, что могу отъ него вытянуть нѣкоторыя свѣдѣнія. И все же лучше быть здѣсь, чѣмъ проводить цѣлый день въ монастырѣ. Притомъ я думала, что легче переносить его болтовню въ твоемъ присутствіи.

Милли съ благодарностью отнеслась къ этому сомнительному доказательству пріязни и ласково прижалась къ плечу своей подруги.

— Ну, и что же, милочка, получила ты желаемыя свѣдѣнія?

— Разумѣется, нѣтъ! Этотъ идіотъ только и знаетъ старое преданіе, сопряженное съ его офиціальнымъ титуломъ, то-есть, что я была секретно отдана подъ опеку городского головы Гаммерсли. Онъ даже потрудился мнѣ внушить, что Буэна означаетъ Добрая, что, по всей вѣроятности, такъ звали капитана какого-нибудь китоловнаго судна, прistававшаго въ Санъ-Франциско въ старые годы, и что я — дочь этого капитана. Что если я предпочитаю называться миссъ Гудъ [1]), то онъ ничего противъ этого не имѣетъ и готовъ выхлопотать въ законодательномъ собраніи, чтобы эту фамилію утвердили за мною законнымъ порядкомъ. Какъ тебѣ это нравится, душа моя! Миссъ Гудъ... точно въ повѣсти миссъ Барболдъ или добродѣтельная наставница въ «Дѣтскомъ Чтеніи!»

---

1) Добрая—буэна по-испански, и гудъ по-англійски. *Прим. пер.*

— Миссъ Гудъ, — повторила Милли въ невинномъ раздумьѣ, — да, это хорошенькая фамилія. Въ Филадельфіи есть тоже Гуды... И все-таки тебѣ не придется отказываться отъ прелестнаго имени Эрба, которое такъ благородно и музыкально... потому что ты можешь называться «Эрба Гудъ»... Впрочемъ, — продолжала она, подмѣтивъ нетерпѣливое движеніе Эрбы, — съ чего ты такъ волнуешься по этому поводу? Какова бы ни была твоя теперешняя фамилія, ты недолго будешь ее носить. Такая богатая наслѣдница, какъ ты, душечка, притомъ такая красавица и умница, разумѣется, можетъ выбирать себѣ какую угодно фамилію среди лучшихъ жениховъ во всей Америкѣ.

— Ахъ, пожалуйста не повторяй ты рѣчей этого идіота. Вѣдь это онъ всегда говоритъ такія вещи... Да, впрочемъ, и всѣ они то же говорятъ! — проговорила Эрба раздражительно. — Можно подумать, въ самомъ дѣлѣ, что я тогда только стану человѣкомъ и получу какое-либо значеніе, когда выйду замужъ. И сдѣлай милость, не воображай, что меня такъ назвали въ честь какого-то растенія. Эрба Буэна — это названіе одного острова въ заливѣ Санъ-Франциско, поблизости отъ города. Отъ этого острова и произошла моя фамилія.

— Но я не понимаю, въ чемъ же разница, душечка? Вѣдь островъ-то названъ отъ той травы, которая на немъ растетъ?

— Какъ, ты не понимаешь разницы? — молвила Эрба, нахмуривъ брови. — Ну, а я понимаю... На что это ты такъ пристально засмотрѣлась?

Подруга схватила ее за руку и вглядывалась въ сторону дома.

— Эрба, — сказала она поспѣшно, — городской голова и мой дядя идутъ по дорожкѣ сюда, и съ ними еще какой-то джентльменъ, посторонній. Они насъ ищутъ. И... клянусь тебѣ, Эрба... посторонній джентльменъ тотъ самый молодой сенаторъ, мистеръ Гетвей!

— Мистеръ Гетвей?.. Какой вздоръ!

— Смотри сама.

Эрба посмотрѣла на трехъ джентльменовъ, находившихся отъ нихъ еще за двѣсти шаговъ и медленно подвигавшихся къ живой изгороди, за которую дѣвушки инстинктивно запрятались во время своей бесѣды.

— Какъ же ты теперь поступишь? — спрашивала Милли торопливымъ шопотомъ. — Они идутъ прямо на насъ... Развѣ пропустить ихъ мимо, а потомъ убѣжать въ домъ?

— Нѣтъ, — отвѣчала Эрба, къ великому удивленію Милли. — Это бы значило, что мы обращаемъ на нихъ большое

вниманіе. Къ тому же вовсе неизвѣстно, затѣмъ ли пріѣхалъ мистеръ Гетвей, чтобы меня видѣть. Мы пойдемъ имъ навстрѣчу, будто случайно.

Милли удивилась еще больше, однакожъ сказала: «Погоди минутку, душечка!» и съ врожденной женской ловкостью вмигъ стряхнула и оправила на Эрбѣ платье, провела пальцами по ея лбу, откинула волосы за уши, мимоходомъ прикрѣпила шпилькой три розовыхъ лепестка на томъ самомъ мѣстѣ, куда они упали. Послѣ этого онѣ состроили самыя равнодушныя личики, какія можно себѣ представить, и, какъ ни въ чемъ не бывало, съ невиннымъ видомъ вышли на дорожку. Держались онѣ чрезвычайно натурально, и если бы можно было чѣмъ-нибудь попрекнуть такихъ хорошенькихъ притворщицъ, то развѣ только тѣмъ, что ихъ локти были слишкомъ прижаты къ бокамъ, оставляя ручки свободно сложенными у пояса, что во всемъ цивилизованномъ мірѣ считается высшимъ признакомъ утонченной разборчивости, не лишенной нѣкоторой примѣси допустимаго высокомѣрія.

Завидѣвъ такое очаровательное видѣніе, всѣ три джентльмена сняли шляпы и остановились. Городской голова учтиво выступилъ впередъ.

— Я опасался, что вы не слышали, какъ я васъ звалъ, миссъ Эрба, а потому мы пошли сами отыскивать васъ.

Дѣвицы обмѣнялись младенчески невинными взглядами удивленія, а голова продолжалъ:

— Мистеръ Поль Гетвей оказалъ намъ честь заѣхать къ вамъ сюда, не заставъ васъ въ монастырѣ. Вы, можетъ-быть, позабыли, что мистеръ Гетвей третій вашъ опекунъ?

— Столь бездѣятельный и негодный, что его почти и считать нечего,—сказалъ Поль.—Впрочемъ,—продолжалъ онъ, взглянувъ Эрбѣ въ глаза,—кажется, я уже имѣлъ удовольствіе съ вами встрѣтиться, и даже боюсь, что имѣлъ несчастіе потревожить васъ и вашихъ подругъ въ пріемной гостиницы «Золотыя Ворота» въ Санъ-Франциско?

Дѣвушки съ тѣмъ же ребяческимъ удивленіемъ еще разъ переглянулись. Эрба нарушила молчаніе, обратившись къ Милли:

— Ну, конечно. Помнишь, какъ мы заинтересовались разговоромъ джентльменовъ, которыхъ застали въ пріемной? Боюсь, что «мы» вамъ помѣшали своей глупой болтовней. Я припоминаю, какъ всѣ мы были поражены краснорѣчіемъ и восторженными изліяніями вашихъ преданныхъ друзей.

— О, да, конечно, и я помню, — подхватила вѣрная, но не совсѣмъ догадливая Милли, — еще мы нашли, что со сто-

роны мистера Гетвея было очень мило и любезно, что онъ такъ скоро увелъ ихъ прочь.

— А я сегодня тѣмъ болѣе смущенъ, — продолжалъ Гетвей, улыбаясь и критически разсматривая Эрбу, какъ будто ему хотѣлось дознаться, есть ли что-нибудь самостоятельное подъ этой оболочкой условной благопристойности, — что долженъ рекомендоваться отъ имени джентльмена, почти такъ же мало вамъ знакомаго, какъ и я самъ, то-есть полковника Пендльтона.

Холодный вѣтеръ, какъ видно, проникъ и въ предѣлы этого сельскаго уединенія, оба джентльмена какъ-то вдругъ съежились и всю группу обдало холодомъ. Голова закашлялся, а дядюшка Вудсъ заглядѣлся на огромный кактусъ. Даже Поль запнулся, хоть и ожидалъ чего-нибудь въ этомъ родѣ.

— Полковникъ Пендльтонъ! О, разскажите мнѣ о немъ!— воскликнула Эрба, всплеснувъ руками и съ ускореннымъ дыханіемъ внезапно подавшись впередъ.

Поль бросилъ на нее признательный взглядъ. Неизвѣстно, былъ ли это искренній порывъ или только капризный протестъ противъ остальныхъ, во всякомъ случаѣ онъ возымѣлъ свое дѣйствіе. Голова тревожно переглянулся съ Вудсомъ и обратился къ Полю:

— Гм... да! Вѣдь вы съ нимъ были членами первоначальной опеки. Пендльтонъ, кажется, разорился. Такъ и не сумѣлъ выпутатьсяи зъ своихъ затруднительныхъ расчетовъ съ банкомъ.

— Это вопросъ времени; назначатъ разслѣдованіе и выяснятъ дѣло законнымъ путемъ,—сказалъ Поль небрежно, но съ намѣреніемъ облекая предметъ офиціальной таинственностью. Потомъ, обращаясь къ Эрбѣ, какъ будто ея вопросъ былъ единственнымъ, достойнымъ вниманія, онъ продолжалъ, подчеркивая свои слова: — Съ сожалѣніемъ я долженъ вамъ сказать, что здоровье полковника очень плохо, такъ что онъ живетъ совсѣмъ отшельникомъ. Я привезъ вамъ письмо отъ него, и еще на словахъ онъ далъ мнѣ кое-какія порученія.—Блестящіе глаза Поля ясно договаривали остальное: «Какъ только мы избавимся отъ присутствія этихъ господъ, я передамъ вамъ то и другое».

— Такъ вы полагаете, что если законнымъ путемъ... — началъ городской голова.

— Я полагаю, сэръ, — перебилъ его Поль жалобнымъ тономъ, — что вчера утромъ я и мои пріятели достаточно успѣли надоѣсть этимъ барышнямъ всякими юридическими вопросами и политикой. Я долженъ поспѣть на шестичасовой

поѣздъ въ Санъ-Франциско и уже потерялъ время, которое надѣялся провести съ миссъ Эрбой, заѣхавъ въ монастырь, гдѣ ея не оказалось. Позвольте же мнѣ пройтись съ нею хоть здѣсь... Если мнѣ удастся овладѣть вниманіемъ этой молодой дѣвицы на полчаса, то я надѣюсь, любезный сэръ, что вы не станете мнѣ завидовать, тѣмъ болѣе, что для васъ доступъ къ ней открытъ во всякое время.

Онъ подошелъ ближе къ Эрбѣ и Милли и началъ съ того, что забавно, хотя, быть-можетъ, въ легкой карикатурѣ описалъ имъ затрудненія, испытанныя имъ при знакомствѣ съ матушкой игуменьей, которая, видимо, сомнѣвалась, точно ли онъ тотъ опекунъ, о которомъ Пендльтонъ упоминалъ въ своемъ рекомендательномъ письмѣ къ ней.

— Признаюсь, я даже испугался,—продолжалъ онъ,—когда она начала высчитывать, что мнѣ было никакъ не больше восемнадцати лѣтъ, когда я сдѣлался вашимъ опекуномъ, и, слѣдовательно, самъ еще нуждался въ опекѣ. Но, вѣроятно, она полагалась на проницательность мистера Вудса и головы, думая, что если я самозванецъ, то они меня выведутъ на чистую воду, и только на этомъ основаніи согласилась сообщить мнѣ о вашемъ мѣстопребываніи.

— Но почему же вы попали въ опекуны, скажите на милость?—спросила наивная Милли.—Неужели въ то время не случилось ни одного взрослаго человѣка для этой должности?

— Въ тѣ времена мало было народа въ Калифорніи,—отвѣчалъ Поль серьезно, чувствуя, что Эрба очень внимательно на него смотритъ,—кромѣ того, вѣроятно, я казался старше и умнѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. А я, по правдѣ сказать, даже не помню, какъ именно это случилось. Должно-быть, какъ-нибудь нечаянно.

— Въ сущности,—сказала легкомысленная Милли, въ качествѣ авторитетной наперсницы желавшая направлять разговоръ,—въ этомъ было что-то милое и романическое... Вы оба такіе молоденькіе, бѣдненькіе, и васъ отдали на попеченіе другъ другу... потому что въ ту пору здѣсь, конечно, не было взрослыхъ женщинъ...

— Конечно, были женщины!—прервала ее Эрба, не то вопросительно, не то вызывающимъ взглядомъ посмотрѣвъ на Поля, такъ что ему стало даже неловко.—Всѣ вы, позднѣйшіе поселенцы (это относилось къ Милли), воображаете, что до васъ здѣсь рѣшительно ничего не было.

Она помолчала, потомъ прибавила съ наивной смѣсью попрека и кокетливости, тѣмъ болѣе очаровательной, что она была совсѣмъ неожиданна:

— А что до взаимнаго попеченія другъ о другѣ, то мистеръ Гетвей, кажется, тотчасъ же сбылъ меня съ рукъ!

— То-есть я передалъ васъ въ гораздо болѣе надежныя руки, миссъ Эрба; а теперь,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—позвольте васъ поблагодарить за то, что вы сейчасъ сами это признали. Я радъ, что вы инстинктивно полюбили полковника Пендльтона. Если бы вы познакомились съ нимъ покороче, вы бы увидѣли, что инстинктъ не обманулъ васъ. Главный его недостатокъ, въ глазахъ нашихъ съ нимъ почтенныхъ друзей, въ томъ и состоитъ, что онъ имъ напоминаетъ нѣчто такое, что они не въ силахъ воскресить, и много такого, что имъ пріятнѣе было бы позабыть...—Онъ запнулся, умолкъ на нѣсколько секундъ, потомъ, вынувъ изъ кармана письмо полковника Пендльтона, прибавилъ: — А вотъ и его записка къ вамъ; можетъ-быть, вы пожелаете сейчасъ прочесть ее, на тотъ случай, что захотите черезъ меня передать ему отвѣтъ. Миссъ Вудсъ, конечно, извинитъ васъ... и я тоже.

Они дошли до конца розовой аллеи, въ концѣ которой оказалась бесѣдка изъ розъ. Остальные джентльмены значительно отстали отъ нихъ. Милли быстро переглянулась съ Эрбой и сказала съ оживленіемъ:

— Я и сама развлекусь, душечка, и постараюсь утѣшить твоего другого опекуна, пока вы будете заниматься этими ужасными дѣлами. Къ тому же,—прибавила она съ ободрительной неопредѣленностью,—послѣ такой долголѣтней разлуки вамъ, разумѣется, многое нужно разсказать другъ другу.

Поль улыбнулся; Милли удалилась, шурша юбками по дорожкѣ, а Эрба вошла въ бесѣдку, сѣла на скамью и распечатала письмо. Молодой человѣкъ остановился у входа въ бесѣдку и, прислонясь къ косяку, посматривалъ то на Эрбу, то на гуляющихъ въ саду. Онъ чувствовалъ странное возбужденіе, не сознавая къ тому никакой особой причины. Правда, онъ былъ сильно раздосадованъ, когда, пріѣхавъ въ монастырь, не засталъ тамъ Эрбы и еще долженъ былъ оправдываться передъ игуменьей въ томъ, что считалъ съ своей стороны большой любезностью и даже чуть ли не добрымъ дѣломъ; онъ сознавалъ и то, что если проявилъ нѣкоторое упорство, добиваясь свиданія съ Эрбой, это произошло не отъ участія къ ея особѣ, а скорѣе въ пику недоброжелателямъ Пендльтона. Эрба была очень красива, это не подлежитъ сомнѣнію; но онъ не настолько помнилъ ея мать, чтобы прослѣдить черты какого-либо сходства; притомъ нѣсколько рѣзкая красота этой матери никогда ему не нравилась. Былъ моментъ, когда Эрба проявила пробleскъ оригинальности и сердечнаго чув-

ства, но это тотчасъ прошло, и она больше не задавала никакихъ вопросовъ касательно полковника.

Она быстро прочла письмо, состоявшее, повидимому, изъ какихъ-то счетовъ и цифръ, и потомъ сказала:

— Кажется, все въ порядкѣ; если онъ спроситъ, вы такъ и скажите ему отъ меня. Онъ разъясняетъ причины, почему за много лѣтъ назадъ онъ вынулъ мои деньги изъ своего банка и перевелъ ихъ на Ротшильда. Не понимаю, чѣмъ это можетъ быть для меня интересно въ настоящее время.

Поль не сомнѣвался, что дѣло шло о той самой передачѣ капитала, которая довела до полнаго разоренія самого полковника и поставила его пріятелей во враждебное къ нему отношеніе, а потому онъ не удержался и сказалъ значительнымъ тономъ:

— А, по-моему, вамъ слѣдовало бы интересоваться этимъ миссъ Эрба. Я не знаю, что именно разъяснилъ вамъ полковникъ, только навѣрное не всю правду, потому что онъ не такой человѣкъ, чтобы самому себя расхваливать. Дѣло въ томъ, что въ ту пору, когда онъ перемѣщалъ вашъ капиталъ, банкъ его находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, и для сохраненія вашихъ денегъ онъ пожертвовалъ своимъ собственнымъ состояніемъ, чѣмъ едва ли не навлекъ на себя того недоброжелательства, котораго вы сами только что были свидѣтельницей...

Онъ опять запнулся и умолкъ, но уже было поздно: онъ не только утратилъ всякій тактъ и самообладаніе, но даже проговорился. Онъ самъ дивился, почему его такъ раздражаетъ полное невѣдѣніе дѣвушки, въ сущности простительное. Она же какъ будто не замѣтила этого или не поняла, судя по тому, что проговорила чрезвычайно точно и раздѣльно:

— Да, я вполнѣ понимаю, какъ для него было бы ужасно, если бы его заподозрили въ злоупотребленіи довѣріемъ такихъ лицъ, которыя оказали ему высшую честь, поручивъ его попеченіямъ фамильную тайну и фамильное состояніе.

Поль быстро и удивленно вскинулъ на нее глазами. Что это, невѣдѣніе или подозрѣніе?.. Но она вдругъ перемѣнила тонъ, съ очаровательнымъ непостоянствомъ юности, сознающей свою властную прелесть.

— Онъ и о васъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ,—молвила она, устремивъ на него свои темные глаза.

— Такъ вотъ почему вамъ показалось неинтересно!—шутливо сказалъ Поль, радуясь случаю навести разговоръ на другую, не столь опасную тему.

— Онъ отзывается о васъ съ самой лестной стороны,— продолжала она.—Какъ видно, и онъ изъ числа вашихъ поклонниковъ. Согласитесь, мистеръ Гетвей, что послѣ вчерашней сцены въ отелѣ вамъ, по крайности, нечего жаловаться чтобы до меня доходили невыгодные о васъ слухи. По правдѣ сказать, я даже немножко возненавидѣла васъ за это.

— И вы были совершенно правы,—сказалъ Поль.—Воображаю, какъ противно было на меня смотрѣть. Но такъ и быть, я вамъ признаюсь, что и я слегка подосадовалъ на васъ за то неумѣренное поклоненіе, какому вы въ то же время подвергались со стороны вашихъ пріятельницъ.

Обыкновенно такъ случается, что когда молодые люди обмѣниваются откровенными признаніями насчетъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго другъ на друга, это означаетъ, что ихъ знакомство значительно подвинулось впередъ. Но Поль не успѣлъ этого подумать, какъ Эрба разочаровала его слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— А мнѣ все-таки очень досадно: полковникъ Пендльтонъ пишетъ, что вамъ ничего неизвѣстно ни о моемъ семействѣ ни о фамильной тайнѣ.

На этотъ разъ Поль не потерялся, онъ стойко выдержалъ ея испытующій взглядъ и сказалъ спокойнымъ тономъ:

— А развѣ вы думаете, что ему что-нибудь извѣстно?

— Еще бы; конечно, онъ знаетъ!—отвѣчала она съ живостью.—Съ чего же онъ принялъ бы на себя столько хлопотъ и приносилъ такія жертвы, если бы онъ не зналъ?.. А можетъ-быть, онъ даже боялся послѣдствій?—прибавила она, снова впадая въ значительный тонъ.

Поль опять почувствовалъ безотчетную досаду и недоумѣніе, но проговорилъ мягко и любезно:

— Въ этомъ я съ вами никакъ не могу согласиться. По моему мнѣнію, полковникъ Пендльтонъ неспособенъ б о я т ь с я ничего въ мірѣ, и я не думаю, чтобы онъ, по какому бы то ни было поводу, могъ принимать въ соображеніе с т р а х ъ. Полагаю, что онъ дѣйствовалъ бы совершенно одинаково относительно высшихъ и низшихъ, сильнѣйшихъ и слабѣйшихъ міра сего.

Она бросила на него задорный и быстрый взглядъ, и онъ прибавилъ:

— Но я вполнѣ допускаю, что личное знакомство съ вами облегчило ему задачу, сдѣлавъ его обязанности пріятными.

Онъ сказалъ это опять таки вполнѣ искренно, съ легкой симпатіей, но съ той неотразимой привлекательностью манеръ, которая дѣлала его опаснымъ человѣкомъ. Его поразило ми-

ловидное самодовольство ея затихшаго лица, когда онъ упомянулъ о безпристрастіи Пендльтона. Онъ подумалъ, что напрасно принималъ за признаки вспыльчивости или капризнаго нрава то, что было, повидимому, только противодѣйствіемъ какому-то обычному приставанью. Теперь ея манера смягчилась, и въ ней проявилось нѣкоторое внутреннее благородство. Въ эту минуту пріятнаго раздумья она разсѣянно притянула черезъ рѣшетку одного изъ оконъ длинную, гибкую вѣтку съ пучкомъ розъ на концѣ и, слегка склонивъ на бокъ свою хорошенькую головку, тихонько водила этими розами по своей щекѣ. Она была безспорно очаровательна. Отъ макушки темноволосой головы до узкой туфельки съ пышнымъ бантикомъ, все въ ней было прелестно. Сначала она безцѣльно и быстро притопывала ножкой по полу, потомъ горделиво изогнула ее и стала медленно и мѣрно ударять въ полъ носкомъ.

— Но вамъ теперь есть о чемъ серьезно подумать, миссъ Эрба,—сказалъ молодой человѣкъ убѣдительно.—Черезъ нѣсколько недѣль вы достигнете совершеннолѣтія, избавитесь отъ своихъ глупыхъ и скучныхъ опекуновъ; а при вашемъ...

Пучокъ розъ вылетѣлъ изъ ея руки за окошко, и она порывисто всплеснула руками съ полупритворнымъ, полуискреннимъ выраженіемъ мольбы:

— Охъ, пожалуйста, мистеръ Гетвей, ради Бога, хоть выто не говорите такихъ вещей! Вы навѣрное собирались сказать, что при моемъ богатствѣ, съ моимъ образованіемъ, съ красотой и такимъ множествомъ друзей мнѣ больше нечего желать? И напрасно я такъ забочусь объ этой фамильной тайнѣ, разъ что она ничего мнѣ не прибавитъ и не убавитъ? Ну, да, конечно! Какъ же не сказать этого, когда всякій непремѣнно говоритъ то же самое! А я-то думала, что «юнѣйшій изъ сенаторовъ» могъ бы подумать что-нибудь пооригинальнѣе!

— Признаю себя повиннымъ в с ѣ м ъ человѣческимъ слабостямъ!—сказалъ Поль съ горячностью, опять начиная думать, что ошибся насчетъ недостатка въ ней самобытности.

— Ну, хорошо, я вамъ прощаю, потому что вы все-таки не сказали, что если имя «Эрба Буэна» мнѣ не нравится, то мнѣ такъ легко перемѣнить его на что угодно.

— Но вѣдь оно вамъ нравится?—сказалъ Поль, находя, что она необыкновенно пріятно произноситъ это имя своимъ мелодическимъ голосомъ.—Если бы вы слышали со стороны, какъ вы его произносите, оно бы вамъ навѣрное понравилось.

Онъ вдругъ съ радостнымъ чувствомъ вспомнилъ, что вѣдь онъ же и далъ ей это имя. Это ощущенiе было похоже на то, какъ если бы онъ изобрѣлъ музыкальный инструментъ, а она заиграла на немъ. Въ восхищенiи, онъ вдругъ сѣлъ на скамью рядомъ съ ней и принялъ позу, едва ли совмѣстную съ достоинствомъ почтеннаго человѣка и опекуна.

— Но вы, конечно, не думаете, чтобы это было мое настоящее имя?—сказала она.

— То-есть... что вы хотите этимъ сказать?—проговорилъ онъ съ запинкой.

— Вы не думаете, чтобы дѣйствительно былъ на свѣтѣ такой идiотъ, который назвалъ бы меня въ честь... травянистаго растенiя?—продолжала она запальчиво.

— Э-э?..—неопредѣленно протянулъ Поль.

— Названiе, которое такъ легко перевести,—молвила она съ оттѣнкомъ пренебреженiя,—а когда переведешь, то ясно, что оно не можетъ быть ничьимъ собственнымъ именемъ... Вы только сообразите, оно означаетъ—м и с с ъ Д о б р а я Т р а в а! Смѣшно и положительно невозможно.

Поль былъ вообще не лишенъ самообладанiя, при случаѣ бывалъ находчивъ и умѣлъ за себя постоять Но ея заявленiе показалось ему до такой степени справедливо, онъ такъ ясно припомнилъ свое собственное печальное недоумѣнiе, когда въ первый разъ услышалъ отъ Пендльтона о результатѣ этого заочнаго крещенiя, придуманнаго имъ во дни романической юности, что совсѣмъ опѣшилъ и сконфузился

— А какъ же вы полагаете, для какихъ цѣлей вамъ дано было это имя?—сказалъ онъ, наконецъ, нѣсколько оправившись отъ смущенiя.—Въ документѣ навѣрное стояло Эрба Буэна... По крайней мѣрѣ, такъ мнѣ помнится,—прибавилъ онъ торопливо.

— Это только предположенiе,—сказала она спокойно,—а доказать этого нельзя, какъ вамъ извѣстно. Копiи съ этого документа не было сдѣлано, а самого документа не нашлось въ бумагахъ покойнаго мистера Гаммерсли. Это лишь часть моего имени, первая половина котораго утеряна.

— Какъ часть имени?—повторилъ Поль съ безпокойствомъ.

— Да, часть. Это сокращенiе отъ д е - л я Э р б а - Б у э н а и относится къ острову въ заливѣ Санъ-Франциско, а совсѣмъ не къ растенiю. Этотъ островъ, въ числѣ другихъ земель, принадлежалъ членамъ моей фамилiи, семейству Аргуелло, въ чемъ и теперь можете убѣдиться по испанскимъ до

кументамъ. Моя настоящая фамилія—Аргуелло-де-ля-Эрба-Буэна.

Невозможно описать, съ какимъ робкимъ торжествомъ, какимъ просительнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденнымъ и самодовольнымъ тономъ дѣвушка произнесла эти слова. За минуту передъ тѣмъ Поль не повѣрилъ бы, что можно съ серьезнымъ лицомъ и не теряя уваженія къ собесѣдницѣ выслушать съ ея стороны такое фантастическое заявленіе; однако онъ сохранилъ то и другое. Ему вдругъ пришло въ голову, что она знаетъ правду и выдумала такой отважный и оригинальный способъ отвратить всѣ подозрѣнія. Онъ мгновенно припомнилъ, что, дѣйствительно, существовала старинная испанская фамилія Аргуелло, что представители ея владѣли островомъ Эрба-Буэна, но что нѣсколько лѣтъ тому назадъ родъ ихъ вымеръ. Было преданіе, что одинъ изъ Аргуелло увезъ жену капитана американскаго корабля изъ Монтерея. Легендарная исторія прежняго испанскаго владычества въ Калифорніи была преисполнена и болѣе замѣчательныхъ анекдотовъ, всегда находившихъ себѣ подтвержденіе въ архивахъ испанскихъ властей, которыя были не прочь потворствовать какимъ угодно подлогамъ и сочиненіямъ. Племенною гордостью они не отличались; напротивъ, выказывали величайшую охоту заключать брачные союзы съ своими завоевателями. Нѣтъ сомнѣнія, что почитатели семейства Аргуелло будутъ очень рады признать въ американской богатой наслѣдницѣ потомка своихъ прежнихъ соотечественниковъ. Когда миновала первая минута изумленія, все это быстро пронеслось въ его головѣ. И неужели эта семнадцатилѣтняя дѣвочка, такъ пристально вперившая въ него свои темные глаза, сумѣла обдумать и обсудить всѣ эти обстоятельства? И что же, желаетъ ли она, чтобы онъ только подтвердилъ ея слова, или ищетъ въ немъ сообщника?

— Вы сами все это узнали?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да, сама. Одной изъ моихъ подругъ въ пансіонѣ была Ховита Кастро; она доподлинно знала исторію семейства Аргуелло. Она и надоумила меня.

Поль подумалъ, не вдвоемъ ли эти пансіонерки сочинили такую исторію. Но сообразилъ, что Эрба ни за что бы не взяла себѣ въ сообщницы такую же дѣвочку, какъ она сама. Она могла взять въ руки свою подругу, обратить ее въ твердую партизанку своего дѣла, убѣдить ее въ чемъ угодно и все-таки заставить думать, что она дѣйствуетъ не подъ вліяніемъ ея, а сама по себѣ. Ему самому случалось порабощать себѣ такимъ образомъ чужую волю, среди товарищей мужчинъ.

— Почему же вы объ этомъ не говорили прежде, напримѣръ, хотя бы съ полковникомъ Пендльтономъ?

— А онъ мнѣ не хотѣлъ говорить правды,—сказала Эрба съ женской увертливостью,—оттого и я предпочла держать дѣло въ секретѣ, пока не достигну совершеннолѣтія.

«То-есть до тѣхъ поръ, пока ни полковникъ Пендльтонъ, ни который изъ остальныхъ опекуновъ не потеряютъ права протестовать противъ этого», подумалъ Поль. А между тѣмъ е м у она довѣрила свою тайну?... Какъ ни былъ онъ пораженъ ея отвагой, однако, не могъ рѣшить, хорошо или дурно, что она ему довѣряетъ. Онъ предпочелъ бы очутиться на равныхъ правахъ съ Ховитой Кастро. Она какъ будто угадала его мысли и спросила, не поднимая рѣсницъ:

— А в ы что объ этомъ думаете?

— Ваше объясненіе тайны кажется мнѣ такъ натурально и правдоподобно, что я дивлюсь, почему раньше никто объ этомъ не догадывался,—сказалъ Поль съ той искренностью, которая придавала огромную цѣну его сочувствію.

— Видите,—молвила она, все еще глядя на него сквозь полуопущенныя рѣсницы, но съ нѣжной улыбкой на устахъ,—я хочу вѣрить, что вы мнѣ правду говорили, когда сказали, что вамъ объ этомъ ничего неизвѣстно.

Для Поля настал очень затруднительный моментъ, но его природное чутье или, пожалуй, удача восторжествовали. Его нерѣшительность можно было принять за осторожность очень добросовѣстнаго человѣка, а сдвинутыя брови и блестящіе глаза показывали, что онъ силится припомнить все какъ можно точнѣе.

— Бѣда въ томъ, что я очень плохо помню подробности,—сказалъ онъ на этотъ разъ вполнѣ правдиво.—Знаю, что была при этомъ дама высокаго роста, брюнетка, подъ густымъ вуалемъ, а мистеръ Гаммерсли и полковникъ Пендльтонъ обращались къ ней съ такимъ удивительнымъ почтеніемъ, что я былъ просто пораженъ. Живо помню то благоговѣніе, съ какимъ они оба провожали ее до дверей, когда дѣло было покончено.

Онъ взглянулъ на Эрбу: ея пурпурныя губки были полуоткрыты, глаза сіяли, и все лицо подернулось неизъяснимо нѣжнымъ оттѣнкомъ, замѣнявшимъ ей румянецъ. Онъ чувствовалъ, что она ему повѣрила, однакоже, не раскаивался въ своихъ словахъ. Онъ самъ наполовину вѣрилъ имъ; по крайней мѣрѣ, его дѣйствительно поразило тогда благородное самоотреченіе этой матери и то впечатлѣніе, которое оно произвело на обоихъ опекуновъ. Отчего же не запечатлѣть въ душѣ до-

чери этой правдивой картины минутнаго порыва матери? притомъ что правдивѣе, эта ли картина, или унизительные факты?

— Вы говорите о фамильной тайнѣ,—продолжалъ онъ.— А я только и помню, что городской голова просилъ меня съ этой минуты разъ навсегда позабыть обо всемъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Въ то время я не зналъ, что способенъ съ такой точностью выполнить его просьбу. Притомъ не забывайте, миссъ Эрба, того, что ваша матушка игуменья приняла во вниманіе: вѣдь я тогда былъ крайне молодъ. По ребяческой неопытности я, можетъ-быть, воображалъ, что присутствую при самой обыкновенной процедурѣ. А потомъ пришлось самому пробивать себѣ дорогу, молодость же ужасно эгоистична. У меня не было ни друзей, ни покровителей въ ту пору, какъ я отправился изъ Санъ-Франциско на золотые промыслы, а васъ отдали въ монастырь подъ именемъ Эрбы Буэны.

Она улыбнулась и порывисто подалась впередъ, какъ будто хотѣла придвинуться къ нему поближе, но удержалась, продолжая улыбаться и нисколько не смущаясь. Быть-можетъ, это было товарищеское движеніе или одинъ изъ тѣхъ скорѣе материнскихъ, чѣмъ сестринскихъ инстинктовъ, которые управляютъ иногда пріязнью дѣвушки къ мужчинѣ, ставя такого избранника на мѣсто той куклы, которую она уже переросла. Когда онъ въ свою очередь повернулся къ ней, она встала, отряхнула свое желтое платье и сказала съ милымъ оживленіемъ:

— Итакъ, вы должны сейчасъ уѣхать, сдѣлавъ мнѣ первый и послѣдній визитъ, въ качествѣ опекуна?

— Никто не будетъ горевать объ этомъ больше меня,— сказалъ онъ, глядя на нее загадочными глазами.

— Да,—проговорила она съ задорнымъ кокетствомъ, подъ которымъ могло скрываться нѣчто болѣе серьезное,—вы, пожалуй, очень много потеряли. А можетъ-быть, и я тоже. Въ эти годы мы могли бы сдѣлаться большими друзьями. А теперь уже время ушло.

— Почему же?—подхватилъ Поль съ горячностью.—Надѣюсь, что миссъ Аргуелло позабудетъ мои провинности противъ миссъ Эрбы Буэны?

— О, «та» будетъ уже совсѣмъ другая.

— Надѣюсь, что нѣтъ... Чѣмъ же она будетъ другая?

— А хоть бы тѣмъ, что ей нельзя будетъ преподносить такихъ откровенныхъ комплиментовъ,—сказала молодая дѣвушка сдержанно.

— Какъ, и опекуну нельзя?

— У ней тогда никакихъ опекуновъ не будетъ.

Произнеся эти слова серьезнымъ тономъ, она вдругъ повернулась на каблукахъ, сѣла опять на скамейку и, обхвативъ колѣнку руками, взглянула на него шаловливо.

— Теперь видите, какъ много вы потеряли, сэръ?

— Вижу,—отвѣчалъ онъ гораздо серьезнѣе.

— Да, но вы еще многаго не знаете. Уменя не было братьевъ, не было друзей: вы могли быть тѣмъ и другимъ. Могли бы сдѣлать изъ меня что угодно. Могли воспитать меня несравненно лучше этихъ учителей или, по крайней мѣрѣ, развили бы во мнѣ любовь къ ученію. Сколько было вопросовъ, которыхъ я добивалась узнать, а они не могли меня просвѣтить; сколько разъ мнѣ хотѣлось посовѣтоваться съ кѣмъ-нибудь, кому бы я могла вѣрить. Полковникъ Пендльтонъ, когда навѣщалъ меня, былъ чрезвычайно добръ; но онъ со мной обходился какъ съ принцессой даже и тогда, когда я еще ходила въ короткихъ платьяхъ и въ передникахъ. Его отношеніе ко мнѣ и навело меня на мысль, что ему что-нибудь извѣстно насчетъ моего семейства, но я не чувствовала потребности быть съ нимъ откровенной, и не думаю, чтобы онъ могъ меня понять, невзирая на все свое рыцарское со мной обхожденіе. Что касается остальныхъ опекуновъ, то-есть городскихъ головъ... Ну, вы видѣли мистера Гундерсона? По нему можете судить и о прочихъ. Нужно только дивиться, что я не бѣжала изъ монастыря и не предпринимала отчаянныхъ мѣръ. Ну, признайтесь, вѣдь вамъ хоть немножко жалко прошлаго?

Голосъ ея, безпрестанно мѣнявшійся сообразно настроенію минуты, былъ поочередно кокетливъ, горячъ, серьезенъ, а теперь она снова перешла въ игривый тонъ. Однако, подобно всѣмъ на свѣтѣ женщинамъ, она даже и въ такую минуту гораздо быстрѣе своего собесѣдника сознавала то, что дѣлалось кругомъ, а потому, хотя не оглядывалась, но сказала, прежде чѣмъ онъ успѣлъ ей отвѣтить:

— А вонъ уже за вами идетъ цѣлая депутація, мистеръ Гетвей. Нѣтъ, очевидно, это дѣло надо оставить. Вы были бы не въ состояніи посвятить одному только лицу то вниманіе, на которое претендуетъ такое множество людей.

Поль взглянулъ вдоль розовой аллеи и увидѣлъ, что помянутая депутація состояла изъ городского головы, мистера Вудса, Милли и худенькой дамы болѣзненнаго вида, очевидно, миссисъ Вудсъ. Милли прежде всѣхъ добѣжала до бесѣдки, какъ будто по причинѣ неудержимой рѣзвости своихъ юныхъ ногъ, а на самомъ дѣлѣ для того, чтобы въ одномъ взглядѣ обмѣняться съ Эрбой какимъ-то таинственнымъ женскимъ

сигналомъ. Запыхавшись, она проговорила, по обыкновенію, не кстати:

— Прежде чѣмъ вы успѣли надоѣсть другъ другу, я должна васъ предупредить, что есть шансы продлить ваше свиданіе. Тетя сейчасъ обѣщала послать извинительное письмо матушкѣ игуменьѣ въ томъ случаѣ, если мистеръ Гетвей согласится переночевать здѣсь. А вотъ и они. (Тихо обращаясь къ Эрбѣ). Тетя и слышать не хочетъ, чтобы онъ уѣзжалъ. Сама будетъ просить.

И дѣйствительно, миссисъ Вудсъ выразила въ изящной и приличной формѣ свое огорченіе по поводу того, что столь почетный гость, какъ мистеръ Гетвей, попалъ въ ея домъ только благодаря счастливому случаю, ради свиданія съ своей питомицей, и не удостоитъ воспользоваться ея гостепріимствомъ. Мистеръ Вудсъ поддержалъ ее, выразивъ ту же мысль съ мужественной энергіей, а затѣмъ и городской голова высказалъ убѣжденіе, что вся долина Санта-Клары сочтетъ себя оскорбленной, если такая обида будетъ нанесена виллѣ Розаріо.

— Послѣ обѣда, любезный Гетвей,—заключилъ мистеръ Вудсъ,—къ намъ заглянетъ кое-кто изъ сосѣдей... Имъ было бы очень пріятно пожать вамъ руку. Никакихъ формальныхъ представленій не будетъ, дорогой мой, мы запросто, но.. чортъ возьми, надо же имъ доставить это удовольствіе!

Поль оглянулся, ища глазами Эрбу. И въ самомъ дѣлѣ, къ чему отказываться отъ такого предложенія, хотя за часъ передъ тѣмъ ему и въ голову не приходило ничего подобнаго? Однако ему все-таки хотѣлось дать ей почувствовать, что если онъ останется, то единственно ради нея. Къ сожалѣнію, она не выказывала никакого интереса къ тому, остается онъ или уѣдетъ: она такъ была поглощена разговоромъ съ Милли, что изъ-за спины миссисъ Вудсъ только и виденъ былъ ея хорошенькій затылокъ. Онъ выразилъ согласіе, но не вдругъ, что вышло довольно нелюбезно, сознавая при томъ, что придаетъ слишкомъ большое значеніе такой бездѣлицѣ.

Необходимость посвятить теперь свое вниманіе хозяйкѣ дома и вмѣстѣ съ ней обойти всѣ ея владѣнія на время отвлекла его отъ соображеній о томъ, что свиданіе съ питомицей обошлось не совсѣмъ удовлетворительно. Миссисъ Вудсъ разсказывала, что познакомилась съ Эрбой черезъ Милли, которая вмѣстѣ съ ней воспитывается въ монастырскомъ пансіонѣ; насколько дозволялъ монастырскій уставъ, она всегда была рада оказывать Эрбѣ всякое гостепріимство.—Она прехорошенькая дѣвушка, не правда ли, мистеръ Гетвей? И притомъ

съ большимъ характеромъ дѣвушка. Очень жаль, конечно, что она не знала материнской о себѣ заботы и, вмѣсто мягкихъ вліяній семейнаго очага, испытала лишь рутинные порядки пансіонской жизни. По ея мнѣнію, безпрестанная перемѣна опекуновъ также была причиною, что дѣвушка оставалась безъ надежнаго совѣтчика и ей совсѣмъ не на кого было положиться... за исключеніемъ, пожалуй, полковника Пендльтона; но хотя миссисъ Вудсъ не сомнѣвалась, что полковникъ можетъ быть хорошимъ товарищемъ и пріятнымъ собесѣдникомъ въ мужской компаніи, мистеръ Гетвей врядъ ли будетъ спорить, что, при его репутаціи и своеобразныхъ нравахъ, онъ совсѣмъ не подходящая компанія для молодой дѣвицы. Мистеръ Вудсъ просто не позволилъ бы Милли приглашать Эрбу къ себѣ на домъ, если бы ей сопутствовалъ полковникъ Пендльтонъ. Разумѣется, бѣдная дѣвочка не могла сама выбирать себѣ попечителей, но мистеръ Вудсъ имѣетъ несомнѣнное право выбирать то общество, въ которомъ вращается его племянница. Можетъ-быть, это предразсудокъ со стороны мистера Вудса, но какой же мужчина свободенъ отъ предразсудковъ? Однако мистеръ Гетвей хотя и большой пріятель полковника, долженъ же согласиться, что если полковникъ поднималъ такой скандалъ, дрался на дуэли изъ-за потерянной женщины, и даже позорно защищалъ ее передъ цѣлымъ обществомъ джентльменовъ, то, какъ справедливо замѣтилъ мистеръ Вудсъ, пора его образумить и предоставить исключительно обществу подобныхъ дамъ. Нѣтъ, миссисъ Вудсъ не допускаетъ мысли, чтобы это было пристрастное дамское сужденіе! Сами же мужчины обыкновенно и поднимаютъ шумъ изъ-за такихъ вещей, точно такъ же, какъ они же пишутъ законы, и кому лучше знать объ этомъ, какъ не самому мистеру Гетвей! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ только сейчасъ они съ мужемъ пожалѣли, зачѣмъ не мистеръ Гетвей одинъ изъ всѣхъ опекуновъ былъ руководителемъ и опорой бѣдной Эрбы... въ сущности, какъ бы ея старшимъ братомъ!

Поль почувствовалъ, что его слегка покоробило отъ сознательнаго воспоминанія о нѣкоторыхъ эпизодахъ своей юношеской жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе покоробило отъ такого намека на возможное родство съ матерью Эрбы.

— По-моему,—продолжала миссисъ Вудсъ,—она черезчуръ озабочена этой глупѣйшей фамильной тайной насчетъ своего происхожденія... Какъ будто это можетъ быть важно для дѣвушки, у которой четверть милліона приданаго, и какъ будто это само по себѣ не достаточно для доказательства того, что она не простого званія!

— Разумѣется,—поспѣшилъ сказать Поль, чувствуя невольное облегченіе и самъ сознавая, что это довольно глупо.

— И все это, конечно, должно обнаружиться, какъ только она достигнетъ совершеннолѣтія. Вѣроятно, вамъ извѣстно, есть ли кто-нибудь въ живыхъ изъ числа ея родственниковъ?

— Мнѣ ничего неизвѣстно.

— Ахъ, извините,—молвила миссисъ Вудсъ, улыбнувшись,—я все позабываю, что до тѣхъ поръ это должно оставаться въ глубочайшей тайнѣ! Но вотъ мы и дома; дѣвочки, какъ видно, ушли къ сосѣдямъ. Можетъ-быть, вы пожелаете отдохнуть передъ тѣмъ, какъ одѣваться къ обѣду? Я уже послала въ гостиницу за вашимъ чемоданомъ, его сейчасъ принесутъ. Но, вѣроятно, вы устали, постоянно видя вокругъ себя такое множество постороннихъ людей.

Поль былъ радъ подъ какимъ-либо предлогомъ побыть въ одиночествѣ и, поблагодаривъ хозяйку, отправился вслѣдъ за слугой въ отведенную ему комнату, низкую, но роскошно меблированную спальню перваго этажа. Тутъ онъ растянулся на подушкахъ кушетки, заполнявшей одинъ изъ угловъ глубокой оконной ниши, въ толщѣ старинной глинобитной стѣны, у рѣшетчатаго окна, чрезъ которое врывались въ комнату вѣтви вьющагося капскаго жасмина. Опьяняющій ароматъ его цвѣтовъ стоялъ въ воздухѣ. Этотъ запахъ былъ такъ силенъ и такъ сильно располагалъ къ праздной мечтательности, что Поль, чувствуя необходимость зрѣло обдумать положеніе и прійти къ какому-нибудь разумному выводу, всталъ и плотно захлопнулъ окно. Потомъ опять сѣлъ и предался размышленіямъ.

Что онъ здѣсь дѣлаетъ и что все это означаетъ? Онъ сюда явился просто ради выполненія прошлаго обязательства и ради угожденія старому пріятелю, человѣку обездоленному и хворому. Обязательство онъ выполнилъ, но при этомъ случаѣ узналъ нѣкоторый фактъ, могущій быть важнымъ для этого пріятеля, и простая обязанность его состоитъ теперь въ томъ, чтобы отправиться обратно и довести этотъ фактъ до его свѣдѣнія. Если нужно дальнѣйшее подтвержденіе этого факта, то онъ ровно ничего не выигрываетъ въ этомъ смыслѣ, оставаясь на виллѣ Розаріо. Полковникъ Пендльтонъ ужъ и такъ безполезно мучился мыслью о томъ, что будетъ, если дѣвушка узнаетъ о своемъ происхожденіи, и каково будетъ вліяніе такого открытія на ея нравъ и судьбу. И вотъ, она по собственному почину рѣшила этотъ вопросъ и, ни съ кѣмъ не сговариваясь, сочинила такой планъ, съ помощью котораго возможно избѣжать хлопотъ и въ будущемъ. Такова была здравомыслящая точка зрѣнія на это дѣло. Онъ поѣдетъ къ полковнику, изложитъ ему планъ,

выслушаетъ его мнѣніе насчетъ исполнимости и приличности такого образа дѣйствій и вмѣстѣ съ нимъ обсудитъ вопросъ, что вѣроятнѣе: то ли, что она знаетъ всю правду, или что она сама обманывается. Покончивъ съ этимъ, онъ воротится въ Сакраменто и примется за устройство собственныхъ дѣлъ. Во всемъ этомъ ничего не было труднаго, не о чемъ заботиться, жаль только, что онъ этого не сообразилъ часомъ раньше.

Онъ снова распахнулъ окно. Запахъ жасминовъ ворвался попрежнему, но теперь къ нему примѣшивалось болѣе свѣжее дыханіе розъ. Въ этой атмосферѣ не было больше ничего фантастическаго, опьяняющаго; она дѣйствовала скорѣе возбуждающимъ образомъ, помогая развитію мыслей. Длинныя тѣни отъ невидимыхъ тополей легли поперекъ садовыхъ дорожекъ и аллей, образуя перемѣнныя полосы чернаго и желтаго цвѣта. Косой лучъ солнца, пронзившій древесную листву, упалъ на грядку аройника съ восковыми бѣлыми цвѣтами, рисовавшимися на фонѣ изгороди изъ ціанотуса; свѣжая бѣлизна этихъ цвѣтовъ ослѣпительно выдѣлялась на яркой, глянцевитой зелени ціанотуса. Потомъ этотъ лучъ соскользнулъ съ грядки и освѣтилъ дальше струю маленькаго фонтана, дотолѣ совсѣмъ незамѣтнаго, пронизавъ его цѣлымъ снопомъ дивнаго движущагося блеска и сверканія. Гетвей смотрѣлъ на это зрѣлище до тѣхъ поръ, пока фонтанъ потухъ, а лучъ солнца скользнулъ еще дальше, и вдали замелькали освѣщенныя имъ платья бѣлаго и желтаго цвѣта. Это Эрба и Милли возвращались домой. Ну, что жъ, это не помѣшаетъ его благимъ размышленіямъ, онъ даже можетъ вовсе не смотрѣть на нихъ. Вечеромъ, по всей вѣроятности, ему придется вдоволь насмотрѣться на Эрбу, и можетъ-быть онъ придетъ, наконецъ, къ какому-нибудь опредѣленному заключенію о ней.

Но онъ не принялъ въ соображеніе ея голоса, всегда музыкальнаго въ своихъ южныхъ интонаціяхъ, явственно слышнаго въ затишьѣ сада и поразившаго его въ эту минуту своей радостной мелодичностью. Да, несомнѣнно, что она очень счастлива... или очень легкомысленна. Было ясно, что она бѣгаетъ взапуски съ Милли, которая гонится за ней вдоль розовой аллеи. Когда обѣ быстроногія дѣвицы приблизились къ дому, послышалось быстрое шуршанье юбокъ и топотъ маленькихъ ногъ на верандѣ, потомъ кто-то упалъ. Милли запищала какъ мышка, и голосъ Эрбы, задыхающійся, счастливый, прерываемый сдержаннымъ хохотомъ, проникъ въ окно вмѣстѣ съ ароматомъ жасминовъ и розъ.

Да она просто дитя... и, если такъ, то какъ же онъ неправильно судилъ о ней! Что, если все, что онъ принималъ за

результатъ зрѣлаго обсужденія, было не болѣе, какъ невинная фантазія романической дѣвочки, глупенькая мечта пансіонерки, на которую онъ посмотрѣлъ слишкомъ серьезно. Вмѣсто того, чтобы разрушить ея иллюзію, поговорить разумно, постараться заинтересовать ее чѣмъ-нибудь другимъ, онъ даже самъ подтверждалъ ея заблужденіе. Онъ такъ обошелся съ ней, какъ будто ея чистое юное существо уже было проникнуто познаніемъ зла, по наслѣдству отъ грѣшной матери. Онъ призналъ въ ней дочь искательницы приключеній, а не дѣвочку, подлежащую его опекѣ, и самымъ невѣдѣніемъ своимъ взывавшую къ его рыцарскимъ чувствамъ, быть-можетъ, даже тщеславную, но чисто-дѣтскимъ тщеславіемъ. Ему поставили вопросъ, исполненный нѣжнаго и трогательнаго интереса, а онъ противопоставилъ ему только свой свѣтскій эгоизмъ и знаніе человѣческихъ слабостей! Кровь подступила къ его щекамъ,—при всей своей опытности и умѣньѣ владѣть собой онъ еще не отвыкъ краснѣть, какъ мальчикъ,—и, отвернувшись, ушелъ прочь отъ окна, какъ будто оттуда на него повѣяло укоромъ.

Но слѣдовало ли удовольствоваться разрушеніемъ ея иллюзій, не нужно ли было пойти дальше и разсказать ей всю правду? Не лучше ли было сначала овладѣть ея довѣріемъ,—онъ съ горечью вспомнилъ, какъ она ему сказала, что ей некому довѣриться,—и, открывъ ей исторію ея матери, поклясться, что эта тайна дальше не пойдетъ, останется только между ними, а онъ будетъ ей помогать осуществить тотъ планъ. Отъ этого положеніе нисколько бы не измѣнилось, иначе, какъ по отношенію къ ней; они могли бы вмѣстѣ все обдумать, сговориться... его изобрѣтательность пришла бы ей на помощь, а его симпатіи оказали бы ей поддержку; но...

Какимъ же образомъ ей разсказать? Помимо трудности найти подходящія выраженія для того, чтобы объяснить невинной пансіонеркѣ позорную жизнь ея матери, съ какого права беретъ онъ на себя такую роль? По праву опекуна? Но онъ ни разу не подалъ ей совѣта и не оказалъ покровительства. По праву простого знакомаго? Но они въ первый разъ въ жизни встрѣтились, и то часъ тому назадъ. И кому вообще можетъ принадлежать такое право? Влюбленному?.. Но въ его устахъ подобное разоблаченіе будетъ имѣть смыслъ претензіи на ея признательность или простого запугиванія, и послѣ этого ни одна деликатная дѣвушка не приметъ искательства такого человѣка. Нѣтъ, не то. Такъ мужу? Да! Онъ вдругъ вспомнилъ слова Пендльтона. Боже милостивый! Неужели эта мысль

тогда же бродила въ умѣ Пендльтона? И, однакожъ... Да кажется, это единственное возможное рѣшеніе.

Стукъ въ дверь—и появился мистеръ Вудсъ. Дорожный чемоданъ мистера Гетвея привезли, а миссисъ Вудсъ прислала сказать, что, принимая во вниманіе краткость времени, которое мистеръ Гетвей можетъ провести со своей питомицей, миссисъ Вудсъ не воспользуется своимъ правомъ посадить гостя возлѣ себя за обѣдомъ, а предоставитъ ему сѣсть рядомъ съ Эрбой. Поль съ серьезной улыбкой поблагодарилъ.

Что, если сообщить ей по секрету драматическую истину за обѣдомъ, между супомъ и рыбой? Мало-по-малу онъ такъ убѣждался въ самостоятельномъ нравѣ этой дѣвушки, что подумалъ: «А вѣдь она не измѣнитъ себѣ и, пожалуй, гордо выдержитъ такую грубую выходку».

Онъ медленно началъ переодѣваться, по временамъ впадая въ какое-то новое для него ощущеніе пріятной апатіи, что приписывалъ дѣйствію цвѣточнаго аромата и мягкому затишью сумерекъ; пассатный вѣтеръ упалъ, а въ окно теперь вѣяло успокоительнымъ запахомъ лавра. Онъ не столько думалъ о Эрбѣ, сколько видѣлъ ее. На голой стѣнѣ комнаты ему чудился ея образъ, какъ она сидѣла у окна въ бесѣдкѣ и пучкомъ цвѣтущихъ розъ гладила себя по щекѣ. Перейдя въ уборную, онъ видѣлъ въ зеркалѣ не себя, а ея лицо. Онъ встрепенулся, какъ будто услышалъ ея голосъ, потому что вдругъ увидѣлъ на туалетномъ столѣ маленькую вазу съ бѣлымъ цвѣткомъ для петлички, и при ней карточку, на которой было написано полудѣтскимъ почеркомъ:

«Отъ Эрбы. Въ благодарность за то, что остались».

Вѣроятно, слуга приходилъ и поставилъ тутъ эту вазочку, пока онъ мечталъ у окна.

Когда Поль сошелъ въ гостиную, тамъ ужъ было человѣкъ шесть. Оказалось, что мистеръ Вудсъ успѣлъ пригласить нѣкоторыхъ ближайшихъ сосѣдей, въ томъ числѣ судью Бэкера съ женой и дона Цезаря Бріонеса съ сестрой, доньей Анной, изъ сосѣдняго помѣстья Лосъ-Пахаросъ. Милли и Эрба еще не пришли. Донъ Цезарь, коренастый молодой человѣкъ съ осанкой торреадора, съ круглымъ и тупымъ лицомъ и мутными черными глазами, былъ, повидимому, озабоченъ ихъ отсутствіемъ и глазъ не спускалъ съ дверей. Поль занялся доньей Анной, если можно обозначить такимъ выраженіемъ условную вѣжливость, которую эта развязная молодая дѣвица со второй фразы превратила въ оживленный «флиртъ», какъ-то вскинувъ на него глаза и раза два махнувъ вѣеромъ. Тутъ Милли впорхнула въ гостиную, какъ милое

видѣніе юной свѣжести въ облакѣ изъ бѣлаго тюля, а минуту спустя тихо вошла высокая, граціозная фигура, которую Поль едва узналъ въ первое мгновеніе.

Мужчины нерѣдко хвастаются, будто они нечувствительны къ разнообразнымъ эффектамъ женскаго наряда, утверждая, что хорошенькая дѣвушка все равно такъ же хороша и въ простѣйшемъ платьѣ. Однакоже каждый изъ присутствующихъ мужчинъ подумалъ, что Эрба въ своемъ теперешнемъ видѣ не только гораздо красивѣе, чѣмъ была, но что въ ней замѣтны новыя, болѣе утонченныя черты изящества. Это зависѣло не столько отъ фасона ея вечерняго туалета съ открытымъ воротомъ, сколько отъ симметрическихъ линій ея фигуры и отъ особенностей ея осанки. Черное гренадиновое платье, вышитое чернымъ стеклярусомъ, выдѣляло нѣжный оттѣнокъ ея кожи, казавшейся бѣлѣе отъ этого контраста, а сама она казалась выше ростомъ, сіяя идеальной прелестью тонкаго воспитанія и культуры. Единственнымъ украшеніемъ была на ней нитка жемчуга, такая маленькая, что могла бы служить ожерельемъ ребенку, и такъ плотно облегавшая ея стройную шею, что едва можно было отличить ее отъ кожи. Поль не зналъ, что это было то самое ожерелье, которое мать подарила дѣвочкѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, какъ отступилась отъ нея навсегда; но ему смутно казалось, что этотъ черный нарядъ есть нѣчто въ родѣ траура, въ которомъ она хоронитъ прошлое своей матери.

На груди у ней было приколото нѣсколько бѣлыхъ цвѣточковъ подъ пару тому единственному, который красовался у него въ петлицѣ.

На секунду они встрѣтились глазами: на восхищенный взглядъ Поля она отвѣтила наивно-радостнымъ взоромъ дѣвушки, чувствующей, что она очень хороша, но она тотчасъ занялась другими и обратила вниманіе на пылкое ухаживаніе дона Цезаря.

— Вашъ братъ, кажется, восхищается миссъ Эрбой,— сказалъ Поль.

— О, да... да,—отвѣчала донья Анна,—а вы?

— О, я!—молвилъ Поль шутливо.—Вѣдь я ей опекунъ, стало-быть, съ моей стороны это вопросъ самолюбія.

— Ага,—сказала донья Анна съ хитрой улыбкой,—значитъ въ ней вы ужъ совершенно увѣрены? Хорошо! Такъ я предупрежу моего брата.

Такая предосторожность оказалась излишней: черезъ минуту, по знаку, данному хозяйкой, Поль подставилъ руку

Эрбѣ, и молодой испанецъ уставился на него съ изумленнымъ любопытствомъ.

Садясь за столъ и взглянувъ на цвѣты, украшавшіе ея корсажъ, Поль сказалъ Эрбѣ:

— Благодарю васъ за то, что позволили мнѣ носить ваши цвѣта, и думаю, что заслуживаю такую честь, потому что, если бы не вы, я бы теперь былъ въ поѣздѣ, на пути въ Санъ-Франциско. Какъ вы думаете,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—буду ли я имѣть случай хоть нѣсколько минутъ поговорить съ вами въ теченіе вечера?

— Можно хоть сейчасъ,—отвѣтила она лукаво,—для того насъ и посадили рядомъ.

— Но, конечно, не для того, чтобы обсуждать дѣловые вопросы или, лучше сказать, наши семейныя дѣла,—сказалъ Поль, глядя на нее также шутливо.—А я думаю, что вашъ другъ, донъ Цезарь, былъ бы доволенъ, если бы навѣрное зналъ, что мы ничѣмъ инымъ не занимаемся... Посмотрите, какъ онъ сердито на насъ поглядываетъ.

— Вы думаете, что и сестрица его была бы довольна, если бы имѣла основаніе такъ думать?—сказала Эрба.—Предупреждаю васъ, мистеръ Гетвей, что вы подтверждаете сомнѣнія матушки игуменьи насчетъ вашей пригодности къ почтенному званію опекуна. Всѣ таращатъ на васъ глаза.

Поль машинально оглянулся. И точно. Было ли то слѣдствіемъ таинственной симпатіи или общечеловѣческой склонности любоваться тѣмъ, что красиво и гармонично, или потому, что такъ уже въ свѣтѣ заведено, что всѣ любятъ смотрѣть на влюбленную молодежь,—всѣ взоры были устремлены на него и на Эрбу. Онъ былъ искусный ораторъ и сумѣлъ тотчасъ завести интересный разговоръ о совсѣмъ другихъ предметахъ. И вдругъ оказалось, что Эрба не только порядочно образована, но, невзирая на монастырское воспитаніе, успѣла составить себѣ кругозоръ, гораздо болѣе широкій, нежели тотъ, которымъ ограничивается обычный кругъ школьнаго обученія. Ея мысли и сужденія отличались самостоятельностью и ясностью, причемъ въ нихъ не было и тѣни той безтактности и рѣзкости, которыя такъ часто сопровождаютъ оригинальность женскихъ сужденій. Точно по уговору, имѣвшему всю прелесть взаимнаго пониманія, оба они старались угодить не другъ другу, а остальному обществу; и Поль, обмѣниваясь шутливыми фразами съ доньей Анной, съ удовольствіемъ прислушивался къ тому, какъ Эрба бесѣдовала по-испански съ дономъ Цезаремъ. Черезъ нѣсколько минутъ, однако, онъ съ тревогой разобралъ, что они разговариваютъ о старинномъ испанскомъ влады-

чествѣ, а потомъ дошло и до старинныхъ испанскихъ фамилій. Какъ бы она преждевременно ни обнаружила такого невѣдѣнія, которое могутъ впослѣдствіи поставить ей въ вину; какъ бы она не напросилась на какія-нибудь генеалогическія воспоминанія, которыя сразу разрушатъ всѣ ея надежды и уничтожатъ ея воздушные замки? А можетъ-быть, она старается только собирать свѣдѣнія? Онъ невольно восхищался ловкостью, съ какой она, ничѣмъ себя не компрометируя, вызывала дона Цезаря на откровенности и заставляла его разсказывать себѣ все, что хотѣла. А все-таки Поль былъ какъ на иголкахъ: ему казалось, что онъ самъ косвенно участвуетъ въ выдумкѣ Эрбы. Онъ сознавалъ, что догадливая донья Анна замѣчаетъ его разсѣянность, мучился этимъ и былъ радъ, когда случилась нѣкоторая диверсія, давшая ему время оправиться отъ смущенія. Дѣло въ томъ, что миссисъ Бэкеръ, жена судьи, окликнула Эрбу черезъ столъ. По одной изъ рѣдкихъ случайностей въ общемъ разговорѣ, какъ разъ на ту пору всѣ замолчали и въ наступившемъ затишьѣ всѣ ясно разслышали голосъ этой дамы, произносившей самое пустое замѣчаніе:

— А мы любуемся вашимъ ожерельемъ, миссъ Эрба.

Всѣ глаза натурально устремились на тонкую шею красивой дѣвушки. Это было неизбѣжно.

Эрба съ улыбкой взялась пальчиками за жемчугъ.

— Вы вѣрно шутите, миссисъ Бэкеръ. Я сама знаю, что оно ужасно миніатюрно; но вѣдь это дѣтское ожерелье, и я его ношу только потому, что это подарокъ моей матери.

У Поля сердце замерло отъ испуга. Въ первый разъ онъ услышалъ изъ устъ дѣвушки такое опредѣленное упоминаніе о матери, и это его такъ поразило, какъ будто сама позабытая изгнанница вдругъ воротилась и рядомъ съ ними сѣла за столъ.

— Я тебѣ говорила, что этого не могло быть!—сказала миссисъ Бэкеръ, обращаясь къ своему мужу.

Всѣ, разумѣется, вопросительно взирали на эту супружескую чету, и миссисъ Бэкеръ объяснила съ улыбкой:

— Бобъ вообразилъ, что онъ уже видѣлъ это ожерелье; мужчины такъ упрямы!

— Извините, миссъ Эрба,—умильно сказалъ судья,—не согласитесь ли вы мнѣ показать ваше ожерелье, если это не слишкомъ затруднитъ васъ?

— Нисколько,—отвѣчала Эрба, улыбаясь и отстегивая ожерелье,—боюсь только, что оно вамъ покажется слишкомъ старомоднымъ.

— Я именно на это и надѣюсь,—сказалъ судья Бэкеръ, съ торжествомъ глядя на жену.—Восемь лѣтъ назадъ я его видѣлъ въ ювелирномъ магазинѣ Туккера. Мнѣ хотѣлось его купить для нашей малютки Минни; но онъ что-то дорого запросилъ и я колебался, а въ это время онъ успѣлъ сбыть его другимъ покупателямъ. Ну, да,— прибавилъ онъ, разсматривая жемчугъ, поданный ему Эрбой,— это оно самое и есть. Единственное въ своемъ родѣ. Не правда ли, какъ странно?

Всѣ согласились, что дѣйствительно очень странно, и отнеслись къ этому случаю съ той безотчетной радостью, съ какой большинство людей встрѣчаютъ какое бы то ни было пустое и незначительное совпаденіе. На долю дона Цезаря выпала пріятная обязанность придать ему галантное значеніе.

— Я не имѣю удовольствія знать миссъ Минни,—сказалъ онъ,—но разъ какъ это драгоцѣнное украшеніе попало на шею миссъ Эрбы, оно не утратило ни своей цѣнности, ни красоты, ни очарованія.

— Еще бы!—одобрительно молвилъ Вудсъ.—Это значитъ, Бэкеръ, что вы слишкомъ долго раздумывали. Пока вы думали да гадали, родные миссъ Эрбы выхватили эту вещицу изъ-подъ вашего носа. Вы изъ позднѣйшихъ поселенцевъ... А наши старики, колонисты сорокъ девятаго года, никогда не колебались и сразу хватали то, что имъ, бывало, приглянется.

— Вы такъ и не узнали, кто у васъ перебилъ покупку?— спросила донья Анна, обращаясь къ судьѣ и мимоходомъ пристально посмотрѣвъ на поблѣднѣвшее лицо Поля.

— Нѣтъ,—сказалъ Бэкеръ,—а впрочемъ...—онъ запнулся и вдругъ сконфуженно усмѣхнулся.—Нѣтъ, я что-то перепуталъ... И немудрено, это такъ давно было. Нѣтъ, я такъ и не узналъ... А если и зналъ, то забылъ. Но ожерелье-то я запомнилъ.

Онъ съ поклономъ передалъ его обратно Эрбѣ, и тѣмъ это дѣло кончилось.

Во все время, пока длились это переговоры, Поль ни разу не взглянулъ на Эрбу, охваченный безразсуднымъ опасеніемъ, какъ бы не сконфузить ее, и еще болѣе нелѣпымъ страхомъ какъ бы ее не смутилъ кто-нибудь другой. И когда онъ, наконецъ, рѣшился на нее посмотрѣть и вмѣсто смущенія увидѣлъ на ея безмятежно-спокойномъ лицѣ только легкое удивленіе тому, что онъ такъ холодно отнесся къ этому случаю, это его нисколько не облегчило. Теперь онъ окончательно убѣдился только въ одномъ, а именно, что невозможно продолжать такихъ отношеній, какія установились между нимъ

и этой дѣвушкой: слѣдуетъ ли разсказать ей всю правду, или больше не видаться съ ней совсѣмъ. Между этими двумя крайностями не существовало средняго пути. Она каждую минуту могла нарваться на разоблаченія, какъ по незнанію истины, такъ и вслѣдствіе своихъ несчастныхъ претензій. А его положеніе было тѣмъ невыносимѣе, что онъ въ одинаковой степени не въ силахъ былъ ни предупредить опасность, ни дозволить, чтобы ее защищали, ни самъ выступить ея защитникомъ.

Видя его такимъ молчаливымъ, она своимъ женскимъ чутьемъ догадалась, что онъ немножко ревнуетъ ее къ дону Цезарю, и нѣсколько разъ, отвернувшись отъ испанца, дарила Поля успокоительной улыбкой. Онъ былъ въ такомъ тревожномъ настроеніи, что хотя находилъ ея толкованіе для себя унизительнымъ, однако не оспаривалъ его и даже ухитрился шепнуть ей вполголоса:

— Въ послѣдній разъ вы имѣете дѣло съ вашимъ американскимъ опекуномъ, а ужъ спѣшите сблизиться съ испанской родней?

Въ ея глазахъ блеснула такая нѣжная радость, что онъ былъ тронутъ до глубины души. Она тихо проговорила:

— Вы забываете, что я вижу моего американскаго опекуна не только въ послѣдній, но и въ первый разъ.

— Но я, въ качествѣ опекуна, все-таки заявляю, что не слѣдуетъ передавать ваши драгоцѣнности въ руки постороннихъ людей: онѣ составляютъ часть довѣренной намъ собственности, и я не желаю, чтобы каждый встрѣчный могъ вертѣть ихъ въ рукахъ и разсуждать о нихъ,—проговорилъ онъ болѣе серьезнымъ тономъ, глядя прямо въ ея прекрасные глаза.

Когда дамы встали и вышли изъ-за стола, въ первую минуту онъ почувствовалъ облегченіе, но это продолжалось недолго. Судья Бэкеръ придвинулъ свой стулъ поближе къ нему и, вынувъ сигару изо рта, сказалъ съ небрежнымъ смѣхомъ:

— Знаете, Гетвей, если бы я во-время не удержался, какую штуку я готовъ былъ ляпнуть сейчасъ вашей питомицѣ!

Поль взглянулъ на него съ холоднымъ любопытствомъ.

— Ей-Богу!—продолжалъ судья.—Вы знаете, кто перебилъ у меня покупку этого ожерелья?

— Нѣтъ, не знаю,—отвѣчалъ Поль безучастно.

— Кэтъ Говардъ! Можете себѣ представить? Это фактъ, сэръ. Передъ самымъ моимъ носомъ взяла да и купила, и еще цѣну надбавила.

Поль не потерялъ самообладанія. Благодаря тому, что Эрбы не было въ комнатѣ, видя притомъ, что донъ Цезарь, слышавшій заявленіе судьи, съ непріятной усмѣшкой подходитъ къ нимъ, Гетвей почувствовалъ, что вмѣсто тревоги имъ овладѣваетъ холодное, тихое бѣшенство.

— И, вѣроятно,—проговорилъ онъ совершенно спокойнымъ тономъ,—по обычаю всѣхъ женщинъ этого сорта, она очень скоро разсталась съ этимъ ожерельемъ: сначала оно попало въ закладъ, а отъ ростовщика обратно къ ювелиру. Случай не рѣдкій.

— Разумѣется,—сказалъ судья Бэкеръ беззаботно.—Вы совершенно правы. Несомнѣнно такъ все и случилось. Однакожъ я чуть не проврался... Вотъ была бы штука!

— Да, вы едва не нанесли совершенно незаслуженнаго оскорбленія,—сказалъ Поль серьезно, вперивъ свои глаза, болѣе чѣмъ когда-либо сверкающіе отъ сдержаннаго гнѣва, не на своего собесѣдника, а на дона Цезаря, стоявшаго возлѣ него.—Вы, кажется, хотѣли что-то сказать?—прибавилъ онъ, обращаясь къ испанцу

— Я? О... а... объ этой Кэтъ Говардъ? Да. Я о ней слышалъ. Какъ же! А... а... миссъ Эрба... она... кажется, моя соотечественница? Гмъ... да! Мы заявимъ на нее свои права... Это вѣрно! Да.

— Ваши соотечественники, кажется, имѣютъ обыкновеніе заявлять права, основанныя болѣе на выгодѣ, чѣмъ на истинѣ,—сказалъ Поль безъ малѣйшей улыбки, внятнымъ и обиднымъ тономъ. Онъ отлично сознавалъ, что говоритъ, и зналъ, какія могутъ быть послѣдствія. Ровно двадцать четыре часа тому назадъ онъ смѣялся надъ идеей полковника Пендльтона, находившаго приличнымъ драться ради предупрежденія скандальныхъ разоблаченій, а теперь самъ нарывался на ссору съ человѣкомъ, котораго только заподозрилъ въ такихъ намѣреніяхъ, и не находилъ въ этомъ ничего страннаго. Впрочемъ, имъ руководило при этомъ смутное предположеніе, что такимъ способомъ разъ навсегда будетъ установлено его противодѣйствіе фантастическимъ планамъ Эрбы.

Донъ Цезарь поблѣднѣлъ, однако, улыбался и, повидимому, не спѣшилъ поднять брошенную ему перчатку. Зато Вудсъ поспѣшилъ вмѣшаться.

— Донъ Цезарь хотѣлъ сказать, что ваша питомица сама считаетъ себя отчасти испанскаго происхожденія, по крайней мѣрѣ, Милли того мнѣнія... Но само собою разумѣется, что вамъ, какъ одному изъ старѣйшихъ опекуновъ, извѣстны подлинные факты.

Поль едва сдерживался, но сказалъ сухо:

— Я думаю лучше оставить миссъ Эрбу въ покоѣ. Мое замѣчаніе имѣло общій характеръ, но, конечно, я готовъ нести отвѣтственность за его личное примѣненіе.

— Вотъ отвѣтъ, достойный заправскаго политика, Гетвей!—сказалъ судья Бэкеръ восторженнымъ тономъ, думая загладить этимъ опасныя послѣдствія своей неудачной выходки.—Ну, и отлично, господа! Пока онъ самъ не захочетъ говорить, изъ него ничего не выжмешь! Храните свои тайны, мистеръ Гетвей, судъ на вашей сторонѣ!

Когда мужчины пошли изъ столовой, направляясь къ дамамъ въ гостиную, голова немного задержалъ Вудса и сказалъ ему значительно:

— Какъ, однако, замѣтно вліяніе этого Пендльтона на нашего молодого друга! Кто-нибудь долженъ бы внушить ему, что дуэли у насъ вышли изъ моды, какъ и самъ Пендльтонъ. Вѣдь это можетъ совсѣмъ испортить ему карьеру.

Поль былъ слишкомъ наблюдателенъ, чтобы не замѣтить произведеннаго имъ впечатлѣнія, но и не думалъ въ этомъ каяться. Онъ еще такъ вѣрилъ въ самого себя и въ свое могущество, что ему было и горя мало. Ему казалось, что онъ отлично поступилъ, внушивъ дону Цезарю, что нельзя безнаказанно пользоваться слабостью или невѣдѣніемъ дѣвушки; но не могъ рѣшить, какъ же дальше дѣйствовать? Впрочемъ, сегодня надъ этимъ нечего задумываться. Въ этотъ вечеръ, повидимому, не будетъ случая поговорить съ ней наединѣ,— она безмятежно бесѣдовала съ Милли и съ миссисъ Вудсъ, а между тѣмъ ужъ начали собираться гости, наскоро приглашенные въ честь его прибытія. Желая загладить свою давешнюю вспышку, онъ съ нервной энергіей пустилъ въ ходъ все свое искусство и черезъ нѣсколько минутъ очутился въ толпѣ восхищенныхъ поклонниковъ. Ему пришло на умъ, что это становится похоже на карикатурную сцену, происходившую въ пріемной гостиницы «Золотыя Ворота, и онъ невольно сталъ искать глазами Эрбу, со страхомъ ожидая встрѣтить ея насмѣшливый взглядъ. Ихъ взоры встрѣтились; но, къ удивленію, она смотрѣла на него безъ улыбки и даже тотчасъ отвернулась... Однако онъ успѣлъ увидѣть въ сіяющей глубинѣ этихъ глазъ нѣчто такое, отъ чего вся душа его встрепенулась и что онъ едва осмѣливался понять. Что значитъ для него ссора съ дономъ Цезаремъ или мнѣніе толпы? Она гордилась имъ! И этого было довольно.

Обмѣнявшись съ нимъ этимъ взглядомъ, она вдругъ оробѣла, ласково разговаривала съ Милли и даже кротко вы-

слушивала далеко не романическія разглагольствованія судьи Бэкера, также желавшаго загладить свои провинности и потому пустившагося въ разсказы о старыхъ годахъ въ Калифорніи, о томъ, какъ они терпѣли лишенія и какіе тяжкіе предпринимали труды. Потомъ Эрба очень мило занимала дона Цезаря, обходясь съ нимъ просто и любезно, но стараясь втянуть въ разговоръ и донью Анну. Полю казалось, что она со всѣми держитъ себя непринужденно, только не съ нимъ. Раза два въ теченіе вечера ему удалось привлечь ее къ раскрытой двери, ведшей на тѣнистую веранду и въ освѣщенный луною садъ; но она каждый разъ брала подъ руку Милли и онъ видѣлъ, что если попросить ее прогуляться съ нимъ на свѣжемъ воздухѣ, она непремѣнно потащитъ съ собой и Милли. Это его раздражало и досадовало, но онъ находилъ утѣшеніе въ томъ, что, судя по ея взглядамъ и манерѣ, еще оставалась надежда уговорить ее... Уговорить въ чемъ? Этого онъ и самъ хорошенько не зналъ.

Послѣдніе гости, наконецъ, разошлись; онъ закурилъ сигару и, попросивъ хозяина и хозяйку не безпокоиться о составленіи ему компаніи, расположился на верандѣ. Милли и Эрба удалились въ будуаръ; но такъ какъ онѣ съ нимъ не попрощались на ночь, то онъ думалъ, что еще, можетъ-быть, онѣ вернутся. Въ этой надеждѣ онъ съ полчаса пробылъ на верандѣ, потомъ, принимая отсутствіе Эрбы за безмолвный отказъ ея на его просьбу, онъ съ досадой собрался уходить. Оглянувшись на садъ, передъ тѣмъ, какъ войти въ домъ, онъ былъ пораженъ слѣдующимъ обстоятельствомъ: еще прежде онъ замѣтилъ вдали, у живой изгороди, какое-то бѣлое пятно, точно платокъ, или шаль, позабытую на кустѣ, и сначала онъ даже съ особымъ вниманіемъ всматривался въ этотъ предметъ, наполнившій его душу трепетнымъ ожиданіемъ; и вотъ теперь онъ ясно видѣлъ, что этотъ предметъ измѣнилъ положеніе. Сначала оно было у бесѣдки, а теперь гораздо дальше. Можетъ ли быть, чтобы онѣ, или она одна, ускользнула изъ дому и поджидала его тамъ, въ саду? Проклиная свою недогадливость, онъ поспѣшно сбѣжалъ съ веранды и пошелъ въ ту сторону. Но не успѣлъ онъ пройти двадцати шаговъ, какъ видѣніе исчезло. Онъ вошелъ въ бесѣдку—она была пуста; прошелъ взадъ и впередъ вдоль изгороди, тамъ никого не было. Стало-быть, это была не она, потому что она бы подождала его... если не хочетъ надъ нимъ подшутить. Онъ съ досадой возвратился назадъ къ дому, вошелъ въ гостиную черезъ стеклянную дверь, и ужъ переходилъ черезъ полуосвѣщенную комнату, какъ вдругъ услышалъ легкій шелестъ въ тѣни у окна. Быстро оглянувшись, онъ уви-

дѣлъ Эрбу: въ широкой бѣлой блузѣ, замѣнившей ея вечерній черный нарядъ, она сидѣла, спокойно откинувшись къ спинкѣ дивана и заложивъ руки за голову.

— Я жду Милли,—сказала она съ слабой улыбкой; при лунномъ свѣтѣ, падавшемъ на ея лицо, ему показалось, что она очень блѣдна.—Она пошла въ дальній флигель навѣстить служанку, которая заболѣла. Мы думали, что вы курите на верандѣ и составите мнѣ компанію, но я видѣла, какъ вы вдругъ вскочили съ мѣста и начали бѣгать взадъ и впередъ вдоль изгороди.

Поль чувствовалъ, что теряетъ самообладаніе и начинаетъ волноваться отъ ея присутствія.

— Я думалъ, что вы тамъ,—прошепталъ онъ.

— Я? Въ саду въ такой поздній часъ, одна одинешенька при лунномъ свѣтѣ? Что же вы думали, мистеръ Гетвей? Имѣете ли вы понятіе о монастырскомъ уставѣ и какого вы мнѣнія о данномъ мнѣ воспитаніи?

Она слегка улыбалась, но ему чудилось, что ея голосъ такъ же дрожалъ, какъ и его собственный.

— Мнѣ нужно съ вами поговорить,—сказалъ онъ съ неуклюжей прямотой. — Я даже намѣревался васъ просить пройтись со мной по саду.

— Почему же мы не можемъ здѣсь разговаривать?—сказала она, мѣняя позу, указывая на другой конецъ дивана и сдвигая свои юбки въ одну сторону.—Теперь еще не очень поздно, а черезъ нѣсколько минутъ придетъ и Милли.

Ея лицо было теперь въ тѣни, но чудные глаза ея свѣтились фосфорическимъ блескомъ, слегка озарявшимъ все лицо. Онъ опустился возлѣ нея на диванъ и былъ въ эту минуту вовсе не похожъ на блестящаго и честолюбиваго дипломата, а скорѣе на того мечтательнаго, романическаго мальчика, который далъ ей ея теперешнее имя, и ни о чемъ иномъ не могъ думать, ничего другого произнести своими пылавшими губами, какъ одно это слово:

— Эрба!

— Какъ хорошо вы это сказали!—подхватила она, какъ бы желая подчеркнуть правильность того, что онъ впервые пропустилъ церемонное словечко «миссъ». Подавшись впередъ, она смотрѣла ему въ глаза и продолжала:—Точно вы сами сочинили это имя... Мнѣ даже жалко будетъ съ нимъ разстаться теперь.

Онъ опомнился. Въ этой послѣдней фразѣ заключалось его спасеніе.

— Вотъ именно объ этомъ я и хотѣлъ съ вами говорить,— заявилъ онъ вдругъ довольно рѣзко, почти грубо.—Увѣрены ли вы, что это имя совершенно нелѣпо и не имѣетъ для васъ никакого смысла? Не пробуждаетъ ли оно въ вашей памяти какихъ-нибудь воспоминаній, не напоминаетъ ли чего-нибудь такого, что вамъ желательно знать? Подумайте, прошу васъ, умоляю, будьте со мной откровенны!

Она смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Я ужъ сказала вамъ, что мое теперешнее имя должно быть или нелѣпой ошибкой, или преднамѣреннымъ искаженіемъ настоящаго имени. Но почему вамъ именно теперь понадобилось это узнать?—прибавила она, продолжая тихо улыбаться.

— Только потому, что я хочу помочь вамъ!—отвѣчалъ онъ съ горячностью.—Единственно для этого. Я сдѣлаю все возможное для выясненія этого вопроса, если вы дѣйствительно думаете и желаете вѣрить, что у васъ есть другое имя. Умоляю васъ довѣриться мнѣ, передать мнѣ все, что вамъ на этотъ счетъ говорили, что вы сами знаете или хотите знать касательно вашего родства съ семействомъ Аргуелло или какимъ-либо инымъ. И тогда я всѣ силы употреблю на доказательство того, что вамъ будетъ угодно заявить. Видите, какъ я съ вами откровененъ, Эрба! Прошу и васъ быть со мной не менѣе откровенной, сообщить мнѣ ваши сомнѣнія, чтобы я могъ подать вамъ совѣтъ, сказать, чего вы боитесь, дабы я придалъ вамъ смѣлости!..

— Только объ этомъ вы и хотѣли со мной говорить?—спросила она спокойно.

— Нѣтъ, Эрба,—сказалъ онъ пылко, взявъ ее за руку, чему она не противилась, но оставалась совершенно пассивной,— не только объ этомъ; но это я обязанъ былъ сказать вамъ, на это я имѣю право, а остального вы не позволите сказать вамъ т е п е р ь. Но оставьте мнѣ надежду, что близокъ тотъ день, когда я буду имѣть возможность сказать вамъ все... и тогда вы поймете, что мое молчаніе было самой тяжелой жертвой, какую могъ вамъ принести человѣкъ, находящійся передъ вами въ эту минуту...

— Но зато достойной преуспѣвающаго дипломата,—подхватила она, быстро отнявъ у него свою руку.—Хорошо, я согласна,—продолжала она, глядя на дверь, но не избѣгая его пылкаго взгляда.—Когда я рѣшу, гдѣ мнѣ поселиться и какое носить имя, тогда и возобновимъ этотъ интересный разговоръ. А до тѣхъ поръ, какъ говаривалъ одинъ изъ моихъ оффиціальныхъ опекуновъ,—онъ былъ такой же законовѣдъ, какъ и вы, мистеръ Гетвей,—и когда, бывало, заходила рѣчь объ этомъ предметѣ, онъ пускался въ различныя предположенія,

а заканчивалъ всегда одной и той же фразой: «Не во вредъ всему предыдущему».

— Какъ же, Эрба...—началъ Поль съ горечью.

Она слегка подняла руку въ знакъ молчанія и прислушалась.

— Да, милочка,—молвила она вдругъ, возвышая свой мелодическій голосъ и искоса бросивъ на Поля шутливый взглядъ, какъ бы въ насмѣшку надъ тѣмъ толкованіемъ, какое онъ могъ придать ея словамъ:—Иди сюда, мы здѣсь, поджидаемъ тебя!

Она разслышала шаги Милли въ коридорѣ, и въ ту же минуту эта рѣзвая дѣвица явилась въ дверяхъ, скромно остановившись на порогѣ и всѣмъ своимъ существомъ выражая намѣреніе «не мѣшать имъ».

— Мы покончили разговоры, и мистеръ Гетвей до такой степени огорченъ тѣмъ, что у меня нѣтъ настоящаго имени, что обѣщалъ доставить мнѣ какое угодно приличное имя, исключая его собственнаго. Такъ вѣдь, мистеръ Гетвей?—Она медленно встала, пошла къ Милли, обняла ее за талію и съ минуту еще постояла такъ, глядя на него изъ-за портьеръ.—Спокойной ночи! Моя благоприличная товарка ужасно возмущается неприличіемъ этого свиданія въ полночный часъ и тащитъ меня прочь. Вообрази себѣ, Милли, онъ звалъ меня съ собой прогуляться по саду!.. Прощайте или, какъ говорили мои предки... Помните же, мои предки... Buena noche, hasta manana! (Спокойной ночи! До завтрашняго дня!).

Она произнесла испанскія слова, подражая манерѣ доньи Анны складывать губы сердечкомъ, потомъ еще разъ улыбнулась блѣдной, едва замѣтной улыбкой и исчезла вмѣстѣ со своей пріятельницей.

На другой день, въ восемь часовъ утра, Поль стоялъ на верандѣ рядомъ со своимъ дорожнымъ чемоданомъ.

— Что же это вы такъ скоро собрались, мистеръ Гетвей?—говорилъ мистеръ Вудсъ.—И совсѣмъ неожиданно. Хоть бы вы подождали до слѣдующаго поѣзда! Тогда и барышни сойдутъ внизъ и вы бы позавтракали какъ слѣдуетъ.

— У меня очень много дѣла въ Санъ-Франциско, даже больше, чѣмъ я самъ думалъ, и нужно со всѣмъ этимъ покончить до моего отъѣзда въ Сакраменто,—отвѣчалъ Поль.—Ужъ вы потрудитесь за меня извиниться передъ ними и передъ вашей супругой.

— Надѣюсь,—сказалъ Вудсъ съ тревожной усмѣшкой,—что вы не имѣли дальнѣйшихъ пререканій съ дономъ Цезаремъ и онъ къ вамъ не приставалъ?

— О, нѣтъ,—отвѣчалъ Поль, успокоительно улыбнувшись,—могу васъ увѣрить, что ничего такого не было.

— А знаете, Гетвей, вѣдь вы ужасная горячка, по правдѣ сказать,—продолжалъ Вудсъ.—Ничѣмъ не лучше вашего пріятеля Пендльтона. Кстати. Бэкеръ совсѣмъ въ отчаяніи отъ своей вчерашней неловкой выходки. Приходилъ ко мнѣ поздно вечеромъ и ужасно безпокоился, какъ бы не подумали, что онъ нарочно затѣялъ такой разговоръ. Я ему сказалъ, что это вышло только очень глупо, и больше ничего. По всей вѣроятности, его за это жена отчитывала... Ха, ха! ха. Видите ли, онъ любитъ поминать старые годы, когда всѣ объ этомъ разсуждали, а эта Кэтъ Говардъ была всѣмъ извѣстна и играла нѣкоторую роль... Я слышалъ, будто она давнымъ-давно уѣхала и поселилась гдѣ-то въ штатахъ...

— Все можетъ быть,—безпечно проговорилъ Поль.

Они замолчали, и когда коляска подъѣхала къ крыльцу, онъ еще разъ обратился къ хозяину

— Между прочимъ, Вудсъ, скажите пожалуйста, у васъ въ домѣ водятся привидѣнія?

— Домъ настолько старъ, что могли бы водиться; но я не видалъ. А что?

— Я готовъ поклясться, что вчера ночью видѣлъ вонъ тамъ, въ кустахъ, движущуюся фигуру; а когда я подошелъ ближе, она исчезла неизвѣстно куда.

— Должно-быть, это опять служанка дона Цезаря. У нихъ есть тутъ такая индіанка, которая всегда бродитъ кругомъ. Мнѣ ужъ объ этомъ говорили. Но я положу ея прогулкамъ конецъ. Стало-быть, вы уѣзжаете? Жаль, что мало погостили, счастливаго пути!

ГЛАВА IV.

Два мѣсяца спустя послѣ описанныхъ въ предыдущихъ главахъ событій, м-ръ Тони Шеръ изъ Мерисвиля, возведенный недавно въ званіе довѣреннаго клерка достопочтеннаго м-ра Гетвея, вошелъ въ квартиру своего патрона въ Сакраменто и подалъ ему письмо.

— Я только-что вернулся изъ Санъ-Франциско, а м-ръ Слэтъ поручилъ мнѣ немедленно по пріѣздѣ передать вамъ это; если это то, что вамъ требовалось, и вы довольны, то онъ проситъ васъ отослать ему назадъ.

Поль взялъ конвертъ и вскрылъ его. Въ немъ заключался корректурный листъ, который онъ торопливо пробѣжалъ. Тамъ стояло:

«Тѣ изъ нашихъ читателей, которые знакомы съ прежней исторіей Санъ-Франциско, съ интересомъ узнаютъ, что эксцентрическое и необыкновенное опекунство, возложенное восемь лѣтъ тому назадъ на городского голову Санъ-Франциско и двоихъ изъ нашихъ старѣйшихъ гражданъ, вчера окончилось вмѣстѣ съ совершеннолѣтіемъ красавицы и благовоспитанной молодой лэди, воспитанницы монастыря св. Клары. Весьма немногимъ, за исключеніемъ первоначальныхъ опекуновъ, былъ извѣстенъ тотъ фактъ, что опекунская должность была присвоена всѣмъ городскимъ головамъ Санъ-Франциско, чередовавшимся за этотъ періодъ времени. И тайна была разглашена только недавно. Она является трогательнымъ и романическимъ примѣромъ возстановленія старинныхъ патріархальныхъ обязанностей первыхъ «алькадовъ» и простоты піонерской эпохи. Оказывается, что въ смутное время мексиканскаго землевладѣнія, наступившаго вслѣдъ за американской оккупаціей, чахоточная вдова отпрыска одной изъ старѣйшихъ калифорнскихъ фамилій довѣрила свое состояніе и опеку надъ малолѣтней дочерью городу Санъ-Франциско въ лицѣ его представителей—городскихъ головъ. Черезъ годъ болѣзненная мать умерла. Съ какой добросовѣстностью, мудростью и осторожностью эти джентльмены выполнили свои обязательства—явствуетъ изъ того факта, что имущество, довѣренное имъ, не только сохранилось въ цѣлости, но и удвоилось, такъ что молодая лэди, достигшая вчера совершеннолѣтія,—теперь богатѣйшая наслѣдница и образованнѣйшая изъ особъ своего пола. Теперь уже не секретъ, что это счастливое дитя Хризополиса—донья Марія-Консепціонъ де-Аргуелло де-ла Эрба-Буэна, титулъ, полученный ею отъ наслѣдственнаго имѣнія на островѣ, нынѣ принадлежащемъ федеральному правительству. Какъ трогательную и поэтическую дань ея пріемнымъ родителямъ можно считать ея желаніе называться стариннымъ, типическимъ именемъ, вслѣдствіе чего она была извѣстна своимъ друзьямъ просто лишь какъ «миссъ Эрба Буэна». Не менѣе интересное и занимательное обстоятельство мы усматриваемъ въ томъ фактѣ, что нашъ «юнѣйшій сенаторъ», достопочтенный Поль Гетвей, бывшій частный секретарь городского головы Гаммерсли, является однимъ изъ первоначальныхъ опекуновъ, а рыцарство старыхъ временъ воплощается въ лицѣ полковника Гарри Пендльтона, другого опекуна».

Кончивъ чтеніе, Поль взялъ карандашъ и зачеркнулъ послѣднія шесть строкъ; но вмѣсто того, чтобы отложить корректуру или обратиться къ дожидавшемуся секретарю, онъ остался съ корректурой въ рукѣ и повернулся лицомъ къ окну.

Оттого ли, что секретарь, по слабости человѣческой, усталъ ждать, или потому, что этотъ преданный сторонникъ увидѣлъ въ лицѣ своего молодого начальника что-то такое, отчего пришелъ въ смущеніе, но только онъ повернулся къ Полю съ тѣмъ преувеличеннымъ почтеніемъ, которое являлось слѣдствіемъ, во-первыхъ, его подчиненнаго положенія секретаря, а во-вторыхъ—его искренней привязанности къ старому товарищу, и сказалъ:

— Я надѣюсь, что ничего худого не случилось, сэръ? Нѣтъ новыхъ несправедливыхъ нападокъ на васъ за проведеніе билля о вспомоществованіи полковнику Пендльтону? Шагъ былъ съ вашей стороны, дѣйствительно, довольно рискованный, сэръ.

Поль встрепенулся и, выходя изъ задумчивости, съ улыбкой отвѣтилъ:

— Нѣтъ... ничего. Совсѣмъ наоборотъ. Напишите м-ру Слэту и поблагодарите его, и скажите, что такъ будетъ хорошо.. за исключеніемъ тѣхъ строкъ, которыя я вычеркнулъ. Принесите мнѣ письмо, когда его напишете, и я присоединю къ нему эту корректуру. Вы заходили къ полковнику Пендльтону?

— Да, сэръ. Онъ былъ въ Санта-Кларѣ и еще не возвращался. По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ сказалъ его дэнди-негръ. Ахъ, сэръ! ломанье и гримасы этой твари, съ тѣхъ поръ, какъ дѣла полковника поправились, совсѣмъ нестерпимы для бѣлаго человѣка! Помилуйте, сэръ—чортъ его побери!—онъ готовъ, кажется, вамъ покровительствовать и соизволилъ объяснить мнѣ, что «полковникъ очень хорошаго о васъ мнѣнія и считаетъ васъ способнымъ молодымъ человѣкомъ». Фактъ тотъ, сэръ, что наша партія впадаетъ въ крупную ошибку, пытаясь дать право голоса этому стаду... Все сведется къ тому, что у противной партіи будетъ по два голоса на человѣка, потому что рабы или свободные, а они въ рукахъ у своихъ господъ.

— Полковникъ Пендльтонъ не принадлежитъ ни къ какой партіи,—коротко отвѣтилъ Поль:—но если его бывшіе избиратели вздумаютъ вновь провести его къ власти, то утратятъ своего единственнаго независимаго мученика.

Онъ опять задумался, но Шеръ вынулъ изъ кармановъ пальто цѣлую кучу документовъ офиціальнаго вида.

— Я принесъ отчеты, сэръ.

— Что?—разсѣянно переспросилъ Поль.

Секретарь удивился.

— Отчеты начальника полиціи въ Санъ-Франциско, которые вы просили меня достать.

Его патронъ былъ сегодня удивительно какъ забывчивъ.

— Ахъ, да! благодарю васъ. Положите ихъ на мою конторку. Я просмотрю ихъ въ комитетѣ. А теперь можете итти, и если кто будетъ меня спрашивать—скажите, что я занятъ.

Секретарь ушелъ въ сосѣднюю комнату, а Поль откинулся на спинку кресла и задумался.

Онъ дѣйствительно исполнилъ то, что рѣшилъ, разставшись съ своей питомицей два мѣсяца тому назадъ. Статья, которую онъ только-что прочиталъ, и которая должна была появиться послѣзавтра, какъ передовая въ мѣстной газетѣ, являлась результатомъ упорнаго труда, развѣдокъ и выводовъ, и все это будетъ отнынѣ признано за достовѣрную исторію, которой если и не всѣ повѣрятъ, то, по крайней мѣрѣ, никто не въ состояніи будетъ опровергнуть.

Немедленно по возвращеніи въ Санъ-Франциско, онъ поспѣшилъ явиться къ полковнику Пендльтону и изложить ему факты и свой планъ. Къ его удивленію и огорченію, полковникъ энергически возражалъ противъ такого «навязыванія неизвѣстно чьего ребенка джентльмену, который не могъ обороняться», и даже завѣренія Поля, что этого мнимаго отца вовсе и не существовало и что онъ не что иное, какъ миѳъ, съ трудомъ успокоило его. И онъ уступилъ только тогда, когда Поль разсказалъ про сцену, при которой присутствовалъ, и про неудобную память судьи Бекера, и выразилъ свое убѣжденіе въ томъ, что если молодая дѣвушка не отступится отъ своей теоріи,—а онъ увѣренъ, что она не отступится, хотя бы ей пришлось при этомъ пожертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ,—то они будутъ вынуждены или поддержать ее, или разгласить ея позоръ.

Съ другой стороны, было гораздо меньше шансовъ на то, что будетъ разоблачена *положительная* выдумка, чѣмъ *неопредѣленная* и *неположительная* правда. Главная опасность заключалась въ неопредѣленности и тайнѣ, такъ какъ это подстрекало любопытство и наводило на догадки. Поль заявлялъ, что готовъ принять на себя всю отвѣтственность, и, наконецъ, добился отъ полковника обѣщанія «не препятствовать». Единственное обличеніе, котораго онъ боялся, это со стороны матери, но Пендльтонъ былъ твердо увѣренъ, что она не только вполнѣ предоставила дочь попеченіямъ ея опекуновъ, но и никогда не перемѣнитъ своего намѣренія отречься отъ всякаго родства съ нею; съ этою цѣлью мать осудила себя въ нѣкоторомъ родѣ на изгнаніе, и если бы она перемѣнила мнѣніе, то онъ первый узналъ бы объ этомъ.

На этомъ они разстались.

Тѣмъ временемъ Поль не забылъ о другомъ рѣшеніи, принятомъ имъ во время перваго визита къ полковнику, и ему удалось добиться законодательнымъ путемъ казенной субсидіи банку «Эльдорадо», и такимъ образомъ онъ могъ даже вернуть полковнику часть его личнаго имущества, находившагося подъ секвестромъ у кредиторовъ.

Своей питомицы онъ съ тѣхъ поръ не навѣщалъ, и, по достиженіи ею совершеннолѣтія, уступилъ полковнику Пендльтону свои полномочія и предоставилъ ему сопровождать городского голову въ Санта-Клару для окончательной и формальной церемоніи. Но онъ часто думалъ объ Эрбѣ, хотя рѣшилъ, что ей незачѣмъ знать, какъ много она обязана ему въ исполненіи своихъ желаній.

Со вздохомъ стряхнулъ онъ, наконецъ, всѣ эти мысли, отвлекавшія его отъ дѣла, и, придвинувъ къ себѣ груды отчетовъ, доставленныхъ ему Шеромъ, сталъ ихъ просматривать. Это тоже находилось въ связи съ его безмолвными, незамѣтными ни для кого развѣдками. Въ качествѣ предсѣдателя комитета, онъ воспользовался моднымъ тогда вопросомъ объ искорененіи проституціи, для чего собирались всякія статистическія данныя и свидѣтельскія показанія, и такимъ косвеннымъ, хотя и кропотливымъ, путемъ убѣдился, что женщина, извѣстная подъ именемъ «Кэтъ Говардъ», alias «Беверли», alias «Дурфри», давно уже вышла изъ-подъ надзора мѣстной полиціи, а въ отчетахъ о ней не упоминалось о ея ребенкѣ. Онъ довольно долго уже перебиралъ документы, какъ вдругъ остановился и почувствовалъ, что пульсъ у него бьется усиленнымъ образомъ. Въ докладѣ объ одномъ скандалѣ, происшедшемъ въ игорномъ домѣ, упоминалось о «Кэтъ Говардъ», которую выручилъ изъ рукъ полиціи *ея покровитель Хуанъ де-Аргуелло*.

Число, когда произошло это событіе, совпадало съ временемъ, когда была составлена довѣренность; впрочемъ, это ничего не значило.

Но имя?.. имѣло оно какое-нибудь значеніе, или же это было роковое совпаденіе обстоятельствъ?

Онъ вновь прочиталъ весь докладъ—и ничего не могъ изъ него извлечь. Даже менѣе зоркій и наблюдательный взоръ совсѣмъ бы не замѣтилъ этого пустого обстоятельства.

Онъ отложилъ отчетъ въ сторону и снова взялъ корректуру. Былъ ли еще хоть одинъ живой человѣкъ въ мірѣ, кромѣ него и Пендльтона, кто бы объединилъ ихъ два показанія? Что отношенія Кэтъ Говардъ къ этому Аргуелло были кратко-

временны и мало извѣстны—это явствовало изъ того, что Пендльтонъ ничего не зналъ объ этомъ фактѣ.

Но онъ долженъ съ нимъ снова увидѣться и не теряя времени. Быть-можетъ, онъ узналъ что-нибудь отъ Эрбы; молодая дѣвушка могла оказать пожилому человѣку то довѣріе, котораго не заслужилъ молодой; онъ припомнилъ даже съ краской на лицѣ, что въ этой надеждѣ онъ убѣдилъ полковника отправиться въ Санта-Клару.

Онъ положилъ корректуру въ карманъ и подошелъ къ двери, ведущей въ сосѣднюю комнату.

— Не пишите письма Слэту, Тони. Я самъ увижусь съ нимъ. Я ѣду въ Санъ-Франциско сегодня вечеромъ.

— А не прикажете ли, сэръ, сдѣлать какія-нибудь выписки изъ отчетовъ?

Поль поспѣшно собралъ документы и заперъ ихъ въ ящикъ стола.

— Не теперь, благодарю васъ. Я еще не всѣ ихъ просмотрѣлъ.

На слѣдующее утро Поль былъ въ Санъ-Франциско и снова вступилъ подъ портикъ гостиницы «Золотыя Ворота». Ему уже сообщили, что участь этого величественнаго зданія рѣшена тѣмъ, что заложенъ фундаментъ новаго зданія въ ближайшемъ скверѣ, долженствующаго совсѣмъ затмить его; ему показалось даже, что позолота, щедрою рукой разсыпанная въ гостинницѣ, уже потускнѣла. Но когда, заказавъ себѣ завтракъ, онъ прошелъ въ гостиную, то, къ счастію, нашелъ ее безлюдною въ этотъ ранній часъ. Здѣсь онъ впервые увидѣлъ ее. Здѣсь она стояла, вонъ около того зеркала, когда ихъ глаза впервые встрѣтились съ безмолвной инстинктивной симпатіей. Она сама напомнила и созналась въ этомъ....

Часъ спустя, онъ направился въ квартиру полковника Пендльтона, почти ожидая, что найдетъ превращеніе въ духѣ усовершенствованія и прогресса въ гостинницѣ Сентъ-Чарльзъ. Но все тамъ находилось попрежнему въ варварскомъ и первобытномъ состояніи. Общественное мнѣніе, очевидно, признало, что кромѣ безусловнаго разрушенія ничего съ ней не подѣлаешь, и ждало, чтобы ея истрескавшіяся стѣны рухнули сами собой, какъ карточный домикъ, на который она сдѣлалась похожа.

Поль на минуту принялъ было это за зловѣщій признакъ безнадежной неспособности ея обитателя примириться съ перемѣнившимися условіями его жизни, и съ чувствомъ сомнѣнія поднялся по скрипучей лѣстницѣ.

Но сомнѣніе это немедленно разсѣялось на порогѣ гостиной полковника при появленіи Джорджа и вслѣдствіе того пріема, какой онъ оказалъ гостю своего хозяина.

Сѣдой негръ былъ облеченъ въ новый, съ иголочки, «сьютъ» изъ синяго сукна съ великолѣпнымъ бѣлымъ жилетомъ и громаднымъ бѣлымъ галстукомъ, отъ котораго получалось такое впечатлѣніе, какъ будто у обладателя этого галстука распухли гланды. Манеры его, какъ показалось Полю, были еще церемоннѣе его костюма. Стряхнувъ пыль со стула и пододвинувъ его посѣтителю, онъ остановился передъ нимъ въ граціозной позѣ, положивъ руку на спинку другого стула.

— Вы все еще застаете насъ здѣсь, м-ръ Гетвей,—началъ онъ, картавя и играя громаднѣйшей серебряной цѣпочкой отъ часовъ:—полковникъ до сихъ поръ не могъ себѣ найти подходящей квартиры поблизости, но онъ особенно объ этомъ и не безпокоится, такъ какъ не увѣренъ, что не отправится путешествовать. Кварталъ низменный, сэръ, да и люди, которые въ немъ живутъ тоже низменные, и послѣ того, какъ мы сюда переѣхали, набралось очень много бѣлой шушеры подъ крышей здѣшней гостиницы. Но мы здѣсь временно, сэръ, и, такъ сказать, на походѣ.

Поль подумалъ, что сосѣдство извѣстной парикмахерской и опасныя воспоминанія, связанныя съ нею, играютъ нѣкоторую роль въ презрѣніи Джорджа къ кварталу, и не могъ удержаться чтобы не сказать:

— Значитъ, вамъ больше не нужно содержать цырюльню, Джорджъ? Я очень этому радъ.

Ударъ пришелся не въ бровь, а прямо въ глазъ. Злополучный Джорджъ, послѣ неудачныхъ попытокъ перемѣнить позу, сдался и съ видомъ оскорбленнаго достоинства, но съ тою же церемонной вѣжливостью, сказалъ:

— Вамъ извѣстно мое больное мѣсто, сэръ! Общія всѣмъ слабости человѣческой природы, сэръ, слишкомъ обыкновенная вещь, сэръ, и джентльменъ, какъ вы, сэръ, законодатель и могущественный ораторъ—послѣдній человѣкъ, чтобы упрекать за нихъ. Я сознаюсь, сэръ, обстоятельства были затруднительныя, заработокъ хорошій, а рискъ не великъ. Джентльменъ, владѣлецъ лавочки, самъ былъ артистъ и былъ негромъ полковника Гендерсона въ Теннесси, а джентльмена, котораго я смѣнилъ, звали м-ръ Джонсонъ. Но полковникъ иначе посмотритъ на это дѣло, сэръ, и если вамъ все равно, сэръ...

— Я не имѣю ни малѣйшаго намѣренія говорить объ этомъ съ полковникомъ или съ кѣмъ другимъ, Джорджъ,— сказалъ Поль, улыбаясь;—и я радъ, что по вашимъ собствен-

пымъ словамъ вы могли оставить всѣ занятія, кромѣ тѣхъ, какія вы имѣете здѣсь.

— Благодарю васъ, сэръ. Если позволите принести вамъ чего-нибудь освѣжиться, то теперь, сэръ, вы найдете, что у насъ все въ порядкѣ по этой части. Шампанское есть въ буфетѣ. Полковникъ скоро вернется и будетъ очень недоволенъ, сэръ, если вы ничего не откушаете до его прихода.

Онъ раскрылъ, говоря это, обильно снабженный бутылками буфетъ. То былъ первый признакъ поправившихся дѣлъ полковника, замѣченный Полемъ.

Онъ охотно удовольствовался бы однимъ видомъ, но желаніе успокоить обиженнаго старика заставило его принять рюмочку ликера. Джорджъ сразу просіялъ и сталъ сообщителенъ.

— Полковникъ отправился въ Санта-Клару повидаться съ молодой лэди, окончившей тамъ свое образованіе и единственной питомицей полковника, сэръ. Она—наслѣдница милліоннаго состоянія, сэръ, и, какъ я слышалъ, очень знатнаго рода, въ родствѣ съ прежнимъ мексиканскимъ правительствомъ. Вы не знаете, сэръ,—есть у молодой лэди титулъ? Мнѣ казалось, хотя я и не удостовѣряю это, что городской голова или самъ полковникъ говорили иногда про «донью».

— Очень вѣроятно,—отвѣчалъ Поль, отворачиваясь съ слабой улыбкой.

Итакъ, это уже носилось въ воздухѣ! Помимо, свойственной всѣмъ неграмъ страсти преувеличивать, уже шли переговоры между полковникомъ и городскимъ головой, о которыхъ Джорджъ смутно слышалъ. Онъ, чего добраго, опоздалъ, дѣло уже ускользнуло изъ его рукъ.

Но его смущеніе еще усилилось при видѣ вернувшагося Пендльтона.

Онъ былъ одѣтъ въ наглухо-застегнутый синій фракъ, который особенно рельефно выставлялъ его высокую, худую военную фигуру, хотя верхній отворотъ былъ закинутъ слишкомъ назадъ, чтобы обнаружить тонкую батистовую рубашку и бѣлый галстукъ. Въ петлицѣ красовался бѣлый розовый бутонъ. Мышинаго цвѣта панталоны со штрипками на узкихъ патентованныхъ кожаныхъ сапогахъ и высокая бѣлая шляпа съ широкимъ крепомъ, неизмѣннымъ трауромъ, который онъ носилъ по матери, умершей, когда онъ былъ мальчикомъ, довершали праздничную метаморфозу. Высокій ростъ, орлиный носъ и длинные сѣдые усы придавали изящную грацію этому отжившему костюму и пресѣкали въ корнѣ всѣ непочтительныя насмѣшки. Даже легкая хромота придавала особый

характеръ его трости съ массивнымъ золотымъ набалдашникомъ и подчеркивала церемонное изящество всей фигуры.

Передавъ Джорджу трость и военную шинель, онъ горячо поздоровался съ Полемъ, однако съ оттѣнкомъ прежней повелительности въ манерахъ.

— Очень радъ васъ видѣть, Гетвей, и радъ также тому, что Джорджъ лучше сумѣлъ васъ принять, чѣмъ въ прошлый разъ. Если бы я зналъ, что вы будете, я бы постарался вернуться во-время, чтобы позавтракать съ вами. Но ваши знакомые въ Розаріо—такъ, кажется, зовутъ эту виллу; въ мое время она принадлежала полковнику Бріонесу, и *онъ* называлъ ее «Чортовымъ логовищемъ» — задержали меня своими анаѳемскими любезностями. Постойте, какъ его звать?.. Вудсъ—такъ, кажется. Онъ, помнится, продавалъ когда-то ромъ матросамъ-дезертирамъ на Долгой Набережной и принималъ товары въ обмѣнъ? Илп это Бекеръ?.. судья Бекеръ? забылъ который изъ нихъ. Ну-съ, сэръ, они пожелали представиться мнѣ.

Полю показалось, можетъ-быть, не совсѣмъ основательно, что равнодушіе и обиняки полковника были немного дѣланные, и онъ коротко спросилъ:

— И вы выполнили свою миссію?

— Я формально передалъ вмѣстѣ съ городскимъ головой миссъ Аргуэлло ея имущество.

— Миссъ Аргуелло?

— Точнѣе говоря, доньѣ Маріи Консепціонъ де-Аргуелло де-ла Эрба - Буэна,— медленно проговорилъ полковникъ.— Джорджъ, снеси шляпу къ шляпному торговцу—какъ его дурацкое имя?—я только вчера прочиталъ его въ спискѣ здѣшнихъ именитыхъ гражданъ—и скажи ему, что мнѣ нуженъ *джентльменскій* траурный крепъ вокругъ шляпы, а не шнурокъ отъ дѣтскаго башмака. Можетъ-быть, *это* выражаетъ *его* понятіе о томъ, чего стоятъ его собственные родители—если только они у него были—но я не просилъ его оцѣнивать *моихъ*. Ступай!

Когда дверь затворилась за Джорджемъ, Поль обратился къ полковнику.

— Значитъ, вы согласны поддерживать эту выдумку?

Полковникъ всталъ, взялъ графинъ, налилъ въ рюмку виски и, держа ее въ рукѣ, сказалъ:

— Мой дорогой Гетвей, поймемъ хорошенько другъ друга. Какъ джентльменъ, я поставилъ себѣ за правило никогда не справляться о возрастѣ, имени или фамиліи знакомой мнѣ дамы. Миссъ Эрба Буэна достигла вчера совершеннолѣтія, и

такъ какъ она вышла изъ-подъ моей опеки, то имѣетъ несомнѣнное право на примѣненіе къ ней моего вышеупомянутаго правила. Поэтому, если ей угодно присоединить къ своему имени хоть весь испанскій словарь и всѣ испанскіе святцы, то я не вижу причины, почему бы я сталъ этому противиться.

Какъ ни характеренъ былъ этотъ маленькій спичъ, но Полю показалось, что онъ является лишь тѣнью былой независимой прямоты полковника, и онъ почувствовалъ, что Пендльтонъ ему, такъ сказать, измѣнилъ. Онъ устремилъ блестящіе глаза на своего хозяина, который съ аффектаціей тянулъ виски.

— Долженъ ли я понять изъ вашихъ словъ, что вы ничего больше не слышали отъ миссъ Эрбы за или противъ ея исторіи? что вы все еще не знаете, сама ли она введена кѣмъ-нибудь въ заблужденіе, или сознательно обманываетъ насъ?

— Послѣ того, что я только-что вамъ сказалъ, м-ръ Гетвей, я бы всякому другому отвѣтилъ по-свойски на такого рода вопросъ.

Этотъ ни съ чѣмъ не сообразный выпадъ—въ связи съ прежними сомнѣніями Пендльтона—вызвалъ принужденный смѣхъ у Поля, несмотря на его досаду.

Лицо полковника вспыхнуло. Какъ и всѣ односторонніе люди, онъ совсѣмъ былъ нечувствителенъ къ юмору и только смутно чувствовалъ, что уличенъ въ слабости. Онъ поставилъ рюмку.

— М-ръ Гетвей,—началъ онъ съ легкой дрожью въ своемъ обычно повелительномъ голосѣ:—вы въ послѣднее время оказали мнѣ услугу, которую я согласился принять отъ васъ, хотя вы и значительно моложе меня; но я счелъ ее результатомъ не столько вашего великодушія, сколько справедливости. Я принялъ ее, сэръ, еще и потому, что не просилъ о ней, и думалъ, что она исходитъ изъ вашего сердца. Если я позволилъ себѣ слишкомъ откровенно выразиться въ вопросѣ, который кажется вамъ только смѣшнымъ,то могу только извиниться передъ вами, сэръ. Если я принялъ благодѣяніе, отъ котораго не могу отказаться и за которое не могу отплатить, то долженъ нести и послѣдствія, и попросить васъ, сэръ, тоже считаться съ ними.

Хотя Полю было и совѣстно, но ему бросилось въ глаза сходство между укоризненной позой Джорджа и настоящимъ видомъ его барина, и стало смѣшно, хотя и жалко полковника.

Но онъ подавилъ улыбку и горячо сказалъ:

— Мнѣ слѣдуетъ извиниться передъ вами, дорогой полковникъ. Я смѣялся не надъ вашими заключеніями, но надъ страннымъ совпаденіемъ вашихъ словъ съ однимъ сдѣланнымъ мною открытіемъ.

— Какимъ, сэръ?

— Я нашелъ въ докладахъ начальника полиціи за 1850 г., что Кэтъ Говардъ пользовалась покровительствомъ одного человѣка, по фамиліи Аргуелло.

Напыщенность и аффектація немедленно исчезли изъ обращенія полковника. Онъ уставился на Поля.

— И вы находите это смѣшнымъ, сэръ?—строго, но уже болѣе натуральнымъ тономъ спросилъ онъ.

— Можетъ-быть, и нѣтъ, но я боюсь, если вы позволите мнѣ это сказать, что вы не отнеслись къ этому дѣлу достаточно серьезно, дорогой полковникъ. Я оставилъ васъ два мѣсяца тому назадъ вполнѣ несогласнымъ со взглядами, которые вы теперь считаете пустяками. И, однако, вы желаете, чтобы я думалъ, что ничто не перемѣнилось, и что вы не получали никакихъ новыхъ свѣдѣній; что это такъ, и что вы дѣйствительно не познакомились ближе съ фактами, я вѣрю уже потому, что вамъ неизвѣстенъ былъ фактъ, о которомъ я вамъ сейчасъ сообщилъ. Но чтобы на ваше сужденіе не было оказано давленія, этому я не могу повѣрить.

Онъ подошелъ ближе къ Пендльтону и положилъ свою руку на его руку.

— Я прошу васъ быть со мною откровеннымъ ради особы, интересы которой, я вижу, вы близко принимаете къ сердцу. Въ какой мѣрѣ отразится на нихъ сдѣланное мною открытіе? Вы не настолько предубѣждены, чтобы не видѣть того факта, что это совпаденіе можетъ быть опасно.

Пендльтонъ прокашлялся, всталъ, взялъ трость и проковылялъ по комнатѣ, послѣ чего опустился въ кресло у окна, поставивъ трость между колѣнъ и нервно покручивая сѣдые, длинные усы.

— М-ръ Гетвей, я *буду* откровененъ съ вами. Я ничего не понимаю въ этомъ темномъ дѣлѣ—ничего ровно! Знаю я о немъ только то, что я вамъ сказалъ. Ваше открытіе можетъ быть простымъ совпаденіемъ обстоятельствъ, и только. Но на меня повліяло, сэръ, — повліяло одно изъ совершеннѣйшихъ, божественнѣйшихъ... да, сэръ, невиннѣйшихъ созданій, какія когда-либо Господь посылалъ на землю. Дѣвушка, которую я съ гордостью призналъ бы своей дочерью; дѣвушка, которая будетъ выше всякаго мужчины, пожелающаго стать ея мужемъ! Молодая лэди, такая же безукоризненная по красотѣ, какъ и по своимъ достоинствамъ, и равной которой нѣтъ на землѣ! Я знаю, сэръ, *вы* со мной не согласны; я знаю, м-ръ Гетвей, — ваши пуританскіе предразсудки, ваши церковныя предвзятыя идеи, ваши свѣтскія теоріи о приличіи, а пуще всего, сэръ, ваше лицемѣріе, фарисейскія доктрины вашей

партіи,—я говорю это не въ обиду вамъ, сэръ,—ослѣпляютъ васъ насчетъ этой дѣвушки. Она, бѣдное дитя, сама увидѣла это и поняла; но въ своей безупречной чистотѣ и невинности не подозрѣваетъ о причинѣ. «Въ нашихъ натурахъ,—говорила она мнѣ вчера вечеромъ,—есть что-то странно антипатичное и взаимноотталкивающее, какая-то неопредѣленная и непонятная преграда между нашими умами, мѣшающая намъ понимать другъ друга». Вы понимаете, м-ръ Гетвей, что она отдаетъ полную справедливость вашимъ намѣреніямъ и безспорнымъ талантамъ. «Я не слѣпа къ дарованіямъ м-ра Гетвея,—говоритъ она,—очень возможно, что я одна во всемъ виновата». Ея подлинныя слова, сэръ.

— Итакъ, вы вѣрите, что она безусловно не знаетъ, кто ея мать?—спросилъ Поль твердымъ голосомъ, но съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Какъ новорожденный младенецъ,—отвѣчалъ полковникъ напыщенно.—Снѣгъ на Сіеррахъ не болѣе безпорочно чистъ отъ всякой грязи, чѣмъ она отъ материнской заразы. Ей знать это! Да тѣнь подозрѣнія была бы для нея профанаціей, сэръ! Взгляните въ ея глаза, открытые какъ небо и такіе же ясные; взгляните на ея лицо и всю наружность, такую же прямую и безукоризненную, сэръ, какъ у степного чистокровнаго коня! Взгляните на то, какъ она себя держитъ—въ простомъ ли то будетъ школьномъ платьицѣ, или въ томъ черномъ нарядѣ, въ которомъ она похожа на принцессу! И чортъ меня побери, если она не настоящая принцесса! Въ ней нѣтъ низкой примѣси, нѣтъ смѣшанной крови, сэръ. Чортъ меня побери, сэръ, но если ужъ на то пошло, то Аргуелло—а есть ли изъ нихъ хоть одна собака въ живыхъ?—должны на колѣняхъ молить ее принять ихъ фамилію! Клянусь Всевышнимъ, сэръ, если кто-либо изъ нихъ осмѣлится стать на ея пути и не упадетъ передъ нею ницъ,—да, сэръ, *ницъ!* — я сотру его съ лица земли и отправлю къ праотцамъ прежде, нежели онъ спохватится,—или меня зовутъ не Гарри Пендльтонъ!

Какъ ни было все это безразсудно и непослѣдовательно, но интересно было глядѣть на полковника съ его смуглымъ, суровымъ лицомъ, озареннымъ восторгомъ фанатика, съ глазами, метавшими молніи, съ закрученными сѣдыми усами, съ закинутой назадъ головой, разставленными врозь ногами и съ тростью съ золотымъ набалдашникомъ подъ мышкой, точно копье.

Поль глядѣлъ и зналъ, что превращеніе его въ Донъ-Кихота — *ея* тріумфъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ горько сознавалъ, что прелесть *этой* Дульцинеи врядъ ли преувеличена. Онъ отвернулся и спокойно проговорилъ:

— Такъ вы полагаете, что это совпаденіе не вызоветъ никакихъ подозрѣній насчетъ ея настоящаго имени?

— Нимало, сэръ. нимало,—отвѣчалъ полковникъ болѣе рѣшительнымъ, нежели убѣжденнымъ тономъ.—Никто, кромѣ васъ, не замѣтитъ этой полицейской отмѣтки, и связь этой женщины съ нимъ и не была никому извѣстна, или же бы я зналъ о ней.

— И вы думаете,—продолжалъ Поль безнадежно, что выборъ этой фамиліи миссъ Эрбой былъ чисто случайный?

— Чисто... Дѣвическая фантазія! Фантазія, говорю я вамъ! Нѣтъ, сэръ! клянусь Юпитеромъ—не фантазія, а скорѣе вдохновеніе!

— И вы не думаете,—настаивалъ Поль, но болѣе машинально,—чтобы это могло быть коварнымъ внушеніемъ со стороны врага, знавшаго о мимолетной связи, о которой никто другой не подозрѣвалъ?

Къ его окончательному удивленію, лобъ Пендльтона разгладился.

— Врага? Чортъ возьми! вы, можетъ-быть, правы! Я займусь этимъ; и если это такъ, на что я не смѣю надѣяться, то вы можете спокойно предоставить это дѣло мнѣ, м-ръ Гетвей.

Онъ до такой степени, казалось, былъ увѣренъ въ своемъ героизмѣ, что Полю нечего было больше сказать. Онъ всталъ и съ слабой улыбкой на блѣдномъ лицѣ протянулъ руку:

— Мнѣ кажется, я все сказалъ, что слѣдовало. Когда увидите миссъ Эрбу снова,—а вы, безъ сомнѣнія, увидите ее,—то скажите ей, что я не чувствую, чтобы съ моей стороны было какое-нибудь недоразумѣніе; развѣ, быть-можетъ, въ томъ способѣ, какимъ я думалъ наилучшимъ образомъ ей услужить,—но если бы не ея слова вамъ, то я бы, конечно, и не помыслилъ, что между нами есть какое-нибудь недоразумѣніе.

— Разумѣется, я исполню ваше порученіе,—сказалъ полковникъ съ безпечной философіей и съ удовольствіемъ:—вы понимаете эти вещи, м-ръ Гетвей; объясненія этого рода инстинктовъ невозможны,—намъ приходится принимать ихъ какъ они есть. Но я вѣрю, что ваши сообщенія, сэръ, были строго согласны съ тѣмъ, что вы считали своимъ долгомъ. Вы не хотите ли выпить чего-нибудь передъ уходомъ?.. Ну, значитъ, прощайте.

Двѣ недѣли спустя, Поль нашелъ среди своей утренней корреспонденціи конвертъ, надписанный неровнымъ дѣтскимъ почеркомъ полковника Пендльтона. Онъ вскрылъ его съ торопливостью, какую ни искусственное самообладаніе ни

строгое выполненіе обязанностей еще не помогли ему подавить, и поспѣшно ознакомился съ его содержаніемъ:

«Любезный сэръ, такъ какъ я готовлюсь отплыть въ Европу завтра, сопровождая миссъ Аргуелло и миссъ Вудсъ въ ихъ путешествіи въ Англію и на континентъ Европы, то хочу увѣдомить васъ, что до сихъ поръ не нашелъ еще никакихъ подтвержденій намеку, высказанному вами во время нашего послѣдняго свиданія.

«Испанскія знакомства миссъ Аргуелло самыя отборныя и ограничиваются немногими школьными подругами и дономъ Цезаремъ и доньей Анной Бріонесъ, испытанными друзьями, вмѣстѣ съ нами отплывающими въ Европу. Миссъ Аргуелло высказала мнѣніе, что политическая размолвка между вами и дономъ Цезаремъ, происшедшая во время вашего визита въ Розаріо три мѣсяца тому назадъ, могла, быть-можетъ, подать поводъ къ вашему предположенію. Она присоединяетъ свои наилучшія пожеланія къ моимъ относительно вашей общественной карьеры, за которую будетъ слѣдить съ величайшимъ интересомъ даже среди развлеченій путешествія по чужимъ краямъ и обязанностей ея положенія. Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашъ—Гарри Пендльтонъ».

ГЛАВА V.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1863 г. Поль Гетвей поручилъ себя и свой багажъ попеченію расшитаго по всѣмъ швамъ золотомъ пышнаго курьера гостиницы Бадъ-Гофъ въ городкѣ Штрудлѣ, не будучи вполнѣ увѣренъ, попавъ въ страну мундировъ, куда его собственно доставятъ: въ казармы, въ полицію или въ консерваторію. Его сомнѣнія разсѣялись, когда омнибусъ въѣхалъ во дворъ гостиницы, и швейцаръ съ золотой цѣпью, среди двухъ зеленыхъ кадокъ съ олеандрами, встрѣтилъ его съ важностью, разсчитанною на истребленіе всякой предвзятой идеи о томъ, что путешествіе—пустое дѣло, или что пріѣздъ въ Бадъ-Гофъ не серьезный моментъ въ жизни. Письма на его имя еще не приходили, такъ какъ въ припадкѣ скуки онъ сократилъ свой маршрутъ, поэтому онъ прошелъ въ читальную.

Двое или трое посѣтителей-англичанъ, очевидно, были заняты самымъ почтеннымъ чтеніемъ и писаніемъ; двое сидѣли у окна, ведя вполголоса душеспасительную бесѣду, а двое американцевъ изъ Бостона подражали имъ на другомъ концѣ комнаты.

Всюду царствовала приличная натянутость, какъ у людей, которые ни на одну минуту не могутъ питать дикой идеи, что на водахъ можетъ быть весело.

Прусскій офицеръ въ очкахъ, въ полной парадной формѣ, проходя по двору, на секунду остановился у дверей гостиницы съ такимъ видомъ, точно созерцалъ вторженіе непріятеля, но одумался и пронесъ свой мундиръ дальше на залитую солнцемъ площадь, гдѣ соединился съ другими мундирами. Поль стоялъ среди полной тишины до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ читающихъ не всталъ и съ книгой въ рукахъ—это былъ путеводитель Муррея—не перешелъ черезъ всю комнату къ своему знакомому, безмолвно указавъ ему на какое-то мѣсто въ книгѣ и безмолвно дождавшись, пока тотъ безмолвно прочиталъ, послѣ чего вернулся назадъ на свое мѣсто; весь инцидентъ прошелъ такимъ образомъ въ молчаніи. Тогда Поль, убѣдившись въ томъ, что онъ здѣсь лишній, тихонько вышелъ изъ комнаты и пошелъ бродить по городку. Къ своему удовольствію онъ натолкнулся на знакомаго ему офицера, путешествовавшаго по Америкѣ и любившаго разсуждать о ней при чемъ всегда выказывалъ такое тонкое пониманіе, какое Поль не часто встрѣчалъ у соотечественниковъ. Онъ съ радостью возобновилъ знакомство, и они вмѣстѣ направились въ сумерки въ гостиницу.

Они находились уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, когда вниманіе Поля было привлечено любопытствомъ и восторгомъ двухъ или трехъ ребятишекъ, слѣдовавшихъ впереди его за странной фигурой, которая, очевидно, была имъ не незнакома. То былъ, повидимому, слуга въ яркой ливреѣ зеленаго цвѣта съ желтыми галунами и серебряными пуговицами. Но всего замѣчательнѣе въ немъ была невыразимая смѣсь развязности и важности, съ какою онъ носилъ свое пестрое одѣяніе. Въ его походкѣ и размахиваньѣ тростью было что-то какъ будто знакомое Полю и вмѣстѣ съ тѣмъ такое забавное, что Поль не только понялъ любопытство ребятишекъ, но и самъ заинтересовался не меньше ихъ. Онъ ускорилъ шаги, но не могъ различить лица незнакомца. Спутникъ Поля, забавляясь тѣмъ, что ему казалось національнымъ американскимъ любопытствомъ, уже раньше видалъ эту фигуру.

— Это—лакей изъ свиты какой-то восточной «свѣтлости», пріѣхавшей сюда на воды. Вы увидите диковинныя вещи въ Штрудль-Бадѣ, мой другъ. Par exemple, вашихъ соотечественниковъ: иной изъ нихъ обогатился, торгуя свинымъ мясомъ, или мыломъ, или свѣчами, и разъѣзжаетъ въ каретѣ съ гербомъ, купленнымъ имъ въ Италіи, со своими долларами и

красавицей дочкой, которая ищетъ еще новыхъ титуловъ съ матримоніальными поползновеніями.

Послѣ ранняго обѣда Поль отправился въ небольшой театръ. Онъ уже раньше замѣтилъ раскрашенную афишу, наклеенную неподалеку отъ дебаркадера, возвѣщавшую, что знаменитая нѣмецкая труппа даетъ представленіе «Хижины дяди Тома», и нѣкоторыя особенности въ испещренномъ картинами объявленіи обѣщали много забавнаго.

Онъ нашелъ театръ почти полнымъ; тутъ былъ обычный контингентъ офицеровъ, англичанъ и нѣмцевъ - туристовъ, но никого, повидимому, изъ его соотечественниковъ. Ему некогда было осмотрѣть публику подробнѣе, потому что представленіе началось съ необыкновенной и дотолѣ невѣдомой ему пунктуальностью ровно въ назначенный часъ.

Перенесенный сразу въ роскошную тропическую мѣстность—рабовладѣльческіе штаты Америки—богатую плодами и пальмами съ острова Маврикія и населенную исключительно Павлами и Виргиніями въ полосатыхъ бумажныхъ тканяхъ Гетвей ухитрился сохранить серьезное лицо до прибытія добраго южнаго плантатора Сентъ-Клера, загримированнаго какъ одинъ изъ портретовъ Гете первой молодости, въ сапогахъ съ отворотами, легкихъ казинетовыхъ брюкахъ, въ сюртукѣ и съ отложнымъ à la Байронъ воротничкомъ. Тутъ онъ вынужденъ былъ забиться въ уголъ ложи и закрыть лицо носовымъ платкомъ. Къ счастію, это движеніе могло быть объяснено свиданіемъ крайне патетическаго характера между круглолицей, бѣлокурой маленькой Евой—«Kleine Eva»—и «Дядей Томомъ».

Поль не сталъ дожидаться конца этого балаганнаго представленія и, сопровождаемый негодующимъ шипѣніемъ зрителей, вышелъ изъ ложи, прошелъ по коридору и спустился съ лѣстницы. Онъ проходилъ мимо открытыхъ дверей съ надписью: «директоръ», когда вниманіе его было привлечено небольшимъ сборищемъ людей и звуками негодующаго голоса. То былъ голосъ соотечественника,—болѣе того, то былъ знакомый голосъ, голосъ, котораго онъ не слышалъ уже три года, голосъ полковника Гарри Пендльтона.

— Скажите ему,—говорилъ Пендльтонъ громовымъ голосомъ своему невидимому собесѣднику:—скажите ему, сэръ, что это самая подлая карикатура изъ самыхъ негодныхъ карикатуръ на свободный народъ, какія мнѣ когда-либо случалось видѣть, сэръ! Скажите ему, что *я* сэръ, да! *я*, Гарри Пендльтонъ изъ Кентукки, южанинъ, сэръ, бывшій рабовладѣлецъ, сэръ, заявляю, что это—сборище клеветъ и лжи, недостойной

довѣрія честныхъ христіанъ и цивилизованныхъ людей, недостойныхъ вниманія порядочныхъ лэди и джентльменовъ, собравшихся здѣсь сегодня вечеромъ! Скажите ему, сэръ что его обманули. Скажите, что я отвѣчаю,—передайте ему мою карточку и адресъ,—лично отвѣчаю за свои слова. Если онъ желаетъ доказательствъ, чортъ побери!—скажите ему, что вы сами были невольникомъ, *моимъ* невольникомъ, сэръ! Снимите шляпу, сэръ! Попросите его поглядѣть на васъ, спросите его, похожи ли вы на этого вислоухаго, бѣлобородаго ханжу, распѣвающаго псалмы на сценѣ! Спросите его, сэръ, похожъ ли этотъ шутъ гороховый, котораго они называютъ Сентъ-Клеромъ, похожъ ли онъ на *меня!*

При этихъ удивительныхъ восклицаніяхъ Поль поспѣшно прошелъ впередъ и вошелъ въ контору. То былъ, несомнѣнно, полковникъ Пендльтонъ въ безукоризненномъ фракѣ, высокій, громящій, негодующій! Передъ нимъ стоялъ не кто иной, какъ Джорджъ въ изумительной ливреѣ, какую могъ носить только Джорджъ.

Но онъ еще больше удивился, когда старый негръ на такомъ же коверканномъ, шепелявомъ нѣмецкомъ языкѣ, какъ и тотъ англійскій, на которомъ онъ говорилъ, но такъ же бѣгло и убѣдительно, какъ онъ говорилъ на своемъ родномъ языкѣ, принялся за нелѣпый, но полный чувства собственнаго достоинства и дипломатическій переводъ протестовъ своего господина. Когда и гдѣ, и въ силу какого инстинкта онъ усвоилъ себѣ напыщенную сентиментальность и комическіе обороты тевтонской фразеологіи—Поль не могъ догадаться, но съ глубокимъ удивленіемъ убѣдился, что рѣчь и манеры старика были такъ убѣдительны и краснорѣчивы, что не только на директора театра, но и на зрителей вся эта нелѣпая сцена производила глубокое впечатлѣніе, что и выражалось глубокомысленными и прочувствованными: «So!»—вырывавшимися время отъ времени у присутствующихъ.

Поглощенные своимъ дѣломъ, ни полковникъ ни Джорджъ не замѣтили прихода Поля, но въ то время, какъ старый слуга съ величественной галантностью поворачивался къ присутствующимъ, глаза его остановились на пришедшемъ. Удивленіе, торжество и радость сверкнули въ нихъ. Поль сейчасъ же увидѣлъ, что негръ не только узналъ его, но что онъ уже слышалъ про него и вполнѣ оцѣнилъ высокій постъ, какой недавно порученъ былъ Полю. Съ усиленной напыщенностью манеръ и рѣчи негръ воззвалъ къ именитѣйшему и такъ кстати пожаловавшему сюда старинному другу его господина лорду-намѣстнику губернатора Золотой Калифорніи, прося подтвер-

дить его слова. Полковникъ Пендльтонъ встрепенулся и горячо пожалъ руку Полю.

Поль обратился къ директору, уже на половину смягчившемуся, съ дипломатическимъ заявленіемъ, что живая и реальная игра его превосходной труппы, въ связи съ неизбѣжнымъ преувеличеніемъ въ драматическомъ произведеніи, не въ мѣру взволновали его стараго друга, и инцидентъ окончился обоюдными извиненіями и выраженіемъ международныхъ добрыхъ чувствъ.

Однако, когда они вмѣстѣ вышли изъ театра, Поль не могъ не замѣтить, что хотя полковникъ поздоровался съ нимъ горячо, но вслѣдъ затѣмъ сталъ сдержанъ и сухъ. Поль не пытался пробить ледъ, ограничился общими замѣчаніями и пригласилъ полковника отужинать съ нимъ въ гостиницѣ. Пендльтонъ колебался.

— Во всякое другое время, м-ръ Гетвей, я бы настоялъ, чтобы вы, въ качествѣ пріѣзжаго, отужинали бы у меня, но въ отсутствіе остальныхъ членовъ моей компаніи я сдалъ свои аппартаменты въ Бадъ-Гофѣ и занялъ небольшую квартирку для себя и моего слуги въ «Черномъ Орлѣ». Миссъ Вудсъ и миссъ Аргуелло приняли приглашеніе провести нѣсколько дней на виллѣ барона и баронессы фонъ-Шильпрехтъ, за часъ или два ѣзды отсюда.

Онъ сдѣлалъ удареніе на титулѣ и вопросительно взглянулъ на Поля. Но Гетвей не выразилъ ни удивленія ни волненія при имени Эрбы, а равно и при упоминаніи титула людей, къ которымъ она отправилась въ гости, и Пендльтонъ продолжалъ:

— Миссъ Аргуелло пользуется, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, славой первой красавицы, и ею очень восхищаются.

— Охотно вѣрю,—отвѣчалъ Поль.

— И она заняла въ обществѣ такое положеніе, сэръ, какое ей подобаетъ.

Какъ будто не замѣчая слегка вызывающаго тона полковника, Поль отвѣчалъ:

— Радъ это слышать. Тѣмъ болѣе, что нѣмцы, какъ мнѣ кажется, очень дорожатъ чинами, титулами и родовитостью.

— Вы правы, сэръ, вы вполнѣ правы, они очень этимъ дорожатъ,—проговорилъ полковникъ гордо:—хотя,—прибавилъ онъ съ намѣреніемъ растягивая слова,—я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что король можетъ въ иныхъ случаяхъ, если захочетъ, надѣлить,—да, сэръ... *надѣлить* лицо, которое онъ пожелаетъ осчастливить, предками... да, сэръ, *предками!*

Поль бросилъ быстрый взглядъ на собесѣдника.

— Да, сэръ, это такъ бываетъ въ случаѣ, скажемъ, если лэди ниже по происхожденію своего жениха, то король можетъ, въ случаѣ ея помолвки съ дворяниномъ, облагородить ея отца, мать и ихъ отцовъ и матерей, хотя бы они даже были покойники.

— Боюсь, что это уже нѣкоторое преувеличеніе рѣдкаго обычая жаловать «дворянскія земли» или помѣстья, съ которыми связаны наслѣдственные титулы,—сказалъ Поль немного торжественнѣе, чѣмъ того требовали обстоятельства.

— Фактъ, сэръ! Джорджъ все это знаетъ,—продолжалъ Пендльтонъ.—Онъ узналъ это отъ другихъ слугъ. Я не говорю по здѣшнему, сэръ, но *онъ* говоритъ. Научился въ одинъ годъ.

— Да, я долженъ поздравить его съ тѣмъ, какъ онъ бѣгло говоритъ по-нѣмецки,—замѣтилъ Поль, глядя на Джорджа.

Старый слуга улыбнулся, но не безъ снисходительности.

— Да, сэръ, я не скажу такому образованному человѣку, какъ вы, сэръ, что выражаюсь съ грамматической правильностью, но что касается, сэръ, *идіотизмовъ* языка, то я, по общему приговору, довольно хорошо справляюсь съ ними. Что же касается того, что говоритъ мистеръ Гарри про облагораживаніе предковъ, то я слышалъ объ этомъ, сэръ, отъ лучшихъ авторитетовъ, отъ первѣйшихъ, можно сказать, prima facie людей, отъ приближенныхъ его королевскаго высочества, сэръ, во время нашей обычной бесѣды.

— Ну, довольно, Джорджъ,—сказалъ Пендльтонъ съ отеческой безцеремонностью:—бѣгите впередъ и скажите буфетчику, что м-ръ Гетвей мой пріятель... а потому, чтобы ужинъ былъ соотвѣтственный.

Когда негръ ушелъ, онъ замѣтилъ Полю:

— А вѣдь онъ говоритъ правду: онъ—самый популярный человѣкъ во всемъ Штрудль-Бадѣ—чертовски популярнѣе своего барина—и всюду бываетъ, куда *мнѣ* никакъ не попасть. Принцы и принцессы останавливаются и заговариваютъ съ нимъ на улицѣ. Недавно великій герцогъ просилъ позволенія посадить его къ себѣ на козлы во время скачекъ, и клянусь Всевышнимъ, сэръ, онъ задаетъ здѣсь тонъ.

— И какъ я вижу, одѣвается въ этомъ духѣ,—замѣтилъ Поль.

— Это его собственная идея. И клянусь Юпитеромъ! онъ оказывается правъ. Вы здѣсь ничего не сдѣлаете безъ мундира. И мнѣ говорятъ, что его ливрея строго правильна—до гербовъ на пуговицахъ.

Они молча шли въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ; изъ походки и манеръ Пендльтона Поль замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ покоенъ и чѣмъ-то разстроенъ. Гетвей не имѣлъ намѣренія вы-

зывать своего собесѣдника на дальнѣйшую откровенность. Быть-можетъ, опытъ подсказывалъ ему, что она и безъ того скоро явится. Поэтому онъ безпечно говорилъ о самомъ себѣ, какъ онъ почувствовалъ необходимость отдыха и рѣшился путешествовать, и какъ нѣмецкій докторъ, съ которымъ онъ совѣтовался, убѣдилъ его провести нѣсколько недѣль въ Штрудль-Бадѣ прежде, нежели пуститься обратно домой. Но онъ отлично замѣчалъ, что полковникъ отъ времени до времени украдкой взглядывалъ ему въ лицо.

— А вы,— сказалъ онъ въ заключеніе,—когда сами думаете вернуться въ Калифорнію?

Полковникъ немного замялся.

— Я останусь въ Европѣ до тѣхъ поръ, пока миссъ Аргуелло не будетъ пристроена... я хочу сказать,—поспѣшно прибавилъ онъ:—пока она не освоится вполнѣ съ иностранными обычаями и порядками. Вы видите, Гетвей, я въ нѣкоторомъ родѣ до сихъ поръ служу ей опекуномъ. Я старый человѣкъ, у меня нѣтъ никого родственниковъ... для теперешнихъ молодцовъ,—онъ неопредѣленно кивнулъ въ направленіи къ западу,—я слишкомъ старомоденъ. Но здѣсь, въ землѣ старыхъ традицій и пріемовъ, это незамѣтно. Вотъ я и опекаю ее, сторожу ее, хотя, конечно, у нея есть другіе друзья и знакомые,—понимаете, болѣе ей по возрасту и по вкусу.

— И я не сомнѣваюсь, что она вполнѣ счастлива,—произнесъ Поль съ убѣжденіемъ.

— Полагаю такъ, сэръ,—протянулъ полковникъ:—хотя иногда мнѣ кажется, м-ръ Гетвей, что для нея полезнѣе было бы женское покровительство какой-нибудь пожилой свѣтской лэди. Здѣсь это въ обычаѣ: это называется, знаете, chaperon. Ну, а миссъ Вудсъ, видите, однихъ съ нею лѣтъ. Донья Анна, конечно, старше, но—чортъ бы ее побралъ!—она такая же кокетка, какъ и всѣ другія... то-есть, я хочу сказать, сэръ, что ей недостаетъ равновѣсія и — если можно такъ выразиться—самопожертвованія.

— Значитъ, донья Анна все еще въ вашей компаніи?

— Да, сэръ, а также и ея братъ, донъ Цезарь. Я считалъ полезнымъ для Эрбы, какъ можно больше поддерживать ея предполагаемыя испанскія связи, хотя, благодаря нелѣпому незнанію географіи и политическихъ условій, здѣсь всѣ воображаютъ, что она изъ Южной Америки. Фактъ, сэръ! Меня самого принимали за директора одной изъ этихъ чертовскихъ республикъ и на меня указывали какъ на повелителя двухъ или трехъ милліоновъ негровъ такихъ же, какъ мой Джорджъ.

Лицо полковника не выражало и тѣни юмора, хотя онъ и засмѣялся короткимъ смѣхомъ.

За ужиномъ Пендльтонъ немного оттаялъ, однако не проронилъ ни слова о тайнѣ родственныхъ отношеній Эрбы или о какихъ бы то ни было признаніяхъ съ ея стороны. По всей видимости, положеніе дѣлъ было то же, что и три года тому назадъ. Онъ говорилъ о ея популярности, какъ красивой женщины и богатой наслѣдницы, и о поклоненіи, которымъ ее окружали. Онъ не сомнѣвался, что она отказалась отъ нѣсколькихъ весьма блестящихъ партій, но объ этомъ она ни съ кѣмъ не говорила. Она имѣла полное право такъ поступать. Она не тщеславная дѣвушка, которую можно подкупить лестью или обмануть; напротивъ того, онъ не встрѣчалъ болѣе хладнокровной и разсудительной женщины. Она знаетъ себѣ цѣну. Когда она встрѣтитъ человѣка себѣ по плечу, тогда и выйдетъ замужъ, но не прежде. Онъ не знаетъ, въ чемъ заключается ея идеалъ, но этотъ идеалъ, конечно, очень высокъ. Онъ можетъ только сказать по собственному опыту, что въ прошломъ году, когда они были на итальянскихъ озерахъ, тамъ былъ одинъ принцъ — м-ръ Гетвей пойметъ, что онъ не можетъ называть имени—и онъ былъ не только внимателенъ къ ней, но даже внимателенъ и *къ нему*; да, сэръ, клянусь Юпитеромъ! и дѣлалъ весьма знаменательные вопросы. Это былъ единственный разъ, когда онъ, полковникъ, заговорилъ съ ней объ этомъ предметѣ, и зная, что она неравнодушна къ этому человѣку, который былъ въ своемъ родѣ недурной человѣкъ, спросилъ ее, почему она не поощритъ его.

Она отвѣчала со смѣхомъ, что онъ не можетъ жениться на ней, не отказавшись отъ своихъ правъ на нѣкій престолъ, а *безъ этого* она не пойдетъ за него. То были ея собственныя слова, сэръ, и онъ можетъ прибавить только, что принцъ уѣхалъ черезъ нѣсколько дней, и они его больше не видѣли. Что касается разныхъ князьковъ, графчиковъ и бароновъ, то она знала до мельчайшихъ подробностей ихъ права на дворянскій патентъ и давность этихъ правъ, а также и то, какія привилегіи съ ними связаны; она могла сообщить цѣнность ихъ помѣстій до послѣдняго гроша, количество ихъ долговъ и, клянусь Юпитеромъ! сэръ, размѣръ тѣхъ суммъ, какія ей пришлось бы заплатить, чтобы выкупить ихъ имѣнія, прежде чѣмъ выйти замужъ. Она знаетъ какъ великъ тотъ доходъ, какой она должна принести офицеру прусской арміи, отъ генерала до прапорщика включительно. Она понимаетъ себѣ цѣну и свои права. Одинъ юный англійскій лордъ познакомился съ ними на Рейнѣ, и его простыя, непритязательныя манеры

понравились ей. Они сдѣлались большими пріятелями, но лордъ хотѣлъ, чтобы онъ, полковникъ, убѣдилъ ее принять приглашеніе пріѣхать съ нимъ, полковникомъ, въ Англію, къ его матери, чтобы его родственники познакомились съ нею. Но она отказалась, сэръ! она отказалась представляться его матери. Она сказала, что *ему* слѣдовало бы представиться *ея* матери!

— Какъ? она сказала это?—перебилъ Поль, устремивъ глаза на полковника.

— Если бы у нея была мать, сэръ, если бы она у нея была,—поправился поспѣшно полковникъ.—Само собой разумѣется, это было только предположеніе. Всѣмъ извѣстно, сэръ, что она сирота.

Мертвое молчаніе послѣдовало за этимъ. Полковникъ откинулся на спинку кресла и крутилъ усы. Поль отвернулся и казался погруженнымъ въ размышленіе. Наконецъ полковникъ прокашлялся, поставилъ рюмку на столъ и, опершись на него, сказалъ:

— У меня къ вамъ просьба, м-ръ Гетвей.

— Къ вашимъ услугамъ, дорогой полковникъ.

— Вы, конечно, встрѣтитесь съ миссъ Аргуелло во время своего пребыванія здѣсь; было бы странно, если бы вы не встрѣтились. Дайте мнѣ честное слово, что не будете дѣлать ей никакихъ намековъ на прошлое и не станете съ ней заговаривать объ этомъ предметѣ.

Поль пристально поглядѣлъ на полковника.

— Я не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія заговаривать объ этомъ, хотя думалъ, что все уже улажено безъ всякихъ разговоровъ. Но долженъ ли я понять изъ вашихъ словъ, что она сама нѣсколько безпокоится объ этомъ? Изъ того, что вы мнѣ говорили объ ея честолюбивыхъ планахъ, я не могу себѣ представить, чтобы она питала какія-нибудь подозрѣнія насчетъ истиннаго положенія вещей.

— Разумѣется, нѣтъ,—отвѣчалъ поспѣшно полковникъ.—Но вы мнѣ обѣщаете?..

— Обѣщаю, что не буду съ ней заговаривать объ этомъ вопросѣ, а если она сама заговоритъ—что врядъ ли возможно, то ничего не открою ей безъ вашего согласія.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Пендльтонъ не особенно, впрочемъ, обрадованнымъ голосомъ.—Она завтра вернется сюда.

— Вы говорили, что она уѣхала на нѣсколько дней.

— Да; но она вернется, чтобы повидаться съ доньей Анной, которая заѣдетъ сюда съ братомъ по дорогѣ въ Парижъ.

Поль подумалъ, что въ послѣдній разъ онъ ее видѣлъ тоже въ обществѣ брата и сестры Бріонесъ. Это было не очень пріятное совпаденіе. Однако онъ спохватился объ этомъ только тогда, какъ замѣтилъ, что полковникъ наблюдаетъ за нимъ.

— Вамъ, кажется, братъ ея не по нутру,—сказалъ Пендльтонъ.

На секунду у Поля мелькнуло желаніе сообщить о своихъ смутныхъ подозрѣніяхъ насчетъ дона Цезаря, но крайняя безполезность такого заявленія и воспоминаніе о теоріи Эрбы насчетъ ея антипатіи къ нему, сообщенной когда-то въ письмѣ Пендльтона, во-время остановили его. Онъ только сказалъ:

— Никакихъ причинъ не любить дона Цезаря у меня, сколько я помню, никогда не было. За что я его невзлюбилъ— я и самъ не знаю теперь. При свиданіи съ нимъ я это все провѣрю.

Онъ перемѣнилъ разговоръ.

Черезъ нѣсколько минутъ полковникъ позвонилъ, чтобы къ нему вызвали Джорджа изъ нижнихъ кухонныхъ сферъ гостиницы, и всталъ, чтобы проститься съ Гетвеемъ.

— Миссъ Аргуелло со своей горничной и курьеромъ займетъ здѣсь прежній рядъ комнатъ,—сказалъ онъ, снова впадая въ повелительный тонъ.—Джорджъ уже распорядился на этотъ счетъ. А я не буду мѣнять квартиры, хотя, конечно, буду ее навѣщать каждый день. Спокойной ночи! До свиданія.

ГЛАВА VI.

На другое утро Поль невольно замѣтилъ, съ какимъ усиленнымъ и даже преувеличеннымъ почтеніемъ относятся къ нему служащіе въ отелѣ. Его стали величать п р е в о с х о д и т е л ь с т в о м ъ и освѣдомились, гдѣ онъ желаетъ кушать свой завтракъ. Когда же онъ сказалъ, что просто сойдетъ въ общую кофейную комнату, оберъ-кельнеръ былъ пораженъ такой скромностью, что не помѣшало ему почтительно пятиться передъ Полемъ къ одному изъ столиковъ и позвать особаго кельнера спеціально прислуживать этому «милорду». Поль тотчасъ заподозрилъ Джорджа и полковника въ возбужденіи этой чепухи, но отложилъ объясненія до свиданія съ ними. Однако, хотя самъ онъ не рѣшался признаться себѣ въ этомъ, онъ не могъ думать ни о чемъ, кромѣ предстоящаго ему неожиданнаго свиданія съ Эрбой. Отчасти онъ предполагалъ, что гдѣ-нибудь, когда-нибудь, во время своихъ странствій по Европѣ, можетъ съ ней встрѣтиться; съ тѣмъ п уѣзжалъ изъ

Калифорніи. Но чтобы это могло случиться такъ скоро, такъ просто и естественно, ему не приходило въ голову.

Покончивъ съ утреннимъ походомъ къ источнику, онъ воротился въ отель и безъ всякаго дѣла сидѣлъ у себя въ комнатѣ, когда постучались къ нему въ дверь. Вошелъ слуга и подалъ ему на подносѣ карточку. Поль взялъ ее, съ легкимъ трепетомъ по всѣму тѣлу, не оттого, что на ней было награвировано «Марія-Консепсіонъ-де-Аргуелло де-ла Эрба-Буэна», а потому, что онъ узналъ полудѣтскій почеркъ, написавшій внизу карандашомъ: «Покорнѣйше проситъ его превосходительство господина намѣстника и губернатора обѣихъ Калифорній почтить ее аудіенціей».

Поль вопросительно взглянулъ на слугу.

— Gnädiges Fräulein у себя въ гостиной. Не угодно ли его превосходительству пожаловать сюда? Всего два шага, слѣдующая дверь, рядомъ.

Поль, недоумѣвая, вышелъ за нимъ въ коридоръ; рядомъ съ его комнатой дверь была растворена въ богато убранный салонъ. Тамъ за письменнымъ столомъ сидѣла высокая граціозная женская фигура. При видѣ его она быстро встала и пошла ему навстрѣчу, протянувъ обѣ руки съ откровенной, но лукавой улыбкой. Это была Эрба.

Въ дорожномъ платьѣ, плащѣ и шляпкѣ одного и того же сѣраго цвѣта и скромнаго, но красиваго тона, она показалась ему все такъ же красивой, какъ и въ тотъ разъ, когда онъ ее видѣлъ, и въ то же время совсѣмъ другою. На нѣсколько секундъ, онъ съ невольной горечью увидѣлъ и тутъ то знакомое явленіе, которое столько разъ возмущало его инстинкты, а именно, умѣніе его прелестныхъ соотечественницъ быстро передѣлывать себя на обще-европейскій ладъ. Онѣ слишкомъ пассивно отказывались отъ всѣхъ своихъ индивидуальныхъ особенностей, приноровляясь къ чуждымъ вкусамъ и привычкамъ, а потому онъ съ досадой замѣтилъ, что изящный парижскій туалетъ и общепринятыя манеры, хотя и очень шли къ Эрбѣ, но обезличивали ее, ровно ничего не выражая. Мгновенно вспомнились ему неизмѣнная простота и кротость нѣмецкихъ дѣвушекъ, непоколебимая, врожденная сдержанность англичанокъ, и онъ невольно сравнилъ ихъ съ безразличной, космополитической граціей американокъ. Но это длилось не болѣе нѣсколькихъ секундъ: какъ только она заговорила, такъ и повѣяло отъ нея прежней оригинальностью.

— Согласитесь,—сказала она,—что съ моей стороны это былъ шагъ довольно отважный. Могло случиться, что это совсѣмъ не вы, а настоящее превосходительство или Богъ знаетъ

кто! А еще того хуже, если бы это были вы, но съ высоты вашего величія вдругъ вздумали бы позабыть объ одной изъ вашихъ старѣйшихъ, смиреннѣйшихъ и наиболѣе вѣрныхъ подданныхъ!

Она отступила шагъ назадъ и шутливо сдѣлала ему глубокій и церемонный реверансъ. Очевидно ей уже приходилось гдѣ-нибудь продѣлывать эти реверансы болѣе серьезно.

— Что это значитъ, однакоже? — спросилъ онъ, улыбаясь, но чувствуя, какъ исчезаютъ его сомнѣнія, тревоги, и даже годы разлуки таютъ въ ея присутствіи.—Я помню, что вчера легъ спать въ качествѣ самаго простого смертнаго, а сегодня проснулся совсѣмъ важнымъ лицомъ. Въ самомъ дѣлѣ я—повелитель правовѣрныхъ или это лишь сонное видѣніе? Извините, если я васъ побезпокою просьбой, съ которой мой предшественникъ, Абу-Гассанъ, обращался къ принцессѣ, и скажу: «Пожалуйста, укуси меня за мизинецъ!

— А вы развѣ не читали «Указателя»?—отвѣчала она, взявъ со стола тетрадку, напечатанную нѣмецкимъ шрифтомъ и указывая ему на одно мѣсто. Поль прочелъ въ спискѣ пріѣзжихъ: «Его превосходительство Поль Гетвей, лордъ намѣстникъ и губернаторъ обѣихъ Калифорній». Онъ сейчасъ догадался въ чемъ дѣло.

— Это затѣя Джорджа. Онъ и полковникъ Пендльтонъ были у меня здѣсь вчера вечеромъ.

— Такъ вы ужъ видѣли полковника? — спросила она съ чуть замѣтной перемѣной тона, которая, однакоже, поразила Поля.

— Да. Я встрѣтилъ его вчера вечеромъ въ театрѣ.

Онъ только-что собрался изобразить живыми красками, какъ полковникъ негодовалъ и горячился, но, самъ не зная почему, воздержался и черезъ минуту былъ крайне доволенъ, что такъ случилось.

— Послѣ этого я все понимаю,—сказала она, слегка поднявъ плечи и поведя ими съ усталымъ видомъ.— Мѣсяца три тому назадъ мнѣ пришлось самой воспретить Джорджу распускать молву обо мнѣ; онъ выдумываетъ ужаснѣйшій вздоръ. А полковникъ окончательно подпалъ подъ его вліяніе во всемъ, вѣритъ ему безусловно, не исключая даже его нѣмецкаго языка, и совсѣмъ не видитъ, какая чепуха выходитъ изъ его преувеличеній.

— Но онъ только тогда впадаетъ въ преувеличеніе, когда хвалитъ своихъ друзей; а о васъ онъ даже не можетъ сказать ничего такого, что не оправдывалось бы на дѣлѣ.

Она начала снимать съ себя дорожную шляпку, но, задержавъ ее въ рукахъ, пріостановилась и, задумчиво посмотрѣвъ на него изъ-подъ мягкихъ завитковъ своихъ волосъ, приставшихъ ко лбу, спросила:

— А полковникъ много вамъ говорилъ обо мнѣ?

— Порядочно. Въ сущности мы, кажется, только о васъ и говорили. Онъ мнѣ разсказывалъ о вашихъ побѣдахъ, о различныхъ вашихъ походахъ, завоеваніяхъ и трофеяхъ. А между тѣмъ я увѣренъ, что онъ далеко не все мнѣ повѣдалъ, и жажду услышать остальное.

Она положила шляпку, развязала широкія ленты своего плаща, но вдругъ опять остановилась, сѣла и сказала:

— Мнѣ хочется попросить васъ объ одной вещи.

— Вамъ стоитъ только сказать въ чемъ дѣло.

— Ну, такъ перестаньте говорить такія глупости. Вообразите, что я только-что пріѣхала изъ Калифорніи... или, еще лучше, что вы никогда обо мнѣ не слыхали и будто мы встрѣчаемся въ первый разъ. Полагаю, что вы, навѣрное, сумѣли бы очень любезно обойтись съ такой барышней, которая и сама не прочь съ вами познакомиться; такъ пускай я и буду этой самой барышней. Я думаю, съ нашего послѣдняго свиданія вы обо мнѣ не часто вспоминали. Нѣтъ, постойте, дайте мнѣ досказать. Съ какой же стати намъ бесѣдовать о томъ, что до васъ не касалось ни съ какой стороны? Обѣщайте мнѣ не слушать этихъ сплетенъ о прошломъ, а я за это обѣщаю не только сама не надоѣдать вамъ ими, но устроить такъ, чтобы и другіе не приставали къ вамъ съ такими розсказнями. Будьте со мной любезны, угождайте мнѣ отчетомъ о самомъ себѣ, о вашихъ планахъ, намѣреніяхъ, только не обо мнѣ! А я съ удовольствіемъ позабуду всѣхъ принцевъ и бароновъ, отъ которыхъ полковникъ въ такомъ восторгѣ, и пока вы остаетесь здѣсь, буду проводить время съ вами. По вкусу ли это вашему превосходительству?

Она положила ногу на ногу, ухватила колѣнку руками, при чемъ изъ-подъ юбки виднѣлся носокъ ея ботинки, и, подавшись туловищемъ впередъ, напомнила Полю ту самую позу, въ которой она передъ нимъ сидѣла въ бесѣдкѣ на виллѣ Розаріо.

— Вполнѣ,—отвѣчалъ онъ.

— Долго ли вы здѣсь пробудете?

— Около трехъ недѣль; кажется, таковъ срокъ моего лѣченія.

— Вы въ самомъ дѣлѣ больны или такъ только воображаете?— спросила она спокойно.

— Да вѣдь это почти одно и то же. Но я могу выздоровѣть и скорѣе,—прибавилъ онъ, устремивъ на нее свои ясные глаза.

Она задумчиво отвѣчала на его взглядъ, и такъ они сидѣли, молча глядя другъ на друга.

— Стало-быть, вы здоровѣе, чѣмъ сами думаете. Это часто бываетъ,—проговорила она спокойно.—Ну, вотъ, значитъ рѣшено!—прибавила она другимъ тономъ.—Вы будете приходить и уходить, когда хотите; распоряжайтесь этой гостиной, какъ у себя дома. Погодите-ка, можно и сегодня что-нибудь затѣять. Не хотите ли прогуляться въ лѣсъ верхомъ, послѣ полудня? Милли еще не пріѣхала, но никто не сочтетъ неприличнымъ, если вы будете сопровождать меня верхомъ, хотя, само собою разумѣется, что намъ и ста шаговъ нельзя пройти вмѣстѣ по бульвару, иначе какъ если мы verlobte! [1])

— Но вы сегодня ждете гостей,—сказалъ Поль,—кажется, донъ Цезарь... то-есть, я хотѣлъ сказать—донья Анна съ братомъ пріѣдутъ къ вамъ сегодня прощаться?

Она посмотрѣла на него съ интересомъ, но безъ волненія.

— Напрасно полковникъ не сказалъ вамъ также, что они здѣсь переночуютъ, у меня въ гостяхъ,—сказала она степенно. Но мы, конечно, возвратимся къ обѣду. Впрочемъ, вамъ до этого никакого дѣла нѣтъ. Вы только будьте готовы къ тремъ часамъ. Я позабочусь о верховыхъ лошадяхъ. Я здѣсь часто катаюсь верхомъ, и прислуга ужъ знаетъ мои вкусы и привычки. Мы сдѣлаемъ отличную прогулку, хорошенько поговоримъ, и я вамъ покажу интересныя развалины и дальній видъ на ту виллу, гдѣ я теперь гостила.

Она протянула ему руку съ откровенной дѣвичьей улыбкой и даже съ полудѣтскимъ предвкушеніемъ удовольствія въ своихъ карихъ глазахъ. Онъ поцѣловалъ ея тонкіе пальчики и ушелъ.

Очутившись снова одинъ въ своей комнатѣ, онъ ощутилъ сильнѣйшее желаніе не встрѣчаться съ полковникомъ до своей прогулки съ Эрбой. Онъ, конечно, сдержитъ слово въ томъ смыслѣ, что воздержится отъ намековъ на ея родню и происхожденіе; онъ и самъ былъ твердо убѣжденъ, что объ этомъ говорить совершенно лишнее и ни къ чему не поведетъ. Но было бы странно, если бы, при своей опытности, онъ не нашелъ иного способа узнать ея воззрѣнія и добиться ея довѣрія въ теченіе двухчасовой прогулки наединѣ съ нею. Пускай она имъ распоряжается по-своему. Если, сама сдѣлавъ первый шагъ къ сближенію, она имѣла какую-нибудь цѣль въ будущемъ, онъ это сейчасъ разберетъ; а если она имъ дѣйствительно сколько-ни-

---

[1]) Помолвленные.

будь интересуется, она не сумѣетъ долго поддерживать искусственную пріязнь... Но объ этомъ еще рано думать!

Онъ нарочно ушелъ подальше отъ отеля, чтобы не наткнуться на Пендльтона до назначеннаго часа. Воротившись во время, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ Эрбу въ болѣе простомъ платьѣ и вполнѣ практичномъ, какъ будто она угадала, чѣмъ можно ему понравиться, и желала какъ можно меньше обращать на себя вниманіе публики. Однако амазонка очень красиво обрисовывала ея высокую, стройную фигуру, и хотя Поль, подобно большинству художественныхъ поклонниковъ женской красоты, не признавалъ, чтобы женщина верхомъ на конѣ представляла гармоническое зрѣлище, но поневолѣ залюбовался ею. Оба держались въ сѣдлѣ натурально и ѣздили хорошо, такъ какъ оба воспитывались въ одной и той же школѣ дальняго запада; лошади почуяли это и по инстинкту повиновались имъ, такъ что они разговаривали съ полной непринужденностью, точно сидѣли дома, вдвоемъ. Помня ея указанія, Поль говорилъ о себѣ и о своихъ дѣлахъ, о которыхъ, впрочемъ, она и безъ того кое-что знала. Въ послѣднее время онъ былъ вынужденъ, по разстроенному здоровью, бросить политику и отказаться отъ общественной дѣятельности, съ успѣхомъ провелъ нѣсколько промышленныхъ предпріятій и состоялъ теперь младшимъ членомъ банкирской фирмы, имѣвшей сношеніе съ заграничными банками. Сначала Эрба слушала внимательно и съ интересомъ, потомъ задумалась и стала разсѣяна...

— Какъ бы я желала быть мужчиной!—объявила она вдругъ.

Поль быстро оглянулся на нее. Въ первый разъ въ тонѣ ея голоса послышалось ему что-то страстное, что давно ему чудилось въ ея лицѣ.

— Развѣ для того, чтобы лошадь васъ лучше слушалась?—сказалъ Поль.—Иначе я рѣшительно не знаю, зачѣмъ вамъ это. И даже не совсѣмъ вѣрю вамъ.

— Почему?

— Потому что въ дѣйствительности ни одна женщина не захочетъ быть мужчиной, пока не сознаетъ, что женская роль ей не удалась.

— А почемъ вы знаете, что этого не случилось со мной?—сказала она, придерживая лошадь и глядя ему въ лицо.

Онъ былъ увѣренъ, что вотъ сейчасъ она начнетъ откровенничать, но, къ несчастію, выразилъ это на своемъ лицѣ. Она усмѣхнулась и, видя его выжидательный взглядъ, отрицательно мотнула головой.

— Ну, вотъ, лучше не говорите ничего и не смотрите на меня такими глазами! Я ужъ вижу, что мое замѣчаніе заставило васъ принять меня за безхитростную барышню, которая напрашивается на комплиментъ. Будемъ держаться прежней темы, поговоримъ лучше о васъ. Скажите, отчего вы, при вашемъ вліяніи въ политическихъ кругахъ, не устроили, чтобы васъ назначили на какой-нибудь дипломатическій постъ въ здѣшнія страны?

— У насъ здѣсь нѣтъ представителей. Вы бы едва ли захотѣли, чтобы я унизился до какой-нибудь нелѣпой общественной должности, которая только считается важнымъ дѣломъ, а въ сущности только на то и годится, чтобы возбуждать зависть и недоброжелательство нѣсколькихъ богачей-республиканцевъ, въ родѣ вашихъ друзей, которые вертятся при иностранныхъ дворахъ.

— Это совсѣмъ не любезно съ вашей стороны; но, вѣроятно, и на это я сама нарвалась. Пожалуйста, не оправдывайтесь. Для меня все-таки пріятнѣе, когда вы такъ вдругъ вспылите, нежели слушать комплименты. А все-таки сдается мнѣ, что вы изрядный дипломатъ.

— Да вы ужъ одинъ разъ сдѣлали мнѣ честь такимъ предположеніемъ... давно это было, но какъ разъ въ такую минуту, когда я выказалъ себя просто осломъ и болваномъ,—съ горечью сказалъ Поль.

Она молчала, тихонько поглаживая гриву своего коня, ѣхавшаго шагомъ, потомъ произнесла очень мягко:

— Развѣ?..

Онъ подъѣхалъ къ ней совсѣмъ близко.

— Какъ здѣшняя растительность не похожа на то, что у насъ!—сказала она съ нервной торопливостью, не поднимая глазъ и обращая его вниманіе на траву, по которой они ѣхали.— Я не говорю о томъ, что воздѣлывается, потому что нужны, вѣроятно, цѣлыя столѣтія, чтобы образовались такіе луга, какъ у нихъ въ Англіи, но даже и здѣсь травки тѣснѣе жмутся другъ къ другу, какъ будто у нихъ тѣсно отъ избытка населенія, какъ во всей странѣ. А этотъ лѣсъ... вѣдь онъ всегда былъ дикій и служилъ прежде охотничьимъ паркомъ; между тѣмъ посмотрите, какой у него кислый видъ: словно онъ усталъ или ему до смерти надоѣли неизмѣнныя традиціи и однообразіе всего окружающаго. Мнѣ кажется, что у насъ тамъ природа на насъ воздѣйствуетъ, оказываетъ на насъ вліяніе, а здѣсь люди вліяютъ на природу.

— А мнѣ кажется, что изрядная доля нашей «природы» нарочно затѣмъ и ѣздитъ сюда изъ Америки,— сказалъ онъ довольно сухо.

— Во-первыхъ, вы нарушаете уговоръ, а во-вторыхъ, вы глупышка,—возразила она съ живостью.

Эта безхитростная шутка по какимъ-то таинственнымъ причинамъ возстановила ихъ хорошія отношенія, и они дружелюбно поѣхали рядомъ. Когда Поль взглянулъ на нее послѣ этого, ея глаза были полны нѣжнаго лукавства, какое бываетъ у любящей старшей сестры, когда она выбранитъ братишку за шалость, между тѣмъ какъ втайнѣ любуется имъ, а странный цвѣтъ ея лица принялъ тотъ едва замѣтный оттѣнокъ альпійскихъ ледниковъ на разсвѣтѣ, который скорѣе можно назвать просвѣтлѣніемъ, нежели окраской.

— Вотъ смотрите,—молвила она весело, указывая концомъ своего хлыста на дальній видъ, открывшійся въ просѣкѣ между деревьями, и на длинный рядъ голубоватыхъ холмовъ на горизонтѣ,—видите, что тамъ бѣлѣется, точно снѣгъ на горной вершинѣ?

— Или какъ бѣлье, развѣшенное на заборѣ.

— Пожалуй, если вамъ угодно. Ну, это и есть та самая вилла.

— И вамъ было тамъ очень хорошо?—сказалъ Поль, глядя на ея оживленное молодое личико.

— Очень! А такъ какъ вы умница, ни о чемъ не разспрашиваете, то я сама вамъ скажу, отчего мнѣ тамъ хорошо. Тамъ живетъ, видите ли, одна изъ прелестнѣйшихъ старушекъ, какихъ я когда-либо встрѣчала, образецъ утонченной старинной любезности въ соединеніи со всѣми материнскими инстинктами нѣмецкой женщины. Она ко мнѣ въ высшей степени добра, и такъ какъ у ней нѣтъ своихъ дочерей, то она обращалась со мной именно какъ съ дочерью... по крайней мѣрѣ, я могу себѣ представить, что можно бы чувствовать къ ней и что такая женщина могла бы сдѣлать изъ любой дѣвочки. Вы смѣетесь, мистеръ Гетвей, потому что вамъ это не понятно... Но вы не знаете, что значитъ для дѣвочки имѣть такую мать и знать, что во всякое время можешь на нее положиться, какъ на каменную гору, и она тебѣ защита отъ всего. Такая дѣвочка ужъ съ самаго дѣтства готова къ жизни и безъ заботы можетъ итти впередъ. Вамъ хорошо толковать о значеніи денегъ! А онѣ могутъ дать человѣку все, кромѣ самаго главнаго: умѣнья обходиться безъ нихъ.

— А я думаю, что на нихъ можно купить и эту самую баронессу!—сказалъ Поль, который только затѣмъ и разсмѣялся,

чтобы скрыть свою тревогу, видя, что Эрба опять исподволь подходитъ къ запрещенному вопросу.

Она покачала головой, потомъ снова заговорила добродушно шутливымъ тономъ:

— Ну, вотъ, я вамъ исповѣдовалась. Если полковникъ опять начнетъ разсказывать о моихъ побѣдахъ, вы такъ и знайте, что въ настоящее время я влюблена въ мамашу барона. И правда, это очень важный пунктъ въ пользу самого барона... или кого угодно... лишь бы человѣкъ могъ сослаться на происхожденіе отъ хорошей матери. Какая жалость, мистеръ Гетвей, что и вы такой же сирота, какъ я! Потому что ваша мать была, навѣрное, совершенствомъ въ своемъ родѣ. Она вамъ передала значительную долю своего такта и благоприличія. Только лучше бы она васъ снабжала этими качествами по мелочамъ, какъ даютъ карманныя деньги, по мѣрѣ надобности... тогда вы могли бы и со мной подѣлиться... а то вы одинъ получили все наслѣдство цѣликомъ, и это ужасно неудобно.

По игривому выраженію ея темныхъ глазъ трудно было судить, въ шутку она говоритъ или серьезно. Поль только-что придвинулъ своего коня поближе къ ней, какъ она хлестнула свою лошадь и галопомъ помчалась впередъ. Когда онъ поровнялся съ ней, она сказала:

— На обратномъ пути заѣдемъ еще посмотрѣть на развалины. Это недалеко отсюда, вонъ тамъ, вправо. Но если хотите походить по развалинамъ, придется сойти съ лошадей и пѣшкомъ подняться на гору. Насколько мнѣ извѣстно, насчетъ этихъ развалинъ нѣтъ ни легенды ни преданія. Я ужъ нарочно искала въ «Путеводителѣ» какихъ-нибудь указаній передъ вашимъ приходомъ, но ничего не нашла, такъ что можете сами сочинить, что угодно.

Они сошли съ лошадей у подножія холма, по которому вилась вверхъ старая телѣжная дорога, теперь совсѣмъ заросшая травой, гладкая и скользкая, какъ ледяной скатъ. Привязавъ лошадей къ кустамъ, болѣе похожимъ на швабры, они полѣзли на гору, держась за руки, какъ дѣти. Тамъ оказалось нѣсколько обломанныхъ ступеней винтообразной лѣстницы, часть обвалившихся сводчатыхъ воротъ, на протяженіи нѣсколькихъ футовъ сводчатый проходъ, затѣмъ внезапный обвалъ, за нимъ лазурное небо, и больше ничего! Впрочемъ, не совсѣмъ: осмотрѣвшись, они увидѣли передъ собой глубокую разсѣлину, шириной въ полдесятины, куда, повидимому, рухнуло все прежнее зданіе, то-есть башни, стѣны, бойницы, и все это въ величайшемъ безпорядкѣ нагромоздилось и разсѣялось по всѣмъ направленіямъ, образуя гигантскую кучу обломковъ, изъ кото-

рыхъ тамъ и сямъ торчали десятка два деревьевъ, выросшихъ поверхъ развалинъ, какъ грибы на кучѣ мусора.

— Это разрушено не временемъ, а просто порохомъ,—сказалъ Поль, опершись на окраину стѣны и глядя въ зіяющую пропасть съ легкой гримасой.

— Да, правда, зрѣлище совсѣмъ не романическое,—сказала Эрба.—До сихъ поръ я видѣла эти развалины только съ нижней дороги. Извините пожалуйста!—прибавила она, притворяясь, что кается въ своей ошибкѣ.—Впрочемъ, я все-таки думаю, что тутъ что-нибудь да случилось интересное.

— Можетъ-быть, во время обвала никого дома не было,—сказалъ Поль серьезно,—можетъ-быть, здѣшнее семейство отправилось на ту пору къ купальнямъ.

Они стояли рядомъ, очень близко другъ къ другу, опершись на стѣнку и почти соприкасаясь локтями. По ту сторону пропасти, за темной массой лѣса, имъ видны были яркая зелень и правильные ряды чинаровыхъ аллей Штрудльбада, блестящій, остроконечный шпицъ и сверкающій куполъ зданія. Изъ глубины разсѣлины поднимался свѣжій и влажный запахъ зеленой листвы, ароматъ невидимыхъ цвѣтовъ, а кругомъ благоухали ползучія растенія, одѣвавшія стѣну, пригрѣтую солнцемъ, и въ воздухѣ стояло жужжаніе пчелъ, безцѣльно летавшихъ съ мѣста на мѣсто и какъ будто разочарованныхъ въ своихъ ожиданіяхъ. Никого не видно было ни на лѣсной дорогѣ, ни въ сосѣднихъ поляхъ, и ничто не напоминало о настоящемъ, словно между ними и Штрудльбадомъ пролегло три или четыре столѣтія.

Поль смотрѣлъ на длинныя черныя рѣсницы, рисовавшіяся на овальной щечкѣ въ такомъ близкомъ отъ него разстояніи, и сказалъ:

— Здѣшнее преданіе очень просто, но трогательно. Жила была жестокая, безжалостная, но очаровательная фея, и полюбилъ ее простой пастухъ. Онъ никогда не дерзалъ ни однимъ словечкомъ намекнуть ей о своей безнадежной любви и отъ нея не требовалъ членораздѣльнаго... или, пожалуй, односложнаго отвѣта. Онъ послѣдовалъ за ней изъ дальнихъ странъ, безмолвно боготворилъ ее, строилъ въ своей глупой головѣ воздушные замки возможнаго благополучія, а она, въ силу своего волшебнаго могущества, все это всегда видѣла въ его глазахъ. И вотъ однажды заманила она его въ лѣсъ, будто бы хотѣла ему показать чудный дворецъ, велѣла войти въ ворота этого дворца и обѣщала, что тамъ онъ увидитъ осуществленіе своихъ мечтаній. Но едва онъ вступилъ подъ своды великолѣпнаго коридора, какъ все начало рушиться кругомъ, и передъ нимъ

открылась зіяющая бездна, на днѣ которой безобразною кучей лежалъ этотъ самый чудный дворецъ... настоящій символъ его разбитыхъ и опрокинутыхъ надеждъ...

Она слегка отодвинулась отъ него и, продолжая одной тонкой рукой въ длинной перчаткѣ придерживаться за обвалившуюся стѣну, повернулась къ нему и, улыбаясь полураскрытыми губами, вперила въ него оживленный взоръ. Онъ тотчасъ прикрылъ ея руку своею, но она этого какъ будто не замѣтила.

— Вы совсѣмъ не такъ разсказываете эту легенду,—сказала она тихимъ и слегка дрожащимъ голосомъ, сквозь который все-таки пробивалось лукавство,—подлинное преданіе называется такъ: «Исторія гусиной пастушки и предпріимчиваго гусенка». Жила была въ Штрудльбадской долинѣ гусиная пастушка; она пасла себѣ гусей и старалась честно сбывать ихъ на базарѣ; откуда ни возьмись, одинъ своевольный и престранный гусенокъ... Мистеръ Гетвей! Перестаньте... пожалуйста... пустите меня!

Онъ схватилъ ее въ объятія, одной рукой обвивъ ея талію, другой не выпуская ея руки. Она, смѣясь, вырывалась, затихла на одинъ мигъ, пока онъ дотронулся губами до ея щеки, потомъ оттолкнула его...

— Ну, довольно,—сказала она,—это было лишнее; въ моей легендѣ никакихъ иллюстрацій не было.

— Эрба,—сказалъ онъ страстно,—выслушайте меня... Богъ мнѣ свидѣтель... я васъ люблю!

Она еще отодвинулась и начала отряхать пыль, приставшую къ ея амазонкѣ. Потомъ тихимъ голосомъ и съ сильно поблѣднѣвшимъ лицомъ, какъ будто отъ прикосновенія его губъ вся кровь ея отлила къ сердцу, проговорила:

— Пойдемте, пора уѣзжать.

— Но прежде выслушайте меня, Эрба.

— Ну, хорошо... я вамъ вѣрю!... Вотъ вамъ,—сказала она и взглянула ему въ глаза.

— Вѣрите?—повторилъ онъ съ жаромъ, пытаясь снова поймать ея руку.

Она попятилась назадъ.

— Ну, да, вѣрю,—сказала она,—иначе я бы здѣсь не была. И довольно съ васъ! А если хотите, чтобы я продолжала вѣрить, не заговаривайте больше объ этомъ во время сегодняшней прогулки. Пойдемте, воротимся къ лошадямъ.

Онъ смотрѣлъ на нее, всю душу влагая въ этотъ взглядъ Она была блѣдна, но спокойна, и на ея лицѣ видна была рѣшимость. Онъ безъ словъ послѣдовалъ за ней. Спускаясь съ горы, она опиралась на его руку безъ смущенія и безъ волную-

щихъ воспоминаній, словно похоронила все происшествіе, вмѣстѣ съ развалинами, на днѣ той же разсѣлины. Когда, садясь на лошадь, она стала ногой на его ладонь и на минуту придержалась за его плечо, ея темные глаза взглянули на него яснымъ взглядомъ и безтрепетно.

Но она и этимъ не удовольствовалась. Поль ѣхалъ молча, съ сердцемъ, преисполненнымъ обманутыхъ ожиданій, и она принялась надъ нимъ подшучивать. Въ первый разъ они свидѣлись послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, и неужели онъ будетъ дуться? Вѣдь это не обѣщаетъ ничего хорошаго для ихъ будущихъ прогулокъ! Можетъ-быть, онъ намѣренъ сохранять на своемъ лицѣ то же похоронное выраженіе черезъ весь бульваръ и во дворъ отеля въѣдетъ съ нимъ, чтобы ужъ вся публика знала о состояніи его чувствъ? Она выразила надежду, что онъ хоть при Милли не будетъ ихъ обнаруживать, такъ какъ Милли была способна вспомнить, что они встрѣчаются только во второй разъ въ жизни. Во всемъ этомъ было столько милаго здравомыслія, даже не безъ намековъ на будущія блага, не говоря уже объ укоризненно-лукавыхъ улыбкахъ, сопровождавшихъ такія рѣчи, что Поль призвалъ на помощь все свое самообладаніе и постепенно развеселился. Когда они въѣзжали во дворъ отеля, съ оживленными отъ скачки и отъ юнаго возбужденія лицами, Поль видѣлъ, что на него посматриваютъ съ завистью, и подумалъ, что теперь пойдутъ новыя сплетни по всему Штрудльбаду. Менѣе пріятно поразило его то обстоятельство, что двѣ смуглыя физіономіи, украдкой взиравшія на него изъ глубины полутемнаго коридора и исчезнувшія при его приближеніи, появились черезъ нѣсколько минутъ въ гостиной Эрбы и оказались принадлежащими дону Цезарю и доньѣ Аннѣ, которые поздоровались съ нимъ чрезвычайно любезно, но различно. Въ особенности донья Анна привѣтствовала его съ такимъ фамильярно-хитрымъ видомъ, съ какимъ любимая женщина, увѣренная въ своемъ могуществѣ, обращается съ любимымъ человѣкомъ, прощая ему минутное увлеченіе другою женщиной. Поль даже сконфузился и почувствовалъ себя неловко въ присутствіи Эрбы. Онъ ужъ подумывалъ, нельзя ли отсюда улизнуть на нынѣшній вечеръ, когда замѣтилъ на столѣ великолѣпную корзину съ цвѣтами и записочку съ баронскимъ гербомъ. Эрба отодвинула эту записочку съ равнодушіемъ, даже слишкомъ рѣзкимъ, какъ показалось Полю на ту пору; это равнодушіе составляло полную противоположность тому восторгу, съ какимъ донья Анна принялась восхищаться подаркомъ, а потомъ взывать къ Полю и къ своему брату, приглашая ихъ

полюбоваться красотою цвѣтовъ и воздать хвалу изящному вкусу того, кто ихъ прислалъ.

Все это было до такой степени несовмѣстимо съ тѣмъ, что чувствовалъ Поль, и главное съ той сценой, которая только-что произошла между нимъ и Эрбой, что онъ не остался обѣдать въ этой компаніи, сославшись на обѣщаніе отобѣдать съ нѣмецкимъ генераломъ, съ которымъ прежде вмѣстѣ путешествовалъ, а теперь здѣсь возобновилъ знакомство. Эрба не упрашивала его остаться; ему показалось даже, что она довольна его уходомъ. Къ обѣду ожидали полковника Пендльтона, а Поль, при своемъ теперешнемъ настроеніи, былъ совсѣмъ не расположенъ встрѣчаться съ нимъ. Мало-по-малу имъ овладѣвало безотчетное убѣжденіе, что полковникъ плохой совѣтчикъ и руководитель для Эрбы, и притомъ ему казалось, что ихъ интересы враждебны другъ другу. Онъ и не думалъ нарушать обѣщаніе, данное ея старому опекуну, но чувствовалъ, что полковникъ ни разу не былъ съ нимъ вполнѣ откровененъ съ того дня, какъ Поль воротился изъ Розаріо. А не былъ ли онъ откровеннѣе съ самой Эрбой?.. Поль иногда сомнѣвался въ этомъ.

По счастью, онъ засталъ генерала дома; они вмѣстѣ пообѣдали въ ресторанѣ, а вечеръ провели въ курзалѣ.

Немного позже, зайдя въ Столичный Клубъ и сидя за кружкой пива, генералъ наклонился черезъ столъ и съ улыбкой сказалъ своему собесѣднику:

— Я слышалъ, что и васъ завоевала здѣшняя красавица изъ Южной Америки?

Поль, думая, что дѣло идетъ о доньѣ Аннѣ, съ недоумѣніемъ взглянулъ на него.

— Признавайтесь, другъ мой,—продолжалъ генералъ, забавляясь его разсѣяннымъ видомъ,—я хоть и постарше васъ, но, если бы мнѣ довелось прокатиться верхомъ съ такой богиней, врядъ ли я воротился бы домой, не сдѣлавшись ея рабомъ.

Поль невольно покраснѣлъ.

— Ахъ, вы говорите о миссъ Аргуелло!—проговорилъ онъ скороговоркой, еще сильнѣе покраснѣвъ при произнесеніи этого имени, какъ будто ему стыдно было вводить въ обманъ честнаго человѣка.—Мы съ ней давно знакомы... она вѣдь моя землячка... тоже изъ Калифорніи.

— Ага, вотъ какъ,—молвилъ генералъ, высоко поднявъ брови и извиняясь,—тысячу разъ прошу прощенія.

— Однако,—сказалъ Поль, изо всѣхъ силъ стараясь оправиться отъ смущенія,—вамъ слѣдовало бы получше знать нашу географію.

— Да, я ошибся. Впрочемъ, какая же это фамилія—Аргуелло? Она едва ли американская... А между тѣмъ увѣряютъ, будто она говоритъ безъ малѣйшаго акцента, и на мексиканку не похожа.

Поль былъ суевѣрно пораженъ тѣмъ, какъ неудачно Эрба избрала себѣ такую чужеземную фамилію, наводившую на разспросы и обсужденія, которыхъ ей-то, главное, и слѣдовало избѣгать. Объясняя генералу, въ чемъ дѣло, онъ поневолѣ долженъ былъ давать ложныя показанія и подтвердить обманъ, стараясь какъ можно скорѣе исчерпать вопросъ и какъ-нибудь отъ него избавиться. Онъ раскаялся, что поправилъ ошибку генерала, и въ душѣ бѣсился на то, что позволилъ себѣ сконфузиться.

По счастью, его собесѣдникъ совсѣмъ не такъ истолковалъ себѣ его досаду и съ порывистымъ нѣмецкимъ дружелюбіемъ началъ изливать свои чувства, увѣренный, что попалъ какъ разъ въ точку.

— Чортъ возьми! Ваша красивая землячка тѣмъ и обращаетъ на себя общее вниманіе, что этотъ дурацкій баронъ такъ пристально и серьезно за ней ухаживаетъ. Этого, другъ мой, совершенно достаточно, чтобы заставить ревѣть всѣхъ здѣшнихъословъ, потому что они неспособны понять свободнаго обращенія американскихъ дѣвушекъ и не признаютъ, чтобы богатыя наслѣдницы находили иное употребленіе для своихъ денегъ, кромѣ выкупа на нихъ заложенныхъ баронскихъ помѣстій. Впрочемъ...—тутъ онъ пріумолкъ и его честное лицо приняло вдругъ выраженіе глубокаго и хитраго раздумья,—я радъ, что заговорилъ съ вами объ этомъ. Вы, разумѣется, досконально знаете все, что до этого касается. Стало-быть, узнавъ факты изъ достовѣрнаго источника, и я буду знать, что говорю. Мое слово что-нибудь да значитъ въ здѣшнемъ обществѣ, другъ мой, и я воспользуюсь этимъ. Скажите же мнѣ по порядку, кто такая эта наша красавица, кто были ея родители и съ кѣмъ она состоитъ въ родствѣ тамъ, у себя дома. Здѣсь, какъ вамъ, вѣроятно, небезызвѣстно, ближайшій ея кругъ состоитъ изъ какого-то невозможнаго полковника, съ его невообразимымъ и неподражаемымъ камердинеромъ, какихъ-то плантаторовъ изъ Южной Америки и одной барышни, чуть ли не дочери мясника. Но это, въ сущности, все равно; вы разскажите мнѣ о «ея» родныхъ.

Придвинувъ свое добродушное и важное лицо какъ можно ближе къ Полю и съ любопытствомъ уставившись на него черезъ пенснэ, генералъ принудилъ несчастнаго, мучимаго совѣстью Гетвея, подробно изложить ему фамильныя обстоятель-

ства Эрбы въ томъ видѣ, какъ она сама ихъ придумала, а полковникъ Пендльтонъ утвердилъ. Онъ старался напирать на романическій характеръ опеки, надѣясь этимъ способомъ отвлечь вниманіе генерала отъ вопроса о роднѣ; но съ огорченіемъ увидѣлъ, что честный воинъ смѣшалъ понятія о сиротской опекѣ съ пріютомъ для нищихъ сиротъ, и очень сочувственно потолковалъ объ этомъ.

— Само собой разумѣется,—заключилъ генералъ,—что мексиканскій консулъ въ Берлинѣ навѣрное знаетъ все, относящееся до семейства Аргуелло; стало-быть, на этотъ счетъ безпокоиться нечего.

Поль былъ очень доволенъ, когда настало время разстаться съ этимъ пріятелемъ. Какъ только онъ вышелъ на свѣжій воздухъ, напоенный благоуханіями, и при свѣтѣ луны пошелъ вдоль бульвара, такъ сейчасъ же позабылъ непріятныя впечатлѣнія этого вечера. Душа его была полна воспоминаніями только о прогулкѣ съ Эрбой. Что жъ, онъ ей сказалъ, что любитъ ее. Теперь она знаетъ, и хотя запретила говорить объ этомъ, однакожъ, не совсѣмъ отвергла его. По всей вѣроятности, это неловкое сознаніе таинственности ея происхожденія причиною, что она не рѣшается платить ему взаимностью; а можетъ-быть, она и знаетъ кое-что, но не признается въ этомъ, и все-таки, по своей чрезмѣрной щепетильности, не хочетъ принять его любви. Онъ былъ увѣренъ, что постороннихъ усложненій не предвидится, сердце ея свободно. Онъ осмѣливался даже думать, что она всегда была расположена къ нему. Его дѣло теперь устранить всѣ препятствія, уговорить ее уѣхать отсюда, повѣнчаться и возвратиться въ Америку уже съ мужемъ, защитникомъ ея репутаціи и хранителемъ ея тайны. Издали долетали до него отъ времени до времени мечтательные звуки нѣмецкаго вальса, и это каждый разъ живо пробуждало въ его памяти тотъ короткій моментъ, когда онъ обнималъ ее рукою за талію, стоя у обрушенной стѣны, и онъ ощущалъ какое-то томленіе, пульсъ его замедлялся, а потомъ начиналъ биться еще сильнѣе прежняго, въ порывѣ отчаянной рѣшимости. Будь что будетъ, а ужъ онъ добьется своего! Никогда еще онъ не любилъ ея такъ, какъ теперь, и какъ же онъ самъ себя презиралъ и ненавидѣлъ за то, что до сихъ поръ такъ пассивно относился къ ея судьбѣ. Съ самаго начала онъ былъ безвольнымъ орудіемъ въ рукахъ полковника, даже и теперь былъ связанъ даннымъ ему нелѣпымъ обѣщаніемъ! Она, пожалуй, права, что такъ колеблется... она имѣетъ основанія сомнѣваться въ томъ, что онъ сумѣетъ составить ея счастье. Пріѣхавъ сюда, онъ засталъ ее окруженной сумасбродами и

корыстолюбцами... чтобы не сказать хуже... и они довели ее до того, что она стала предметомъ всякихъ сплетенъ въ городѣ, а онъ взамѣнъ всего этого ничего не нашелъ предложить ей, кромѣ ребяческаго признанія въ любви! Когда онъ возвращался въ отель и поднимался по лѣстницѣ, хорошо, что онъ не встрѣтилъ злосчастнаго полковника!

Было уже очень поздно, но въ окнахъ гостиной, занимаемаго Эрбой помѣщенія, сіялъ огонь, освѣщавшій и длинный балконъ, тянувшійся вдоль ея комнатъ; между прочимъ, на тотъ же балконъ выходило и окно или, скорѣе, стеклянная дверь его комнаты. Ему слышны были голоса, гулъ отъ происходившихъ тамъ разговоровъ. Такъ какъ онъ заранѣе получилъ приглашеніе присоединиться къ гостямъ, то можно бы хоть сейчасъ это сдѣлать; но онъ разсудилъ, что часъ слишкомъ поздній, да и не хотѣлось ему сходиться съ этой компаніей. Онъ былъ такъ нервно возбужденъ, что и не подумалъ ложиться спать. Не зажигая свѣчей, онъ растворилъ дверь на балконъ, придвинулъ себѣ кресло въ глубокую амбразуру, по ту сторону портьеры, и сталъ наслаждаться лѣтнею ночью.

Было очень тихо. Луна поднялась высоко; площадь передъ гостиницей дремала, испещренная пятнами свѣта и тѣни въ шахматномъ порядкѣ, а черныя фигуры кустовъ и деревьевъ замѣняли на ней игральныя шашки. Вдали, на Королевской улицѣ, ясно можно было различить звяканье кавалерійской сабли и шаги идущаго офицера; иногда тишина внезапно нарушалась рѣзкимъ свисткомъ паровоза у вокзала желѣзной дороги. Наконецъ послышался скрипъ растворяемой двери салона, повышенные голоса въ сѣняхъ — значитъ, гости расходятся. Поль прислушивался: вотъ лукавыя интонаціи доньи Анны... неужели она кокетничаетъ даже съ полковникомъ Пендльтономъ?.. Вотъ и его однообразный баритонъ... вотъ пронзительная скороговорка Милли... мягкіе теноровые звуки дона Цезаря... а вотъ и «ея» голосъ... Полю показалось, что въ немъ слышна усталость; затѣмъ удаляющіеся шаги, и, наконецъ, все смолкло.

Стало такъ тихо, что снова послышались ритмическіе звуки отдаленнаго вальса, и онъ невольно слѣдилъ за мелодіей. Онъ думалъ о виллѣ Розаріо, о томъ, какъ благоуханіе розъ врывалось тамъ въ раскрытое окно, и душа его наполнилась страстною тоской, вспоминая «ея» веселый, запыхавшійся голосокъ на верандѣ... И зачѣмъ онъ не остался тогда, зачѣмъ допустилъ это благоуханіе пройти мимо, не поймалъ его на лету, не присвоилъ?.. Зачѣмъ?..

Это что за звуки?

Ключъ въ замкѣ тихо щелкнулъ, стеклянная дверь гостиной скрипнула и кто-то медленно выскользнулъ на балконъ. У него замерло сердце. Сидя у косяка своей двери, спиной къ гостиной, онъ не могъ видѣть, кто тамъ, но не смѣлъ шелохнуться; потому не смѣлъ, что съ изощреннымъ чутьемъ влюбленнаго угадалъ «ея» присутствіе, ощутилъ ароматъ «ея» платья, «ея» тѣла, и это ощущеніе охватило его такимъ очарованіемъ, что у него духъ занялся. Это «она»! Какъ и онъ, быть-можетъ, захотѣла полюбоваться чудною лѣтнею ночью, какъ и онъ, съ безотчетной тоской думала...

— Такъ-то вы вздумали отъ меня отдѣлаться, сударыня?.. А-а, вотъ какъ!.. Оттолкнули ногой, какъ собаку, которая тащилась за вами по пятамъ... и безъ объясненій, безъ благодарности... безъ всякихъ надеждъ!.. Ага! Мы съ сестрой ужъ довольно вамъ послужили... мы теперь все равно, что выжатый апельсинъ... взять да и отшвырнуть подальше... Больше въ насъ не нуждаются!.. Какъ старый башмакъ... стряхнули и выбросили... Хорошо! Но, какъ видите, я опять тутъ. И я буду говорить, а ваше дѣло теперь слушать!

Это былъ голосъ дона Цезаря... наединѣ съ «ней»! Поль уцѣпился рукой за спинку своего кресла и выпрямился.

— Стойте! Не смѣйте итти дальше. Какъ вы смѣли возвратиться?

Эти слова были произнесены Эрбой тихо и внятно съ балкона.

— Такъ заприте дверь. Я буду говорить о такихъ вещахъ, что вамъ же хуже, если кто-нибудь услышитъ.

— Нѣтъ, я предпочитаю оставаться здѣсь, разъ что вы забрались въ мою квартиру, какъ воръ.

— Какъ воръ!.. Ладно. — Онъ заговорилъ по-испански и, не опасаясь болѣе, что его могутъ услышать, подошелъ ближе къ двери. — Такъ воръ? Ага, хорошо же. Только этотъ воръ не я, Цезарь Бріонесъ, понимаете? Нѣтъ! А вотъ кто воръ: во-первыхъ, этотъ хвастунъ, фанфаронъ и дуэлистъ, полковникъ Пендльтонъ; во-вторыхъ, образцовый чиновникъ и любезный кавалеръ, мистеръ Гетвей, а въ-третьихъ, знаменитая калифорнская красавица и наслѣдница, миссъ Аргуелло... вотъ кто настоящіе воры! Да, они украли фамилію, понимаете? Фамилію Аргуелло!

Поль всталъ съ кресла.

— Ахъ, вотъ какъ! Вы встрепенулись... поблѣднѣли... сверкаете глазами, сеньора... И вы воображали, что обманывали меня всѣ эти годы? Вы думали, что я не замѣтилъ вашей игры въ Розаріо?.. Даже съ той самой поры, когда эта глупая

дѣвочка, Ховита Кастро, впервые подала вамъ мысль затѣять всю исторію... А кто вамъ доставилъ нужныя доказательства? Развѣ не я? Матерь Божія! И еще какіе факты представилъ... Я, который наизусть знаю всю родословную Аргуелло... и напередъ зналъ, что для васъ такъ же невозможно быть дочерью этого семейства, какъ... какъ... что бы такое придумать?.. Ну, какъ невозможно женить на себѣ этого барона, котораго вы надѣетесь такъ же обмануть, какъ и остальныхъ. О, да! Да, вы вздумали высоко залетѣть, миссъ... миссъ... донья Безродная! Только эта благородная дичь не для васъ!

Почему же она молчитъ? Что она дѣлаетъ? Если бы она произнесла хоть одно слово протеста, хоть бы приказала ему убираться вонъ, Поль мигомъ подоспѣлъ бы ей на помощь. Не можетъ быть, чтобы она такъ испугалась, что не въ состояніи двинуться съ мѣста, а балконъ просторенъ, и ей нетрудно добѣжать до противоположнаго конца; она можетъ даже замѣтить, что его дверь на балконъ отворена.

— А для чего я все это дѣлалъ? Для того, что я васъ любилъ, сеньора, и вы это знали. Ага! Нечего отворачиваться, нечего притворяться, что вы моихъ словъ не поняли, какъ сдѣлали это полчаса тому назадъ. Вы желали со мной разстаться, какъ съ простымъ знакомымъ, но не всегда вы со мной такъ обращались! Нѣтъ, кто же, какъ не вы, привелъ меня сюда? Развѣ не ваши глазки улыбались мнѣ, подтверждая просьбу полковника сопровождать васъ вмѣстѣ съ моей сестрой? Боже, какъ я былъ малодушенъ!.. Вы смѣетесь, сеньора? Вы думаете, что вамъ удалось выполнить планъ, сочиненный вами съ помощью высокопарнаго полковника и вашего высокоумнаго совѣтчика! Вы думаете, что скомпрометировали меня, попросту подвели, а теперь отступаетесь отъ меня? Но вы ошиблись. Вы полагали, что я не посмѣю объясниться съ этой ходячей куклой, вашимъ барономъ, что у меня нѣтъ доказательствъ? Ошибаетесь.

— Ну, положимъ, что у васъ есть доказательства, мнѣ-то какое дѣло?—неожиданно сказала Эрба и произнесла эти слова такъ безстрастно и спокойно, что Поль ничего не могъ разобрать въ ея голосѣ, кромѣ того усталаго тона, который замѣтилъ и раньше.—Положимъ, вы докажете, что я «не» Аргуелло. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы союзъ съ любымъ представителемъ вашей фамиліи не былъ для меня позоромъ.

— Ага! Вы начинаете говорить дерзости... Caramba... Такъ слушайте. Вамъ еще не все извѣстно! Пока вы думали, что я только тѣмъ и занимался что поддѣлывалъ ваши права

на фамилію Аргуелло, я втихомолку разузналъ, кто вы такая на самомъ дѣлѣ. Ахъ, это было совсѣмъ не такъ трудно, какъ вы себѣ воображали, сеньора. Въ старые годы мы были ужъ не такіе дураки и невѣжды, только держались поодаль отъ вашихъ соплеменниковъ, предоставляя имъ продѣлывать всѣ ихъ низости. Первые слухи о вашей тайнѣ вышли наружу через вашего наемнаго драчуна и почтеннѣйшаго попечителя, черезъ проклятаго дуэлиста, который проболтался и вмѣстѣ съ ударомъ своей шпаги пустилъ скандальную молву. Потомъ одна изъ моихъ служанокъ была прислужницей въ монастырѣ, когда вы были ребенкомъ, и узнала ту женщину, которая сначала отдала васъ въ монастырскій пансіонъ, а потомъ стала навѣщать, въ качествѣ простой знакомой. Служанка слышала, какъ игуменья говорила, что это и есть ваша мать, и видѣла жемчужное ожерелье, которое она вамъ подарила. Ага! Вы начинаете вѣрить... Когда я началъ сводить концы съ концами, оказалось вдругъ, что Пепита не могла въ точности признать въ васъ ту дѣвочку, которую она видѣла въ монастырѣ. Но вы сами, сеньора, пособили мнѣ, лично доставивъ мнѣ нужное доказательство. Да, вы доказали свою личность тѣмъ, что надѣли жемчужное ожерелье въ тотъ вечеръ, въ виллѣ Розаріо, когда желали принарядиться въ честь молодого Гетвея... того самаго опекуна, который васъ никогда знать не хотѣлъ... А теперь вы, можетъ-быть, догадались, отчего это происходило? Это было ожерелье вашей матери, и вы сами заявили объ этомъ! Вечеромъ я подослалъ Пепиту хорошенько разсмотрѣть ожерелье, подсмотрѣть въ окошко, какъ вы его надѣвали, и навѣрное узнать, то ли это. Позже вечеромъ, когда вы переодѣлись, я послалъ ее въ вашу комнату разыскать его на вашемъ туалетномъ столѣ и внимательно провѣрить. Все это она исполнила и готова присягнуть... слышите ли, присягнуть, что это то самое, что подарила вамъ въ дѣтствѣ женщина, бывшая вашей матерью! Кто же такая была эта женщина, а, какъ вы думаете? Кто была мать миссъ Аргуелло де-ла-Эрба-Буэна... ваша благородная родительница?

— Извините, вы, можетъ-быть, забылись и не сознаете, что слишкомъ громко говорите въ дамской гостиной, и хотя изъясняетесь на языкѣ, никому здѣсь непонятномъ, однако можете перебудить всѣхъ жильцовъ въ отелѣ.

Это говорилъ Поль, появившійся во весь ростъ передъ дверью на балконѣ, спокойный, блѣдный, облитый луннымъ свѣтомъ. Эрба вздрогнула и, быстро переступивъ порогъ, прошла обратно въ комнату, а донъ Цезарь, напротивъ того, гнѣвно и подозрительно шагнулъ ближе къ двери. Онъ ужъ

протянулъ руку къ дверной ручкѣ, съ намѣреніемъ захлопнуть створки передъ самымъ носомъ непрошеннаго гостя, но Поль проворно схватилъ его въ охапку и вытащилъ на балконъ. Не успѣлъ онъ крикнуть, какъ Гетвей правой рукой сжалъ ему горло, такъ что онъ не могъ подать голоса, изо всей силы протащилъ его вдоль стѣны до своей растворенной двери и вмѣстѣ съ нимъ упалъ внутрь комнаты. Въ ту же минуту онъ съ невыразимымъ облегченіемъ услышалъ, что дверь изъ гостиной на балконъ захлопнулась, ее заперли изнутри и задвинули на задвижку. Тогда онъ поднялся съ пола и выпрямился, успокоенный и торжествующій.

— Очень жаль,—проговорилъ онъ хладнокровно, отряхая пыль съ своего платья,—очень жаль, что я былъ вынужденъ такъ невѣжливо перемѣнить мѣсто дѣйствія, но замѣчу вамъ, что здѣсь вы можете выражаться свободнѣе, и даже, если мы повздоримъ, шумъ въ моей комнатѣ будетъ менѣе неприличенъ, нежели въ остальной части этого этажа.

— Убійца!—прошипѣлъ донъ Цезарь, съ трудомъ переводя духъ и поднимаясь на ноги.

— Благодарю васъ. Можете давать волю своимъ чувствамъ. Я бы васъ попросилъ даже говорить погромче, потому что, какъ изволите видѣть, населеніе гостиницы начинаетъ просыпаться,—тутъ Поль съ злорадной улыбкой указалъ на коридоръ, гдѣ слышенъ былъ стукъ отпираемой двери и торопливые шаги,—такъ пусть же навѣрное знаютъ, гдѣ происходилъ шумъ и ссора.

Бріонесъ, какъ видно, понялъ его мысль и успѣхъ его хитрости.

— Вы думаете, что спасли ее отъ позора,—сказалъ онъ съ усмѣшкой на своемъ мертвенно-блѣдномъ лицѣ и сдержаннымъ голосомъ, стараясь подражать хладнокровію Поля.—Въ настоящую минуту, пожалуй! На нынѣшній вечеръ и въ предѣлахъ отеля... Но вы не зажмете мнѣ рта, и завтра же весь свѣтъ объ этомъ узнаетъ, мистеръ Гетвей.

— Ну, нѣтъ,—молвилъ Поль, глядя на него критически,—это еще неизвѣстно. Конечно, можетъ случиться, что вы меня убьете... но это мы тоже узнаемъ только завтра.

Мексиканецъ быстро оглянулся на дверь, потомъ на окно. Поль, какъ будто нечаянно, переложилъ ключъ отъ двери изъ одного кармана въ другой, а самъ сталъ передъ окномъ.

— Такъ это ловушка, чтобы убить меня... Берегитесь! Вы здѣсь не у себя на родинѣ, не въ вашей разбойничьей Калифорніи!

— Если вы такъ думаете, то поднимайте тревогу, всполошите весь домъ. Насъ застанутъ посреди ссоры, и вы облегчите мою задачу, потому что я тутъ же, при всѣхъ, нанесу вамъ оскорбленіе, послѣ котораго вы будете вынуждены драться со мной.

— Я готовъ, сэръ, гдѣ и когда вамъ угодно,—сказалъ Бріонесъ хвастливо, но не глядя ему въ глаза и опасливо озираясь.—Только о... отоприте дверь.

— Извините. Въ эту дверь мы съ вами выйдемъ вмѣстѣ, но только черезъ часъ, и отправимся прямо на вокзалъ. Тамъ сядемъ въ ночной курьерскій поѣздъ; онъ черезъ три часа доставитъ насъ за границу, гдѣ мы добудемъ себѣ секундантовъ.

— Но у меня здѣсь дѣла... сестра моя... долженъ же я съ нею повидаться.

— Вы напишете ей записку вотъ здѣсь, за этимъ самымъ столомъ. Скажете, что неотложное экстренное дѣло... телеграмма... вызвала васъ куда-нибудь вонъ отсюда, и мы поручимъ швейцару вручить эту записку вашей сестрѣ завтра утромъ. Впрочемъ, пишите что угодно, мнѣ это все равно и я васъ не стѣсню, лишь бы она ее получила не раньше того, чѣмъ мы уѣдемъ.

— Стало-быть, я вашъ плѣнникъ, сэръ?

— Нѣтъ, донъ Цезарь, вы мой гость, и такой интересный собесѣдникъ, что я не въ силахъ съ вами разстаться и непремѣнно желаю дослушать остальное. Вы можете пріятно провести время, разсказавъ мнѣ конецъ той исторій, которую я давеча прервалъ.Вы знакомы ли съ этой матерью миссъ Эрбы, о которой упоминали?

— Это... это м...мое дѣло.

— Это значитъ, что незнакомы. Если бы вы ее знали, она была бы у васъ подъ рукой, на всякій случай. А такъ какъ она одна въ мірѣ можетъ съ достовѣрностью заявить, что миссъ Эрба не Аргуелло, то я нахожу, что вы сплоховали.

— Вотъ еще!.. Я вѣдь не... не юристъ.

— Оно и видно. Иначе вы бы напередъ знали, что, имѣя такія шаткія доказательства, вы рискуете попасть на скамью подсудимыхъ по обвиненію въ клеветѣ.

— А-а! Такъ почему же миссъ Эрба не потянетъ меня къ суду?

— Вѣроятно потому, что она надѣется, что кто-нибудь да застрѣлитъ васъ.

— Вы, напримѣръ?

— Хоть бы и я.

— А что если не застрѣлите? Тогда вѣдь не вы мнѣ зажмете ротъ, а я вамъ. Но если вы меня застрѣлите, вы этимъ только ускорите ея свадьбу съ барономъ, вашимъ саперникомъ. Это выйдетъ не очень умно, любезнѣйшій Гетвей.

— Позвольте вамъ напомнить, что письмо къ вашей сестрицѣ еще не написано, а вы, можетъ-быть, желали бы сперва обдумать его, не спѣша?

Донъ Цезарь искоса метнулъ на Поля мстительный взглядъ, всталъ и придвинулъ себѣ стулъ къ столу, на которомъ хозяинъ разложилъ передъ нимъ перо, бумагу и чернила.

— Не торопитесь,—продолжалъ Поль, скрестивъ руки на на груди и отходя къ окну,—пишите, что хотите, не стѣсняйтесь моимъ присутствіемъ.

Мексиканецъ принялся писать сначала съ яростью, потомъ съ судорожными перерывами, потомъ медленно и неохотно.

— Пр-редупреждаю васъ, что все откррою,—проговорилъ онъ вдругъ со злостью.

— Сдѣлайте одолженіе.

— И напишу, что если я исчезну, то вы мой убійца... понимаете?.. Убійца!

— Я васъ не стѣсняю въ выборѣ выраженій; вы только пишите.

Донъ Цезарь съ злобной усмѣшкой снова принялся писать. Какъ вдругъ раздался рѣзкій стукъ въ дверь.

Донъ Цезарь вскочилъ, захватилъ написанное и бросился къ двери; но Поль поспѣлъ прежде.

— Кто тамъ?—окликнулъ онъ.

— Пендльтонъ.

Услыхавъ голосъ полковника, донъ Цезарь отскочилъ прочь. Поль отперъ дверь, впустилъ длинную фигуру Пендльтона и хотѣлъ снова повернуть ключъ. Но полковникъ укоризненно замахалъ рукой.

— Этого не нужно, мистеръ Гетвей; я все знаю. Но мнѣ нужно поговорить съ Бріонесомъ наединѣ и въ другомъ мѣстѣ.

— Извините, полковникъ Пендльтонъ,—сказалъ Поль твердо,—но я воспользуюсь правомъ первенства. Между мною и этимъ джентльменомъ произошла такого рода распря, что мы съ нимъ сейчасъ отправляемся за границу рѣшать ее. Если вамъ угодно намъ сопутствовать, я доставлю вамъ случай переговорить съ нимъ наединѣ и берусь устроить для васъ всѣ удобства, лишь бы это не нарушило моихъ правъ.

— Мое дѣло,—сказалъ Пендльтонъ,—имѣетъ личный характеръ; оно не можетъ нарушить никакихъ вашихъ правъ, насколько мистеръ Бріонесъ признаетъ ихъ дѣйствительность; но

оно спѣшное, частное, и мнѣ необходимо привести его въ исполненіе сію минуту и безъ свидѣтелей.

Онъ былъ блѣденъ, и хотя вполнѣ владѣлъ собой и говорилъ твердымъ голосомъ, но въ общемъ имѣлъ опять тотъ же видъ внезапно пострадавшаго человѣка, который и прежде замѣчалъ въ немъ Гетвей. Это ли обстоятельство подмѣтилъ и донъ Цезарь, или что иное придало ему сознаніе большей безопасности, Поль не могъ рѣшить, но мексиканецъ снова принялъ видъ храбреца и сказалъ гордо:

— Я выслушаю сначала то, что имѣетъ мнѣ сказать полковникъ Пендльтонъ; но буду въ готовности перемолвиться съ вами потомъ. Не опасайтесь, сэръ!

Поль, не говоря ни слова, смотрѣлъ то на одного, то на другого. Теперь донъ Цезарь отвѣчалъ на его взглядъ отважными и вызывающими взглядами, а полковникъ Пендльтонъ избѣгалъ его и, покручивая свои сѣдые усы блѣдными, худыми пальцами, смотрѣлъ въ полъ. Тогда Поль отперъ дверь и медленно проговорилъ:

— Черезъ пять минутъ я ухожу изъ этого дома на станцію. Тамъ я буду ждать прихода поѣзда. Если этотъ джентльменъ не уѣдетъ въ одномъ со мною поѣздѣ, я буду знать, что это значитъ, и приму свои мѣры.

— А я вамъ говорю, мистеръ Гетвей, сэръ,—громко сказалъ донъ Цезарь, принимая грозную позу и становясь на порогѣ,—что вы поступите, какъ «мнѣ» будетъ угодно... Caramba!.. и еще сами будете просить...

— Молчать, сэръ! Или... клянусь Богомъ...—перебилъ его Пендльтонъ, тяжело опустивъ руку на его плечо. Потомъ вдругъ спохватился и продолжалъ:—Господа, что за ребячество! Сэръ, идите же впередъ!—Съ этими словами онъ толкнулъ дона Цезаря въ темный коридоръ и указалъ ему сухимъ, блѣднымъ пальцемъ дальше, по направленію сѣней.—Я сейчасъ иду за вами. Мистеръ Гетвей, я старше васъ и на своемъ вѣку видалъ немало всякихъ ссоръ и глупыхъ пререканій; но я сожалѣю, сэръ, глубоко сожалѣю, что мнѣ довелось быть свидѣтелемъ такихъ воинственныхъ наклонностей въ государственномъ человѣкѣ, призванномъ участвовать въ законодательствѣ своей родины, и... и я отрицаю, сэръ, да... рѣшительно отрицаю ваше право требовать удовлетворенія отъ этого джентльмена изъ-за такого пустого юношескаго каприза!

Онъ съ большимъ достоинствомъ вышелъ изъ комнаты, а Поль остался на мѣстѣ и, ошеломленный, смотрѣлъ ему вслѣдъ. Что это все—во снѣ или наяву? Это ли полковникъ Пендль-

тонъ, знаменитый дуэлистъ? Съ ума ли сошелъ старикъ или только разыгрываетъ роль съ цѣлью замаскировать какое-нибудь отчаянное предпріятіе? Его внезапное появленіе доказало, что Эрба посылала за нимъ и сообщила ему объ угрозахъ дона Цезаря. Неужели старикъ способенъ задушить этого господина гдѣ-нибудь въ дальней комнатѣ или въ темномъ коридорѣ? Поль осторожно вышелъ изъ своей комнаты и прислушался: шаги обоихъ явственно раздавались въ темнотѣ... вотъ они вышли на площадку... спускаются внизъ по лѣстницѣ! Вотъ слышенъ заспанный голосъ дежурнаго лакея, онъ отпираетъ наружную дверь... она захлопнулась... значитъ, «они» вышли на улицу!

Ну, все равно, куда бы они ни шли и каковы бы ни были ихъ намѣренія, «онъ» пойдетъ на станцію, потому что сказалъ имъ, что будетъ тамъ. Наскоро положивъ нѣсколько вещей въ дорожный мѣшокъ, онъ собрался въ путь. Сойдя внизъ, онъ сказалъ швейцару, что по спѣшному дѣлу долженъ сейчасъ уѣхать и попробуетъ попасть на трехчасовой курьерскій поѣздъ, но оставляетъ за собой комнату и свой багажъ до новыхъ распоряженій. Вспомнивъ о письмѣ дона Цезаря, онъ спросилъ, не оставилъ ли который-нибудь изъ джентльменовъ, только-что ушедшихъ отсюда, какого-нибудь письма или порученія къ кому-либо изъ жильцовъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство. Они изволили очень шибко между собою разговаривать... кажется, на южно-американскомъ языкѣ... а ко мнѣ не обращались и никакихъ распоряженій не дѣлали.

Можетъ-быть, именно поэтому Поль, переходя черезъ скверъ вспомнилъ, что не дѣлалъ никакихъ распоряженій на тотъ случай, что съ нимъ самимъ можетъ случиться что-нибудь недоброе. А впрочемъ, «она» во всякомъ случаѣ услышитъ объ этомъ и будетъ знать, изъ-за чего онъ дрался. Онъ пытался думать, что, быть-можетъ, интересуясь его судьбой, она посылала за Пендльтономъ и направила полковника въ его комнату. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что былъ поставленъ въ довольно смѣшное положеніе: какъ нелѣпо, напримѣръ, хоть то обстоятельство, что въ настоящую минуту его будущій противникъ былъ занятъ конфиденціальными переговорами съ его же другомъ и союзникомъ, правами котораго онъ завладѣлъ и въ интересахъ котораго намѣренъ былъ рисковать своей жизнью. И по мѣрѣ того, какъ онъ шелъ по пустыннымъ и тихимъ улицамъ къ вокзалу желѣзной дороги, онъ все болѣе убѣждался, что идетъ на свиданіе, которое не состоится, потому что противникъ его не явится.

Онъ пришелъ на станцію минутъ за десять до прихода поѣзда. На платформѣ уже стояли въ ожиданіи двѣ-три заспанныя и закутанныя фигуры пассажировъ, но въ числѣ ихъ не было ни дона Цезаря, ни полковника Пендльтона. Онъ обошелъ всѣ комнаты вокзала, заглянулъ и въ полуосвѣщенный буфетъ, но такъ же безуспѣшно. Предупредивъ начальника станціи, что онъ поѣдетъ только въ томъ случаѣ, если дождется двухъ пріятелей, которыхъ подробно описалъ, во избѣжаніе недоразумѣній, онъ началъ угрюмо прохаживаться взадъ и впередъ передъ кассой, гдѣ выдавались билеты. Прошло пять минутъ,—число пассажировъ не увеличивалось; десять минутъ,—отдаленный визгъ машины, смотритель хриплымъ голосомъ освѣдомляется тутъ ли пріятели господина пассажира. Въ темнотѣ появляется огромный свѣтящійся глазъ; онъ быстро увеличивается, вслѣдъ за нимъ ползетъ длинный змѣй, испещренный огневыми точками; Поль быстро оглядываетъ платформу, раздается команда на нѣмецкомъ языкѣ, хлопанье дверецъ, темныя фигуры кондукторовъ въ черныхъ мундирахъ снова занимаютъ свои мѣста на подножкахъ, неподвижно выстроившись вдоль ряда вагоновъ наподобіе каріатидъ; вырывается клубъ пара, и поѣздъ мчится дальше, не унося ни Поля, ни его предполагаемыхъ спутниковъ.

Ну, хорошо, онъ еще четверть часа подождетъ своего противника,—вѣдь онъ могъ и случайно опоздать; а, можетъ-быть, полковникъ явится съ какими-нибудь объясненіями; и Поль принялся снова бродить по платформѣ, пока станція опять погружалась въ свое полуосвѣщенное и дремотное состояніе.

Черезъ пять минутъ раздался другой свистокъ. Поль поспѣшилъ къ начальнику станціи съ вопросомъ:

— Какъ, развѣ есть еще поѣздъ?

— Нѣтъ, это курьерскій въ Базель, онъ проходитъ мимо и останавливается только у Сѣвернаго вокзала, за полмили дальше. Впрочемъ, онъ пройдетъ тутъ же, на всѣхъ парахъ, господинъ пассажиръ сейчасъ можетъ самъ убѣдиться въ этомъ.

И точно, съ протяжнымъ, отчаяннымъ крикомъ поѣздъ вынырнулъ изъ темноты, сверкнулъ, зашипѣлъ, прогрохоталъ мимо и съ такимъ же отчаяннымъ крикомъ исчезъ въ темнотѣ. Но отъ него отдѣлилось что-то бѣлое, мелькнувшее въ одномъ изъ окошекъ, наподобіе оторвавшейся занавѣски; это нѣчто вырвалось оттуда, попыталось улетѣть вслѣдъ за поѣздомъ, потомъ вспорхнуло вверхъ, закрутилось въ воздухѣ, тихо опустилось вкось и упало на землю.

Начальникъ станціи видѣлъ это, сбѣжалъ съ платформы, потомъ устремился вдоль по рельсамъ и, поднялъ то, что лежало на землѣ, воротился къ Полю, со всѣми признаками сочувственной озабоченности. Это былъ дамскій носовой платочекъ; очевидно, кто-нибудь хотѣлъ подать имъ знакъ его высокородію, единственному пассажиру на платформѣ. Весьма могло случиться, что это и были его друзья, по какой-нибудь нелѣпой ошибкѣ попавшіе не на ту станцію и—Боже милостивый!—уѣхавшіе, вѣроятно, не съ тѣмъ поѣздомъ! Это ужасно, но это не первый случай такого прискорбнаго недоразумѣнія!

Пассажиръ, немного поблѣднѣвшій, но спокойный, отвѣчалъ, что это весьма возможно. Послать телеграмму на слѣдующую станцію? Нѣтъ еще, пока не нужно; онъ сперва наведетъ справки.

Онъ поспѣшно ушелъ и, запыхавшись, вбѣжалъ въ отель, не успѣвъ привести сколько-нибудь въ порядокъ свои спутанныя мысли. Въ сѣняхъ было замѣтно нѣкоторое оживленіе, а во дворъ только-что въѣхала пустая коляска. Швейцаръ встрѣтилъ его, разсыпаясь въ извиненіяхъ за свою недогадливость. Если бы онъ лучше понялъ намѣренія его превосходительства, онъ бы могъ избавить его отъ лишняго безпокойства. Очевидно, его превосходительству угодно было уѣхать вмѣстѣ съ семействомъ Аргуелло и по тому же важному дѣлу, а они еще за часъ до того изволили заказать себѣ экипажъ, но уѣхали черезъ нѣсколько минутъ послѣ его ухода изъ отеля. А его превосходительство, должно-быть, изволили пойти не на тотъ вокзалъ, на который слѣдовало...

Поль отмахнулъ рукой словоохотливаго швейцара и прошелъ наверхъ, въ свою комнату. Оба окна были настежь раскрыты и при свѣтѣ луны что-то бѣлѣлось, пришпиленное къ его подушкѣ. Онъ дрожащими руками зажегъ свѣчи и увидѣлъ, что это записка, написанная Эрбой на его имя. Когда онъ развернулъ записку, изъ нея вывалилась тонкая вѣточка того ползучаго растенія, которымъ была одѣта разрушенная стѣна развалины. Онъ поднялъ вѣточку, прижалъ ее къ своимъ губамъ и отуманенными глазами прочелъ слѣдующее:

«Теперь вы знаете, почему я сегодня отвѣчала вамъ такъ, а не иначе, и почему остальная половина этой драгоцѣнной вѣточки есть все, что у меня осталось и что я рѣшаюсь взять съ собою изъ развалинъ моихъ несбывшихся надеждъ. Вы были правы, Поль: я не даромъ водила васъ туда, это было предзнаменованіе бѣды,—не для васъ, потому что вы всегда останетесь тѣмъ же гордымъ, любимымъ и правдивымъ человѣкомъ, но для меня, которой суждено только горе и стыдъ. Благода-

рю васъ за все, что вы для меня дѣлали и еще хотѣли сдѣлать, другъ мой, и не считайте меня неблагодарной только потому, что я этого не стою. Постарайтесь простить, но не забывайте меня, даже если я поневолѣ внушила вамъ отвращеніе. А если бы вы все знали, то, быть-можетъ, вы бы могли еще немножко любить бѣдную дѣвушку, которой вы сами дали единственное имя, которое она можетъ отъ васъ принять.

«Эрба Буэна».

ГЛАВА VII.

Наступила осень. Въ одно раннее воскресное утро вѣтеръ подгонялъ листья, упавшіе за ночь съ правильно разсаженныхъ аллей айлантуса, въ городѣ Нью-Іоркѣ, вдоль однообразныхъ фасадовъ пятиэтажныхъ каменныхъ домовъ одной изъ главныхъ бульварныхъ улицъ. Пасторъ третьей пресвитеріанской церкви, возвышавшей свои двойныя башни на углу той же улицы, остановился передъ однимъ изъ этихъ жилищъ, поднялся на двѣнадцать ступеней широкой лѣстницы и позвонилъ. Его впустили сначала въ просторныя и великолѣпныя сѣни, потомъ въ гостиную, богато, но сумрачно меблированную креслами и стульями съ высокими спинками изъ темнаго рѣзного дерева, похожими на церковныя скамьи. Пасторъ снялъ шляпу и довольно нетерпѣливо сталъ ждать появленія хозяйки, ради которой онъ собственно и пришелъ.

Отворилась дверь, и вошла женщина высокаго роста, съ сѣдыми волосами, въ матовомъ черномъ шелковомъ платьѣ. Черты лица ея были правильны, выраженіе рѣшительное, фигура изящна, но не гибка, и хотя она перешла за предѣлы среднихъ лѣтъ, но въ ней не было замѣтно ни слабости ни дряблости, такъ часто сопровождающихъ старость.

— Сожалѣю, что прервалъ ваши воскресныя размышленія, сестра Аргельсъ, и не рѣшился бы на это, если бы это не входило въ число нашихъ христіанскихъ обязанностей; но сестра Роббинсъ сегодня не можетъ заняться обычнымъ воскреснымъ обходомъ больницы, и я подумалъ, что если бы васъ уволили къ тремъ часамъ отъ урока въ классѣ чужеземныхъ миссіонеровъ и отъ чтенія Библіи, то вы могли бы взять на себя ея обязанности. Я знаю, дорогой другъ мой,—продолжалъ онъ, мягко глядя въ ея суровые глаза,—знаю, какъ вамъ противно вращаться среди грубаго и нечестиваго народа, какъ тяжело вамъ итти туда, гдѣ вы рискуете услышать грубыя, невѣжественныя, богохульныя рѣчи. Полагаю, что въ теченіе моихъ продолжительныхъ и пріятныхъ пастырскихъ съ вами сношеній

вы могли замѣтить, что я всегда этого избѣгалъ. Правда, мнѣ случалось иногда сожалѣть, что вашъ покойный мужъ не ознакомилъ васъ поближе съ мірскими слабостями и пороками. Но, что дѣлать! У всякаго свои недостатки. Не одно—такъ другое. А такъ какъ зависть и злоба проникаютъ иногда и въ христіанскія сердца, то я былъ бы радъ, если бы вы согласились взять на себя это дѣло, ради добраго примѣра. Есть люди, дорогая сестра Аргельсъ, которые полагаютъ, что богатая вдова, наиболѣе щедро располагающая земными благами, ниспосланными ей Провидѣніемъ, тѣмъ самымъ избавлена отъ трудовъ въ христіанскомъ виноградникѣ. Докажемъ же имъ, что они судятъ неправильно.

— Я согласна,—проговорила дама сухимъ и рѣшительнымъ тономъ.—Эти паціенты въ госпиталѣ, надѣюсь, не профессіональные грѣшники?

— О, нѣтъ, какъ можно! Случайно бываютъ и такіе, но большинство состоитъ изъ несчастныхъ бѣдняковъ: одни существуютъ насчетъ прихода, другіе получаютъ кое-что отъ родныхъ или знакомыхъ.

— Хорошо.

— И... понимаете, хотя они и вольны не принимать поученій вашего христіанскаго милосердія, но вы сами, дорогая сестра Аргельсъ, разсудите, съ кѣмъ лучше повременить, съ кѣмъ обойтись терпѣливо, а кому и насильно внушать...

— Понимаю.

Пасторъ былъ человѣкъ искренно благожелательный; глядя въ непреклонные глаза миссисъ Аргельсъ, онъ ощутилъ на минуту нѣкоторое несоотвѣтствіе своихъ человѣколюбивыхъ инстинктовъ съ тѣмъ, что считалъ своею христіанскою обязанностью.

«Инымъ вѣдь нужно строгое обращеніе, оно на нихъ лучше дѣйствуетъ, а сестра Роббинсъ была, кажется, немножко слаба» думалъ онъ, спускаясь съ лѣстницы и утѣшая себя такими соображеніями.

Ровно въ три часа миссисъ Аргельсъ, держа въ рукахъ ридикюль съ душеспасительными книжками, явилась у дверей Сенъ-Джонскаго госпиталя. Когда она представила свидѣтельство и заявила, что замѣняетъ сегодня миссисъ Роббинсъ, служащіе приняли ее почтительно и, обратясь къ больничной прислугѣ, дали нѣсколько указаній, что, впрочемъ, не помѣшало этой самой прислугѣ отозваться неодобрительно насчетъ сдѣланныхъ распоряженій.

— Слушай, Джимъ, по-моему, вовсе некстати пускать такую сердитую старуху къ выздоравливающимъ: чѣмъ они, бѣдные, виноваты?

— Ужъ не знаю, а говорятъ, будто она очень богата и раздаетъ пропасть денегъ на добрыя дѣла. Только, если она вздумаетъ муштровать того стараго ругателя изъ Кентукки, что лежитъ на койкѣ № 3, то онъ ей задастъ!

Однако такое предвзятое сужденіе оказалось не совсѣмъ справедливо. Миссисъ Аргельсъ, правда, съ суровымъ видомъ переходила отъ одной койки къ другой, произнося нѣсколько заученныхъ фразъ, но отъ времени до времени задавала такіе здравомыслящіе, практическіе вопросы, которые обнаруживали почти мужскія познанія по части нуждъ и потребностей паціентовъ. Съ другой стороны, она далеко не проявляла той щепетильности при столкновеніи съ грубостью, которой такъ опасался благодушный пасторъ, хотя каждый разъ давала чувствительный отпоръ. Слабосильные паціенты выслушивали ея рѣчи съ полузадорнымъ, полушутливымъ интересомъ, а иные даже съ тѣмъ довольнымъ видомъ, съ какимъ глотаютъ горькое, но полезное лѣкарство. Наконецъ она дошла до послѣдней койки въ дальнемъ концѣ палаты и только тутъ, повидимому, встрѣтила нѣкоторую задержку.

На койкѣ лежалъ исхудалый человѣкъ съ длинными сѣдыми усами, съ лицомъ, изможденнымъ внутренней борьбой и жестокой лихорадкой. При первомъ звукѣ ея голоса онъ быстро обернулся, приподнялся на локтѣ и пристально взглянулъ ей въ лицо.

— Кэтъ Говардъ... клянусь Богомъ!—проговорилъ онъ тихимъ голосомъ.

Невзирая на суровое самообладаніе этой женщины, она вздрогнула, торопливо оглянулась вокругъ и подошла къ нему вплотную.

— Пендльтонъ,—молвила она также тихо,—ради самого Бога, что вы тутъ дѣлаете?

— Умираю, должно-быть... и рано или поздно умру... что же здѣсь больше дѣлать?

— Но... что,—продолжала она скороговоркой вполголоса, безпрестанно оглядываясь и какъ будто подозрѣвая ловушку,—что же васъ довело до этого?

— Вы довели! — сказалъ полковникъ, устало откидываясь обратно на подушку.—Вы и ваша дочь.

— Я васъ не понимаю,—отвѣчала она съ живостью, но глядя на него непреклонно и строго.—Вамъ извѣстно, что у меня никакой дочери нѣтъ. Вы отлично знаете, что я сдержала слово, данное вамъ десять лѣтъ назадъ, и была для нея все равно, что мертвая, какъ и она для меня.

— Мнѣ извѣстно,—сказалъ полковникъ,—что за послѣдніе три мѣсяца я потратилъ все свое состояніе, до послѣдняго цента, чтобы зажать ротъ одному мерзавцу, который знаетъ, что вы ея мать, и грозится сказать это ея друзьямъ. Мнѣ извѣстно, что я умираю отъ старой раны, полученной отъ другого мерзавца, котораго спровадилъ на тотъ свѣтъ за то, что онъ хотѣлъ изобличить ее на третій годъ послѣ исчезновенія. Знаю и то, что изъ-за васъ и изъ-за нея уморилъ съ горя моего стараго негра, такъ какъ не могъ больше мыкать горе съ нимъ пополамъ, и меня подобрали сюда въ качествѣ нищаго, изъ милости. Все это мнѣ извѣстно, Кэтъ, и хотя я вамъ и сказалъ, но я нисколько не каюсь и не жалѣю объ этомъ. Во-первыхъ, я честно сдержалъ данное вамъ обѣщаніе, а во-вторыхъ, ей-Богу ваша дочь стоила того! Потому что,если есть на свѣтѣ чудное, несравненное созданіе, то это именно ваша дочь!

— И она, богатая женщина... если не промотала того состоянія, что я ей оставила... допускаетъ васъ лежать здѣсь?—проговорила она угрюмо.

— Она даже и не знаетъ!

— Должна знать. Развѣ вы поссорились?..

Она пристально вглядывалась въ его глаза.

— Нѣтъ. Но она мнѣ не довѣряетъ, потому что наполовину подозрѣваетъ истину, а всего я не рѣшился ей сказать.

— Всего?.. Что же именно ей извѣстно? И что извѣстно тому негодяю?.. Что ей было разсказано?—спросила она стремительно.

— Она только то и знаетъ, что не имѣетъ права носить принятую ею фамилію.

— Какъ не имѣетъ права? Но въ данной вамъ довѣренности по опекѣ такъ и было написано: «Эрба Буэна!»

— Да нѣтъ, дѣло не въ томъ. Видите ли, она вообразила, что это была ошибка, и приняла фамилію Аргуелло.

— Что!—молвила миссисъ Аргельсъ, обѣими руками ухватившись за его руку.—Какую фамилію?

Ея глаза утратили свое холодное спокойствіе, а губы побѣлѣли.

— Аргуелло! Еще въ пансіонѣ ей пришла въ голову такая глупая фантазія, а этотъ скотъ и постарался всячески поддерживать въ ней эту фантазію... Что съ вами, Кэтъ?

Она выпустила его руку, призвала на помощь все свое самообладаніе, съ усиліемъ встала, изобразила на своемъ лицѣ самую строгую благопристойность, какъ бы желая подчеркнуть, что религіозный характеръ ихъ бесѣды исключаетъ всякіе земные помыслы, и передвинула ширмы у его кровати,

такъ чтобы никому не было видно ни ея лица ни Пендльтона. Потомъ сѣла на стулъ возлѣ него и сказала своимъ прежнимъ голосомъ, какъ будто стряхнула десять лѣтъ съ плечъ долой.

— Гарри, вы хотѣли подшутить надо мной?

— Я васъ не понимаю,— сказалъ Пендльтонъ въ недоумѣніи.

— То-есть, вы хотите сказать, что не знали этого и не сами ее надоумили?—проговорила она отрывисто.

— Въ чемъ надоумилъ? Когда?—сказалъ полковникъ раздражительно.

— Въ томъ, что Аргуелло ея отецъ.

— Ея... отецъ?!—онъ пытался опять приподняться на локтѣ, но она властно положила ему руку на плечо и заставила лежать смирно. — Ея отецъ! — повторилъ онъ въ изумленіи. — Хозэ Аргуелло... Боже милостивый! Да вы увѣрены?..

Она съ машинальнымъ спокойствіемъ собрала всѣ книжки, разсыпанныя по одѣялу, поодиночкѣ засунула ихъ въ ридикюль, щелкнула замочкомъ и, сжавъ губы, проговорила:

— Увѣрена.

Пендльтонъ вытаращилъ глаза и безмолвно смотрѣлъ на нее.

— Гм... да,—пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ— можетъ-быть,это дѣтскій инстинктъ, а можетъ-быть, дьявольская шутка со стороны Бріонеса. Но правда ли, нѣтъ ли,—прибавилъ онъ съ горечью,—все-таки она не имѣетъ права носитъ эту фамилію.

— А я вамъ говорю, что имѣетъ.

Она встала и, скрестивъ руки на груди, приняла такую позу, что видѣвшіе ее издали могли подумать, что она произноситъ строгое пуританское поученіе больному.

— Во второй разъ я встрѣтила Хозэ Аргуелло въ Новомъ Орлеанѣ,—разсказывала она тихо и медленно,—тому назадъ восемь лѣтъ. Онъ все еще былъ богатъ, но окончательно разстроилъ свое здоровье безпутной жизнью. Мнѣ въ ту пору уже наскучило жить такъ, какъ я жила. Онъ предложилъ жениться на мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я за нимъ ухаживала, а онъ за то узаконитъ нашу дочь. Я принуждена была сказать ему, какъ я распорядилась ею, прибавивъ, что опеки нельзя нарушить, пока она малолѣтняя и не сама себѣ госпожа. Онъ согласился. Мы обвѣнчались, но и года не прошло, какъ онъ умеръ. Но еще при жизни онъ успѣлъ составить документъ,въ которомъ призналъ ее своею дочерью, предоставляя мнѣ право требовать ее обратно, если я захочу...

— А вы... что же?—прервалъ ее полковникъ, сверкнувъ глазами.

— А я не захотѣла. Выслушайте меня,—продолжала она твердо.—Нося его имя и очутившись полной хозяйкой и независимой женщиной, полагая притомъ, что дѣвочка обезпечена и ничего не знаетъ о моемъ существованіи, я не видѣла надобности раскапывать прошлое. Я рѣшилась начать новую жизнь и уѣхала на сѣверъ. Въ томъ маленькомъ городкѣ Новой Англіи, гдѣ я сначала поселилась, мѣстные простолюдины переиначили мою фамилію и звали меня миссисъ Аргельсъ. Я такъ и оставила. Пріѣхала я въ Нью-Іоркъ, поступила на служеніе Господу Богу въ лонѣ церкви, Генри Пендльтонъ, подъ именемъ миссисъ Аргельсъ, и съ тѣхъ поръ живу здѣсь.

— Но вы ничего не имѣете противъ того, чтобы Эрба знала, что вы живы и по праву носите имя ея отца?—спросилъ Пендльтонъ настоятельно.

Она посмотрѣла на него, плотно сжавъ губы, потомъ сказала:

— Нѣтъ, имѣю. Я похоронила свое прошлое со всѣми его послѣдствіями. Не принуждайте меня тревожить его, я не хочу будить воспоминаній.

— А если я вамъ скажу, что она такая же гордая, какъ и вы, и хотя никогда не слыхивала всей правды, однако, по одному подозрѣнію въ неправильности своего имени и происхожденія отказалась принять имя и стать женой человѣка, котораго она любитъ?

— Она любитъ!

— Да, одного изъ ея опекуновъ, Гетвея, которому вы ее поручили, когда она была еще совсѣмъ ребенкомъ.

— Поля Гетвея?.. Но вѣдь онъ зналъ?

— Да, но ей неизвѣстно, что онъ знаетъ, онъ не выдалъ вашей тайны, даже когда она отказала ему.

Она помолчала съ минуту, потомъ сказала:

— Ну, хорошо, я согласна.

— Вы ей сами напишете?—подхватилъ полковникъ.

— Нѣтъ. Вы напишите, и если понадобятся доказательства, я вамъ доставлю всѣ нужные документы.

— Спасибо!

Онъ протянулъ ей руку съ такимъ дѣтски-блаженнымъ и признательнымъ выраженіемъ на своемъ изможденномъ лицѣ, что ея рука слегка дрогнула.

— Прощайте!

— Я скоро васъ опять увижу,—сказала она.

— Да, вы можете застать меня здѣсь во всякое время,—сказалъ онъ, сдѣлавъ гримасу.

— Не думаю,—отвѣчала она съ первымъ проблескомъ улыбки на своемъ неподвижномъ лицѣ и ушла.

Выйдя изъ палаты, она пожелала видѣть главнаго врача, и спросила его, какъ онъ думаетъ, скоро ли можно будетъ, безъ вреда для паціента, съ которымъ она только-что бесѣдовала, перевезти его изъ госпиталя?

— А далеко ли перевозить?

Въ отвѣтъ на это миссисъ Аргельсъ подала врачу свою карточку, на которой былъ выставленъ и ея въ высшей степени почтенный адресъ.

— Ага!.. Можетъ-быть, черезъ недѣлю.

— Какъ, а раньше нельзя?

— Можетъ-быть, и раньше, если не будетъ осложненій; паціентъ дошелъ до крайняго физическаго истощенія, хотя съ другой стороны,—миссисъ Аргельсъ, вѣроятно, и сама это замѣтила,—онъ обладаетъ удивительной силой воли.

Да, миссисъ Аргельсъ замѣтила это, считаетъ это рѣдкостнымъ примѣромъ твердыхъ убѣжденій, достойнымъ всяческихъ заботъ и тщательнаго ухода. Какъ только онъ будетъ въ силахъ выдержать переѣздъ, она пришлетъ собственную карету и своего доктора для наблюденія за перемѣщеніемъ. А пока онъ не долженъ нуждаться ни въ чемъ, и чтобы ничего не жалѣть для него.

— Да съ нимъ и такъ немного хлопотъ, онъ никого не безпокоитъ и ничего не проситъ. Только вотъ сейчасъ попросилъ бумаги, перьевъ и чернилъ.

ГЛАВА VIII.

Въ ту минуту, какъ карета миссисъ Аргельсъ свернула на Пятый проспектъ, она чуть не задѣла колесомъ другую карету,—нагруженную багажомъ на имперіалѣ и подъѣхавшую къ гостиницѣ. Разсѣянный и задумчивый путешественникъ, сидѣвшій внутри этого экипажа, былъ Поль Гетвей, въ это утро только-что воротившійся изъ Европы.

Войдя въ гостиницу, Поль машинально прошелъ въ контору и сталъ по привычкѣ пробѣгать глазами списки прежнихъ проѣзжихъ, перелистывая конторскую книгу съ тѣмъ же безнадежнымъ терпѣніемъ, съ какимъ продѣлывалъ эту церемонію во всѣхъ первоклассныхъ отеляхъ Европы, гдѣ останавливался за послѣднія шесть недѣль своихъ странствій по материку. Съ того дня, какъ они уѣхали изъ Штрудльбада, онъ потерялъ слѣдъ Эрбы, Пендльтона, Милли и даже Бріонесовъ. Вся эта

компанія, какъ видно, разсталась въ Базелѣ, куда онъ прибылъ черезъ восемь часовъ послѣ нихъ, и разсѣялась по лицу земли, такъ что онъ не могъ отыскать никакихъ концовъ. Онъ останавливался по дѣламъ въ Лондонѣ на нѣсколько дней, а теперь долженъ пробыть еще нѣсколько дней въ Нью-Іоркѣ, по пути въ Санъ-Франциско.

Утреннія газеты уже пропечатали его имя въ спискѣ пассажировъ, прибывшихъ въ городъ съ сегодняшнимъ пароходомъ. Можетъ-быть, и «ей» попадется это имя... Между тѣмъ во всю дорогу сюда его постоянно мучила ужасная мысль, что она или осталась въ Европѣ, спряталась въ какомъ-нибудь глухомъ провинціальномъ городишкѣ съ полусумасшедшимъ Пендльтономъ, или поступила въ монастырь, или даже, въ минуту безвыходнаго отчаянія, вышла замужъ за какого-нибудь титулованнаго и обнищавшаго дворянина.

Подъ вліяніемъ такихъ мучительныхъ сомнѣній ему казалось иногда, что напрасно онъ покинулъ Европу, что съ его стороны жестоко бросать Эрбу на произволъ судьбы; а въ другія минуты онъ убѣждалъ себя, что калифорнскіе родственники Милли знаютъ, гдѣ она, и могутъ сообщить ему нѣкоторые факты касательно ея мѣстопребыванія, а потому онъ дорожилъ каждымъ часомъ и не могъ дождаться, когда можно будетъ безостановочно ѣхать въ Санъ-Франциско. Онъ былъ увѣренъ, что она ни минуты больше не потерпитъ общества Бріонесовъ послѣ того, что произошло въ Штрудльбадскомъ отелѣ, но недовѣрчиво относился къ сношеніямъ полковника съ этимъ мексиканцемъ. Хотя ея письмо дышало полной безнадежностью, но она въ немъ такъ наивно обнаружила истинное состояніе своихъ чувствъ къ нему, что Поль только этимъ и жилъ и поддерживалъ свою бодрость.

Прошло два дня; онъ все еще безцѣльно жилъ въ Нью-Іоркѣ, въ ожиданіи парохода, который черезъ два дня долженъ былъ отплыть въ Панаму; но онъ почему-то колебался и до сихъ поръ не запасся билетомъ на этотъ рейсъ. Онъ перебывалъ въ конторахъ всѣхъ европейскихъ пароходныхъ обществъ и пересмотрѣлъ всѣ списки недавнихъ пассажировъ, но не нашелъ фамиліи ни одного члена искомой компаніи. Поиски его казались ему тѣмъ болѣе безнадежными, что онъ самъ думалъ, что послѣ разговора съ Бріонесомъ она откажется отъ фамиліи Аргуелло и приметъ другое имя. Можетъ-быть, она даже и теперь въ Нью-Іоркѣ, но какъ же ее отыскать, если она живетъ подъ новымъ именемъ!

На третій день поутру, въ числѣ писемъ, пришедшихъ на его имя, былъ одинъ конвертъ съ почтовой маркой одного

очень извѣстнаго дачнаго мѣста, въ окрестностяхъ рѣки Гудсона, гдѣ образовалась цѣлая колонія богачей, настроившихъ тамъ себѣ дачъ. Письмо было отъ Милли Вудсъ и гласило, что ея отецъ прочелъ въ газетахъ о его пріѣздѣ и приглашаетъ его обѣдать и переночевать у нихъ на дачѣ «Нижній Утесъ», «если онъ сколько-нибудь еще интересуется старыми друзьями». «Конечно,—прибавляла въ заключеніе неизмѣнно-непослѣдовательная Милли,—если вамъ съ нами скучно, мы васъ ждать не будемъ».

Исхудалыя щеки Поля вспыхнули. Онъ по телеграфу далъ знать, что принимаетъ ихъ приглашеніе, и въ тотъ же день передъ закатомъ солнца вышелъ изъ вагона на платформу маленькой полустанціи среди лѣса, такъ неестественно подражавшей сельской простотѣ, что ея бревенчатыя стѣны, заплетенныя пунцовыми вьюнками, казались болѣе похожими на театральную декорацію.

Экипажъ мистера Вудса уже былъ поданъ къ крыльцу; Поль въ общихъ чертахъ освѣдомился, какъ пройти на дачу «Нижній Утесъ», узналъ, что недалеко, передалъ свой чемоданъ кучеру и велѣлъ ему уѣзжать, сказавъ, что самъ дойдетъ пѣшкомъ. Имъ начиналъ овладѣвать трепетъ смутныхъ предчувствій и тоскливаго ожиданія, онъ самъ не зналъ, что въ немъ сильнѣе, боязнь или стремленіе чего-то достигнуть какъ можно скорѣе, но зналъ только, что это нѣчто неизбѣжное. Ему казалось, что онъ скоро оправится и окончательно придетъ въ себя среди роскошной пестроты осенняго лѣса, подъ вліяніемъ свѣжаго, бодрящаго октябрьскаго воздуха.

Солнце садилось во всемъ своемъ великолѣпіи въ безоблачномъ небѣ; но какъ ни сверкало оно ослѣпительной яркостью своихъ разноцвѣтныхъ лучей, казалось, что и въ лѣсу осенняя листва, подернутая то золотомъ, то багрянцемъ, повторяла все тѣ же краски отъ самыхъ густыхъ, до самыхъ нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ. Алая заря, видимая въ просѣкѣ между рядами пунцовыхъ кленовъ, казалась менѣе красной; золотые отблески солнца, садившагося за каменистымъ мысомъ, вдававшимся въ величавую рѣку, утрачивали напряженность своего сіянія. Пробираясь въ лѣсной чащѣ, онъ былъ окруженъ какъ бы лучезарною атмосферой; мѣстами такъ ярко была окрашена эта самосвѣтящаяся листва, что не вѣрилось, будто солнце уже сѣло, и ложившіяся тѣни странно противорѣчили этому великолѣпію. Онъ шелъ параллельно теченію величавой рѣки, и отъ времени до времени открывались на нее обширные виды, обнимавшіе не только спокойную гладь ея тихихъ водъ, но и уступы противоположнаго берега, покоившіеся на базаль-

товыхъ столбахъ, испещренныхъ жилами золотого и огненнаго цвѣта. Поль съ самаго дѣтства не видалъ ничего подобнаго и на минуту позабылъ эпическія красоты родной Сіерры, залюбовавшись этимъ пышнымъ осеннимъ нарядомъ сѣверной природы.

Съ большой дороги чуть замѣтная тропинка сворачивала въ сторону и вела къ дому, который понемногу начиналъ обрисовываться впереди, образуя на остальномъ фонѣ рѣки красивую виньетку, обрамленную ярко окрашенными группами орѣшника и клена. Поль колебался, свернуть ли прямикомъ на эту тропинку или придерживаться большой проѣзжей дороги, какъ вдругъ разслышалъ быстрые шаги, шуршавшіе по опавшему листу въ чащѣ пестраго кустарника, черезъ который пролегала тропинка. Онъ остановился... Листва дрогнула, разступилась, и оттуда внезапно появилась высокая, граціозная фигура, точно Коломбина вынырнула изъ разноцвѣтнаго куста. Это была Эрба.

Она бросилась ему навстрѣчу, полураскрывъ губы, съ сіяющими глазами, а нѣсколько алыхъ листиковъ, приставшихъ къ ея шерстяному платью, напоминали розовые лепестки виллы Розаріо.

— Когда я увидѣла, что васъ нѣтъ въ экипажѣ, и узнала, что вы пошли пѣшкомъ, я побѣжала вамъ навстрѣчу, потому что мнѣ нужно сказать вамъ одну вещь прежде, чѣмъ другіе васъ увидятъ. Я думала, что это ничего...

Она замолчала и потупилась.

Что значитъ эта новая и странная застѣнчивость, заставившая ее опустить рѣсницы, склонившая ея гордую голову и даже отдернувшая назадъ руку, которую она вначалѣ такъ откровенно и стремительно ему протянула?

А онъ, Поль, что же дѣлалъ въ это время? Куда дѣвалась странная тоска, переполнявшая его сердце цѣлые дни и цѣлыя ночи напролетъ? Гдѣ тревожные вопросы, сами просившіеся на уста и мысленно повторяемые каждую минуту? Что сталось съ отчаянной отвагой, собиравшейся повернуть весь міръ, лишь бы уничтожить всѣ преграды, могущія встать между ними? Вотъ она стоитъ передъ нимъ въ нѣсколькихъ футахъ разстоянія, а онъ молчитъ и, весь похолодѣвъ, только дрожитъ на мѣстѣ.

Она отступила на шагъ, быстро тряхнула головой, такъ что влага, скопившаяся въ ея сіяющихъ глазахъ, выкатилась изъ нихъ въ видѣ росинки, упавшей на спустившуюся прядь ея вьющихся волосъ. Она выпрямилась и спокойнымъ движеніемъ сунула свою маленькую ручку въ карманъ своей жакетки.

— Я хотѣла, чтобы вы только прочли письмо, которое я вчера получила,—сказала она, вынимая изъ кармана конвертъ.

Это нарушило чары. Поль съ жаромъ схватилъ руку, державшую письмо, и хотѣлъ, привлечь ее къ себѣ, но она отстранила его съ серьезнымъ, хотя и нѣжнымъ взглядомъ.

— Прочтите письмо!

— Разскажите мнѣ прежде о себѣ!—воскликнулъ онъ со страстью.—Зачѣмъ вы убѣжали отъ меня, почему я застаю васъ здѣсь совершенно случайно, безъ малѣйшаго предупрежденія съ вашей стороны? Скажите, Эрба, кто здѣсь съ вами? Свободны ли вы, въ правѣ ли располагать своей и моей судьбой? Говорите же, дорогая, не мучьте меня! Съ того вечера я такъ стремился къ вамъ, такъ искалъ васъ, такъ тосковалъ о васъ ежечасно! Скажите мнѣ, та ли эта Эрба, которая написала мнѣ тогда...

— Прочитайте письмо!

— Не нужно мнѣ никакихъ писемъ, кромѣ того, что вы мнѣ оставили... Я его читалъ, перечитывалъ безъ конца, оно всегда при мнѣ, Эрба... вотъ, смотрите!

Онъ схватился за бумажникъ, съ намѣреніемъ вытащить оттуда письмо, но она съ умоляющимъ видомъ всплеснула руками.

— Пожалуйста, Поль... ну, пожалуйста, прежде прочтите это письмо!

Въ этой просительной позѣ и жалобномъ голосѣ, сохранявшемъ, однакоже, отголосокъ прежней дѣвичьей шаловливости, было нѣчто такое, что поразило Поля. Онъ взялъ письмо, развернулъ его: оно было отъ полковника Пендльтона.

Въ краткихъ, точныхъ, офиціальныхъ выраженіяхъ, не называя источниковъ полученныхъ свѣдѣній и ни словомъ не упоминая о своемъ свиданіи съ миссисъ Аргельсъ, полковникъ увѣдомлялъ Эрбу, что въ его рукахъ имѣются документы, изъ которыхъ явствуетъ, что она дочь покойнаго Хозэ-де-Аргуелло и имѣетъ законное право носить его фамилію. Тутъ же была приложена копія съ инструкціи, данной имъ женѣ, офиціальное признаніе дѣвицы Эрбы Буэны, состоящей подъ опекой города Санъ-Франциско, своею и ея дочерью, съ предоставленіемъ матери права, по желанію, сообщить объ этомъ какъ самой дочери ихъ, такъ и во всеобщее свѣдѣніе.

По прочтеніи этой бумаги Поль все съ тѣмъ же выраженіемъ лица обратился опять къ Эрбѣ, которая смотрѣла на него во всѣ глаза, тревожно, внимательно, почти не смѣя дохнуть.

— И вы думаете, что все это для меня интереснѣе?—сказалъ онъ съ горечью.—Вы только и думаете о такихъ вещахъ, тогда

какъ я говорю о драгоцѣнной записочкѣ, которая подала мнѣ надежду и теперь привела меня къ вамъ?

— Поль,—промолвила она нерѣшительно, глядя на него измученными глазами,—развѣ то, что здѣсь написано, для васъ... все равно?

— Нѣтъ, но... простите, дорогая!—сказалъ онъ вдругъ порывисто, въ припадкѣ смутнаго раскаянія, снова пытаясь овладѣть ея увертливой рукой.—Я ужасный эгоистъ... и все позабываю, что для васъ это, можетъ-быть, не все равно.

— Поль,—продолжала она дрожащимъ голосомъ отъ сдержанной радости,—а развѣ для васъ самихъ это... это нисколько... не важно?

— Нисколько,—отвѣчалъ онъ, любуясь перемѣной на ея просіявшемъ лицѣ.

— И, значитъ,—продолжала она робко, между тѣмъ, какъ блѣдная заря занималась на ея щекахъ,—значитъ, для васъ не важно, что... что я... тоже ношу законное имя, взамѣнъ котораго вы мнѣ дадите свое?

Онъ встрепенулся.

— Эрба, вы не шутите надо мной? Это правда, вы согласны быть моей женой?

Она улыбнулась и начала пятиться назадъ, къ чащѣ тѣхъ кустовъ, изъ которыхъ вынырнула, но имѣла при этомъ величавый видъ богини, манящей за собой простого смертнаго. Онъ послѣдовалъ за ней. Еще шагъ назадъ, кусты разступились и приняли ее въ свои нѣдра; но въ то же мгновеніе она заключила Поля въ свои объятія, и сіяющая листва сомкнулась надъ обоими, скрывъ ихъ въ своемъ роскошномъ уборѣ. Пѣвчая птичка, еще не успѣвшая улетѣть на югъ, очевидно, подумала, что она ошиблась, что настала весна, и, радостно защебетавъ, вспорхнула, съ намѣреніемъ сообщить дальше эту добрую вѣсть; но въ эту минуту Поль и Эрба вышли изъ кустовъ съ такой невинной, полудѣтской важностью и такъ степенно и чинно пошли рядомъ по дорогѣ къ дому, что птичка раздумала.

ГЛАВА IX.

Только въ третій разъ въ жизни они встрѣтились,—сообразилъ ли Поль это обстоятельство, когда находилъ ее холодной? Знаетъ ли онъ теперь, почему она его не поняла тогда въ виллѣ Розаріо? И понимаетъ ли, какимъ онъ показался ей расчетливымъ эгоистомъ въ тотъ вечеръ? Можетъ ли теперь посмотрѣть ей въ глаза?.. Да нѣтъ же! Этого нельзя..

такъ близко отъ дому, и всякій можетъ увидѣть!.. И, глядя ей въ глаза, сказать, что онъ считалъ ее способной выдумать всю эту исторію о семействѣ Аргуелло? Развѣ не могъ онъ догадаться, что это имя будило въ ней какія-то дѣтскія воспоминанія, только она сама не знала, гдѣ и когда его слышала? И развѣ странно, если дочь чутьемъ угадываетъ своего отца? И какъ же ему не стыдно, что онъ все это зналъ, а ей ничего не говорилъ? Изъ-за того, что ея мать поссорилась съ отцомъ и бѣжала съ кѣмъ-то другимъ, а ее отдала подъ опеку постороннихъ лицъ, развѣ хорошо скрывать отъ нея такія обстоятельства и оставить ее совсѣмъ безъ имени? Все это и многое другое говорилось съ такой нѣжной укоризной, было такъ неожиданно, такъ нелогично и въ то же время такъ безконечно дорого для Поля, что онъ, какъ очарованный, шелъ съ нею рядомъ по тропинкѣ, начинавшей погружаться въ вечернія сумерки.

Однако она сообщила ему и нѣкоторыя свѣдѣнія болѣе практическаго свойства. Насколько ей было извѣстно, Бріонесъ никогда не видалъ ея матери и до того вечера въ Штрудльбадѣ ни разу не упоминалъ о ней. Еще важнѣе было то, что съ того вечера онъ окончательно исчезъ, послѣ длиннаго предварительнаго совѣщанія съ полковникомъ; а она была того мнѣнія, что полковникъ откупился отъ него деньгами. Но только «не ея» деньгами. Ей иногда казалось, что полковникъ былъ въ стачкѣ съ Бріонесомъ, а потому она съ нѣкоторыхъ поръ недовѣрчиво относилась къ Пендльтону. Но послѣ того столкновенія въ отелѣ она отказалась носить фамилію Аргуелло, а рѣшилась называться только тѣмъ именемъ, которымъ Поль ее окрестилъ... Проститъ ли онъ ее за то, что она тогда такъ глупо отзывалась объ этомъ имени?.. Эрба Буэна! Но когда онѣ садились на пароходъ, Милли посовѣтовала ей, чтобы лучше скрыться отъ преслѣдованій Бріонеса, записаться въ книгу пассажировъ подъ фамиліей Гудъ, а съ парохода онѣ вышли не въ Нью-Іоркѣ, а въ Бостонѣ.

Очень возможно, что полковникъ тѣ свѣдѣнія, которыя ей сообщилъ, вытянулъ у Бріонеса. Они растались съ Пендльтономъ въ Лондонѣ, потому, что онъ сталъ очень сердитъ и сварливъ и, по мнѣнію Милли, ужасно скупъ; вѣчно дѣлалъ исторіи изъ-за счетовъ въ гостиницахъ. Но онъ взялъ нью-іоркскій адресъ м-съ Вудсъ и зналъ, что она находится на дачѣ «Нижній утесъ».

За обѣдомъ м-ръ Вудсъ вдался въ воспоминанія о Калифорніи и сталъ распространяться о перемѣнахъ, какія онъ тамъ замѣтилъ. Нѣкоторые изъ старыхъ піонеровъ нажили довольно порядочное состояніе и обезпечили свою старость.

— Я знаю,—прибавилъ онъ,—что вашъ пріятель полковникъ Пендльтонъ расшвырялъ очень много денегъ по Европѣ. Кто-то говорилъ мнѣ, что онъ вынужденъ былъ взять мѣсто въ грюмѣ для переѣзда на родину. Должно-быть, проигрался— это старинный калифорнскій игрокъ.

И такъ какъ Поль, внезапно нахмурившійся, ничего не говорилъ, м-съ Вудсъ напомнила ему, что всегда не довѣряла нравственнымъ принципамъ полковника. Съ своей стороны она рада, что онъ не вернулся изъ Европы вмѣстѣ съ дѣвицами, хотя, конечно, присутствіе дона Цезаря и его сестры во время ихъ пребыванія въ Европѣ было большимъ счастіемъ въ смыслѣ свѣтскихъ приличій.

Такъ какъ лицо Поля еще сильнѣе омрачилось послѣ этихъ словъ, то Эрба, наблюдавшая за нимъ, воспользовалась той минутой, какъ они вставали изъ-за стола, и спросила:

— Вы не думаете, Поль, что полковникъ въ самомъ дѣлѣ нуждается?

— Богъ знаетъ!—отвѣчалъ Поль:—я боюсь подумать о томъ, какъ его могъ ограбить этотъ негодяй!

— И все ради меня! Поль! милый, вы сказали въ лѣсу, что ни за что не возьмете моихъ денегъ... Отдадимъ ихъ ему!

Какой отвѣтъ далъ на это Поль, не было слышно, такъ какъ онъ далъ его безмолвно.

Но на другое утро, въ то время, какъ онъ удалился въ библіотеку съ м-ромъ Вудсъ, Эрба вбѣжала къ нимъ съ разстроеннымъ лицомъ и телеграммой въ рукѣ.

— О! Поль... м-ръ Гетвей!.. *это правда!*

Поль схватилъ телеграмму; подписи не было, и только одна строчка: «Полковникъ Пендльтонъ опасно боленъ и лежитъ въ больницѣ св. Іоанна».

— О! Поль, позвольте мнѣ ѣхать съ вами! Я никогда не прощу себѣ да и телеграмма адресована мнѣ—если бы не поѣхала... Что̀ онъ подумаетъ!

Поль колебался.

— М-съ Вудсъ позволяетъ Милли ѣхать съ нами, и она можетъ посидѣть въ гостиницѣ. Скажите: да! — умоляла она.

Онъ согласился, и черезъ полчаса всѣ трое уже ѣхали на поѣздѣ въ Нью-Іоркъ.

Оставивъ Милли въ гостиницѣ, какъ бы во вниманіе къ предубѣжденіямъ м-ра и м-съ Вудсъ, но въ дѣйствительности чтобы избавиться отъ присутствія третьяго лица при свиданіи съ полковникомъ, Поль отправился съ Эрбой въ больницу. Ординаторъ палаты, гдѣ лежалъ полковникъ, встрѣтилъ ихъ почтительно, но съ сомнѣніемъ. Паціенту было немного лучше

сегодня утромъ, но онъ очень ослабъ. Теперь при немъ одна лэди—членъ одного религіознаго и благотворительнаго общества,—которая принимаетъ въ немъ величайшее участіе; она даже хотѣла перевезти его къ себѣ въ домъ, но онъ сначала отказался, а теперь слишкомъ слабъ, чтобы его можно было перевезти.

— Но я получила телеграмму: она, вѣроятно, послана по его желанію,—возразила Эрба.

Ординаторъ глядѣлъ на ея прелестное личико. Онъ былъ слабый человѣкъ, какъ и всѣ, и объявилъ, что пойдетъ поглядѣть, можетъ ли паціентъ вынести еще посѣтителей: можетъ-быть, благотворительная дама удалится.

Когда онъ ушелъ, его помощникъ сообщилъ, что старый джентльменъ бываетъ иногда въ очень возбужденномъ состояніи. Онъ замѣчательный человѣкъ; много видалъ на своемъ вѣку; очень интересно разсказываетъ про ранніе дни Калифорніи. Вѣроятно, теперь докторъ позволитъ его видѣть, если онъ чувствуетъ себя хорошо, потому что лэди-патронесса уже уходитъ; вонъ она идетъ по палатѣ!

Она медленно приближалась къ нимъ—высокая, сѣдая, мрачная—все еще красивая. Поль вздрогнулъ. Къ его ужасу, Эрба подбѣжала къ ней и живо спросила:

— Лучше ему? можно его видѣть?

Женщина остановилась на минуту, тѣснѣе прижала къ груди ридикюль и молитвенникъ, которые несла въ рукахъ, но вообще въ ней не было замѣтно никакой перемѣны. Обращаясь скорѣе къ Полю, чѣмъ къ молодой дѣвушкѣ, она строго сказала:

— Больной можетъ принять м-ра Гетвея и миссъ Эрбу Буэна.

И тихо прошла мимо. Дойдя до дверей, она опустила черный траурный вуаль на лицо такимъ же точно жестомъ, какъ и двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, какъ припомнилъ Поль.

— Она напугала меня!—сказала Эрба, обращая разстроенное лицо къ Полю.—О! Поль! я надѣюсь, что это не дурное предзнаменованіе,—она похожа на выходца изъ могилы!

— Тсъ!—произнесъ Поль, такой же блѣдный, какъ сама Эрба. — Докторъ идетъ.

Ординаторъ подошелъ съ еще болѣе серьезнымъ лицомъ, чѣмъ прежде. Они могутъ видѣть больного, но онъ долженъ предупредить ихъ, что паціентъ безпрестанно впадаетъ въ бредъ, и если имъ нужно поговорить о семейныхъ дѣлахъ, то они должны ловить минуты, когда онъ приходитъ въ себя.

Они нашли его въ концѣ палаты, отгороженнаго со всѣхъ сторонъ ширмами, такъ что образовалась какъ бы отдѣльная комната. Онъ очень перемѣнился; они бы не узнали его, если бы

не правильный тонко очерченный орлиный носъ и длинные бѣлые усы, которые теперь казались до того эѳирными, точно крыло духа опустилось на его подушку.

Къ ихъ удивленію, онъ открылъ глаза и поманилъ ихъ. И однако въ его обращеніи съ Полемъ все еще оставалась тѣнь прежняго недовѣрія; хотя одна рука его была охвачена Эрбой, которая порывисто бросилась къ нему и упала на колѣни передъ кроватью, а другую онъ положилъ ей на голову, но глаза его были прикованы къ лицу молодого человѣка съ церемонностью, какую мы выказываемъ относительно посторонняго лица.

— Я радъ васъ видѣть, сэръ,—началъ онъ медленнымъ, прерывистымъ, но вполнѣ явственнымъ голосомъ:—теперь вы убѣдились... въ правѣ... этой молодой лэди... носить фамилію Аргуелло... и ея родство, сэръ... съ старѣйшей...

— Но, дорогой другъ мой,—перебилъ Поль,—я *никогда* объ этомъ не заботился, прошу васъ вѣрить...

— Я убѣжденъ въ противномъ, — сказалъ полковникъ съ мрачной и неумолимой рѣшимостью.—У меня сохранилось живое воспоминаніе... сэръ... о свиданіи, которое я имѣлъ съ вами... въ Сентъ-Чарльзѣ... когда вы говорили...

Онъ съ минуту помолчалъ и затѣмъ совсѣмъ другимъ голосомъ слабо позвалъ въ бреду:

— Джорджъ!

Поль и Эрба быстро переглянулись.

— Джорджъ, подайте чего-нибудь закусить достопочтенному м-ру Полю Гетвею! Самаго лучшаго, сэръ, понимаете... Добрый негръ, сэръ, добрый парень; онъ никогда со мной не разлучится; но только, честное слово, сэръ, онъ способенъ уморить себя и свою семью съ голоду, чтобы быть со мной. Я привезъ его съ собой въ Калифорнію въ сорокъ-девятомъ году. Давно это было, сэръ, очень давно... Въ добрые старые годы!

Голова его упала на подушки, и глаза подернулись дымкой.

— То были старинныя времена, сэръ... времена, когда для людей одного *слова* мужчины было достаточно, а шпага мужчины разрѣшала всѣ недоразумѣнія... Когда довѣренность, принятая имъ отъ мужчины, женщины или ребенка, никогда не нарушалась... Когда приливъ, сэръ, проходящій сквозь Золотыя Ворота, поднимался высоко, доходилъ до улицы Монгомерри...

Онъ умолкъ. И стоявшіе около него поняли, что приливъ опять поднялся высоко, залилъ улицу Монгомерри и—унесъ съ собой полковника Пендльтона.

КОНЕЦЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
БРЭТЪ-ГАРТА.

Съ біографическимъ очеркомъ
и портретомъ автора.

Книга VI.

РОМАНЫ. ПОВѢСТИ.
РАЗСКАЗЫ.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, соб. домъ.
Москва. — 1915.

Салли Доусъ.

(Повѣсть. Перев. кн. Е. С. Кудашевой).

ПРОЛОГЪ.

Послѣдній залпъ у Змѣиной Рѣки:

Не далѣе, какъ на разсвѣтѣ прохладнаго лѣтняго утра, здѣсь еще пролегалъ росистый деревенскій проселокъ, изрѣзанный лишь рѣдкими слѣдами колесъ, не задѣвавшихъ его дерновыхъ краевъ, и испещренный слѣдами звѣриныхъ лапокъ. Къ полудню не осталось и слѣда прежней зеленой дорожки; все было раздавлено, истоптано и изрыто до неузнаваемости. Грузные, ковыляющіе орудійные станки и повозки глубоко врѣзались въ колею; копыта конницы смяли и измолотили придорожные кусты и лозы, а короткій, поспѣшный шагъ пѣхоты обратилъ все это уродливое разрушеніе въ сплошной хаосъ пыли. Вдоль грубо раздвинутой дороги валялись попорченыя ружья, рваное снаряженіе, ранцы, фуражки и части одежды, а тамъ и сямъ болѣе объемистыя развалины, въ видѣ обломавшихся повозокъ, наскоро опрокинутыхъ въ канаву, чтобы освободить путь для живого потока. Въ теченіе двухъ часовъ, здѣсь безпрерывно передвигались взадъ и впередъ части чуть не цѣлаго армейскаго корпуса; и куда бы ни шли эти люди, всѣ глаза неизмѣнно были устремлены вправо, къ открытому склону, расположенному параллельно проселку. А между тѣмъ тамъ ничего не было видно. Въ теченіе двухъ часовъ взглядъ ничего не встрѣчалъ, кромѣ изсиня-сѣраго облака, то и дѣло прорѣзавшагося выстрѣлами, но снова смыкавшагося и еще болѣе густѣвшаго послѣ каждаго взрыва. Тѣмъ не менѣе въ этомъ зловѣщемъ облакѣ утонули съ утра живыя, движущіяся массы людей въ синемъ и сѣромъ, а если иныя и возникали снова изъ него, то только въ видѣ разсѣянныхъ обломковъ, которые ползли, бѣжали или льнули другъ къ другу, для того только, чтобы быть настигнутыми смертью въ клубахъ густого дыма.

Но за послѣдніе полчаса унылый путь тянулся опустѣвшимъ и безлюднымъ. Въ то время, какъ на роковомъ склонѣ за нимъ не прекращался трескъ и грохотъ пальбы, дорога

оставалась безмолвной. Раза два надъ ней промелькнули робкія торопливыя крылья, или испуганныя, колеблющіяся ножки, а немного погодя появились и отставшіе отъ главной колонны солдаты, возникая то тамъ то сямъ изъ кустовъ и и изгородей, въ которыхъ ползли и скрывались до тѣхъ поръ. Донесшійся со скрытаго отъ нихъ склона внезапный вопль— ближайшій звукъ, долетѣвшій до сихъ поръ изъ рокового отдаленія — снова спугнулъ ихъ подъ прикрытіе. Какъ бы въ отвѣтъ на вопль, послышался яростный топотъ, и на дорогу вылетѣлъ красивый молодой офицеръ въ красной фуражкѣ въ сопровожденіи денщика; онъ круто повернулъ лошадь, перескочилъ черезъ изгородь, выѣхалъ на склонъ и остановился въ ожиданіи. Минуту спустя, вслѣдъ за нимъ по дорогѣ прокатилось густое облако пыли. Изъ ея клубовъ выступили грузныя плечи и натянутыя цѣпныя постромки шести лошадей, а за ними тяжелое орудіе, остававшееся въ этомъ вихрѣ движенія пассивнымъ и неподвижнымъ, словно бы съ грознымъ провидѣніемъ своего могущества. Въ то время какъ по знаку офицера орудіе съ трескомъ прорвалось сквозь изгородь слѣдомъ за нимъ, внезапный толчокъ сбросилъ одного изъ людей съ передка подъ колеса. Погонщикъ нерѣшительно оглянулся на туго натянутую цѣпь. «Впередъ!» заревѣлъ упавшій, и колесо прокатилось по его тѣлу. Изъ тучи пыли возникло еще одно орудіе, за нимъ еще и еще, пока на склонѣ не развернулась цѣлая батарея. Не успѣло облако пыли окончательно улечься, когда пыхтящія лошади съ сѣдоками нѣсколько отшатнулись назадъ, открывъ на мигъ ближайшую пушку, уже готовую къ стрѣльбѣ, и четыре выпрямившіяся рядомъ съ ней фигуры. Снова прозвучалъ— и на этотъ разъ ближе—тотъ самый вопль, который, казалось, вызвалъ это внезапное видѣніе; изъ жерла орудія вырвался ослѣпительный блескъ, и снова оно скрылось за сомкнувшимися вокругъ него людьми, въ то время, какъ вдоль дороги пронесся оглушительный трескъ звенящаго металла. Снова мелькнулъ блескъ, и рядомъ съ нимъ поднялся столбъ бѣлаго волокнистаго дыма. Блеснула еще новая молнія, за нею еще и еще, снова отозвалась первая пушка, и вскорѣ весь склонъ сотрясся и загремѣлъ отъ пальбы. И дымъ, теперь уже больше не бѣлый, а волокнистый, но все темнѣющій, и какъ бы насыщенный порохомъ, превратился въ плотный пологъ зловѣщаго тумана и, хлынувъ вдоль дороги, затопилъ собой весь склонъ.

Вопли прекратились, но звучавшій сквозь пальбу трескъ и скрежетъ все приближались, и вдругъ съ нижнихъ сучьевъ

каштановаго дерева у проломанной изгороди посыпался цѣлый дождь листьевъ и мелкихъ вѣтокъ, сквозь порѣдѣвшій на мигъ дымъ показалось смѣшеніе махающихъ шапокъ, кивающихъ лошадиныхъ головъ и сверкающей стали, и весь этотъ хаосъ бурной волной ринулся вверхъ по склону. Но двѣ ближайшія пушки пронизали видѣніе своимъ огнемъ и смели его въ морѣ дыма и ревѣ звука. Залпъ былъ такъ точенъ и выпущенъ на такомъ близкомъ разстояніи, что на первый взглядъ показалось, будто между двумя сторонами разверзлась пустота, въ которой явственно виднѣлся круговоротъ разбитыхъ остатковъ наступавшей конницы, и можно было отчетливо разобрать крики и проклятія массы, сплотившейся въ отчаянной борьбѣ. Вдругъ стоявшій у ближайшаго орудія канониръ поспѣшно схватился за ружье, ибо отъ круговорота впереди отдѣлился одинокій всадникъ, помчавшійся къ орудію въ бѣшеной скачкѣ.

Офицеръ въ красной фуражкѣ выѣхалъ навстрѣчу и вышибъ саблей оружіе изъ руки канонира. Дѣло въ томъ, что, окинувъ всадника быстрымъ взглядомъ, онъ замѣтилъ, что поводъ вольно лежитъ на шеѣ лошади, все еще продолжавшей стремительно мчаться по инерціи, и что юношеская фигура сѣдока въ формѣ лейтенанта хотя и держится прямо въ сѣдлѣ, однако болѣе не управляетъ лошадью.

Лицо было ребячески молодо, бѣло и мертвенно; глаза— неподвижны, какъ стекло. Казалось, будто въ атаку на орудіе двинулась сама смерть.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ орудія лошадь отшатнулась передъ взмахнувшимъ передъ ней банникомъ и, наткнувшись на оглобли, сбросила всадника на пушку. Горячая кровь убитаго задымилась на еще болѣе горячей мѣди, брызнула на руки канонира, машинально продолжавшаго дѣлать свое дѣло. Въ то время, какъ снимали тѣло съ орудія, вышелъ приказъ прекратить стрѣльбу. Вопли внизу также прекратились; грохотъ и скрежетъ вмѣстѣ съ дымомъ отходили все дальше влѣво. Зловѣщее среднее облако на мигъ разсѣялось и изъ-за него неожиданно выглянуло солнце, освѣтивъ склонъ и мирно протекавшую у его подножія рѣку.

Тѣмъ временемъ молодой артиллерійскій офицеръ спѣшился и осторожно осматривалъ убитаго. Грудь была размозжена осколкомъ снаряда, и смерть, очевидно, послѣдовала мгновенно. Тотъ же осколокъ разрѣзалъ цѣпочку медальона, выскользнувшаго изъ-за распахнутаго мундира. Офицеръ взялъ его въ руку со страннымъ чувствомъ—быть-можетъ, потому, что у самого на груди скрывался такой же медальонъ; быть-мо-

жетъ, также въ надеждѣ дознаться съ его помощью о личности покойнаго. Въ медальонѣ оказалось всего только фотографическая карточка красивой дѣвушки и прядь бѣлокурыхъ волосъ, съ надписью «Салли». Во внутреннемъ карманѣ нашлось еще запечатанное письмо, адресованное: «Миссъ Салли Доусъ. Доставить ей лично, если я паду отъ руки непріятеля». По лицу офицера пробѣжала легкая улыбка; онъ намѣревался было передать вещи унтеръ офицеру, но раздумалъ и опустилъ ихъ въ карманъ.

Между тѣмъ дорога и окружающій лѣсъ, и даже отдаленный склонъ, кишѣли дожидающимися войсками. Собственная его батарея стояла еще въ боевомъ порядкѣ, дожидаясь приказаній. Внезапно вдоль проселка прошло легкое движеніе.

— Прекрасно, капитанъ! Лихо захватили и молодцомъ отстояли!

Это былъ голосъ проѣзжавшаго съ своимъ штабомъ генерала. Въ тонѣ слышалось радостное облегченіе, и пожилое, измученное лицо освѣтилось отеческой улыбкой. Молодой человѣкъ вспыхнулъ отъ удовольствія.

— Видно доходило даже до рукопашной, — добавилъ генералъ, указывая на убитаго.

Офицеръ поспѣшно объяснилъ въ чемъ дѣло. Генералъ кивнулъ, отдалъ честь и проѣхалъ дальше. Но юный адъютантъ замѣшкался позади.

— Старикашка въ духѣ, Кортлэндъ,—замѣтилъ онъ.— Мы смели ихъ по всей линіи. Теперь все кончено. Въ сущности говоря, нашъ залпъ былъ послѣднимъ въ этомъ братоубійственномъ столкновеніи.

Послѣдній залпъ! Кортлэндъ молчалъ, задумчиво глядя на распростертаго у его ногъ человѣка, уничтоженнаго и раздавленнаго этимъ залпомъ.

— Я не удивлюсь, если вы получите отличіе за это дѣло. Но кто такой вашъ пріятель, сынъ жгучаго Юга?—добавилъ онъ, слѣдя за взглядомъ товарища.

Кортлэндъ повторилъ свой разсказъ серьезнымъ тономъ, чѣмъ, однако, не угомонилъ легкомыслія адъютанта.

— Такимъ образомъ онъ рѣшилъ остаться здѣсь,—весело перебилъ онъ.—Однако постойте,—прибавилъ онъ, разглядывая письмо и фотографію,—что это тутъ у васъ? Салли Доусъ? Да не дальше какъ вчера подобрали другого человѣка съ письмомъ къ этой самой дѣвушкѣ. Оно сейчасъ у Дока Мерфи. И та же карточка!—нечего сказать! Салли, должно-быть, сгребала себѣ молодцовъ цѣлыми кучами! Послушайте-ка, Карти! Чтобы вамъ взять также письмо у Дока Мерфи и разы-

скать ее, когда кончится эта жестокая война? Скажете, что исполняете «священную миссію». Поняли? Мысль недурная вѣдь, — а, старина? Всего хорошаго!—и онъ быстрой рысью пустился вдогонку за начальникомъ.

Кортлэндъ разсѣянно смотрѣлъ ему вслѣдъ, продолжая держать письмо и карточку въ рукѣ. На поляхъ слѣва дымъ совсѣмъ уже разсѣялся, но висѣлъ еще пеленой на югѣ, по пятамъ у бѣгущей кавалеріи. Снизу донесся протяжный музыкальный сигналъ горниста. Освобожденное солнце упало на бѣлые флаги двухъ притаившихся въ лѣсу полевыхъ лазаретовъ и тихо глянуло на окаймленную кипарисами лѣнивую, жестокую, но прекрасную южную рѣку, которая змѣилась утромъ съ этой самой улыбкой сквозь самое сердце боя.

ГЛАВА I

Двухчасовой курьерскій поѣздъ изъ Редлэндса въ Форествилль, въ штатѣ Георгіи, огибалъ въ теченіе двухъ часовъ мирную рѣку, подражая ея лѣнивой медлительности. Вдобавокъ, не въ примѣръ рѣкѣ, онъ часто останавливался—иногда у опредѣленныхъ станцій и деревень, а иной разъ и попросту при появленіи мѣстныхъ жителей въ соломенныхъ шляпахъ и полотняныхъ одеждахъ; при чемъ, послѣ дружелюбной бесѣды съ кондукторомъ и машинистомъ, человѣка либо брали съ собой, либо освобождали отъ имѣвшагося у него свертка, письма или корзины, не исключая даже словесныхъ порученій. Путь пролегалъ частью болотистыми, никогда не прочищавшимися лѣсами, частью разрушенными или пришедшими въ упадокъ поселками и деревнями, оставшимися въ томъ же видѣ со времени междоусобной войны, послѣ которой минуло уже три года. Слѣды военной оккупаціи сохранились и по сю пору: тамъ и сямъ виднѣлись обугленные желѣзнодорожные мосты, а по линіи одного знаменательнаго перехода еще сохранились кое-гдѣ рельсы, сорванные съ полотна, раскаленные на кострахъ и загнутые вокругъ древесныхъ стволовъ. Эти памятники пораженія, повидимому, не возбуждали ни чувства мстительности, ни желанія ихъ уничтожить; еще не разсѣялась вялая апатія, воцарившаяся слѣдомъ за днями судорогъ и истерическихъ страстей; даже немногія усовершенствованія отмѣчались томной медлительностью выздоровленія. Всюду бросалась въ глаза безпомощность расы, до сихъ поръ опиравшейся на варварскія условія или политическія преиму-

щества,—расы, не особенно сильной въ изобрѣтательности и внезапно поставленной лицомъ къ лицу съ необходимостью личнаго труда. Глаза, со злобой смотрѣвшіе на сѣверъ какихъ-нибудь три года назадъ, теперь просительно обращались къ нему за руководствомъ и помощью. Они жадно всматривались въ лица энергичныхъ и преуспѣвающихъ сосѣдей—своихъ вчерашнихъ враговъ—когда встрѣчались съ ними на верандахъ южныхъ гостиницъ и палубахъ южныхъ пароходовъ. Даже и теперь стоящая въ лѣсу группа зорко наблюдала за окнами остановившагося поѣзда, за которыми виднѣлись два лица совершенно различнаго типа, но, тѣмъ не менѣе, одинаково чуждыхъ странѣ по платью, чертамъ лица и нарѣчію.

Два негра медленно нагружали тендеръ паровоза дровами съ нагроможденной у полотна полѣнницы. Густой коричневый дымъ смолистаго дерева наполнялъ поѣздъ ѣдкимъ ароматомъ. Старшій изъ двухъ сѣверныхъ пассажировъ, съ угловатымъ лицомъ, выдававшимъ уроженца Новой Англіи, нетерпѣливо взглянулъ на часы.

— Ну, видалъ ли кто-либо такихъ безтолковыхъ ротозѣевъ! Почему мы не могли забрать достаточно дровъ для остальныхъ десяти миль на послѣдней станціи? и почему, скажите, пожалуйста, мы не можемъ подвигаться скорѣе?

Младшій пассажиръ, спокойное, благородное лицо котораго указывало на привычку къ сдержанности, слегка улыбнулся въ отвѣтъ.

— Если вамъ дѣйствительно желательно знать, и въ виду того, что намъ осталось всего десять миль пути—извольте, я покажу вамъ почему. Ступайте со мной.

Онъ вышелъ на площадку вагона, соскочилъ на землю и многозначительно указалъ своему спутнику на рельсы. Тотъ вздрогнулъ. Металлъ тонкими полосками отслаивался отъ рельсовъ, толщина которыхъ мѣстами уже уменьшилась на четверть дюйма, между тѣмъ какъ въ другихъ мѣстахъ выступающіе края были оторваны и висѣли желѣзными обрывками, такъ что колеса буквально опирались на одну только узкую среднюю полосу. Представлялось чудомъ, что поѣздъ могъ еще при такихъ условіяхъ удерживаться на рельсахъ

— Теперь вы знаете, почему мы не дѣлаемъ болѣе пяти миль въ часъ, и благодарите Бога за эту медленность — спокойно замѣтилъ молодой пассажиръ.

— Но вѣдь это возмутительно! преступно! — заволновался тотъ.

— Не при такой скорости,—возразилъ его собесѣдникъ.— Преступленіе заключалось бы именно въ быстрой ѣздѣ. А теперь вамъ понятно, почему всякій прогрессъ иного рода подвигается столь медленно въ этомъ штатѣ, всѣ основы котораго одинаково проржавѣли и истлѣли. Здѣсь нельзя итти на всѣхъ парахъ, какъ мы это дѣлаемъ на Сѣверѣ.

Второй пассажиръ пожалъ плечами. Оба взобрались обратно на площадку, и поѣздъ медленно двинулся въ путь. Разногласіе въ мнѣніяхъ случалось у нихъ не впервые, несмотря на то, что ихъ объединяла общая миссія. Первый изъ нихъ, Сирусъ Дреммондъ, занималъ постъ вице-предсѣдателя въ большомъ сѣверномъ земельномъ и мукомольномъ обществѣ, пріобрѣвшемъ большіе участки земли въ Георгіи. Второй, полковникъ Кортлэндъ, служилъ въ томъ же обществѣ инспекторомъ и инженеромъ. Взгляды Дреммонда сильно были окрашены расовыми предразсудками и самодовольнымъ незнаніемъ истинныхъ условій и ограниченій населенія, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло; между тѣмъ, какъ болѣе молодой его сослуживецъ, доблестно сражавшійся все время войны съ Югомъ, сохранилъ къ прежнимъ своимъ противникамъ уваженіе солдата, основанное на внимательномъ и добросовѣстномъ изученіи ихъ національнаго характера. Хотя теперь онъ болѣе и не служилъ въ арміи, однако тотъ фактъ, что онъ смолоду блестяще кончилъ университетъ, заслужилъ ему предпочтеніе въ данномъ назначеніи; знаніе же страны и населенія дѣлало изъ него цѣннаго совѣтника. И такъ или иначе, мѣстные жители, несомнѣнно, предпочитали солдата, съ которымъ когда-то сходились въ бою, неизвѣстному раньше капиталисту.

Поѣздъ медленно катился по лѣсамъ, такъ медленно, что ароматный смолистый дымъ паровоза продолжалъ виснуть у оконъ вагоновъ. Мало-по-малу просѣки становились обширнѣе; показалась колоннада плантаторскаго дома, сохранившаго гордый и пышный видъ, несмотря на то, что изгородь была мѣстами проломана, а ворота болтались на единственной петлѣ.

Дреммондъ презрительно фыркнулъ при видѣ уличающихъ доказательствъ небрежности и нерадѣнія.—Допустимъ даже, что они разорены, все же можно было потратить нѣсколько центовъ на гвозди и доски, чтобы соблюсти приличія и не выставлять своей бѣдности напоказъ передъ сосѣдями,—замѣтилъ онъ.

— Но именно въ этомъ вы ихъ не понимаете, Дреммондъ,— съ улыбкой возразилъ Кортлэндъ.—Имъ вовсе не приходится

соблюдать приличій передъ сосѣдями, продолжающими знать ихъ какъ «сквайра» такого-то, «полковника» такого-то, или «судью»,—какъ владѣльцевъ обширныхъ, хотя и запущенныхъ помѣстій. Они не стыдятся бѣдности, которая не что иное, какъ случайность.

— Но они стыдятся работы, и это уже преднамѣренность,— перебилъ Дреммондъ.—Имъ стыдно самимъ чинить свои заборы, а рабовъ уже нѣтъ.

— Если на то пошло, сильно сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ нихъ даже сумѣлъ вбить гвоздь,—съ прежнимъ добродушіемъ продолжалъ Кортлэндъ,—но тому виной система, болѣе старая, чѣмъ они сами, и сохраненная основателями республики. Мы не можемъ дать имъ опытъ новыхъ условій въ одинъ день, и—говоря короче, Дреммондъ,— боюсь, что для нашихъ цѣлей, а также для ихъ пользы, намъ слѣдуетъ помочь имъ пока остаться такими, какими они были до сихъ поръ.

— Быть-можетъ,—саркастически замѣтилъ Дреммондъ,— вы также желали бы возстановить рабовладѣльчество?

— Нѣтъ, этого бы я не желалъ. Но я желалъ бы возстановить хозяина. И не только ради его выгоды, но ради свободы и ради насъ самихъ. Я буду говорить просто: съ тѣхъ поръ, какъ я взялъ на себя настоящія свои обязанности, я убѣдился изъ личнаго опыта, что негръ— еще меньше, чѣмъ его хозяинъ, способенъ справляться съ новыми условіями. Онъ привыкъ къ своему традиціонному понукателю, и сомнѣваюсь, чтобы онъ сталъ добросовѣстно работать на кого-либо другого,—въ особенности на людей, которые его не понимаютъ. Не поймите меня превратно: я вовсе не предлагаю возвратиться къ бичу, или къ этому варварскому учрежденію—безотвѣтственному надсмотрщику; къ куплѣ и продажѣ, къ раздѣленію семей, или вообще къ какому-либо иному ихъ старыхъ беззаконій; но я предлагаю сдѣлать стараго хозяина нашимъ надсмотрщикомъ, и отвѣтственнымъ передъ нами. Онъ не дуракъ, и понялъ уже, что выгоднѣе платить жалованье своимъ прежнимъ невольникамъ и имѣть власть увольнять ихъ, какъ всякій иной работодатель, вмѣсто того, чтобы расходоваться на содержаніе лѣнивыхъ и неспособныхъ, какъ это было при старой системѣ насильственнаго труда и пожизненнаго рабства. Старое чувство рабовладѣльчества исчезло передъ естественнымъ здравымъ смысломъ и эгоизмомъ. Я убѣжденъ, что путемъ использованія стараго хозяина и новой свободы мы добьемся лучшей обработки земли, нежели скупаніемъ владѣній, у старыхъ владѣльцевъ: этимъ мы только пустимъ по-міру цѣлый новый классъ

праздныхъ, неудовлетворенныхъ людей, которые пойдутъ вередить старыя политическія язвы, создавать новыя теченія, а быть-можетъ, еще противопоставятъ намъ опасную оппозицію.

— Ужъ не хотите ли вы сказать, что эти окаянные негры оказали бы предпочтеніе своимъ прежнимъ притѣснителямъ?

— При условіи полученія того же количества долларовъ— несомнѣнно! И почему бы нѣтъ? Старые хозяева лучше понимаютъ ихъ, и въ общемъ лучше обращаются съ ними. Имъ извѣстно, что наше сочувствіе къ нимъ не болѣе какъ отвлеченное понятіе, а вовсе не искреннее влеченіе. Мы доказываемъ это на каждомъ шагу. Однако мы приближаемся къ Редлэндсу, и маіоръ Ридъ, я въ томъ увѣренъ, подтвердитъ мои впечатлѣнія. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы мы остановились у него, хотя я боюсь, что бѣдному старику не по средствамъ угощать гостей. Но онъ будетъ очень оскорбленъ, если мы откажемъ ему.

— Стало-быть, вы съ нимъ пріятели?—спросилъ Дреммондъ.

— Я сражался противъ его дивизіи у Каменистаго Ручья— съ усмѣшкой отвѣчалъ Кортлэндъ.—Ему никогда не надоѣдаетъ вспоминать объ этомъ—изъ чего, вѣроятно, слѣдуетъ заключить, что мы съ нимъ пріятели.

Нѣсколько минутъ спустя поѣздъ подкатилъ къ платформѣ Редлэндса. Не успѣли два путешественника выйти изъ вагона, какъ на плечо Кортлэнда опустилась чья-то рука, и толстая фигура въ чернѣйшей и безконечно блестящей альпаковой курткѣ, и бѣлѣйшей и широчайшей панамѣ горячо привѣтствовала его.

— Радъ васъ видѣть, полковникъ. Я рѣшилъ самъ добѣжать и прихватить съ собой слугу, — сказала супруга указывая на раскланивающагося передъ ними сѣдовласаго негра лѣтъ шестидесяти,— чтобы дотащить ваши вещи, вмѣсто того, чтобы нанимать лошадь. Не очень-то у меня жирно насчетъ лошадей послѣ войны— ха, ха, ха! То, что осталось послѣ ремонтера, проглотилъ, должно-быть, вашъ комиссаръ вмѣстѣ съ прочимъ живымъ инвентаремъ—такъ вѣдь, а? Онъ добродушно расхохотался, какъ если бы дѣло шло о чисто юмористическихъ воспоминаніяхъ, и снова похлопалъ Кортлэнда по спинѣ.

— Позвольте васъ познакомить господа,— мистеръ Дрёммондъ, маіоръ Ридъ,—съ улыбкой сказалъ Кортлэндъ.

— Были на войнѣ, сэръ?

— Нѣтъ, я...—началъ Дрёммондъ, колеблясь, самъ не зная почему и досадуя на собственное смущеніе.

— Вице-председатель нашего общества м-ръ Дрёммондъ,— развязно вставилъ Кортлэндъ,—занятъ былъ изысканіемъ средствъ, чтобы снабжать насъ «нервомъ войны».

Маіоръ Ридъ отвѣсилъ болѣе офиціальный поклонъ.

— Большинство изъ насъ, сэръ, участвовали въ войнѣ такъ или иначе, и если вы, джентльмены, окажете мнѣ честь распить дружескій кубокъ въ гостиницѣ черезъ дорогу, то я познакомлю васъ съ капитаномъ Прендергастомъ, который оставилъ одну ногу у Красивыхъ Дубковъ.

Дрёммондъ хотѣлъ было отказаться, но уступилъ многозначительному пожатію локтя. Пришлось отправиться къ безногому воину (оказавшемуся содержателемъ гостиницы и буфета), которому маіоръ Ридъ шутливо представилъ Кортлэнда, какъ того человѣка, «который добрыхъ три часа молотилъ мою дивизію у Каменнаго Ручья!»

Усадьба маіора Рида находилась всего въ нѣсколькихъ минутахъ ходьбы по пыльному проселку; вскорѣ о ней возвѣстилъ лай нѣсколькихъ гончихъ, и въ то же время они увидѣли полуразрушенную изгородь и обвалившійся гипсовый фронтонъ. Послѣдній поддерживали традиціонныя деревянныя дорическія колонны южной усадьбы, смутно проглядывая сквозь густую листву каштановъ. На верандѣ и около дома слонялись обычныя вялыя черныя тѣни—бывшіе невольники, оставшіеся служить на жалованьи. Всѣ они неподвижно замерли, какъ ящерицы, при звукѣ незнакомыхъ шаговъ, продолжая держать щетку, тряпку или иной предметъ домашняго обихода, съ помощью котораго лѣниво совершали свое дѣло. На порогѣ кухни, соединявшейся галлереей съ крыломъ дома, стояла кухарка, «тетка Марта», также созерцая пришедшихъ съ прижатой къ груди сковородой, при чемъ рука съ тряпкой какъ бы оцѣпенѣла въ серединѣ послѣдней.

Дрёммондъ втайнѣ кипѣлъ при видѣ общей безпечности и безнадежной вялости, и улучшенію его настроенія мало способствовало появленіе м-съ Ридъ,—кислой, разочарованной сорокалѣтней женщины, въ маленькихъ темныхъ глазахъ и красивыхъ тонкихъ губахъ которой еще виднѣлись остатки горечи и антагонизма типичной поборницы «правъ юга». Не болѣе пріятны были и ея двѣ дочери, Октавія и Августа, съ ихъ лѣнивой ѣдкостью, составлявшей какъ бы неразрывное цѣлое съ еще не снятымъ трауромъ. Оптимистическая любезность и добродушіе маіора поражали еще больше вслѣдствіе контраста съ кипарисоподобными членами его семьи и съ ихъ ядовитой подоплекой. Возможно, что въ эту веселость входила чуточка южной неискренности.

— «Папа единственный «перестроенный» изъ всей семьи,— сказала миссъ Октавія Кортлэнду съ мрачной откровенностью, но съ красивой гримаской унаслѣдованныхъ отъ матери хорошенькихъ губокъ.—У насъ они тутъ не слишкомъ въ ходу. Однако совѣтую вашему пріятелю, м-ру Дрёммонду, если онъ явился сюда по части политики, не слишкомъ-то довѣряться его «перестроенію». Ему не долго и полинять. Кортлэндъ поспѣшилъ завѣрить ее, что Дрёммондъ не только чуждъ всякой политики, но представляетъ собой попросту богатаго сѣвернаго капиталиста, ищущаго помѣщенія для своихъ капиталовъ. Тѣмъ не менѣе тонъ дѣвицы оставался безнадежнымъ.

— Ужъ не собирается ли онъ уплатить намъ за тѣхъ негровъ, которыхъ вы у насъ украли? — спросила она съ мрачной ироніей.

— Нѣтъ,—съ улыбкой возразилъ Кортлэндъ;—но что, если бы онъ намѣревался платить этимъ неграмъ за то, чтобы они работали на вашего отца и на него?

— Если папа намѣренъ завязать съ нимъ дѣла, если точно маіоръ Ридъ—южный джентльменъ—согласенъ открыть лавочку, то онъ все же не такъ глупъ, чтобы вообразить, что негры будутъ работать, если ихъ не будутъ къ тому принуждать. Видѣли мы уже такого рода затѣи у Миранды Доусъ, за пять миль отсюда, и ея негры половину времени околачиваются безъ дѣла у насъ на усадьбѣ. Понастроила она имъ новыхъ помѣщеній, да вздумала кормить ихъ вмѣстѣ за большимъ столомъ, какъ это водится у безродныхъ сѣверянъ; уничтожила ихъ хижины и огороды,—увѣряла, что это помѣшаетъ имъ слоняться безъ дѣла, да еще хотѣла убѣдить ихъ работать въ сверхурочное время и получать добавочную плату. А въ результатѣ вышло, что она и ея племянница, да куча бѣлыхъ бѣдняковъ-ирландцевъ тамъ и шотландцевъ—которыхъ ей пришлось подбирать «вдоль по рѣкѣ», исполняютъ всѣ работы. А вѣдь ея племянница Салли была чуть-что не уніонисткой во время войны, превзошла всѣ ихъ тамъ сѣверныя штуки и ухищренія, ими только и бредила: да только нѣтъ, ничего не подѣлаешь—дѣло не выгорѣло.

— Но не въ этомъ ли самомъ надо искать причины? Не зависитъ ли въ большой мѣрѣ ея неудача отъ несочувствія сосѣдей? Недовольство посѣять не трудно, а негръ до сихъ поръ еще порабощенъ суевѣріемъ: пятнадцатая поправка разбила не всѣ его узы.

— Возможно; но что ей до того! Если былъ когда на свѣтѣ человѣкъ, воображающій себя рожденнымъ, чтобы управлять всѣмъ и всѣми, такъ это именно Салли Доусъ!

— Салли Доусъ!—вздрогнувъ, повторилъ Кортлэндъ.

— Да, Салли Доусъ изъ Пайнвилля.

— Вы говорите, что она почти уніонистка, но не было ли у нея родственниковъ, или... или... знакомыхъ... на вашей сторонѣ? И не былъ ли кто изъ нихъ убитъ въ бою?

— Всѣ они, думается мнѣ, были убиты,—смутно отвѣчала миссъ Ридъ.—Была у нея кузина, Юлія Джефкортъ, которую застрѣлили на кладбищѣ вмѣстѣ съ ея поклонникомъ, а онъ, какъ говорятъ, былъ въ то же время поклонникомъ Салли; были еще Четъ Бруксъ и Джойсъ Мастертонъ,—оба безъ ума отъ нея и оба убиты; да даже самъ старый капитанъ Доусъ, и тотъ никакъ не могъ оправиться послѣ паденія Ричмонда и спился до смерти. Въ тѣ дни считалось вреднымъ для здоровья быть близкимъ человѣкомъ миссъ Салли, или даже пытаться имъ сдѣлаться.

Полковникъ Кортлэндъ не отвѣчалъ. Передъ нимъ стояло лицо молодого офицера, выступившее къ нему навстрѣчу изъ синяго дыма, и видѣніе это было такъ же живо, какъ и въ тотъ знаменательный день. Карточка и письмо, взятые съ груди убитаго и сохраненные имъ до сего дня; романтическіе и безполезные поиски прекраснаго оригинала портрета въ минувшіе дни; наконецъ странный и роковой интересъ къ ней, выросшій съ тѣхъ поръ въ его душѣ—все это, онъ теперь чувствовалъ, замерло лишь временно подъ вліяніемъ лихорадочной дѣятельности послѣдняго полугодія; и все нахлынуло теперь на него съ удвоенной силой. Настоящая его миссія и ея практическія цѣли, добросовѣстное усердіе къ дѣлу, осторожное умѣніе и опытъ, примѣняемые имъ до сихъ поръ,—все отодвинулось, отошло на задній планъ, чтобы уступить мѣсто романтической, неестественной фантазіи. Какъ это ни странно, но эта фантазія представлялась ему теперь единственной реальностью его жизни; все остальное было несвязнымъ, безцѣльнымъ сновидѣніемъ.

— Скажите, миссъ Салли не замужемъ?—спросилъ онъ, съ усиліемъ собираясь съ мыслями.

— Замужемъ? Да, замужемъ за фермой тетки. Думается мнѣ, что это единственное, что она любитъ.

Кортлэндъ поднялъ голову. Къ нему вернулась присущая ему бодрость.

— Ну-съ, я думаю, что послѣ завтрака пойду представиться семейству Доусъ. Судя по тому, что вы говорите, ферма представляетъ собой достойное изученія явленіе. Полагаю, что вашъ отецъ не откажется дать мнѣ рекомендательное письмо къ миссъ Доусъ?

ГЛАВА II.

Тѣмъ не менѣе, направляясь къ «Бладжи Доусъ»,—какъ прозвали усадьбу въ околоткѣ,—полковникъ Кортлэндъ втайнѣ радовался тому, что у него нашелся практическій предлогъ для своего посѣщенія, хотя романтическій пылъ его и оставался неизмѣннымъ. Было нѣсколько поздно являться къ миссъ Салли Доусъ съ открытой цѣлью вручить ей письмо отъ поклонника, умершаго три года назадъ, и, вѣроятно, давно уже забытаго ею. Вдобавокъ, едва ли было тактично напоминать ей о чувствѣ, которое, быть-можетъ, казалось ей теперь недостойной слабостью. А между тѣмъ какъ ни былъ уравновѣшенъ и логиченъ Кортлэндъ въ своихъ повседневныхъ дѣлахъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не вполнѣ былъ свободенъ отъ суевѣрнаго чувства, когда дѣло касалось какого бы то ни было сердечнаго увлеченія. Онъ вѣрилъ, что стеченіе обстоятельствъ, такъ неожиданно благопріятствующее его сближенію съ ней, является не простой только случайностью. Что касается остального—если только будетъ остальное—онъ рѣшилъ все предоставить судьбѣ. Итакъ, воображая себя холоднымъ и мудрымъ резонеромъ, но будучи на самомъ дѣлѣ—поскольку это касалось миссъ Доусъ—не менѣе ослѣпленнымъ и безразсуднымъ, чѣмъ любой изъ ея прежнихъ вздыхателей, онъ самодовольно продолжалъ свой путь, пока не достигъ дорожки, ведущей прямо къ плантаціи Доусъ.

Исправная дорога и тщательно содержимая изгородь, видъ которой привелъ бы Дрёммонда въ восторгъ, обѣщали много хорошаго. Вскорѣ даже старомодный мѣстный рисунокъ забора—косой зигзагъ—смѣнился болѣе прямолинейнымъ расположеніемъ столбовъ и перекладинъ на сѣверный ладъ. Далѣе показались фасады низкихъ современныхъ зданій, оказавшихся, къ изумленію Кортлэнда, совершенно новыми по плану и постройкѣ. Не было и помина о вѣчномъ южномъ подъѣздѣ съ портикомъ, ни о верандѣ съ колоннадой. Однако, то не былъ также и стиль сѣвера. Фабричная простота фасада смягчалась прикрывавшими ею розами и жасминомъ.

Строенія сообщались между собой длинной крытой галлереей, служившей верандой одному изъ нихъ. Отъ открытыхъ воротъ къ новѣйшему изъ зданій, повидимому конторѣ, вела широкая, аккуратно усыпанная щебнемъ аллея, отъ нея сворачивала болѣе узкая дорожка, ведя къ угловому дому,

болѣе походившему на господское помѣщеніе, невзирая на свою строгую простоту. Здѣсь не было видно вокругъ слоняющихся слугъ или рабочихъ, какъ около дома Рида; всѣ были очевидно заняты своимъ дѣломъ. Спѣшившись, Кортлэндъ привязалъ лошадь къ столбу у двери конторы и направился по меньшей изъ дорожекъ къ угловому дому.

Двери были распахнуты настежь, впуская въ домъ вѣтерокъ, напоенный розой и жасминомъ. Кромѣ того, была также открыта и боковая дверь, ведущая изъ прихожей въ длинную гостиную, занимавшую всю ширину дома. Кортлэндъ вошелъ въ нее. Комната была красиво меблирована, но все въ ней казалось съ иголочки новымъ. Въ ней не было никого, но съ задней стороны дома слышался слабый стукъ молотка, доносившійся въ двѣ открытыя стеклянныя двери, завѣшанныя виноградомъ и выходящія въ залитой солнцемъ дворъ. Кортлэндъ подошелъ къ одной изъ дверей. Какъ разъ подъ нею на землѣ стояла небольшая переносная лѣстница, которую онъ осторожно сдвинулъ, чтобы лучше разсмотрѣть дверь, и, надѣвъ шляпу, переступилъ черезъ порогъ.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что у него валится съ головы шляпа; почти немедленно вслѣдъ за ней пролетѣла туфелька, и онъ ясно почувствовалъ прикосновеніе очень маленькой ножки къ его макушкѣ. Невыразимое ощущеніе дрожью пробѣжало по его тѣлу. Онъ поспѣшилъ отступить обратно въ комнату, но успѣлъ увидать, какъ маленькая ножка въ полосатомъ чулкѣ столь же поспѣшно отдернулась кверху, при чемъ женскій голосъ воскликнулъ: «Господи Боже мой!»

Задержавшись на мигъ, для того, чтобы убѣдиться, что прекрасная обладательница ножки сохранила равновѣсіе и больше не рискуетъ упасть, Кортлэндъ подхватилъ шляпу, къ его счастью, скатившуюся въ комнату, и постыдно отретировался въ дальній уголъ гостиной. Снова въ окно послышался тотъ же голосъ, показавшійся ему необычайно нѣжнымъ и звонкимъ.

— Софи, это ты?

Кортлэндъ скромно отступилъ въ прихожую. Къ великому его облегченію, голосъ изъ дома отвѣчалъ: «Гдѣ, миссъ Салли?»

— Зачѣмъ ты сдвинула лѣстницу? Ты могла бы убить меня!

— Господь съ вами, миссъ Салли, я и не трогала лѣстницы!

— Разсказывай еще! лучше ступай, достань мнѣ мою туфлю. Да принеси еще гвоздей.

Кортлэндъ молча сталъ дожидаться въ прихожей. Черезъ нѣсколько минутъ, у задняго окна послышались тяжелые шаги. Надо было воспользоваться случаемъ. Стараясь шагать

какъ можно громче, онъ возвратился въ гостиную, гдѣ встрѣтился съ рослой негритянкой, державшей маленькую туфельку въ рукѣ.

— Извините меня,—вѣжливо началъ онъ, — но я не встрѣтилъ никого, кто могъ бы обо мнѣ доложить. Дома миссъ Доусъ?

Дѣвушка мгновенно спрятала туфлю за спиной.

— Кого вамъ надо,—спросила она съ величайшей важностью:—миссъ Миранду Доусъ, или миссъ Салли, ея племянницу? Миссъ Миранда уѣхала въ Аталанту на всю недѣлю.

— У меня имѣется письмо для миссъ Миранды, но я буду очень счастливъ, если миссъ Салли Доусъ согласится меня принять,—сказалъ Кортлэндъ, подавая ей письмо и визитную карточку.

Она взяла то и другое съ сугубой важностью и степеннымъ достоинствомъ.

— У меня совсѣмъ изъ головы вылетѣло, сэръ, принимаетъ ли Миссъ Салли гостей въ эти часы. По правдѣ говоря, сэръ, — продолжала она, съ усиленной важностью и напускнымъ глубокомысліемъ, въ то время какъ стукъ молотка миссъ Салли безстыдно разносился въ воздухѣ,—я не знаю въ точности, занята ли она игрой на арфѣ, или изученіемъ иностранныхъ языковъ, или живописью масляными и водяными красками, или пріемомъ чиновниковъ изъ присутственныхъ мѣстъ. Возможно, что теперь какъ разъ время для одного изъ этихъ занятій. Но я доложу ей, сэръ, въ будуаръ на верхнемъ этажѣ.

Продолжая прятать туфлю за спиной, она попятилась проворно, но безъ умаленія достоинства, въ боковую дверь. Минуту спустя стукъ молотка прекратился и послышался поспѣшный шопотъ; нѣсколько мелкихъ вѣточекъ и листьевъ съ медленнымъ шорохомъ спустились на землю, послѣ чего наступило полное молчаніе. Тогда онъ снова отважился подойти къ роковой стеклянной двери.

Немного погодя онъ услыхалъ слабый шорохъ въ противоположномъ концѣ комнаты и оглянулся. По жиламъ его пробѣжалъ внезапный трепетъ, послѣ чего кровь въ нихъ какъ будто остановилась; онъ глубоко перевелъ дыханіе, почти подобное вздоху, и остался неподвижнымъ

У него не было никакого предвзятаго намѣренія влюбиться въ миссъ Салли съ перваго взгляда: онъ даже не считалъ это возможнымъ. Дѣвичье лицо въ медальонѣ, хотя и взволновавшее его страннымъ чувствомъ, однако не предвѣщало ничего подобнаго. И измышленный на его основаніи идеалъ никогда

не имѣлъ большой надъ нимъ власти. Но представшія передъ нимъ очаровательное личико и фигурка, хотя и походили нъ его мечты, все же являлись чѣмъ-то бо̀льшимъ и неожиданнымъ. Ничто не подготовило его къ лицезрѣнію такой красоты. Объясненіе, что миссъ Салли была старше своего портрета на четыре, на пять лѣтъ, что болѣе обширный житейскій опытъ и новыя стремленія наложили на ея юношеское лицо отпечатокъ утонченной впечатлительности — казалось чрезмѣрно скуднымъ. Онъ также отогналъ жуткую мысль, что кровь умершихъ за нее сообщила ей таинственнымъ путемъ особое очарованіе. Но даже самый привычный зритель, какъ, напримѣръ, Софи, могъ видѣть, что личико миссъ Салли переливало нѣжнѣйшимъ румянцемъ, что ея шелковистые волосы напоминали нѣжныя волокна кукурузы, если бы только послѣднія могли быть завитыми, или на матеріализованныя золотыя нити паутины; что глаза ея составляли съ остальнымъ ясную сѣрую гармонію; что платьице изъ индѣйской кисеи, хотя и сшитое дома, сидѣло безукоризненно, начиная съ голубыхъ бантовъ на плечахъ и кончая лентой вокругъ таліи, и что изъ-подъ края воздушной юбки выступала ножка, считавшаяся самой маленькой ножкой во всей странѣ, отъ линіи Мэсона и Диксона! [1]) Однако то, что лишило Кортлэнда дыханія и рѣчи, было нѣчто менѣе осязаемое.

— Я не миссъ Миранда Доусъ, — объявило видѣніе съ полудѣтской, полупрактичной прямолинейностью, протягивая посѣтителю маленькую ручку, — но могу толковать съ вами о хозяйствѣ не хуже тетушки, а изъ того, что говоритъ здѣсь майоръ Ридъ,—она подняла письмо кверху,—я могу заключить, что вамъ важно получить яблоки, а не то, какого рода палкой вы ихъ собьете съ дерева.

Го̀лосъ, произносившій эти слова, звучалъ такъ нѣжно и звонко, что Кортлэндъ поневолѣ оставилъ безъ вниманія нѣкоторую грубоватость и недостаточную условность содержанія. Съ другой стороны, ея рѣчь вернула ему самообладаніе.

— Не знаю, миссъ Доусъ, что заключается въ этой запискѣ, но мнѣ не вѣрится, что бы майоръ Ридъ въ точности употребилъ подобные термины для выраженія теперешняго моего счастья.

Миссъ Салли засмѣялась. Затѣмъ, съ очаровательной напыщенностью, указала рукой на диванъ.

— Садитесь, пожалуйста! Понятно, что вамъ требовался просторъ для вашего комплимента, полковникъ, но теперь, разъ

---

[1]) Старая пограничная линія между свободнымъ штатомъ Пенсильваніей и рабовладѣльческими штатами Мэрилэндомъ и Виргиніей, бывшая одно время лозунгомъ политическихъ разногласій.

вы отъ него отдѣлались,—и по правдѣ говоря, онъ вышелъ преудачнымъ,—думается, что вамъ можно и присѣсть.

Съ этими словами она опустилась на одинъ конецъ дивана, граціозно подобрала бѣлыя оборки платья, чтобы освободить для гостя противоположный, и скрестивъ пальцы на колѣняхъ, приняла скромно-выжидательный видъ.

— Надѣюсь, что я не слишкомъ вамъ мѣшаю, — началъ Кортлэндъ, подмѣтивъ роковую туфельку у края юбки и вспомнивъ объ окнѣ. — Я такъ былъ поглощенъ желаніемъ представиться вашей тетушкѣ, какъ управительницѣ имѣніемъ, что совершенно позабылъ, что и у нея, какъ у всякой дамы, могутъ быть пріемные часы.

— Нѣтъ, у насъ не полагается никакихъ свѣтскихъ пріемовъ, — сказала миссъ Салли, — а сейчасъ даже нѣтъ и слугъ для свѣтскихъ церемоній, такъ какъ не хватаетъ рабочихъ для полей и амбаровъ. Когда вы пришли, я приколачивала рѣшетины для винограда, потому что заводскимъ плотникамъ некогда этимъ заняться. Но вы, кажется — въ ея голосѣ прозвучала лукавая нотка—пріѣхали переговорить о хозяйствѣ?

— Совершенно вѣрно, — сказалъ Кортлэндъ вставая,—но вовсе не для того, чтобы мѣшать хозяйственнымъ занятіямъ. Не позволите ли мнѣ помочь вамъ приколачивать рѣшетины? Я имѣю нѣкоторый опытъ въ этой области, и мы могли бы разговаривать за работой. Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе!

Дѣвушка весело взглянула на него.

— Что мило, то мило! Вы увѣрены, что говорите серьезно?

— Безусловно. Иначе, меня мучила бы совѣсть, что я пользуюсь вашимъ обществомъ на незаконномъ основаніи.

— Когда такъ, подождите здѣсь.

Она спрыгнула съ дивана, выбѣжала изъ комнаты и вскорѣ возвратилась, завязывая на ходу за спиной полосатую ситцевую блузу, вѣроятно, принадлежавшую Софи. Воротъ блузы собирался у овальнаго подбородка на тесемкѣ, также завязанной сзади, тогда какъ золотистые волосы скрывались подъ традиціоннымъ краснымъ платкомъ чернокожей служанки. Нечего и говорить, что эффектъ получался потрясающій.

— Но какъ же тутъ быть! — замѣтила миссъ Салли, оглядывая щегольской сюртукъ своего гостя, — вы вѣдь испортите свое нарядное платье! Снимите сюртукъ, не обращайте на меня вниманія, такъ будетъ лучше!

Кортлэндъ послушно сбросилъ сюртукъ и послѣдовалъ за дѣятельной хозяйкой на веранду. Надъ ихъ головами проходилъ деревянный карнизъ въ нѣсколько дюймовъ ширины, тянувшійся во всю ширину зданія. Здѣсь-то, очевидно, помѣща-

лась миссъ Салли, когда приколачивала трельяжъ между нимъ и окнами второго этажа. Кортлэндъ разыскалъ лѣстницу и взобрался на карнизъ; молодая дѣвушка послѣдовала за нимъ, съ улыбкой отклонивъ протянутую руку, и оба серьезнѣйшимъ образомъ принялись за работу. Но въ промежуткахъ между приколачиваніемъ и подвязываніемъ плетей, языкъ миссъ Салли не оставался празднымъ. Разговоръ ея былъ не менѣе самобытенъ и оригиналенъ, чѣмъ она сама, а въ то же время такъ практиченъ и содержателенъ, что восторгъ полковника отъ ея рѣчей и ея плѣнительной близости былъ вполнѣ понятенъ. Что бы она ни дѣлала: останавливалась ли вынуть гвоздь изъ хорошенькаго ротика, чтобы отвѣчать ему, или придерживалась одной рукой за карнизъ, размахивая въ то же время другой, чтобы указать молоткомъ на различные участки плантаціи,—онъ не могъ не думать, что она одинаково же убѣдительна для разсудка, какъ и упоительна для чувства.

Она разсказала ему о томъ, какъ война разстроила ихъ старое гнѣздо въ Пайнвиллѣ, когда отецъ отправился служить въ конфедератскій совѣтъ въ Ричмондѣ, и онѣ остались вдвоемъ съ теткой присматривать за имѣніемъ; какъ помѣстья были опустошены, домъ разрушенъ, и сами онѣ едва успѣли вывезти кое-что изъ цѣнныхъ вещей; какъ, несмотря на то, что она лично всегда была противъ отдѣленія отъ сѣверныхъ штатовъ и противъ войны, она все-таки не переѣхала на Сѣверъ, предпочитая остаться съ родными, и раздѣлить съ ними кару за предвидѣнное ею безуміе. Какъ послѣ войны и смерти отца, онѣ съ теткой рѣшили «перестроить себя» на свой собственный ладъ на этомъ клочкѣ земли, пережившемъ ихъ разореніе благодаря тому, что его всегда считали непроизводительнымъ. Какъ имъ вначалѣ пришлось бороться съ серьезными затрудненіями, вслѣдствіе неспособности и невѣжества освобожденныхъ рабовъ, и не менѣе сильныхъ предразсудковъ и апатіи сосѣдей. Какъ мало-по-малу имъ удалось привить нѣкоторыя нововведенія, изобрѣтенныя ею самой, и которыя она изложила теперь въ нѣсколькихъ словахъ.

Кортлэндъ слушалъ съ задыхающимся, почти суевѣрнымъ интересомъ: вѣдь это его собственныя теоріи — усовершенствованныя и примѣненныя на дѣлѣ!

— Но вѣдь для этого вамъ нуженъ былъ капиталъ?

Ахъ! да! здѣсь имъ дѣйствительно повезло. Французскіе родственники, у которыхъ она когда-то гостила въ Парижѣ, ссудили ихъ достаточной суммой для оборудованія хозяйства. Также нашлись и англійскіе знакомые отца, которые взяли паи, раздобыли еще денегъ и ввезли нѣсколько ученыхъ земле-

дѣльцевъ, а кромѣ того агента или управляющаго, который служитъ для нихъ представителемъ. Теперь дѣло уже начало налаживаться, и для ихъ репутаціи среди сосѣдей, быть-можетъ, лучше, что имъ не пришлось обязываться Сѣверу. Видя, что по лицу Кортлэнда пробѣжала тѣнь, она добавила съ жеманнымъ вздохомъ и съ первымъ оттѣнкомъ женскаго кокетства, нарушившимъ до сихъ поръ ихъ здоровое товарищество:

— Вамъ слѣдовало разыскать насъ раньше, полковникъ!

Въ минутномъ порывѣ, Кортлэндъ готовъ былъ тутъ же выложить ей исторію своей романической миссіи: его остановила мысль, что узкій карнизъ не оставлялъ мѣста для волнующихъ впечатлѣній, и что миссъ Салли только что сунула гвоздь въ ротъ, при чемъ всякое рѣзкое движеніе могло оказаться опаснымъ. Сюда же примѣшалось чувство ревности къ ея прежнимъ переживаніямъ, котораго онъ не испытывалъ раньше. Тѣмъ не менѣе ему удалось сказать съ нѣкоторой горячностью:

— Я все же надѣюсь, что мы не опоздали и *теперь*. Я увѣренъ, что мои директора вполнѣ готовы и способны выкупить дѣло у всякаго англійскаго или французскаго акціонера, настоящаго и будущаго.

— Можете попытать счастья на этомъ вотъ,—замѣтила миссъ Салли, указывая на молодого человѣка, только что вышедшаго во дворъ изъ конторы.—Это нашъ англійскій агентъ.

Агентъ обладалъ широкими плечами и круглой головой; онъ имѣлъ очень свѣжій и чистый видъ въ своемъ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ, но казался совершенно чуждымъ всему окружающему, мало того, нравственно и умственно непримиримымъ съ нимъ. Проходя мимо дома, онъ застѣнчиво взглянулъ кверху; глаза его блеснули при видѣ молодой дѣвушки, но пріятное смущеніе угасло, какъ только онъ замѣтилъ ея спутника. Кортлэндъ также испытывалъ нѣкоторую неловкость; другое дѣло помогать миссъ Салли наединѣ, другое дѣло заниматься этимъ на глазахъ у посторонняго лица; боюсь, поэтому, что онъ встрѣтилъ каменный взглядъ англичанина одинаково ледянымъ выраженіемъ лица. Одна только миссъ Салли сохранила прежнюю небрежную увѣренность.

— Погодите минутку, м-ръ Чампней!—воскликнула она, легко соскользнула внизъ и, поставивъ ножку на нижнюю перекладину, прислонилась къ лѣстницѣ спиной и осталась въ этой позѣ дожидаться его приближенія.

— Я такъ и думала, что вы пройдете мимо,—сказала она, когда онъ подошелъ.—Полковникъ Кортлэндъ,—съ поясни-

тельнымъ взмахомъ молотка по направленію къ полковнику, выпрямившемуся и слегка окаменѣвшему на своемъ карнизѣ,— полковникъ Кортлэндъ вовсе не родственникъ—какъ можно бы подумать—тѣмъ каріатидамъ, что красуются на фризѣ Редлэндскихъ Присутственныхъ Мѣстъ, а сѣверный офицеръ, пріятель майора Рида, пріѣхавшій присмотрѣть южныя земли для сѣверныхъ капиталистовъ. М-ръ Чампней,—продолжала она, поднимая глаза на Кортлэнда и указывая на Чампнея молоткомъ,—пытается продѣлывать то же самое для *своихъ* соотечественниковъ, въ тѣ промежутки времени, когда не говоритъ по-англійски, не смотритъ по-англійски, не думаетъ по-англійски, не одѣвается по-англійски, и не удивляется почему это Богъ не создалъ всѣхъ англичанами. М-ръ Чампней, полковникъ Кортлэндъ.—Оба церемонно раскланялись.

— А теперь, полковникъ, если вы спуститесь внизъ, м-ръ Чампней покажетъ вамъ ферму. Когда покончите, вы застанете меня здѣсь, за работой.

Кортлэндъ разсчитывалъ на ея общество и сужденія во время осмотра, но скрылъ свое разочарованіе по мѣрѣ силъ. Ему не очень понравилось, что Чампней показался облегченнымъ и видимо принялъ его за вполнѣ постороннее лицо, безсильное повліять на его дружескія отношенія съ миссъ Салли. Тѣмъ не менѣе, онъ принялъ предложеніе англичанина сопровождать его съ учтивой благодарностью, и оба отправились вмѣстѣ въ обходъ.

Вернулись они менѣе чѣмъ черезъ часъ. Кортлэнду не понадобилось и столько времени, чтобы убѣдиться, что всѣ подлинныя усовершенствованія и нововведенія исходятъ отъ миссъ Салли; что она-то собственно и является здѣсь верховной властью, и что ей скорѣе мѣшаетъ, чѣмъ содѣйствуетъ, старомодный консерватизмъ общества, котораго Чампней былъ повѣреннымъ. Было одинаково очевидно, что и самъ молодой человѣкъ смутно это понимаетъ и откровенно высказывается по этому поводу.

— Понимаете ли, тамъ они дѣйствуютъ совсѣмъ по-иному, и, клянусь Юпитеромъ, не могутъ даже понять, что существуютъ другіе пріемы. Я получаю отъ нихъ вѣчныя взбучки, какъ будто моя въ томъ вина, хотя я и пытался объяснить имъ негрскій вопросъ и все такое, понимаете ли? Они хотятъ, чтобы миссъ Доусъ излагала мнѣ свои планы, а я чтобы докладывалъ имъ о нихъ, послѣ чего они внесутъ ихъ въ совѣтъ и будутъ ждать его рѣшенія. Такъ и будетъ миссъ Доусъ это дѣлать! Но, клянусь Юпитеромъ! тамъ за моремъ они и понять не могутъ, что такое миссъ Доусъ! Вы понимаете?

— О которой миссъ Доусъ вы говорите?—сухо спросилъ Кортлэндъ.

— О миссъ Салли, разумѣется,—развязно отозвался молодой человѣкъ.—Она-то и управляетъ здѣсь всѣмъ, включая тетушку. Одна она можетъ заставить негровъ работать, когда имъ не хочется: для этого достаточно одного ея слова или улыбки. Она заключаетъ условія съ подрядчиками, да еще угодныя ей условія, когда они не хотятъ и смотрѣть на мои цифры. Клянусь Юпитеромъ, она даже извлекаетъ выгоду изъ странствующихъ агентовъ и изобрѣтателей, изъ тѣхъ знаете, которые разъѣзжаютъ взадъ и впередъ съ патентами и образчиками. Вѣдь заставила же она одного изъ этихъ молодцовъ съ громоотводами и проволочными изгородями устроить ей бесѣдку для вьющихся розъ! Да когда я увидалъ васъ на карнизѣ, мнѣ такъ и подумалось, что это опять одинъ изъ этихъ господъ, котораго она попросила, понимаете ли, то-есть, въ первую минуту, разумѣется!—вы вѣдь понимаете, что я хочу сказать?—ха! клянусь Юпитеромъ!—до того какъ она познакомила насъ, знаете ли?

— Помнится, что это я самъ предложилъ помочь миссъ Доусъ,—вставилъ Кортлэндъ съ живостью, о которой тутъ же пожалѣлъ.

— Такъ вѣдь и тѣ такъ же дѣлали, знаете ли? Миссъ Салли вѣдь не таковская, чтобы просить кого-нибудь. Понимаете ли, человѣку непріятно стоять и смотрѣть, какъ такая барышня дѣлаетъ такую работу, — смутно сознавая, что не совсѣмъ удачно выразился, онъ неуклюже перемѣнилъ разговоръ.—Думаю, что самъ не долго останусь здѣсь.

— Намѣреваетесь возвратиться въ Англію? — спросилъ Кортлэндъ.

— О, нѣтъ! Но мнѣ хочется бросить службу въ обществѣ и попытать счастья самостоятельно. Въ трехъ миляхъ отсюда продается хорошій участокъ земли, и я думаю, что могъ бы коечто изъ него сдѣлать. Надо человѣку прочно основаться и быть самому себѣ хозяиномъ,—добавилъ онъ вопросительно,—а?—вы какъ думаете?

— Но сможетъ ли миссъ Доусъ обойтись безъ васъ?—спросилъ Кортлэндъ, съ неловкимъ сознаніемъ, что напускаетъ на себя кажущееся равнодушіе.

— О, я мало приношу ей пользы, знаете ли, по крайней мѣрѣ *здѣсь*. Но могъ бы быть ей полезнымъ, если бы имѣлъ свою собственную землю и мы стали бы сосѣдями. Я уже сказалъ вамъ, что всѣмъ *заправляетъ она*, нужды нѣтъ, чьи бы ни были вложены деньги, и кто бы ни былъ здѣсь агентомъ.

— Полагаю, что вы и теперь говорите о младшей миссъ Доусъ? —сухо спросилъ Кортлэндъ.

— О миссъ Салли, разумѣется,—просто отвѣтилъ Чампней,—вѣдь она ведетъ всю лавочку.

— Но развѣ нѣтъ также и французскихъ вкладчиковъ, родственниковъ миссъ Доусъ? Развѣ нѣтъ представителя съ ихъ стороны?—настойчиво спросилъ Кортлэндъ.

Онъ не вполнѣ былъ подготовленъ къ наивной перемѣнѣ въ выраженіи собесѣдника.

— Нѣтъ. Водился здѣсь одно время французскій кузенъ,— очень онъ ужъ былъ на первомъ планѣ, понимаете ли? Да только сдается мнѣ, что присматривалъ онъ не за *имуществомъ*,—добавилъ Чампней съ отрывистымъ смѣхомъ.—Должно-быть, тетка написала его семьѣ, но дѣло въ томъ, что его «отозвали обратно», — и не думаю, чтобы сердце миссъ Салли разбилось отъ горя. Не таковская она, а? Могла бы выбирать среди лучшихъ жениховъ штата, была бы только охота, а?

Несмотря на то, что Кортлэндъ въ точности раздѣлялъ это мнѣніе, ему заблагоразсудилось принять разсѣянный видъ.

— Да, да, безъ сомнѣнія,—промолвилъ онъ, видимо, снова погружаясь въ дѣловыя соображенія.

— Я думаю, что мнѣ не зачѣмъ входить, — продолжалъ Чампней, когда они подошли къ дому.—Вамъ, вѣроятно, есть еще о чемъ поговорить съ миссъ Доусъ. Если же вамъ понадобится что отъ меня, приходите въ контору. Впрочемъ, *она*-то все знаетъ. А еще... гмъ... если... гмъ... если вы пробудете нѣкоторое время по сосѣдству, заѣзжайте ко мнѣ,—знаете ли?—выкурить трубку и выпить стаканчикъ пунша. Мой «бой» умѣетъ его приготовлять, а у меня въ запасѣ старое брэнди, присланное изъ-за моря. До свиданія.

Болѣе неловкій въ своемъ добросердечномъ порывѣ, чѣмъ въ простой дѣловой бесѣдѣ, но одинаково прямодушный въ томъ и другомъ, онъ пожалъ Кортлэнду руку и зашагалъ прочь. Кортлэндъ повернулъ къ дому. Онъ осмотрѣлъ ферму съ ея усовершенствованіями; увидалъ нѣкоторыя изъ собственныхъ идей въ практическомъ примѣненіи; ясно было, что ему только и остается поблагодарить хозяйку дома и откланяться. Между тѣмъ онъ чувствовалъ себя гораздо больше не въ своей тарелкѣ, чѣмъ при пріѣздѣ; его посѣщеніе оставило ему странное чувство незаконченности, котораго онъ не могъ себѣ объяснить. Разговоръ съ Чампнеемъ осложнилъ—онъ самъ не зналъ почему—прежнее его понятіе о миссъ Доусъ, и хотя онъ прекрасно зналъ, что это нисколько

не касается того дѣла, за которымъ онъ сюда пріѣхалъ, онъ старался убѣдить себя въ противномъ.

— Право,—разсуждалъ онъ, если миссъ Салли дѣйствительно является какъ бы смущающимъ элементомъ для соприкасающагося съ нею человѣчества, то это не можетъ не оказать вліянія на дѣла, въ которыхъ она имѣетъ рѣшающую роль. Правда, Чампней сказалъ, что она «не таковская», но вѣдь это не болѣе какъ показаніе явно предубѣжденнаго человѣка.

Онъ вошелъ въ домъ черезъ открытую стеклянную дверь. Гостиная была пуста. Онъ прошелъ въ прихожую, вышелъ на подъѣздъ—здѣсь также не было никого. Съ минуту онъ простоялъ въ нерѣшимости, при чемъ къ прежней неловкости началъ примѣшиваться оттѣнокъ печали. Могла бы она дождаться его! Вѣдь не можетъ быть, чтобы ни она ни Софи не замѣтили его возвращенія. Ну, что же! Придется позвонить Софи и передать съ ней свою благодарность и извиненіе ея хозяйкѣ. Онъ отыскалъ звонокъ, позвонилъ, но, увидавъ Софи, передумалъ и выразилъ желаніе видѣть миссъ Доусъ. Въ промежуткѣ между ея уходомъ и появленіемъ миссъ Салли, онъ внезапно рѣшилъ сдѣлать то самое, что призналъ часъ тому назадъ несвоевременной безтактностью. Фотографія и письмо были у него въ карманѣ: пускай же они послужатъ ему предлогомъ для личнаго прощанія съ ней.

Она вошла съ приподнятыми въ миломъ удивленіи бровями.

— А я-то была увѣрена, что вы уѣхали къ красному амбару, а оттуда домой. Съ виноградомъ я покончила раньше, чѣмъ разсчитывала. Одинъ изъ племянниковъ судьи Гаррета во-время подвернулся, чтобы помочь мнѣ додѣлать послѣдній рядъ. Не стоило вамъ трудиться посылать за мной ради свѣтскихъ церемоній. Впрочемъ, Софи увѣряетъ, что вы показались «въ родѣ какъ бы встревоженнымъ и какимъ-то особеннымъ», когда меня спрашивали,—поэтому я подумала, что вамъ надо о чемъ-нибудь меня спросить.

Мысленно проклиная Софи и уже досадуя на незнакомаго сосѣда, помогавшаго вмѣсто него миссъ Салли, онъ, тѣмъ не менѣе, попытался превозмочь себя.

— Не знаю, что мое лицо внушило Софи, — сказалъ онъ съ улыбкой, — но надѣюсь, что то, что я имѣю вамъ сказать, достаточно интересно, чтобы оправдать мое вторичное вторженіе.—Онъ помолчалъ немного, затѣмъ продолжалъ все

еще улыбаясь.—Вотъ уже болѣе трехъ лѣтъ, миссъ Доусъ, что вы болѣе или менѣе владѣете моими мыслями; и хотя мы по настоящему встрѣтились сегодня въ первый разъ, я, тѣмъ не менѣе, все это время не разставался съ вашимъ изображеніемъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ, я искалъ этого свиданія, хотя оно и явилось, въ концѣ-концовъ, результатомъ случайности. Здѣсь я застаю васъ подъ мирной сѣнью виноградной лозы и смоковницы, а между тѣмъ три года назадъ вы предстали мнѣ въ грозовой тучѣ боя.

— Скажите на милость!—замѣтила миссъ Салли.

До сихъ поръ она сидѣла, обхвативъ колѣно сплетенными пальцами, но тутъ развела ихъ и откинулась на спинку дивана съ притворнымъ ужасомъ, хотя въ блестящихъ глазахъ загорѣлись веселыя искорки. Кортлэндъ понялъ, что выбралъ не тотъ тонъ, какой слѣдовало, но теперь было слишкомъ поздно мѣнять. Онъ протянулъ ей медальонъ и письмо и вкратцѣ, нѣсколько болѣе серьезнымъ тономъ, изложилъ случай, доставившій ихъ ему въ руки. Однако онъ цѣликомъ исключилъ наиболѣе драматическія и отталкивающія подробности, умолчавъ также и о собственныхъ суевѣрныхъ впечатлѣніяхъ и странномъ влеченіи къ ней.

Миссъ Салли взяла поданные ей предметы безъ содроганія; нѣжный румянецъ ея щекъ даже нимало не поблѣднѣлъ и не усилился. Просмотрѣвъ письмо, очевидно, оказавшееся короткимъ, она сказала съ полуулыбающимся, полужалостливымъ спокойствіемъ:

— Да! это именно и былъ бѣдняжка Четъ Бруксъ! Я слыхала, что онъ былъ убитъ на рѣкѣ Змѣиной. Такъ похоже на него: лѣзть впередъ и пасть отъ перваго выстрѣла. И все задаромъ! изъ-за чистѣйшихъ пустяковъ!

Покоробленный, хотя и утѣшенный, и чувствуя въ то же время двойную неловкость отъ этихъ противорѣчивыхъ впечатлѣній, Кортлэндъ продолжалъ, очертя голову:

— И онъ былъ не одинъ, миссъ Доусъ. На полѣ сраженія подобрали второго убитаго, на которомъ также оказалась ваша карточка.

— Да, это былъ Джойсъ Мастертонъ. Мнѣ прислали ее. Неужели вы убили также и этого?

— Едва ли я лично убилъ кого бы то ни было изъ нихъ, — нѣсколько холодно сказалъ онъ.—Наступило молчаніе, послѣ котораго онъ продолжалъ съ серьезностью, которую самъ не могъ не найти немножко смѣшной:—Это были храбрые люди, миссъ Доусъ.

— Потому что отважились носить на себѣ мою карточку?

— Потому что, вѣря, что имѣютъ изъ-за чего жить, добровольно отдали жизнь за то, что считали правымъ дѣломъ.

— Ужъ не для того ли вы разыскивали меня цѣлыхъ три года, чтобы сказать мнѣ, южанкѣ, что южане умѣютъ сражаться?—возразила она, чуть-чуть закинувъ голову и опустивъ испещренныя синими жилками вѣки съ божественнымъ высокомѣріемъ.—Они всегда были готовы лѣзть въ драку, даже между собой. Бѣднымъ мальчикамъ всегда было легче разрѣшить вопросъ рукопашной, нежели размышленіемъ или трудомъ. Вы, сѣверные люди, научились дѣлать и то, и другое, и третье; вотъ почему вы и взяли верхъ надъ нами. Вы кажетесь удивленнымъ, полковникъ?

— Я не ожидалъ, чтобы вы приняли это вполнѣ въ такомъ духѣ,—неловко замѣтилъ Кортлэндъ.

— Очень сожалѣю, что разочаровала васъ послѣ столькихъ хлопотъ,—возразила молодая дѣвушка съ напускнымъ смиреніемъ, и вставъ съ мѣста оправила на себѣ юбки;—но я не могла въ точности знать, чего вы ждете отъ меня по прошествіи трехъ лѣтъ. Если бы знала, я могла бы надѣть трауръ.—Она пріостановилась и поправила капризную прядь волосъ угломъ письма убитаго.—Но все-таки я очень благодарна вамъ, полковникъ. Было прямо-таки мило съ вашей стороны позаботиться привезти мнѣ эти вещи.—И она открыто протянула ему руку.

Кортлэндъ взялъ ее съ досаднымъ сознаніемъ, что въ теченіе послѣднихъ пяти минутъ былъ невыразимымъ осломъ. Онъ не могъ долѣе продолжать свиданія, послѣ того, какъ она такъ многозначительно встала съ мѣста. Ну, что бы стоило ему просто откланяться и сохранить медальонъ и письмо до другого визита, когда они ближе бы познакомились. Но было слишкомъ поздно. Онъ низко наклонился надъ ея рукой, еще разъ поблагодарилъ за гостепріимство и удалился. Минуту спустя она услыхала удаляющійся топотъ калошъ по дорогѣ.

Тогда она выдвинула ящикъ бюро съ мѣдными ручками, и, окинувъ критическимъ взглядомъ свой портретъ въ медальонѣ убитаго, бросила его и письмо въ ящикъ. Затѣмъ остановилась, скинула туфельку съ ноги, задумчиво оглядѣла также и послѣднюю и кликнула:

— Софи!

— Миссъ Салли?—отозвалась та, показываясь у дверей.

— Ты увѣрена, что не сдвигала лѣстницы?

— Клянусь всѣми святыми, миссъ Салли, я даже не дотрогивалась до нея!

Миссъ Салли остановила критическій взглядъ на головѣ своей прислужницы.

— Нѣтъ,—тихо промолвила она про себя, — это было во всякомъ случаѣ гораздо мягче, чѣмъ эта шерсть!

ГЛАВА III.

Несмотря на неудачное окончаніе своего визита,—а можетъ-быть, даже и вслѣдствіе его,—Кортлэндъ снова посѣтилъ плантацію до истеченія недѣли. На этотъ разъ, однако, это было въ сопровожденіи Дрёммонда, и принимала его миссъ Миранда Доусъ, высокая, горбоносая дѣвица лѣтъ пятидесяти, старосвѣтская учтивость которой казалась нѣсколько жеманной, а старыя вѣрованія смѣнились полу-ироническимъ признаніемъ новыхъ реальностей. М-ръ Дрёммондъ, восхищенный фермой и ея управленіемъ, не менѣе былъ очарованъ и миссъ Салли, въ то время какъ Кортлэндъ былъ на этотъ разъ настолько благоразуменъ, чтобы раздѣлить свои любезности между теткой и племянницей, съ тѣмъ результатомъ, что миссъ Миранда вовсе не показалась ему такой незначительной, какъ увѣрялъ Чампней. Въ представленіи освобожденныхъ рабовъ, она все еще оставалась прежней неумолимой властительницей, и суевѣрные негры были увѣрены, что она донынѣ обладаетъ властью нарушить четырнадцатую поправку, при чемъ единственнымъ средствомъ обуздать ее является вмѣшательство добродушной и разсудительной миссъ Салли. Кортлэндъ живо оцѣнилъ важность подобнаго вліянія въ переходной стадіи свободы, и указалъ на него своему начальнику. Послѣднія скептическія сомнѣнія Дрёммонда, уже ослабленныя чарами миссъ Салли, окончательно разсѣялись въ надеждѣ благотворно использовать отголоски вымирающаго рабовладѣльчества. Онъ былъ не только убѣжденъ, онъ былъ въ полномъ восторгѣ. Прежде всего надо откупиться отъ иностранныхъ вкладчиковъ, послѣ чего общество займется расширеніемъ и усовершенствованіемъ помѣстья, оставивъ прекрасныхъ владѣлицъ во главѣ управленія. Какъ это бываетъ вообще съ предубѣжденными людьми, обращеніе Дрёммонда было внезапнымъ и преувеличеннымъ, будучи практическимъ человѣкомъ, онъ, не теряя времени, приступилъ къ дѣлу. Второе и третье свиданія были посвящены переговорамъ, три недѣли спустя послѣ перваго визита Кортлэнда, плантація Доусъ и часть плантаціи майора Рида уже слились въ «Дрёммондскій Синдикатъ» и сдѣлались недоступными для

всякихъ финансовыхъ превратностей. Кортлэндъ остался представителемъ общества въ Редлэндсѣ, а съ передачей англійскихъ вкладовъ Чампней перебрался на собственную небольшую плантацію, которой обществу не удалось пріобрѣсти.

За это время Кортлэндъ часто видался съ миссъ Салли, имѣя къ ней вполнѣ свободный доступъ. Онъ ни разу болѣе не впадалъ въ грѣхъ сантиментальности; ни разу болѣе не намекалъ на злополучное письмо или карточку; и хотя и не былъ обязанъ строго придерживаться дѣловыхъ вопросовъ, однако неизмѣнно соблюдалъ ровный, спокойный, добрососѣдскій тонъ. Въ этомъ ему много помогала военная выдержка и самообладаніе, благодаря которымъ онъ ничѣмъ не выдавалъ скрывавшагося въ глубинѣ болѣе серьезнаго чувства. Временами онъ улавливалъ взглядъ молодой дѣвушки, устремленный на него съ плутовскимъ любопытствомъ. По нему пробѣгалъ тогда странный трепетъ. Нѣтъ болѣе щекотливаго и опаснаго положенія, чѣмъ конфиденціальныя отношенія двухъ молодыхъ людей разнаго пола, даже хотя бы вопросы чувства и оставались пока подъ спудомъ. Кортлэндъ зналъ, что миссъ Салли помнитъ о черезчуръ серьезномъ его отношеніи къ ея прошлому. Она могла смѣяться надъ нимъ, даже сердиться, но она это знала, помнила, знала, что и онъ помнитъ, и это драгоцѣнное знаніе ограничивалось ими двумя. Оно вставало у нихъ въ памяти во время перерывовъ въ дѣловомъ разговорѣ, и обнаруживалось даже въ чрезмѣрномъ стараніи миссъ Салли во-время отвести лукаво смѣющіеся глаза. Однажды она даже зашла дальше. Кортлэндъ только что кончилъ излагать проектъ замѣны огородныхъ участковъ для негровъ небольшими фермерскими постройками и положилъ чертежи на столъ конторы, когда молодая дѣвушка, прислонившись къ послѣднему съ заложенными за спину руками, остановила блестящіе сѣрые глаза на серьезномъ лицѣ своего собесѣдника.

— Клянусь и завѣряю полковника,—начала она, впадая въ старомодную фразеологію своихъ земляковъ,—что никогда бы не вообразила васъ способнымъ отдаться дѣламъ душой и тѣломъ, когда мы встрѣтились съ вами въ тотъ первый день.

— За что же вы тогда приняли меня?—живо переспросилъ онъ.

Миссъ Салли, какъ южанка, обладала большой способностью жестикулировать. Она выпростала руку изъ-за спины, взмахнула ею надъ головой, какъ бы пуская какую-нибудь бездѣлку по вѣтру съ мнимо мужскимъ шпибомъ, и отвѣчала:—Вотъ за что.

— Боюсь, если такъ, что я не произвелъ на васъ впечатлѣнія практическаго человѣка,—замѣтилъ онъ краснѣя.

— Мнѣ показалось, что вы свили гнѣздо слишкомъ высоко, чтобы собирать много червей поутру. Зато, — добавила она съ ослѣпительной улыбкой,—если судить по тому, что вы говорили о фотографіи, вы нашли, что и я не совсѣмъ та, чѣмъ мнѣ слѣдовало бы быть.

Ему хотѣлось тутъ же сказать ей, что съ него было бы довольно, если бы эти прекрасные глаза ничѣмъ не свѣтились кромѣ любви и женской нѣжности; если бы этотъ лѣнивый ласковый голосъ никогда не раздавался внѣ предѣловъ домашняго очага; если бы солнечные вьющіеся волосы и розовыя ушки склонялись только для того, чтобы слушать влюбленный шопотъ; если бы граціозная, стройная, прямая фигурка, такая увѣренная и независимая, согласилась не искать иной опоры кромѣ его руки. Онъ чувствовалъ, что это сознаніе смутно возникло въ его умѣ при первой же встрѣчѣ; чувствовалъ, что въ настоящей своей недосягаемой практичности, она представляется ему еще плѣнительнѣе, чѣмъ когда-либо.

— Признаюсь,—сказалъ онъ, взглянувъ ей въ глаза съ нерѣшительной улыбкой,—что не ожидалъ увидать такую забывчивость по отношенію къ любившему васъ человѣку.

— То-есть къ Чету Бруксу, или Джойсу Мастертону, или къ обоимъ. Всѣ вы мужчины на одинъ ладъ, полковникъ. Потому что дѣвушка вамъ нравится, вы считаете, что она должна быть благодарна вамъ всю свою жизнь, да еще всю вашу жизнь, въ придачу! Теперь вы перемѣнили мнѣніе. Но все-таки не слѣдуетъ вамъ пересаливать въ новой роли.

Онъ сдѣлалъ легкій жестъ рукой, какъ бы предотвращая возможную любезность.

— Я не о себѣ говорю, полковникъ. Мы съ вами добрые пріятели. Но здѣшнія дѣвицы находятъ, что вы черезчуръ поглощены рисомъ и неграми. Даже и съ вашей точки зрѣнія, полковникъ, это не дѣло. Если хотите быть въ ладахъ съ майоромъ Ридомъ, надо вамъ задобрить его женскій полъ. Тэви и Гёсси Ридъ вовсе не зловредныя барышни, и не лишнее было бы вамъ проводить одну изъ нихъ изъ церкви въ будущее воскресенье. А въ слѣдующее, для того только, чтобы показать, что вы безпристрастны и рѣшили сдѣлаться форменнымъ дамскимъ кавалеромъ, можете пройтись вмѣстѣ со мной. Не пугайтесь, у меня есть платье получше этого. Новенькое, только что полученное изъ Луизвилля. Я обновлю его ради такого случая.

Онъ не посмѣлъ сказать, что ситцевое платье въ крапинкахъ, съ бантиками на изящныхъ кармашкахъ, сдѣлалось частью ея красоты. Онъ объ этомъ только подумалъ, потому что имъ овладѣла безнадежная увѣренность, что она одинаково обворожительна во всѣхъ нарядахъ, и что признанiе готово сорваться у него съ языка. Онъ отблагодарилъ ее съ полной серьезностью, безъ намека на волокитство, и имѣлъ удовольствiе видѣть, какъ насмѣшливый глазъ разгорался по мѣрѣ того, какъ серьезность его усиливалась. Въ довершенiе она воскликнула съ притворной заботливостью:—Мужайтесь, полковникъ! не разстраивайтесь до времени!—и они разстались.

Въ слѣдующее воскресенье онъ посѣтилъ Редлэндскую епископальную церковь, и по окончанiи службы сталъ съ внѣшнимъ спокойствiемъ, но внутреннимъ раздраженiемъ, въ ряды молодежи, выстроившейся, по мѣстному обычаю, у выхода. Къ своему удивленiю, среди выжидающихъ поклонниковъ онъ увидалъ Чампнея, очевидно, бывшаго столь же не на своемъ мѣстѣ, какъ и онъ, но менѣе искусно это скрывавшаго. Убѣжденный, что молодой англичанинъ явился исключительно ради миссъ Салли, онъ, тѣмъ не менѣе, былъ радъ раздѣлить свое неловкое одиночество съ другимъ иностранцемъ, и привѣтливо поздоровался съ нимъ. Скамья Доусъ находилась ближе къ выходу, почему ея обладательницы первыми показались у дверей. Полковникъ Кортлэндъ удовольствовался тѣмъ, что снялъ шляпу, въ то время, какъ Чампней выступилъ впередъ и пошелъ рядомъ съ миссъ Мирандой и ея племянницей. Миссъ Салли встрѣтилась взглядомъ съ Кортлэндомъ и закатила глаза, указывая ему съ шаловливой многозначительностью на шествовавшихъ сзади Ридовъ. Когда они подоспѣли, Кортлэндъ присоединился къ нимъ и, оказавшись около миссъ Октавiи, вступилъ съ нею въ бесѣду. Подавленная страстность и ироническая меланхолiя черноглазой дѣвицы подзадоривали его къ легкомысленному тону въ той же мѣрѣ, какъ добродушное вольнодумство и беззаботный реализмъ миссъ Салли всегда нагоняли на него сугубую серьезность. Вскорѣ они отстали отъ остальныхъ и оказались вдвоемъ.

Нѣсколько высокомѣрная, но стройная и прямая въ черномъ гренадиновомъ платьѣ, придававшемъ ей сходство съ молодой, но неумолимой вдовой, миссъ Ридъ заявила, что не видалась съ полковникомъ цѣлый вѣкъ и, конечно, не разсчитывала на эту честь, пока еще существуютъ негры, которыхъ надо воспитывать или перекрашивать въ бѣлое! Ну, что же! остается только надѣяться, что онъ и папа и Салли Доусъ

довольны! Правда, они еще не дошли до того, чтобы сунуть негра-проповѣдника на мѣсто ихъ ректора, м-ра Саймса, но до нея дошелъ слухъ, что идетъ рѣчь о кандидатурѣ Ганнибала Дженсона, кучера миссъ Доусъ на должность судьи графства на будущій годъ! Какъ? въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, она не слыхала, чтобы самъ полковникъ помышлялъ объ этомъ постѣ для себя! Онъ можетъ смѣяться надъ ней сколько угодно, повидимому, онъ теперь въ лучшемъ настроеніи духа, чѣмъ когда они впервые познакомились, только ей хотѣлось бы знать, принято ли на сѣверѣ смѣяться, возвращаясь изъ церкви? Если да, то ей, разумѣется, придется принять это правило за одно съ четырнадцатой поправкой. Однако въ данную минуту она замѣчаетъ, что на нихъ смотрятъ, и миссъ Салли обернулась взглянуть въ чемъ дѣло. Тѣмъ не менѣе обращенная къ полковнику смуглая щека миссъ Октавіи слегка зардѣлась и уголки гордыхъ губъ вздернулись кверху.

— Но право же, откровенно говоря, миссъ Ридъ, неужели вы не предпочли бы имѣть судьей стараго Ганнибала, котораго вы знаете, вмѣсто незнакомца и сѣверянина, какъ я?

Темные глаза миссъ Ридъ искоса глянули на красивое лицо и изящную фигуру ея спутника. Что-то въ родѣ плутовской усмѣшки раздвинуло ея тонкія губы.

— Возможно, что тутъ не изъ чего выбирать, полковникъ.

— Вполнѣ согласенъ съ вами. Мы оба были бы какъ воскъ въ рукахъ своей повелительницы.

— Вамъ слѣдовало бы сохранить эти комплименты для Салли Доусъ; кто же, какъ не она, обычно всѣмъ повелѣваетъ здѣсь? Однако,—добавила она, внезапно обернувшись къ нему,—какъ это случилось, что не вы провожаете ее вмѣсто этого англичанина? Вѣдь ясно какъ день, что онъ взялъ эту землю только для того, чтобы остаться поблизости къ ней, когда пересталъ быть агентомъ.

Но Кортлэндъ всегда сохранялъ полное самообладаніе относительно миссъ Салли, когда эта особа находилась въ отсутствіи.

— Вы забываете,—сказалъ онъ съ улыбкой,—что я здѣсь новый человѣкъ и плохо разбираюсь въ мѣстныхъ сплетняхъ, но если бы даже я и былъ съ ними знакомъ, боюсь что наше общество не предполагало пріобрѣсти вмѣстѣ съ землей также и личный интересъ м-ра Чампнея въ землевладѣльцѣ.

— Вамъ въ этомъ случаѣ было бы не мало хлопотъ, такъ какъ на ней уже имѣется много закладныхъ,—возразила миссъ Ридъ, однако болѣе шутливо чѣмъ ядовито.— Уже м-ру Чампнею приходилось круто отъ ея французскаго кузена, ко-

гда онъ находился здѣсь. Кстати, полковникъ, не можете ли вы снабдить меня французскими книжками? Папа говоритъ, что вы много читали по-французски, а мнѣ очень трудно упражняться въ французскомъ языкѣ съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ монастыря въ Сенъ-Луи: папа вѣдь не знаетъ, какія книги выписывать, и иной разъ страшно попадаетъ впросакъ.

Разговоръ перешелъ на литературу, при чемъ выяснилось, что кругъ французскаго чтенія миссъ Октавіи черезчуръ обширенъ и недостаточно условенъ для молодой дѣвушки, чему способствовали ея гордая невинность и незнаніе грѣховныхъ тонкостей языка. Кортлэндъ обѣщалъ прислать ей нѣсколько книгъ, и даже отважился предложить кое-какіе англійскіе и американскіе романы, не слишкомъ «сѣверные» или «метафизическіе»—по ея южнымъ понятіямъ. Онъ почувствовалъ неожиданное уваженіе и интересъ къ угрюмой одинокой дѣвушкѣ, связанной традиціями и скорѣе израненной, нежели просвѣщенной опытомъ. Вскорѣ у него завязался самый непринужденный разговоръ съ поднятой головой, выгнутыми бровями и горбатымъ носомъ, шествовавшими рядомъ съ нимъ, при чемъ ему даже пришло въ голову, какимъ красивымъ, благовоспитаннымъ братомъ она могла бы быть кому-нибудь! Когда они достигли дома, онъ, повинуясь обычаю, присѣлъ на нижней ступенькѣ веранды, въ то время, какъ она, отряхнувъ юбку, поднялась ступеньки на двѣ выше Это позволило ему, согласно мѣстной небрежной модѣ, опереться на локоть и взирать въ глаза молодой дѣвушкѣ, которая съ одинаковой томностью смотрѣла на него сверху внизъ. Но вдругъ миссъ Ридъ наклонилась впередъ и, пронзая его своимъ быстрымъ взглядомъ, неожиданно спросила:

— Итакъ, вы хотите сказать, полковникъ, что между вами и Салли Доусъ ничего нѣтъ?

Кортлэндъ не покраснѣлъ, не вздрогнулъ, не смутился, даже не уклонился отъ истины.

— Мы, кажется, съ ней добрые пріятели,—отвѣтилъ онъ спокойно, безъ обиняковъ и безъ всякаго колебанія.

Миссъ Ридъ задумчиво всмотрѣлась въ его лицо.

— Думается, что оно дѣйствительно такъ — и не болѣе. И вотъ почему вамъ такъ повезло во всемъ, — медленно добавила она.

— Я, кажется, не вполнѣ понимаю,—съ улыбкой замѣтилъ Кортлэндъ.—Что это—парадоксъ, или утѣшеніе?

— Это *правда*,—серьезно отвѣчала миссъ Ридъ.—Всякій, кто пытается быть чѣмъ-нибудь побольше для Салли Доусъ, лишается удачи и счастья.

— Другими словами: бываетъ отвергнутъ ею. Неужели она и впрямъ такъ неумолима?—весело подхватилъ Кортлэндъ.

— Я хочу сказать, что тому человѣку ни въ чемъ не везетъ. Что-нибудь съ нимъ да случится недоброе. И безъ всякой вины съ ея стороны.

— Что это—прорицаніе сивиллы, миссъ Ридъ?

— Нѣтъ, это негритянское повѣріе. Исходитъ оно отъ Мамми Джуди, старой нянюшки Салли. Она приворожила миссъ Салли въ младенчествѣ, такъ что всѣ, кто любитъ ее, прикованы къ ней, въ то время, какъ сама она ни съ кѣмъ не связана. Все ихъ счастье переходитъ къ ней, какъ только они подпадутъ подъ чары,—мрачно добавила она.

— Остальное мнѣ, кажется, извѣстно,—отвѣтилъ Кортлэндъ, съ еще большей торжественностью.—Надо собрать почки орѣшника въ полнолуніе въ апрѣлѣ. Потомъ выдернуть три волоска изъ правой брови прекрасной дѣвицы, когда она не смотритъ...

— Вамъ можно смѣяться, полковникъ,—вы счастливы, потому что свободны.

— Я не вполнѣ въ этомъ увѣренъ,—сказалъ онъ любезно,—вѣдь въ эту самую минуту мнѣ надо бы ѣхать въ больницу, навѣстить своихъ воскресныхъ больныхъ. Если колдовство заключается въ томъ, чтобы заставлять человѣка забывать о времени и долгѣ, то я полагаю, что чары Мамми Джуди не ограничились одной только прекрасной южанкой.

На дорожкѣ внезапно раздались быстрые шаги, и оба оглянулись. Къ нимъ приближался угрюмый съ виду молодой человѣкъ въ высокихъ сапогахъ со шпорами, съ тяжелымъ хлыстомъ въ рукѣ. Сознательно, но съ грубоватой неловкостью, игнорируя присутствіе Кортлэнда, онъ отрывисто кивнулъ миссъ Ридъ, просунулся мимо нихъ не останавливаясь и вошелъ въ домъ.

— Это что за манеры, м-ръ Томъ?—крикнула молодая дѣвушка ему вслѣдъ, и смуглыя щеки ея слегка вспыхнули. Тотъ что-то буркнулъ въ отвѣтъ изъ прихожей, но Кортлэндъ не разслышалъ его словъ.—Это кузенъ Томъ Гигби,—объяснила она полупрезрительно.—У него, кажется, вышла непріятность съ лошадью; но все равно, надо чтобы папа научилъ его вести себя прилично. Онъ... онъ не любитъ сѣверянъ,—добавила она серьезнымъ тономъ.

Кортлэндъ, однако, нисколько не разсердился, оцѣнивъ по достоинству поведеніе незнакомца. Онъ улыбнулся и взялъ на прощаніе руку миссъ Ридъ.

— Этого объясненія вполнѣ достаточно,—сказалъ онъ,— оно можетъ даже служить извиненіемъ.

Онъ зашагалъ обратно къ Редлэндсу, не придавая значенія инциденту. Ему далеко не впервые приходилось расхлебывать остатки прежней партійной ненависти, выражавшейся въ угрюмой невѣжливости, но пока это не исходило отъ прежнихъ его личныхъ противниковъ, военныхъ, а ограничивалось военной молодежью и политиками, онъ могъ легко относиться къ ихъ непріязни. Въ теченіе всей послѣдующей недѣли онъ не видался съ миссъ Салли.

ГЛАВА IV

Въ слѣдующее воскресенье онъ спозаранку отправился въ церковь. Возможно, что онъ также слегка подчеркнулъ исключительную важность дня, прибывъ къ богослуженію въ легкомъ кабріолетѣ, запряженномъ быстроходной породистой лошадью, болѣе подходящей для щеголеватаго кавалерійскаго офицера, чѣмъ для сельскохозяйственнаго дѣятеля. Онъ успѣлъ уже помѣститься на боковой скамейкѣ, задумчиво устремивъ глаза на подставку для молитвенника, когда въ дверяхъ послышался легкій шорохъ и по выжидающему собранію пробѣжалъ трепетъ любопытства и восхищенія. Вошли дамы Доусъ, миссъ Салли впереди. Она была въ новомъ платьѣ, по послѣдней Луизвильской модѣ, отстававшей всего только на два года противъ Нью-Іорка и Парижа.

Дѣло было двадцать лѣтъ тому назадъ. Я не стану подвергать критикѣ прелестное видѣніе, воскрешая вчерашнія моды въ глазахъ сегодняшняго дня. Довольно будетъ вамъ сказать, что ея нѣжное лицо и пушистые золотые волосы обрамлялись гирляндой цвѣтовъ, а овальный подбородокъ выступалъ изъ умопомрачительной дымки воздушнаго тюля. Легкій полонезъ не скрывалъ очертаній ея прелестной фигуры. Даже тѣ, кто считалъ себя обязаннымъ шептать другъ другу, что миссъ Салли, должно-быть, пошелъ ужъ двадцать пятый годъ, дѣлали это только потому, что она донынѣ сохранила всю воздушную грацію семнадцати лѣтъ. Органъ громче загремѣлъ, какъ бы привѣтствуя ее; когда же она сѣла на мѣсто, по розовымъ ея щечкамъ скользнулъ лучъ солнца, оказавшійся бы вреднымъ для всякаго другого цвѣта лица, и, пріютившись въ ея туманныхъ волосахъ, и самъ преобразился. Даже фигуры Добродѣтелей на цвѣтныхъ стеклахъ вышли менѣе побѣдоносными

изъ испытанія, и нѣтъ ничего удивительнаго, что набожные глаза прихожанъ нерѣдко отворачивались отъ нихъ, чтобы поглядѣть на Салли Доусъ.

Когда богослуженіе кончилось и прихожане медленно потянулись къ выходу, Кортлэндъ молча занялъ мѣсто за нею. Выходя на паперть, онъ сказалъ вполголоса:—У меня здѣсь съ собой лошадь и кабріолетъ. Я надѣялся, что вы, быть-можетъ, позволите мнѣ отвезти... Его остановили нахмуренные золотистыя брови.—Нѣтъ,—сказала она живо, но твердо,—не надо—не годится это.—Видя, что Кортлэндъ остановился въ минутномъ смущеніи, она мило улыбнулась:—Мы можемъ пройти кладбищемъ, если хотите. *Это будетъ такъ же долго какъ если бы мы поѣхали.* — Кортлэндъ исчезъ, отдалъ поспѣшное приказаніе и долларъ праздно слонявшемуся негру и возвратился къ миссъ Салли, въ то время, какъ вольноотпущенникъ съ горделивой радостью выкатывалъ мимо нихъ изъ воротъ. Миссъ Салли проводила нарядный экипажъ легкимъ вздохомъ.

— Кабріолетъ хоть куда, полковникъ, и я бы съ восторгомъ прокатилась, да только ужъ очень было бы обидно для другихъ. И Риды, и Максвелли, и Робертсоны слишкомъ бѣдны, чтобы держать кровныхъ лошадей, и слишкомъ горды, чтобы ѣздить на кое-какихъ. Не годится намъ катить мимо нихъ и засыпать ихъ пылью.—Было нѣчто тонко заманчивое въ этомъ предполагаемомъ раздѣленіи отвѣтственности, и Кортлэндъ, уже позабывъ о рѣзкомъ отказѣ, любовался только причинившимъ его тактомъ. Тѣмъ не менѣе что-то связало его обычно словоохотливый языкъ. Теперь что они въ первый разъ очутились вдвоемъ въ опредѣленно свѣтскихъ условіяхъ, онъ впалъ въ безсмысленное молчаніе, довольствуясь тѣмъ, что движется рядомъ съ очаровательнымъ, солнечнымъ видѣніемъ, обвѣянный его воздушной одеждой, вдыхая его свѣжую близость. Наконецъ оно заговорило:

— Для того, чтобы починить скотный дворъ за Мозолейскимъ пастбищемъ, понадобится не меньше тысячи футовъ бревенъ, тогда какъ на совершенно новую постройку съ усовершенствованной молочной потребуется только на двѣ тысячи больше. Весь старый матеріалъ пригодится для забора, а столбы можно поставить новые. Не думаете ли вы, что лучше построить совсѣмъ новое зданіе?

— Да, разумѣется,—отвѣчалъ Кортлэндъ въ недоумѣніи. Онъ не подготовился къ дѣловому разговору, и тѣмъ болѣе смутился, что они какъ разъ поравнялись съ другими парочками, нарочно замѣшкавшимися, чтобы подслушать ихъ.

— Еще вотъ что,—оживленно продолжала молодая дѣвушка,—вопросъ о тарифѣ обѣщаетъ сдѣлаться довольно важнымъ. У тетушки Миранды имѣется нѣсколько паевъ въ Бригсвильской вѣткѣ и ей думается, что можно бы добиться новаго тарифа, если оказать давленіе на директоровъ; Тайлеръ говоритъ, что шла рѣчь о пониженіи тарифа на одну шестнадцатую процента, до окончанія уборки урожая.

Кортлэндъ быстро взглянулъ въ лицо своей спутницѣ. Оно было серьезно, но уголокъ ближайшаго къ нему вѣка чуть чуть вздрагивалъ.

— Не лучше ли намъ будетъ оставить серьезныя дѣла до завтра?—спросилъ онъ съ улыбкой.

Миссъ Салли широко раскрыла глаза.

— О, вы были такой тихонькій, я и подумала, что вы сегодня утромъ цѣликомъ погрузились въ дѣла; но если вы предпочитаете свѣтскій разговоръ, можно перемѣнить тему. Говорятъ, что вы съ миссъ Ридъ безъ труда нашли о чемъ говорить въ прошлое воскресенье. Обыкновенно она большая охотница разговаривать, но зато Богъ знаетъ сколько думаетъ. Я бы сказала,—добавила она, внезапно устремивъ на него критическій взоръ,—что у васъ съ ней, должно-быть, много есть о чемъ поговорить. Она вѣдь въ вашемъ вкусѣ, полковникъ, она ничего не забываетъ; хотя,—произнесла она съ разстановкой,—я не вполнѣ увѣрена, что это было бы для васъ полезно!

Кортлэндъ вскинулъ на нее глазами въ притворномъ ужасѣ.

— Если это новое таинственное предостереженіе, миссъ Доусъ, то предупреждаю васъ, что мой разсудокъ уже поколебался отъ нихъ. Прошлое воскресенье миссъ Ридъ цѣлый часъ держала меня въ трепетѣ, толкуя о суевѣріяхъ и изрекая пророчества въ духѣ Кассандры. Неужели здѣсь никогда ничего не случается спроста, безъ предостереженій?

— Я хочу сказать,—отвѣчала миссъ Салли со свойственной ей практической рѣшимостью,—что Тэви Ридъ помнитъ много ужаснаго о войнѣ, что ей слѣдовало бы позабыть. Кстати,—продолжала она, взглянувъ на него съ любопытствомъ,—она сознается, что страшно была раздосадована обращеніемъ ея кузена съ вами.

— Боюсь, что миссъ Ридъ болѣе разстроилась, чѣмъ я самъ,—сказалъ Кортлэндъ. Меня очень огорчило бы, если бы она придала значеніе этимъ пустякомъ,—добавилъ онъ серьезно.

— А *вы* этого не дѣлаете?—спросила миссъ Салли.

— Нѣтъ. Съ какой стати?—Она замѣтила, однако, что онъ слегка выпрямился, и улыбнулась, когда онъ продолжалъ:—Вѣроятно, я испытывалъ бы то же самое на его мѣстѣ.

— Только *вы* не стали бы ничего дѣлать исподтишка,—спокойно замѣтила она. Въ отвѣтъ на его быстрый взглядъ, она колко продолжала:—Не воображайте, что всѣ люди поступаютъ такъ же, какъ вы, полковникъ. И не преувеличивайте, но и не преуменьшайте значенія того, что вамъ приходится здѣсь слышать. Вы какъ разъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ много глупыхъ враговъ и столько же глупыхъ друзей. И не знаю, кто изъ двухъ причинитъ вамъ больше хлопотъ. Только не цѣните слишкомъ низко ни тѣхъ ни другихъ, и не поднимайте головы такъ высоко, чтобы не видѣть того, что ползаетъ вокругъ. Вотъ почему лошадь всегда бываетъ укушена чаще, чѣмъ кабанъ, на болотѣ, гдѣ много мѣдныхъ головокъ [1].

Хотя это было сказано съ улыбкой, но брови ея были сдвинуты и лицо выражало столько милой заботы о немъ, что онъ внезапно собрался съ духомъ.

— Хотѣлось бы мнѣ имѣть *одного* друга, котораго я могъ бы назвать своимъ собственнымъ,—сказалъ онъ смѣло, прямо глядя ей въ глаза.—Я мало забочусь о прочихъ друзьяхъ и не боюсь никакихъ враговъ.

— Вы правы, полковникъ,—сказала она, съ аффектаціей заслоняясь зонтикомъ, какъ бы скрывая мнимую краску на щекахъ, сохранившихъ, однако, дѣтски безмятежный румянецъ,—комплименты гораздо красивѣе того, о чемъ мы сейчасъ съ вами толковали. Что же касается меня, то я полагаю, что вы не стали бы говорить это одной дѣвушкѣ про другую, чѣмъ же я провинилась?

Онъ не могъ не улыбнуться, хотя все еще колебался.

— Ничѣмъ, но другіе обманулись въ своихъ надеждахъ.

— И это безпокоитъ *васъ*?

— Я хочу сказать, что *я* до сихъ поръ не имѣлъ права испытывать ваши чувства, тогда какъ...

—Бѣдный Четъ имѣлъ на то право, хотите вы сказать! Ну-съ, вотъ мы и на кладбищѣ! Чуяло мое сердце, что вы таки упомянете о покойникахъ, поэтому я и рѣшила заглянуть по дорогѣ на кладбище. Можетъ-быть, оно настроитъ меня больше вамъ по вкусу.

Кортлэндъ поднялъ глаза и невольно вздрогнулъ. Онъ не замѣтилъ, что, свернувъ съ большой дороги, они прошли въ

---

[1]) Ядовитая змѣя южныхъ штатовъ (Trigonocephalus contortrix).

небольшія ворота, и совершенно не ожидалъ очутиться на краю покатаго склона, спускавшагося къ живописной долинѣ, и испещреннаго бѣлыми памятниками и крестами, осѣненными кипарисомъ и виноградными лозами. Нѣкоторыя плети свалились и перекинулись длинными фестонами отъ сучка къ сучку, подобно погребальнымъ гирляндамъ, и тамъ и сямъ группы пальметто поднимали пушистыя головы, напоминавшія пучки перьевъ на катафалкѣ. Но, несмотря на преобладаніе мрачныхъ, хотя и изящныхъ тоновъ, на ниспадающую нѣжность темной листвы и вѣтвистой бахромы, на кивающій флеръ сѣрыхъ, прозрачныхъ мховъ,—всюду, какъ бы сквозь слезы, сквозило и переливалось смѣющееся, жаркое, живительное солнце юга. Вдоль по длиннымъ аллеямъ вѣялъ ароматъ букса, божьяго дерева, сосны и жасмина; каждый вѣтерокъ приносилъ дыханіе душистыхъ розъ, а въ низкихъ лощинахъ стоялъ болѣе густой запахъ жимолости и померанцевыхъ цвѣтовъ.

Въ этой картинѣ Кортлэнду чудились траурныя одежды прекрасной молодой вдовы, соблазнительной даже въ обманчивой личинѣ горя, которая какъ бы еще болѣе подзадоривала именно своимъ контрастомъ съ обиліемъ жизненной силы въ самой женщинѣ. Всюду росла густая, роскошная трава; дѣятельная земля спѣшила оплодотвориться прозябающими внизу мертвецами.

Они медленно подвигались бокъ о бокъ, бесѣдуя только о красотѣ мѣста и великолѣпіи лѣтняго дня, который, казалось только здѣсь достигъ полнаго своего совершенства. Отъ жары ли, отъ подавляющихъ ли ароматовъ, или отъ какого-либо невысказаннаго чувства, но только спутница Кортлэнда вскорѣ сдѣлалась такой же молчаливой и озабоченной, какъ и онъ самъ. Она начала отставать, припадая какъ бабочка къ цвѣтущимъ кустамъ или группамъ лилій, напоминая въ своей развѣвающейся одеждѣ слишкомъ раннее и непомѣрно привлекательное привидѣніе. Ему показалось также, что ея блестящіе глаза затуманились кроткой мечтательностью. Онъ двинулся къ ней съ внезапнымъ порывомъ нѣжности, но она быстро повернулась и со словомъ:—Идемъ!—двинулась ускореннымъ шагомъ по боковой дорожкѣ. Кортлэндъ послѣдовалъ за нею. Онъ вскорѣ же замѣтилъ, что могилы начали выстраиваться правильными рядами, въ то время, какъ памятники становились болѣе заурядными и дешевыя деревянныя плиты замѣнили рѣзной гранитъ или мраморъ, и онъ понялъ, что они достигли мѣста упокоенія павшихъ во время войны. Длинныя линіи, начертанныя съ военной точностью, перерѣ-

зали долину и поднимались по противоположному склону въ странномъ подобіи карре, рядовъ и колоннъ. Въ памяти его встала смутная картина роковаго склона на Змѣиной рѣкѣ. Впечатлѣніе усилилось, когда миссъ Салли шедшая впереди, внезапно остановилась передъ уединенной могилой со сломанной мраморной колонной и пьедесталомъ съ надписью: Честеръ Бруксъ. У подножія лежало нѣсколько вѣнковъ изъ увядшихъ цвѣтовъ и иммортелей, но на разбитой колоннѣ висѣлъ отдѣльный совершенно свѣжій вѣнокъ.

— Какъ это вы до сихъ поръ мнѣ не сказали, что онъ похороненъ здѣсь? — воскликнулъ Кортлэндъ, не совсѣмъ пріятно удивленный неожиданнымъ открытіемъ.—Развѣ онъ былъ родомъ изъ этого штата?

— Нѣтъ, но полкъ его былъ здѣшній,—сказала миссъ Салли, критически разглядывая вѣнокъ.

— И этотъ вѣнокъ отъ васъ?—ласково спросилъ Кортлэндъ.

— Да, мнѣ думалось, что вамъ пріятно будетъ увидать свѣжіе цвѣты вмѣсто этого стараго хлама.

— А тѣ также были отъ васъ?—спросилъ онъ еще ласковѣе.

— О, Боже мой, нѣтъ! Ихъ оставили какіе-то ветераны на прошлой годовщинѣ. Это единственный, который я возложила на могилу, то-есть велѣла м-ру Чампнею оставить здѣсь по пути. Онъ вѣдь живетъ сейчасъ за кладбищемъ.

Невозможно было устоять передъ этой непобѣдимой наивностью. Кортлэндъ прикусилъ губу, представляя себѣ картину, какъ еще болѣе наивный вздыхатель приноситъ на кладбище, по требованію миссъ Салли, вѣнокъ, который ей вздумалось возложить на могилу прежняго поклонника въ угоду *третьему*. Тѣмъ временемъ она заложила руки за спину, въ позѣ «пай-дѣвочки» и обратилась къ нему съ улыбкой и даже съ примѣсью просительнаго выраженія:

— Довольны вы?

— Совершенно!

— Тогда пойдемте отсюда, ужъ очень здѣсь жарко.

Они повернули обратно и, спустившись со склона, снова вступили въ тѣнистую среднюю аллею. Здѣсь ликъ смерти казался не такимъ суровымъ. Они подвигались медленно; воздухъ былъ насыщенъ жаркимъ ароматомъ цвѣтовъ; дорога углублялась, оставляя, съ одной стороны, зеленый склонъ. Здѣсь миссъ Салли остановилась и лѣниво сѣла на траву, сдѣлавъ знакъ Кортлэнду послѣдовать ея примѣру. Онъ съ готовностью повиновался. Случай съ вѣнкомъ смутилъ его, взволновавъ его, однако, разнорѣчивыми чувствами. Она возложила этотъ вѣнокъ чтобы угодить *ему;* съ какой— же стати *ему* критиковать

ея поступокъ, или мучить себя мыслями о прошломъ? Онъ далъ бы все на свѣтѣ, чтобы обратить это въ шутку или предлогъ для комплиментовъ—и такъ бы и сдѣлалъ со всякой другой дѣвушкой; но теперь онъ чувствовалъ себя на волосокъ отъ страстнаго признанія: ставка была слишкомъ велика, чтобы отважиться на легкій тонъ, которымъ она вдобавокъ владѣла гораздо лучше, чѣмъ онъ. Съ другой стороны, онъ зналъ, что чувствительностью ея тоже не проймешь. Гордость не позволяла ему играть на ея своеобразной практической жилкѣ, хотя онъ успѣлъ примириться съ послѣдней, и даже считалъ ее одной изъ причинъ ея власти надъ нимъ. Но какъ бы то ни было, Кортлэндъ не былъ малодушнымъ человѣкомъ, ни слабымъ, колеблющимся идеалистомъ. Когда онъ рѣшительно занялъ мѣсто рядомъ съ нею, онъ столь же рѣшительно постановилъ въ умѣ, что безпрекословно покорится ея приговору, каковымъ бы ни оказался послѣдній.

Возможно, что эти чувства отчасти отразились на его лицѣ.

— Мнѣ показалось, что вы немножко поблѣднѣли, полковникъ,—спокойно сказала она,—поэтому я и рѣшила посидѣть немножко, а потомъ неспѣша отправиться домой. Вы не привыкли къ южному солнцу, а въ лощинѣ къ тому же мѣсто болотистое.

Въ отвѣтъ на его отрицательный жестъ, она продолжала тономъ старшей сестры:

— Всѣ вы таковы, сѣверяне. Воображаете, что все можете одолѣть, какъ если бы привыкли ко всему съ дѣтства, и ни за что не хотите считаться съ разницей климата, крови и обычаевъ. Тутъ-то вы и спотыкаетесь.

Но онъ уже наклонился къ ней, и взглядъ его серьезныхъ темныхъ глазъ не оставлялъ мѣста сомнѣнію.

Рискуя опять «споткнуться», онъ сказалъ съ нѣжностью въ голосѣ:

— Миссъ Доусъ, я хочу васъ просить взяться учить меня всему, что *вамъ* угодно, сдѣлать изъ меня все, что *вы* отъ меня потребуете. Это было бы лучше всего. Вы сказали, что мы съ вами пріятели; позвольте мнѣ надѣяться сдѣлаться для васъ чѣмъ-нибудь больше. Я хочу, чтобы вы закрыли глаза на мои недочеты и разницу расы и позволили мнѣ встрѣтиться съ вами на единой почвѣ, на которой я могу быть равнымъ вашимъ соотечественникамъ, на почвѣ любви къ вамъ. Дайте мнѣ только то же право, которое вы дали спящему тамъ вонъ бѣднягѣ и болѣе счастливому человѣку, отнесшему отъ васъ вѣнокъ на его могилу.

Она выслушала его съ слегка нахмуренными бровями и чуть-чуть усиленнымъ румянцемъ, съ полунасмѣшливымъ, полу-

высокомѣрнымъ неодобреніемъ. Когда онъ кончилъ, она испустила жалобный вздохъ.

— Не слѣдовало вамъ говорить это, полковникъ, но мы съ вами слишкомъ добрые пріятели, чтобы даже и *это* могло насъ разссорить. Въ доказательство я тотчасъ же забуду ваши слова и вы сдѣлаете тоже.

— Но я не могу!—живо сказалъ онъ,—если бы я могъ, то оказался бы недостойнымъ даже вашей дружбы. Если вамъ должно отвергнуть меня, избавьте меня хотя бы отъ стыда думать, что вы считаете меня способнымъ играть такими вопросами. Знаю, что мое признаніе для васъ неожиданно, для меня же нѣтъ. Вы знаете меня всего три мѣсяца, но эти три мѣсяца явились для меня осуществленіемъ трехлѣтнихъ мечтаній!

Она продолжала смотрѣть на него блестящими любопытными глазами, но все еще огорченно потряхивая головой; онъ придвинулся поближе и схватилъ ручку въ маленькой блѣдно-лиловой нитяной перчаткѣ, слишкомъ просторной, однако, для тонкихъ пальчиковъ, и сказалъ съ мольбой:

— Но почему же вы должны позабыть о моихъ словахъ? Почему моя любовь должна быть запретной темой? Въ чемъ преграда? Или вы больше не свободны? Говорите, миссъ Доусъ— подайте мнѣ надежду. Миссъ Доусъ, Салли!

Она отодвинулась отъ него, растерянная и смущенная, отвернувъ золотистую головку, пока, наконецъ, ей не удалось высвободить руку, оставивъ ему перчатку.

— Вотъ! можете оставить у себя перчатку,—выговорила она, быстро переводя дыханіе.—Садитесь! Не мѣсто здѣсь для ухаживанія, да еще въ такую погоду. Ну-съ! вамъ угодно знать, *почему* вамъ не слѣдуетъ такъ говорить со мной? Сидите смирно, и я вамъ объясню.

Она расправила складки платья, присѣвъ на откосѣ бокомъ и прикасаясь одной ножкой къ дорогѣ.

— Вы не должны такъ говорить со мной,—медленно продолжала она, потому что платой за ваши слова можетъ оказаться ваше общество, наше имѣніе, самая ваша жизнь! Не щетиньтесь, полковникъ; если *вамъ* это безразлично, то другимъ вовсе нѣтъ. Говорю вамъ, сидите смирно! Итакъ, вы явились сюда съ сѣвера, чтобы завѣдывать этимъ имѣніемъ за деньги— *это* вполнѣ правильно и законно, и всякому дураку понятно: такое дѣло совершенно въ сѣверномъ духѣ, и всякій это признаетъ. Такая сдѣлка не касается семейныхъ дѣлъ этихъ болвановъ; не оскверняетъ ихъ родовъ примѣсью сѣверной крови; не раздѣляетъ отца съ сыномъ, брата съ сестрой; и даже

хотя бы вамъ удалось утвердиться здѣсь, они отлично знаютъ, что всегда могутъ забаллотировать васъ пятью голосами противъ одного! Но пусть эти самые болваны узнаютъ, что вы ищете руки дѣвушки-южанки, прослывшей «уніонитской» во время войны, дѣвушки, смѣявшейся надъ ихъ безуміемъ; пусть они только вообразятъ, что эта дѣвушка способна внести ради васъ путаницу въ семью, расу и имущество, и нѣтъ ни одного глупца, стараго и молодого, видящаго спасеніе юга въ его отдѣленіи отъ сѣвера, который не ополчился бы противъ васъ! Нѣтъ ни единаго, который не пустилъ бы по вѣтру вашъ синдикатъ и капиталъ и благополучіе Редлэндса, считая при этомъ что исполняетъ свой священный долгъ! Васъ стали подозрѣвать съ самаго начала, потому что вы нигдѣ не бывали, а только и знали, что ферму и меня. Вотъ почему мнѣ хотѣлось, чтобы васъ видѣли съ другими дѣвушками; они бы не прочь, чтобы вы изнывали отъ несчастной любви къ Тэви Ридъ или Лимпи Норрисъ. Вѣдь они очень глупы и считаютъ, что отказъ южной дѣвушки сѣверянину можетъ вознаградить ихъ за проигранное сраженіе или разоренную плантацію.

Впервые Салли пришлось увидѣть, какъ обычно спокойная кровь Кортлэнда бросилась ему въ голову и загорѣлась гнѣвомъ въ его глазахъ.

— Не можете же вы ожидать, чтобы я сталъ терпѣть это слѣпое и наглое вмѣшательство!—сказалъ онъ, вставая.

Она предостерегающе подняла руку.

— Сидите смирно, полковникъ. Вы были солдатомъ, и знаете, что такое долгъ. Ну-съ! что требуетъ вашъ долгъ передъ вашимъ обществомъ?

— Онъ не касается моихъ личныхъ дѣлъ, и не управляетъ біеніемъ моего сердца. Я подамъ въ отставку.

— И покинете насъ съ тетей Мирандой и плантаціей?

— Нѣтъ! Общество найдетъ другого завѣдующаго, чтобы наблюдать за дѣлами вашей тетушки и выполнять ваши проекты. А вы, Салли, вы позволите мнѣ найти вамъ домъ и богатство на сѣверѣ? Тамъ найдется для меня дѣло, а для васъ мѣсто среди моихъ близкихъ.

Она тихо покачала головой, съ ласковой, но серьезной улыбкой.

— Нѣтъ, полковникъ! Я не вѣрила въ войну, но не могла не остаться среди своихъ, чтобы раздѣлить съ ними возмездіе, котораго ожидала отъ нея. Всю эту глупость я презираю не меньше васъ, но не могу бѣжать отъ нея. Послушайте, полковникъ, я не требую, чтобы вы забыли объ этомъ; мало того,

я даже согласна вѣрить, что вы говорили искренно; обѣщайте только, что вы не возобновите этого разговора, пока состоите въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ обществомъ и тетей Мирандой и мной. Ничего большаго—даже видимости ничего большаго—не должно быть между нами.

— Но потомъ мнѣ можно будетъ надѣяться?—сказалъ онъ, горячо стиснувъ ея руку.

— Я ничего не обѣщаю, вы не должны имѣть ни малѣйшаго предлога, чтобы снова заводить объ этомъ разговоръ, что бы я ни дѣлала, или что бы вамъ ни показалось, что я дѣлаю.

Она помолчала, высвободила руку, внезапно начавъ всматриваться въ даль. Затѣмъ добавила съ улыбкой, но безъ тѣни смущенія:

— Вотъ идетъ м-ръ Чампней. Должно-быть, пришелъ заглянуть, цѣлъ ли вѣнокъ.

Кортлэндъ быстро поднялъ голову. Надъ миртовыми кустами на пересѣкающей аллею дорожкѣ виднѣлась соломенная шляпа молодого англичанина. По лицу полковника пробѣжала тѣнь.

— Еще одно,—поспѣшно сказалъ онъ.—Я знаю, что не въ правѣ задавать этотъ вопросъ, но не имѣетъ ли м-ръ Чампней какой-либо связи съ вашимъ рѣшеніемъ?

Она широко улыбнулась.

— Вы только что просили о равныхъ шансахъ съ нимъ и Четомъ Бруксомъ. Ну, бѣдный Четъ умеръ, а м-ръ Чампней—да вотъ погодите и увидите.—Она возвысила голосъ:—М-ръ Чампней!

Молодой человѣкъ быстро зашагалъ къ нимъ; когда онъ узналъ ея спутника, на лицѣ его выразилось нѣкоторое изумленіе, но безъ примѣси разочарованія.

— Ахъ, м-ръ Чампней,—жалобно проговорила миссъ Салли,—я обронила перчатку гдѣ-то около могилы бѣднаго Брукса въ лощинѣ. Не можете ли сходить разыскать ее, а потомъ вернуться проводить меня домой? Полковнику надо навѣстить своихъ больныхъ негровъ въ больницѣ.

Чампней приподнялъ шляпу, дружески кивнулъ Кортлэнду и затерялся за кипарисами на склонѣ.

— Не выходите изъ себя,—сказала она въ поясненіе своему спутнику,—но мы и такъ слишкомъ долго пробыли вдвоемъ, и лучше, чтобы меня теперь увидали съ нимъ, а не съ вами.

— Стало-быть, національное предубѣжденіе его не касается,—съ горечью замѣтилъ Кортлэндъ.

— Нѣтъ. Вѣдь онъ англичанинъ; отецъ его былъ извѣстнымъ сторонникомъ конфедератовъ и покупалъ ихъ хлопковыя акціи.

Она помолчала, глядя въ лицо Кортлэнду, надувъ губки.

— Полковникъ!

— Миссъ Салли!

— Вы говорите, что знали меня три года раньше, чѣмъ увидѣли меня. А я вамъ скажу, что мы встрѣтились съ вами еще до знакомства, не обмѣнявшись при этомъ ни единымъ словомъ.

Кортлэндъ смотрѣлъ въ смѣющіеся глаза съ восторженнымъ недоразумѣніемъ.

— Когда?—спросилъ онъ.

— Въ первый разъ, какъ только вы пріѣхали. Вы сдвинули лѣстницу, когда я была на карнизѣ, и я прошлась по вашей головѣ. Какъ истый джентльменъ, вы и не заикнулись объ этомъ. Думается, что я минутъ съ пять простояла у васъ на головѣ.

— Не такъ долго, —со смѣхомъ сказалъ Кортлэндъ,—если только память мнѣ не измѣняетъ.

— Да,—повторила миссъ Салли, весело сверкая глазами.— Я, южная дѣвушка, такъ-таки попрала ногами голову сѣвернаго героя—полковника. Шутка сказать!

— Да послужитъ это удовольствіемъ вашимъ соотечественникамъ.

— Нѣтъ! Но я желаю извиниться. Садитесь, полковникъ.

— Но, миссъ Салли...

— Садитесь, живо!

Онъ послушался, присѣвъ бокомъ на склонѣ. Миссъ Салли стала рядомъ съ нимъ.

— Снимите шляпу, милостивый государь.

Онъ съ улыбкой повиновался. Миссъ Салли внезапно проскользнула за его спину. Онъ почувствовалъ легкое прикосновеніе ея ручекъ къ его плечамъ; горячее дыханіе всколыхнуло его волосы; а потомъ—къ его макушкѣ на мигъ прильнули губы, нѣжныя, какъ губы ребенка.

Онъ вскочилъ на ноги, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ обернуться—затрудненіе, очевидно учтенное молодой дѣвушкой—было уже слишкомъ поздно! Развѣвающіяся одежды хитроумной и беззастѣнчивой миссъ Салли уже исчезали среди могилъ по направленію къ лощинѣ.

ГЛАВА V.

Квартира повѣреннаго Дреммондскаго синдиката въ Редлэндсѣ помѣщалась въ бывшемъ домѣ мѣстнаго мирового судьи,—хотя и небольшомъ, но украшенномъ съ улицы внушительнымъ фронтономъ съ деревянными дорическими колоннами, доходившими до самой крыши. Колонны сплошь были увиты неизбѣжнымъ, всюду растущимъ дикимъ виноградомъ, а пролегавшая передъ подъѣздомъ дорожка затѣнялась рядомъ широколистныхъ эйлантовъ. Передняя комната выходила стеклянными дверьми на подъѣздъ и служила полковнику Кортлэнду конторой; далѣе шла столовая, съ видомъ на старомодный садъ, съ отдѣльной кухней и неизбѣжной негрской хижиной.

Былъ жаркій, удушливый вечеръ; надъ дорогой плыли темныя тучи, но листья эйланта висѣли тяжко и неподвижно въ предгрозовомъ затишьѣ. Огоньки лѣниво сновавшихъ въ воздухѣ свѣтящихся мухъ тихо вспыхивали и гасли въ мракѣ черной листвы и въ темныхъ нѣдрахъ конторы, двери и окна которой настежь были открыты. Кортлэндъ потушилъ свѣтъ и вынесъ кресло на подъѣздъ, ища прохлады. Одна изъ искръ за рѣшеткой, хотя попеременно вспыхивала и разгоралась, тѣмъ не менѣе показалась Кортлэнду такъ странно неподвижной, что онъ наклонился, чтобы получше ее разсмотрѣть. Въ тотъ же мигъ она погасла, и голосъ съ улицы сказалъ:

— Это вы, Кортлэндъ?

— Я. Заходите ко мнѣ.

Голосъ былъ Чампнея, а огонекъ былъ отъ сигары. Онъ распахнулъ калитку и медленно поднялся по ступенькамъ крыльца. Обычная его нерѣшительность, казалось, еще усилилась. Долгій вздохъ всколыхнулъ поникшіе листы Эйланта и затихъ. Нѣсколько крупныхъ капель грузно, какъ расплавленный свинецъ, зашлепали по листвѣ.

— Вы какъ разъ успѣли уйти отъ ливня,—привѣтливо замѣтилъ Кортлэндъ.

Онъ не видалъ Чампнея съ тѣхъ поръ, какъ разстался съ нимъ на кладбищѣ, шесть недѣль назадъ.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами, Кортлэндъ,—сказалъ Чампней.

Съ минуту онъ въ нерѣшимости постоялъ передъ предложеннымъ ему стуломъ, затѣмъ, опасливо взглянувъ на улицу, добавилъ:

— Не лучше-ли намъ войти въ домъ?

— Какъ вамъ угодно. Только внутри страшная духота. Здѣсь мы совсѣмъ одни. Въ домѣ никого нѣтъ, а ливень разгонитъ съ улицы всѣхъ праздношатающихся. Онъ говорилъ вполнѣ непринужденно, несмотря на то, что неопредѣленность ихъ взаимныхъ отношеній по вопросу о миссъ Салли собственно не располагала къ большой откровенности.

Какъ бы то ни было, Чампней рѣшился принять стулъ и принесенный ему Кортлэндомъ стаканъ прохладительнаго питья.

— Помните, я какъ-то говорилъ вамъ о Дюмонѣ,—началъ онъ съ колебаніемъ. Это, знаете ли, тотъ французскій кузенъ миссъ Доусъ? Ну-съ, онъ пріѣзжаетъ сюда; у него здѣсь есть собственность,—тѣ три дома, что напротивъ присутственныхъ мѣстъ. Судя по тому, что мнѣ пришлось слыхать, онъ набрался всякихъ новомодныхъ французскихъ идей насчетъ негрскаго вопроса,—знаете, всевозможныя тамъ бредни о равенствѣ и братствѣ, о допущеніи негровъ къ высшему образованію и высшимъ должностямъ и такъ далѣе. Вамъ вѣдь извѣстно, какое здѣсь и безъ того царитъ настроеніе? Вы знаете, что случилось на послѣднихъ выборахъ въ Кулиджвиллѣ—когда бѣлые рѣшили не допускать негровъ къ урнамъ, и какая тутъ разыгралась потасовка? Ну-съ, такъ похоже на то, что и здѣсь можетъ повториться та же исторія, если миссъ Доусъ усвоитъ его идеи.

— Но я имѣю основаніе думать,—я хочу сказать,—неторопливо поправился Кортлэндъ,—что всякому, знакомому съ взглядами миссъ Доусъ, извѣстно, что она не раздѣляетъ этихъ убѣжденій. Почему бы ей присваивать ихъ себѣ?

— Потому что у нея съ нимъ большая короткость, — поспѣшно пояснилъ Чампней,—и даже если она и не согласна съ его воззрѣніями, ей волей-неволей придется раздѣлить съ нимъ отвѣтственность въ глазахъ всякаго «неперестроеннаго» мужлана, какъ Томъ Гигби и ему подобные. Какъ бы то ни было, они живо расправятся съ ея неграми.

— Но я не вижу, почему бы возлагать на нее отвѣтственность за взгляды ея кузена, а также не вполнѣ понимаю, что означаетъ «большая короткость»,—спокойно возразилъ Кортлэндъ.

Чампней смочилъ пересохшія губы питьемъ и продолжалъ съ нервнымъ смѣхомъ.

— Скажемъ тогда не кузена, а *мужа*, — вѣдь къ этому собственно и сводится его возвращеніе сюда. И всякій это знаетъ: знали бы и вы, если бы только говорили съ ней о чемъ-либо иномъ, кромѣ дѣлъ.

Внезапный блескъ молніи освѣтилъ разгорѣвшееся лицо Чампнея и поблѣднѣвшія черты Кортлэнда, но они не смотрѣли другъ на друга. Вдобавокъ продолжительный раскатъ грома помѣшалъ отвѣту Кортлэнда и помогъ ему скрыть свое волненіе.

Не принимая безусловно заключеній Чампнея, онъ тѣмъ не менѣе жестоко былъ потрясенъ сказаннымъ. Самъ онъ добросовѣстно подчинился желаніямъ миссъ Салли и, не теряя, однако, надежды, воздерживался отъ всякихъ намековъ на свою любовь послѣ ихъ разговора на кладбищѣ. Въ то же время, хотя прирожденное чистосердечіе и чувство чести не позволяли ему осуждать кажущуюся неискренность ея отношеній къ Чампнею, онъ не могъ извинить собственнаго въ томъ участія. Ему претило скрывать собственныя притязанія отъ возможнаго соперника. Правда, она запретила ему открыто вступить въ ряды ея поклонниковъ, но наивная увѣренность Чампнея въ его равнодушіи и истекающія изъ нея разоблаченія черезчуръ были мучительны. Ему казалось, что выйти изъ создавшагося положенія возможно только путемъ ссоры. Вѣрилъ ли онъ, не вѣрилъ ли разсказу Чампнея, слѣдовало ли смотрѣть на этотъ разсказъ какъ на простое преувеличеніе ревниваго соперника, или миссъ Салли дѣйствительно обманывала обоихъ? Но такъ или иначе положеніе становилось нестерпимымъ.

— Долженъ напомнить вамъ, Чампней,—сказалъ онъ съ ледянымъ спокойствіемъ, что миссъ Миранда Доусъ и ея племянница представляютъ теперь Дреммондское общество наравнѣ со мной, и что я не могу выслушивать никакой критики ихъ способа веденія дѣлъ, въ настоящемъ или будущемъ. Тѣмъ менѣе мнѣ желательно обсуждать праздныя сплетни, касающіяся частныхъ интересовъ этихъ дамъ, въ которыя ни вы ни я не имѣемъ права вмѣшиваться.

Но наивность молодого англичанина равнялась наивности миссъ Салли, и столь же пагубно отозвалась она на важности Кортлэнда.

— Никакого *права* я, разумѣется, не имѣю, — сказалъ онъ, спокойно игнорируя строгое вступленіе собесѣдника да только, чортъ возьми! даже хотя бы у самого человѣка и не было никакихъ шансовъ, но не очень-то пріятно быть свидѣтелемъ, какъ дѣвушка губитъ себя и свое состояніе ради такого человѣка.

— Минутку, Чампней,—вставилъ Кортлэндъ, отказываясь, подъ вліяніемъ простодушія гостя, отъ взятаго имъ тона превосходства.—Вы сказали, что не имѣете шансовъ Дол-

женъ-ли я понять, что вы являетесь формальнымъ искателемъ руки миссъ Доусъ?

— Да-а-а,—отвѣчалъ тотъ, при чемъ его колебаніе скорѣе происходило отъ преувеличенной добросовѣстности, нежели отъ желанія увильнуть.—Вѣрнѣе сказать—я былъ имъ, знаете ли? Только, видите ли, дѣло не выгорѣло. Не годится оно, понимаете ли? Стоило бы ея партійнымъ сосѣдямъ—знаете, этимъ вонъ завзятымъ южанамъ—заподозрѣть, что за миссъ Салли ухаживаетъ англичининъ,—такъ сказать, браконьеръ на ихъ заповѣдныхъ поляхъ,—чтобы ея положеніе въ околоткѣ и все ея вліяніе надъ ними прахомъ пошло. Такъ и быть ужъ, скажу вамъ, что по этой самой причинѣ я и оставилъ службу и основался на другой плантаціи. Но даже и это не помогло: они, оказывается, успѣли уже всполошиться.

— И миссъ Доусъ выставила это доводомъ для отклоненія вашего сватовства?—медленно проговорилъ Кортлэндъ.

— Именно. Вы знаете, какая она прямолинейная. Она не стала, какъ другія, нести всякую околесину въ родѣ того, что «ничего подобнаго не ожидала», или «хочетъ быть мнѣ сестрой», и все такое,—нѣтъ, клянусь Юпитеромъ! потому что и безъ того она всегда держитъ себя съ нашимъ братомъ скорѣе какъ сестра, чѣмъ какъ предметъ поклоненія. Не легко мнѣ это было, конечно, но полагаю, что она права. Онъ помолчалъ, затѣмъ добавилъ съ какой-то кроткой настойчивостью: *Вы* конечно находите, что она права, не правда ли?

Принимая во вниманіе то, что происходило у Кортлэнда на душѣ, вопросъ звучалъ такой горькой ироніей, что въ первую минуту онъ гнѣвно наклонился впередъ, безсознательно стараясь прочесть выраженіе лица собесѣдника въ темнотѣ.

Я не возьму на себя высказываться по этому вопросу,—сказалъ онъ, помолчавъ,—отношенія миссъ Доусъ съ сосѣдями такъ своеобразны, судя же по тому, что вы говорите о ея кузенѣ, едва ли она всегда руководствуется желаніемъ ихъ задобрить.

— Я, понимаете ли, не думаю критиковать ея дѣйствій,—поспѣшно вставилъ Чампней—«не настолько же я негодяй! Я бы и вовсе не сталъ поминать о своихъ дѣлахъ, когда бы не вы сами спросили о нихъ. Просто я боюсь, какъ бы она не ввязалась въ непріятную исторію изъ-за этого француза,—вотъ мнѣ и подумалось, что вы могли бы попытаться уговорить ее. Васъ она можетъ послушаться, потому что знаетъ, что вами руководятъ одни только практическія соображенія.

Да въ сущности это и на самомъ дѣлѣ практическія соображенія. Знаю, полковникъ, что вы не очень-то высокаго мнѣнія о моихъ дѣловыхъ способностяхъ и не стали бы полагаться на мои сужденія—въ особенности теперь; но не забывайте, что я прожилъ здѣсь дольше васъ, и скажу вамъ—онъ понизилъ голосъ и придвинулся ближе къ Кортлэнду — не нравится мнѣ, чѣмъ тутъ пахнетъ. Помяните мое слово, эти бездѣльники стряпаютъ что-то недоброе. Они выжидаютъ только удобнаго случая: достаточно малѣйшей вспышки, чтобы загорѣлся всеобщій пожаръ, даже если бы огонь не тлѣлъ уже втайнѣ, какъ искра въ кипѣ хлопка. Самъ я давно бы махнулъ на все рукой и уѣхалъ отсюда, когда бы не боялся, что будетъ хуже для миссъ Доусъ, если она останется беззащитной.

— Вы хорошій человѣкъ, Чампней,—сказалъ Кортлэндъ, съ внезапнымъ порывомъ положивъ ему руку на плечо. Такъ и быть ужъ, прощаю вамъ ваше невниманіе къ возможнымъ *моимъ* интересамъ въ данномъ вопросѣ. Впрочемъ, добавилъ онъ со странной серьезностью и полувздохомъ, это нисколько не удивительно. Напомню вамъ, однако, что Доусы являются въ строгомъ смыслѣ агентами и арендаторшами представляемаго мною общества, и что, пока я здѣсь, я не потерплю чьего-либо посягательства на ихъ права и собственность въ предѣлахъ этой аренды. Тѣмъ не менѣе, я не имѣю никакого права помѣшать миссъ Доусъ подвергать свои интересы опасности путемъ личныхъ ея отношеній.

Чампней всталъ съ мѣста и неловко пожалъ ему руку.

— Дождь какъ будто пересталъ,—замѣтилъ онъ,—попытаюсь добраться домой до новаго ливня. Покойной ночи... Послушайте-ка, вѣдь вы же не въ претензіи за то, что я вломился къ вамъ съ этими дѣлами? Мнѣ сразу показалось, что вы какъ будто топорщитесь. Но теперь вы поняли, чего я хотѣлъ?

— Превосходно,—и отъ души благодарю васъ.—Они еще разъ обмѣнялись рукопожатіемъ. Чампней спустился съ подъѣзда, достигъ рѣшетки и снова канулъ въ темноту, какъ незадолго до того возникъ изъ нея.

Гроза не вполнѣ еще разошлась; снова стало невыносимо душно. Кортлэндъ продолжалъ сидѣть въ креслѣ, погруженный въ угрюмую думу. Онъ еще не зналъ принимать ли на вѣру разоблаченія Чампнея или нѣтъ, но такъ или иначе, этой неопредѣленности необходимо немедленно положить конецъ. Виноватое сознаніе, что онъ болѣе озабоченъ собственной страстью, нежели интересами общества, придавало еще больше горечи его размышленіямъ. Въ то же время, нельзя

сказать, чтобы онъ былъ возмущенъ своеобразной этикой миссъ Салли, несмотря на явное противорѣчіе между ея заявленіемъ, будто ея соотечественники безразлично относятся къ ухаживанію Чампнея, и тѣмъ, что она сказала послѣднему при отказѣ. Влюбленный рѣдко осуждаетъ свою возлюбленную за обманъ соперника, и столь же мало склоненъ къ логическому выводу, что она можетъ обмануть и его въ свою очередь.

Внезапно Кортлэндъ оторвался отъ угрюмыхъ размышленій и сталъ прислушиваться.

— Катонъ!

— Я здѣсь, сэръ.

Позади дома послышались грузные шаги, и въ темномъ отверстіи дверей вскорѣ показалась болѣе темная фигура. Это былъ главный его надзиратель—сильный и толковый негръ, выбранный вольноотпущенными товарищами изъ своей среды согласно установленному Кортлэндомъ новому порядку.

— Ты пришелъ сюда съ плантаціи или изъ города?

— Изъ города, сэръ.

— Думаю, что тебѣ на будущее время лучше избѣгать города по вечерамъ,—сказалъ Кортлэндъ спокойнымъ, но властнымъ тономъ.

— А что, развѣ опять заводятся старые патрули? [1])—спросилъ тотъ съ глумливой ноткой въ голосѣ.

— Не знаю,—невозмутимо продолжалъ Кортлэндъ, не подавая вида, что замѣчаетъ тонъ своего подчиненнаго;—но если бы даже и такъ, придется подчиняться мѣстнымъ правиламъ, поскольку они не противорѣчатъ федеральнымъ законамъ, а тогда уже можно будетъ обратиться къ федеральнымъ властямъ. Я предпочитаю, чтобы вы избѣгали всякихъ столкновеній, пока не удостовѣритесь, въ чемъ дѣло.

— Сдается мнѣ, что со мной они не станутъ связываться,—замѣтилъ негръ съ отрывистомъ смѣхомъ.

Кортлэндъ пристально посмотрѣлъ на него.

— Я такъ и думалъ! Ты вооруженъ, Катонъ! Сейчасъ же отдай мнѣ оружіе!

Послѣ минутнаго колебанія, надзиратель отстегнулъ отъ пояса револьверъ, передалъ его Кортлэнду.

— А теперь скажи, многіе ли изъ васъ расхаживаютъ по городу съ оружіемъ?

---

[1]) «Патруль»—мѣстная полиція, которой прежде былъ порученъ надзоръ надъ невольниками.

— Только тѣ, кого оскорбили, сэръ.

— А какимъ образомъ былъ *ты* оскорбленъ?

— Мастеръ Томъ Гигби толковалъ тамъ на рынкѣ, что давно пора загнать всѣхъ вольноотпущенныхъ негровъ въ болото, а я сказалъ на это, что лучше бы нищимъ и бродягамъ держаться подальше отъ рабочихъ людей, а мастеръ Томъ объявилъ, что вырѣжетъ у меня сердце.

— И ты воображаешь, что твой револьверъ помѣшаетъ его единомышленникамъ совершить эту операцію, если бы ты чѣмъ-нибудь ихъ задѣлъ?

— Вы сами говорили, что мы должны охранять себя, сэръ, мрачно возразилъ негръ. — Для чего же бы иначе учили насъ управляться съ винтовками въ оружейномъ складѣ?

— Для того, чтобы отбиваться отъ нихъ *вмѣстѣ* и по командѣ, въ случаѣ нападенія, а ужъ, конечно, не затѣмъ, чтобы ввязываться въ уличныя потасовки! Вмѣстѣ, вы имѣете кое-какіе шансы противъ своихъ противниковъ, въ одиночку— они съѣдятъ васъ безъ остатка.

— Не сталъ бы я, сэръ, слишкомъ довѣряться этимъ неграмъ,—продолжалъ Катонъ тѣмъ же тономъ.—Мало кто изъ нихъ будетъ держаться другъ друга. Побѣгутъ они передъ старыми хозяевами—если только не побѣгутъ обратно къ нимъ. Вѣрно я говорю!

Подобное опасеніе уже и раньше приходило на умъ Кортлэнду, однако онъ объ этомъ умолчалъ.

— Я нашелъ вчера двѣ винтовки изъ склада въ хижинахъ, — спокойно замѣтилъ онъ.— Смотри же, чтобъ этого больше не было! Брать изъ склада разрѣшается исключительно только для его же обороны.

— Слушаю, сэръ.

Наступило минутное молчаніе. Его нарушилъ внезапный порывъ вѣтра, пронесшійся между колоннами и всколыхнувшій плети лозъ. Въ широкихъ листьяхъ эйланта поднялся шелестъ; забарабанили капли: снова начинался дождь. Когда же Кортлэндъ всталъ и подошелъ къ открытой двери, ея темный пролетъ и внутренность конторы внезапно освѣтились сверкнувшей молніей.

Онъ вошелъ въ контору, приказавъ Катону итти за нимъ и зажечь лампу надъ письменнымъ столомъ. Негръ остался стоять у окна, въ мрачной, но почтительной позѣ.

— Катонъ, знаешь ли ты что-нибудь о Дюмонѣ—родственникѣ миссъ Доусъ?

Бѣлые зубы негра внезапно блеснули при свѣтѣ лампы.— Ха, ха! еще бы не знать, сэръ!

— Стало-быть, онъ большой другъ вашего народа?

— Объ этомъ не знаю, сэръ. А только онъ большой врагъ Ридовъ и Гигби!

— Конечно, изъ-за разногласія въ мнѣніяхъ?

— Какое тамъ!—возразилъ Катонъ съ изумленіемъ. — Просто-напросто изъ-за *вендетты*.

— *Вендетты*?

— Такъ, сэръ. Старой кровной семейной вражды. Она ужъ лѣтъ пятьдесятъ какъ длится, и больше того. Дѣдъ, отецъ и братъ Дюмоны убили дѣда, отца и брата Гигби. Риды тоже ввязались, когда Гигби пришлось плохо—они вѣдь имъ сродни,—но ихъ прикрутили Доусы, близкіе родственники Дюмоновъ.

— Какъ? и Доусы также замѣшаны въ этой *вендеттѣ*?

— Нѣтъ, сэръ. Больше нѣтъ. Когда померъ отецъ миссъ Салли, въ семьѣ не стало мужчинъ—такъ что Доусы навсегда вышли изъ *вендетты*. Послѣдній выстрѣлъ выпустилъ мастеръ Жоржъ Дюмонъ: онъ тогда искалѣчилъ брата мастера Тома Гигли, Джо, а потомъ удралъ въ Европу. Увѣряютъ, будто онъ теперь вернулся и скрывается въ Атанатѣ. Ну, ужъ и пойдетъ потѣха, если онъ пріѣдетъ повидаться съ миссъ Салли.

— Но могло случиться, что онъ перемѣнилъ взгляды во время пребыванія въ Европѣ, гдѣ такого рода продѣлки считаются простымъ убійствомъ.

Негръ сурово тряхнулъ головой.—Когда бы такъ, то онъ бы не пріѣхалъ, сэръ. Нѣтъ, сэръ. Онъ знаетъ, что Томъ Гигби долженъ либо посчитаться съ нимъ, либо скрыться съ глазъ долой. А мастеръ Жоржъ не прочь покончить бы и съ нимъ такъ же, какъ съ братомъ, такъ какъ они еще не совсѣмъ квиты. Вѣдь мастеръ Жоржъ не дуракъ управляться съ ружьемъ.

Во всякое другое время, на Кортлэнда произвело бы сильное впечатлѣніе это возрожденіе незаконнаго варварства, о которомъ ему такъ много приходилось слышать; теперь же оно интересовало его только въ виду невѣроятнаго положенія, въ которомъ оказывалась миссъ Салли. Дѣйствительно ли она участвовала въ возвращеніи рокового кузена, или же, наоборотъ, ей предстоитъ быть лишь безпомощной его жертвой?.. Какъ знать?

Бѣлый ослѣпительный свѣтъ молніи внезапно освѣтилъ комнату, крыльцо, мокрые листья эйланта и затопленную улицу. За ней послѣдовалъ ударъ грома, затѣмъ какъ бы болѣе слабая молнія; вѣрнѣе, казалось, точно первая вспышка подожгла какое-либо воспламенительное вещество.

Домъ еще не пересталъ дрожать отъ долгихъ раскатовъ, какъ вдругъ Кортлэндъ поспѣшно вышелъ во дворъ и прошелся до самыхъ воротъ.

— Попало куда-нибудь, сэръ? — спросилъ испуганный негръ по возвращеніи хозяина.

— Какъ будто нѣтъ,—коротко сказалъ тотъ.—Ступай за Зоей и ея дочерью и вели имъ перейти изъ хижины въ прихожую. Дождись моего возвращенія. Ступай! Я самъ запру окна.

— Не безъ того, чтобъ гдѣ-нибудь ударило, сэръ, помяните мое слово! Очень ужъ сѣрой отзывается,—замѣтилъ негръ, выходя изъ комнаты.

Кортлэндъ былъ того же мнѣнія,—да только сѣра эта была особаго рода: та самая, которую онъ вдыхалъ на полѣ битвы! Вотъ почему, когда дверь закрылась за негромъ, онъ поднесъ лампу къ противоположной стѣнѣ и тщательно осмотрѣлъ ее. Да, вотъ она, дыра отъ пули, пролетѣвшей въ открытое окно всего на какой-нибудь дюймъ отъ головы Катона!

ГЛАВА VI.

Минуту спустя, Кортлэндъ успѣлъ уже вполнѣ овладѣть собой. Разсѣялась одурманившая его страсть—теперь только онъ постигъ, насколько она поистинѣ была одурманивающей! Ясное сознаніе, болѣе не затуманенное чувствомъ, снова оказалось во всеоружіи; все представлялось ему теперь въ подлинныхъ размѣрахъ и соотношеніяхъ: его домъ, плантація, безпомощный вольноотпущенникъ подъ угрозой беззаконной ярости, двѣ женщины,—теперь уже болѣе не *одна*, не обольстившее его видѣніе,—но обѣ женщины, составлявшія лишь одну изъ подробностей въ предстоящей ему работѣ. Онъ видѣлъ ихъ не сквозь смущающій туманъ пристрастія и личнаго интереса, но съ прямолинейной простотой человѣка дѣла.

Очевидно, что выстрѣлъ предназначался для Катона. Даже допуская, что тутъ былъ простой актъ личной мести, смѣлость и самоувѣренность преступника указывали на организованный планъ и сообщничество. Онъ воспользовался грозой, вспышкой молніи и раскатами грома, чтобы временно сбить съ толку противниковъ,—довольно распространенная уловка пограничной засадной борьбы. Тѣмъ не менѣе, нападеніе могло оказаться единичнымъ; но могло оно также явиться сигналомъ къ общему походу противъ вольноотпущенниковъ синдиката. Въ первомъ случаѣ онъ можетъ оградить Катона отъ вторичнаго покушенія, задержавъ его въ конторѣ до тѣхъ поръ,

пока удастся перевести его въ болѣе надежное мѣсто; въ послѣднемъ—слѣдуетъ немедленно собрать всѣхъ негровъ въ ихъ казармахъ и взять Катона съ собой. Онъ остановился на второмъ планѣ. Казармы отстояли въ четверти мили отъ усадьбы Доусовъ, и въ двухъ миляхъ отъ усадьбы Кортлэнда.

Онъ сѣлъ и написалъ нѣсколько строкъ миссъ Доусъ, извѣщая ее, что въ виду ожидаемыхъ безпорядковъ въ городѣ, считаетъ цѣлесообразнымъ задержать негровъ въ казармахъ, куда сейчасъ отправляется самъ. Свою экономку съ дѣвочкой онъ отправляетъ къ ней, такъ какъ имъ обѣимъ лучше пробыть въ безопасномъ мѣстѣ, пока онъ не вернется въ городъ. Эту записку онъ вручилъ Зоѣ, съ приказанiемъ отправляться, не теряя времени, заднимъ садомъ и полями. Послѣ этого обратился къ Катону.

— Мы съ тобой сейчасъ идемъ въ казармы,—спокойно сказалъ онъ,—и ты можешь самъ отнести револьверъ въ оружейный складъ.—Съ этими словами онъ передалъ ему оружiе. Негръ съ благодарностью принялъ его, но вдругъ бросилъ пытливый взглядъ на хозяина. Лицо Кортлэнда осталось невозмутимымъ. Послѣ ухода Зои онъ спокойно продолжалъ:—Мы пойдемъ задней дорогой черезъ лѣсъ.—Негръ слегка вздрогнулъ, но Кортлэндъ продолжалъ тѣмъ же тономъ:—Та сѣра, которую ты сейчасъ почуялъ, Катонъ, происходила отъ ружейнаго выстрѣла, выпущеннаго въ *тебя* съ улицы. Я не желаю, чтобы покушенiе повторилось въ тѣхъ же, благопрiятныхъ для преступника, условiяхъ.

На лицѣ негра выразилось жестокое волненiе.

— Это все тотъ низкiй песъ, Томъ Гигби,—хрипло сказалъ онъ.

Кортлэндъ зорко взглянулъ на него.

— Стало-быть, между нимъ и тобой были не одни только слова. Что случилось? Говори!

— Онъ стегнулъ меня хлыстомъ, а я далъ ему въ ухо и сшибъ его съ ногъ,—сказалъ Катонъ, которому злоба, возбужденная воспоминанiемъ, вернула долю мужества. — Я былъ въ правѣ защищаться, сэръ!

— Да, и надѣюсь, что сможешь сдѣлать это и теперь,—замѣтилъ Кортлэндъ, ничѣмъ не выдавая увѣренности, что Катонъ этимъ единственнымъ ударомъ подписалъ свой смертный приговоръ. — Но тебѣ безопаснѣе быть въ казармахъ.

Онъ прошелъ въ спальню, досталъ револьверъ, засунулъ его за застегнутую куртку и возвратился къ негру.

— Когда мы будемъ въ полѣ, держись вплотную ко мнѣ, и старайся даже ступать со мной въ ногу. Что имѣешь сказать,

говори теперь; намъ не годится выдавать свое присутствіе разговорами — надо двигаться неслышно и настораживать глаза и уши. Я постою за тебя въ случаѣ нападенія, но требую, чтобы ты безпрекословно повиновался моимъ приказаніямъ.

Онъ открылъ заднюю дверь, сдѣлалъ знакъ Катону выйти, послѣдовалъ за нимъ, заперъ за собой дверь и, взявъ негра подъ руку, прошелъ съ нимъ вдоль низкой загородки до конца сада. Здѣсь они перелѣзли на другую сторону и очутились въ открытомъ полѣ.

Къ несчастью, грозовыя тучи разсѣялись и стало свѣтлѣе. Прихотливые лунные лучи гонялись другъ за другомъ по полю, или зажигали минутный блескъ на дождевыхъ лужахъ между буграми. Ближайшимъ путемъ къ казармамъ было открытое поле, за которымъ тянулась лѣсная опушка, но этотъ путь былъ также и наиболѣе опаснымъ; было надежнѣе пройти вдоль плетня до конца поля, гдѣ проходила пограничная ограда и завернуть въ тѣни ея подъ прямымъ угломъ, но на это ушло бы драгоцѣнное время. Не сомнѣваясь, что мстительный противникъ Катона все еще таится гдѣ-нибудь поблизости со своими сообщниками, Кортлэндъ метнулъ быстрый взглядъ вдоль туманной линіи плетня. Въ ту же минуту Катонъ схватилъ его за руку и указалъ въ томъ же направленіи, туда, гдѣ поле пересѣкалось упомянутой пограничной оградой, состоявшей изъ грубо сколоченной изгороди. Освѣщенная сзади низкой луной, она виднѣлась лишь въ видѣ чернаго силуэта, прерывавшагося время отъ времени серебристыми просвѣтами на залитое луннымъ свѣтомъ поле позади. Сперва Кортлэндъ не замѣтилъ ничего другого. Но въ ту же минуту его поразило, что эти просвѣты постепенно и регулярно заслоняются проходящими за ними темными предметами. Это было не что иное, какъ вереница людей, проходившихъ по ту сторону изгороди и направлявшихся къ его дому. Насколько можно было разсчитать, ихъ было всего десять или двѣнадцать человѣкъ.

Теперь не оставалось мѣста сомнѣнію относительно ихъ намѣреній,—не приходилось также колебаться по поводу того, какъ отвѣчать на нихъ. Необходимо было тотчасъ же спѣшить въ казармы съ Катономъ, даже хотя бы пришлось итти прямо черезъ поле. Онъ зналъ, что *ему* лично побоятся вредить, изъ страха возможныхъ федеральныхъ и политическихъ осложненій, и рѣшилъ использовать этотъ страхъ для безопасности Катона. Положивъ руки негру на плечи, онъ сталъ подвигать его впередъ, шагая съ нимъ въ ногу и держась такъ близко, что даже самый искусный стрѣлокъ не могъ бы выстрѣлить въ

одного, не подвергнувъ опасности другого. На полпути черезъ поле онъ замѣтилъ, что тѣни за изгородью остановились. Засада, повидимому, увидѣла двухъ людей, поняла, въ чемъ дѣло, и, какъ онъ и разсчитывалъ, не рѣшалась стрѣлять. Имъ удалось безнаказанно достигнуть конца поля, но къ этому времени зловѣщія тѣни успѣли снова двинуться съ мѣста, на этотъ разъ, направляясь уже къ Кортлэнду съ Катономъ. Явно было, что они рѣшили гнаться за ними. Однако Кортлэндъ зналъ, что когда они доберутся до лѣса, то шансы уравняются. Онъ началъ уже дышать свободнѣе. Катонъ также нѣсколько успокоился. Къ нему даже отчасти возвратился прежній воинственный пылъ, укрощенный было, Кортлэндомъ. Плохо разсчитывая вообще на находчивость своего подчиненнаго, Кортлэндъ тѣмъ не менѣе начиналъ надѣяться, что удастся доставить его въ казармы.

Приходилось также полагаться на его превосходное знаніе лѣса и мѣстныхъ условій, поэтому Кортлэндъ позволилъ ему показывать путь, продолжая тѣмъ временемъ итти между нимъ и погоней и прикрывая его отступленіе. Почва начинала постепенно понижаться; кустарникъ смѣнился упругимъ мхомъ, мракъ еще больше сгущался отъ темныхъ стволовъ кипарисовъ. Лица ихъ обмахивали плети вьющихся растеній, надъ землей потянула струя влажнаго воздуха, и ноги передвигались медленно, словно ступая въ стоячей водѣ. До сихъ поръ не было замѣтно признаковъ погони. Но Кортлэндъ чувствовалъ, что противники отъ нея не отказались. И точно, онъ едва успѣлъ остановить тревожный крикъ негра, когда въ свою очередь ясно услыхалъ то, что испугало послѣдняго,—глухой конскій топотъ впереди. Явно было, что это второй отрядъ ихъ преслѣдователей, отряженный верхомъ, чтобы отрѣзать имъ выходъ изъ лѣса, въ то время какъ тѣ, отъ которыхъ они ускользнули, медленно и безмолвно слѣдуютъ за ними пѣшкомъ, Они попали между двухъ огней!

— Что такое отъ насъ налѣво?—быстро шепнулъ Кортлэндъ.

— Болото.

Кортлэндъ стиснулъ зубы. Тупоумный спутникъ, очевидно, затесалъ ихъ обоихъ въ западню! Тѣмъ не менѣе, онъ живо принялъ рѣшеніе. Сквозь рѣдѣющую бахрому лѣса уже виднѣлись при лунномъ свѣтѣ очертанія всадниковъ.

— Здѣсь должно быть граница нашей плантаціи? Поле рядомъ съ нами вѣдь наше? — сказалъ онъ вопросительно.

— Да,—отозвался негръ, — но казармы еще на милю дальше.

— Отлично! Оставайся здѣсь, пока я не вернусь или не позову тебя; я пойду переговорить съ этими людьми. Но ты, если дорожишь жизнью, не говори и не двигайся.

Онъ быстро выступилъ изъ-за деревьевъ на освѣщенную луной поляну. Его привѣтствовалъ подавленный кликъ, и съ полдюжины всадниковъ, замаскированныхъ и вооруженныхъ винтовками, двинулись къ нему навстрѣчу. Онъ спокойно дождался, чтобы первый приблизился къ нему, тогда сдѣлалъ шагъ впередъ и крикнулъ: «Стой!»

Люди машинально остановились на властный, по-военному прозвучавшій, окликъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?—спросилъ Кортлэндъ.

— Сдается намъ, что это *наше* дѣло, полковникъ.

— Нѣтъ, *мое*, когда вы находитесь въ управляемыхъ мною владѣніяхъ.

Говорившій нерѣшительно оглянулся на своихъ спутниковъ.

— Признаюсь, что мы тутъ пасуемъ передъ вами, полковникъ,—произнесъ онъ, наконецъ, съ лѣнивой наглостью человѣка, сознающаго, что за нимъ сила;—но такъ и быть ужъ, скажу вамъ, что намъ нуженъ негръ—въ родѣ какъ бы вашъ Катонъ. Мы ничего не имѣемъ противъ васъ, полковникъ; мы не собираемся покушаться на *ваше* имущество и *ваши* привычки, но не желаемъ также, чтобы чужеземцы трогали *наши* обычаи. Подавайте сюда вашего негра—вы вѣдь, сѣверяне, не признаете это *имуществомъ*, и мы тогда очистимъ вашу землю.

— А могу ли я спросить, что вамъ нужно отъ Катона?—спокойно сказалъ Кортлэндъ.

— Мы хотимъ показать ему, что всѣ федеральные законы въ аду не могутъ защитить его, когда онъ ударилъ бѣлаго человѣка!—порывисто воскликнулъ одинъ изъ замаскированныхъ, выѣзжая впередъ.

— Этимъ вы вынуждаете меня,—невозмутимо отозвался Кортлэндъ,—показать вамъ, на что имѣетъ право каждый федеральный гражданинъ въ защиту федеральныхъ законовъ. Ибо я убью перваго, кто осмѣлится наложить на него руки на моей землѣ. Съ иными изъ васъ уже, попытавшихся застрѣлить его изъ-за угла, я встрѣчался раньше въ болѣе почтенной борьбѣ, и *они* знаютъ, что я умѣю держать слово.

Наступило минутное молчаніе; стволъ его револьвера блеснулъ на мигъ въ лунномъ свѣтѣ, но самъ онъ не шевелился. Два человѣка подъѣхали къ тому, который говорилъ первымъ, и обмѣнялись съ нимъ нѣсколькими словами. Раздался легкій

смѣхъ, послѣ чего тотъ съ насмѣшливой учтивостью обратился къ Кортлэнду.

— Прекрасно, полковникъ. Если таково ваше мнѣніе, и если вы считаете, что мы не можемъ гоняться за своей добычей по вашимъ владѣніямъ, то придется намъ уступить мѣсто *тѣмъ, кто это можетъ*. Извиняемся, что обезпокоили васъ. Покойной ночи!

Онъ иронически поднялъ шляпу, махнулъ ею своимъ сообщникамъ, и минуту спустя весь отрядъ уже несся бѣшенымъ галопомъ къ большой дорогѣ.

Впервые за весь вечеръ по нервамъ Кортлэнда пробѣжала дрожь тревожнаго ожиданія. Возможность невѣдомой опасности всегда страшнѣе для смѣлаго человѣка, чѣмъ подавляющее даже превосходство противника, но видимое и осязаемое. Онъ инстинктивно чувствовалъ, что слова ихъ не были пустой похвальбой для прикрытія пораженія; у нихъ, очевидно, имѣлось еще нѣчто въ запасѣ, на что они возлагали большія надежды,—но *что* именно? Была ли это всего только ссылка на вторую партію преслѣдователей? Онъ поспѣшно возвратился къ Катону; бѣлые зубы глупо довѣрчиваго негра сверкнули въ темнотѣ, уже торжествуя воображаемую побѣду хозяина. Сердце Кортлэнда болѣзненно сжалось.

— Мы еще не вышли изъ лѣса, Катонъ,—сказалъ онъ сухо,—да и они также. Сколько времени можно продержаться подъ прикрытіемъ лѣса, продолжая въ то же время продвигаться къ казармамъ?

— Можно пробраться по окраинѣ болота, сэръ, но придется долго итти обратно, чтобы разыскать тропинку.

— Ступай!

— Да еще на тропинкѣ попадаются мокассины и мѣдныя головки! [1]) Насъ онѣ рѣдко трогаютъ, но... добавилъ онъ съ колебаніемъ,—бѣлымъ людямъ приходится плохо.

— Отлично! Стало-быть, опасность не меньше для нашихъ преслѣдователей, чѣмъ для меня. Ступай впередъ.

Они начали осторожно возвращаться вспять, пока негръ не свернулъ на болѣе освѣщенную тропинку. Подъ ногами стали чмокать намокшіе листья и мхи, издавая ядовитый запахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, они продолжали подвигаться молча; малорослыя вербы и кипарисы все больше раздвигались, и все чаще стали попадаться открытыя пространства съ пучками осоки. Кортлэндъ началъ бояться недостатка прикрытія для своего спутника и поравнялся съ нимъ, какъ

[1]) Ядовитыя змѣи.

вдругъ негръ схватилъ его за руку, дрожа всѣмъ тѣломъ. Зубы его оскалились, бѣлки вытаращенныхъ глазъ сверкали въ темнотѣ, онъ, видимо, задыхался и онѣмѣлъ отъ страха.

— Въ чемъ дѣло, Катонъ?—спросилъ Кортлэндъ, инстинктивно взглянувъ на землю. Да говори же! Ты укушенъ?

Послѣднее слово, казалось, вырвало отчаянный крикъ у несчастнаго.

— Укушенъ! Нѣтъ, нѣтъ! Но развѣ вы ихъ не слышите, сэръ? Господь Всемогущій! не слышите?..

— Да что же?

— Собаки! гончія—ищейки! Они спустили ихъ на меня!..

Онъ говорилъ правду. Теперь уже и Кортлэндъ явственно разобралъ слабый лай въ отдаленіи. Ему сталъ понятенъ весь жестокій смыслъ словъ вожака. Тѣ, что могутъ всюду пройти, уже выслѣдили жертву и гнались за ней.

Всякое подобіе мужества оставило негра, корчившагося отъ страха. Кортлэндъ положилъ ему руку на плечо — ободряюще просительно—подъ конецъ яростно.

— Да полно же! довольно этого! Я здѣсь и постою за тебя, что бы ни случилось. *Эти* псы не страшнѣе тѣхъ. Приди въ себя, стряхнись! хоть *мнѣ*-то помоги помѣряться съ ними.

— Нѣтъ, нѣтъ!—въ ужасѣ взвизгнулъ несчастный. Пустите меня! Пустите меня обратно къ господамъ! Скажите имъ, что я приду! Велите имъ отозвать собакъ, и я добровольно вернусь! Пустите меня!—Онъ отчаянно вырывался изъ рукъ спутника.

При всей выдержкѣ Кортлэнда, при всей его привычкѣ къ самообладанію и дисциплинѣ, въ немъ, однако, не угасла искра прежняго боевого закала. Лицо его побѣлѣло какъ полотно, глаза метали искры въ темнотѣ; одинъ только голосъ сохранилъ невозмутимую и ровную внятность, показавшуюся въ этотъ мигъ грознѣе даже лая собакъ оробѣвшему негру.

— Катонъ, — сказалъ онъ, — попытайся только убѣжать теперь, и — клянусь Богомъ! — я избавлю собакъ отъ труда обратить тебя въ безжизненный трупъ! Ступай сюда! Полѣзай на дерево — онъ указалъ на болотную магнолію — не шевелись, пока я стою здѣсь; если же меня свалятъ съ ногъ — но не раньше — спасайся, какъ умѣешь.

Онъ подтащилъ не сопротивлявшагося болѣе африканца къ одинокому дереву; лай одной изъ собакъ послышался ближе, и Катонъ съ судорожной поспѣшностью вскарабкался съ колѣна и плеча Кортлэнда на развѣтвленіе, отстоявшее футовъ на двѣнадцать отъ земли. Кортлэндъ вынулъ револь-

веръ и, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ дерева, сталъ дожидаться нападенія.

Послѣднее неожиданно явилось съ тыла. Внезапно за спиной Кортлэнда раздалось жадное, нетерпѣливо-свирѣпсе щелканье зубами. Онъ мгновенно обернулся, успѣвъ увидать обнаженные клыки и змѣеподобную шею зловѣщей сѣрой тѣни, быстро промелькнувшей *мимо* него. Съ ужаснымъ, сверхъестественнымъ инстинктомъ, ищейки направлялись по прямой линіи къ дереву. Но въ этой грозной непогрѣшимости чутья и таился главный шансъ Кортлэнда. Сверкнулъ выстрѣлъ не менѣе безошибочный въ своемъ прицѣлѣ.

Пораженное въ затылокъ и мозгъ животное ударилось съ размаху о древесный стволъ, затѣмъ покатилось въ предсмертныхъ судорогахъ. Опять повторился лай въ томъ же направленіи, извѣщая Кортлэнда, что погоня обогнула его, и вся свора несется теперь поперекъ болота. Но онъ держался на-готовѣ; снова на открытую поляну вылетѣла зловѣщая тѣнь, призрачная и чудовищная, какъ сновидѣнье; но на этотъ разъ она была остановлена на полпути и въ корчахъ свалилась на землю. Весь разгорѣвшись, съ огнемъ борьбы въ крови, Кортлэндъ яростно отвернулся отъ валявшихся у его ногъ собакъ навстрѣчу къ болѣе гнуснымъ охотникамъ, слѣдовавшимъ, какъ онъ зналъ, по пятамъ за ними. Плохо пришлось бы въ эту минуту первому изъ нихъ. Расчетливаго управителя и хладнокровнаго примирителя противоположныхъ интересовъ какъ не бывало: онъ готовъ былъ встрѣтить ихъ не только съ неустрашимостью солдата, но и съ партійной яростью, которая равнялась ихъ собственной. Къ его изумленію, никто не появлялся; раздавшійся, было, лай третьей собаки вдругъ оборвался, точно ее отозвали; молчаніе нарушалось только отдаленными, какъ бы спорящими голосами и безпокойнымъ конскимъ топотомъ. Послѣдовало два или три ружейныхъ выстрѣла, хотя по направленію не къ казармамъ и не къ усадьбѣ Доусъ. Явно было, что погоня прервана—произошла какая-то диверсія—но какая именно, оставалось для него непонятнымъ. Онъ не могъ припомнить ни одного человѣка, который могъ бы вступиться за него, притомъ же, насколько ему было слышно, въ спорѣ участвовали одни только члены погони. Кортлэндъ осторожно позвалъ Катона. Негръ не откликнулся. Онъ подошелъ къ дереву и нетерпѣливо тряхнулъ его: на сучьяхъ никого не было,—Катонъ улизнулъ! Очевидно несчастный воспользовался первымъ благопріятнымъ случаемъ чтобы бѣжать. Но куда и какъ, на этотъ счетъ не имѣлось ни малѣйшихъ указаній.

Кортлэндъ пришелъ сюда слѣдомъ за Катономъ, не присматриваясь къ тропинкѣ, и не имѣлъ никакого представленія о томъ, куда попалъ. Онъ зналъ только, что надо возвратиться къ кипарисовой опушкѣ, чтобы имѣть возможность пройти черезъ поле и добраться до казармъ негровъ, гдѣ онъ не терялъ еще надежды застать Катона. Взявъ общее направленіе съ помощью немногихъ видимыхъ надъ просѣкой звѣздъ, онъ двинулся обратно. Но при немъ недоставало негра съ его чутьемъ, чтобы направлять его. Временами ноги его путались въ ползучихъ растеніяхъ, зловѣще обвивавшихся вокругъ нихъ; временами почва подавалась подъ ногами, указывая на предательскую близость болота, а также на то, что онъ началъ склоняться къ пагубному круженію, свойственному всякому сбившемуся съ пути человѣку. Къ счастью, на окраинѣ болота мѣсто было болѣе открыто, и онъ надѣялся, что здѣсь ему удастся выправить потерянное имъ направленіе по положенію звѣздъ. Между тѣмъ, онъ начиналъ чувствовать себя озябшимъ и утомленнымъ безплодными усиліями, и, наконецъ, послѣ болѣе извилистаго и продолжительнаго круга, снова вернувшаго его къ болоту, рѣшилъ слѣдовать по его окраинѣ въ поискахъ за другимъ выходомъ. Впереди свѣтъ казался ярче, предвѣщая болѣе просторное открытое пространство или просѣку, и въ концѣ самаго болота виднѣлся даже поверхностный блескъ, какъ бы отъ какого либо ignis fatuus [1]) или мерцанія водной поверхности. Еще нѣсколько шаговъ, и онъ увидѣлъ открытое пространство на всемъ его протяженіи. Впереди, далеко за болотомъ, виднѣлся залитой луннымъ свѣтомъ склонъ, расчерченный симметричными линіями бѣлыхъ точекъ, спускавшимися въ долину, въ которой бѣлѣли безчисленные памятники, колонны и пирамиды. Это было кладбище, а бѣлыя пятна на склонѣ—солдатскія могилы. И среди нихъ, даже на этомъ разстояніи, торжественно возвышаясь укоризненнымъ призракомъ, виднѣлась разбитая колонна надъ прахомъ Честера Брукса

При видѣ рокового мѣста, котораго онъ не видалъ послѣ свиданія здѣсь съ Салли Доусъ, на него нахлынула волна воспоминаній. Въ бѣломъ туманѣ, низко нависшемъ надъ дальнимъ краемъ болота, ему мерещился дымъ орудій, сквозь который призрачная фигура мертваго всадника ринулась въ атаку на его пушку три года назадъ; въ воздушныхъ бѣлыхъ вѣтвяхъ траурнаго дерева на длинной аллеѣ чудились свѣтлыя одежды миссъ Салли на послѣднемъ свиданіи. Еще минута, и онъ былъ уже готовъ, въ овладѣвшемъ имъ

[1]) Блудящій огонь

оцѣпенѣніи, предаться томнымъ мечтамъ объ ея чарахъ, но тутъ же онъ грубо отбросилъ ихъ, внезапно уколотый горькимъ воспоминаніемъ о ея предательствѣ и собственной слабости. Повернувшись спиной къ кладбищу съ суевѣрнымъ трепетомъ, онъ снова погрузился съ болотную поросль. Однако онъ чувствовалъ, что зрѣніе его слабѣетъ, и силы начинаютъ ему измѣнять. Время отъ времени приходилось останавливаться и будить дремавшія чувства, какъ бы усыпленныя окружавшими его смертоносными испареніями. Ему начали даже чудиться знакомые голоса—но это былъ, несомнѣнно обманъ чувствъ. Наконецъ онъ споткнулся. Протянувъ инстинктивно руку, онъ грузно свалился въ илъ, причемъ ударился о гладкій, упругій корень. Корень зашевелился—конечно, и это также не что иное какъ обманъ чувствъ — и даже, такъ сильно было овладѣвшее имъ оцѣпенѣніе, что Кортлэнду почудилось, будто онъ злобно ударилъ его по вытянутой рукѣ. Острая боль пронизала ее отъ плеча до локтя, на мигъ вернувъ ему полное сознаніе. Да, теперь уже явственно, слышны голоса—это его преслѣдователи! Если они хотятъ отомстить ему за бѣгство Катона, онъ готовъ ихъ встрѣтить. Онъ взвелъ курокъ револьвера и выпрямился. За стволами деревьевъ блеснулъ факелъ. Но въ тотъ же мигъ глаза его застлались туманомъ: онъ пошатнулся и упалъ на землю.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ полусознательномъ состояніи онъ чувствовалъ, какъ его подняли сильныя руки и понесли, съ безпомощно болтающейся съ боку рукою. Вскорѣ спертый воздухъ болотной чащи смѣнился свѣжимъ дыханіемъ полей; пылающіе еловые факелы были потушены, замѣнившись яркимъ свѣтомъ луны. Вокругъ тѣснились люди, но все было такъ неясно, что онъ не могъ ихъ распознать: казалось, что все его сознаніе сосредоточилось на жгучей дергающей боли въ рукѣ. Онъ почувствовалъ, какъ его опустили на щебень дорожки и отрѣзали отъ плечъ рукавъ; какъ къ пылающей кожѣ прикоснулся прохладный ночной воздухъ, потомъ что-то нѣжное, свѣжее, невыразимое, прильнуло къ ранѣ, которой онъ до сихъ поръ не чувствовалъ. Послышался голосъ, визгливый, лѣниво-сварливый и хорошо ему извѣстный, хотя онъ тщетно пытался припомнить, кому онъ принадлежитъ.

— Спаси насъ Господь Всевышній, миссъ Салли! Что же вы это задумали? Дитя! Дитя! Охъ, убьете вы себя!

Давленіе продолжалось еще нѣкоторое время—онъ чувствовалъ странную его силу даже сквозь боль—потомъ вдругъ прекратилось. И голосъ, трепетомъ пронизавшій все его существо, произнесъ:

— Это единственное, что можетъ его спасти. Молчи, старая болтливая ворона! Пророни хоть одно слово живой душѣ, и я велю тебя высѣчь! А теперь, живо подавай сюда фляжку, вливай въ него виски!

ГЛАВА VII.

Когда Кортлэндъ открылъ глаза, онъ оказался въ своей спальнѣ въ Редлэндсѣ. Яркое утреннее солнце освѣщало стѣны, каждый разъ, какъ свѣжѣвшій вѣтерокъ слегка раздвигалъ спущенныя занавѣски. Событія ночи могли бы быть сномъ, когда бы не невыносимая вялость, сковывавшая его чувства, и лежавшая поверхъ одѣяла на подушкѣ рука,— опухшая, посинѣлая и безжизненная. Къ ней было приложено полотенце, смоченное въ ледяной водѣ, и туго выжатое. Время отъ времени, его смѣняла экономка миссъ Доусъ, Софи, сидѣвшая у изголовья кровати и лѣниво обмахивавшая его вѣеромъ. Глаза ихъ встрѣтились.

— Сломана?—спросилъ онъ съ оттѣнкомъ прежняго рѣшительнаго тона, взглянувъ на безпомощную руку.

— Ничего подобнаго, полковникъ! Укушена змѣей,— отвѣчала негритянка.

— Укушена змѣей?—повторилъ Кортлэндъ со слабымъ любопытствомъ.—Какой змѣей?

— Мокассиномъ или мѣдной головкой, если сами не знаете, которой,—отвѣчала она.—Но теперь ужъ опасности нѣтъ, медовый мой! Весь ядъ вышелъ безъ остатка. Что вы теперь чувствуете, такъ это виски. Виски *остается*, сэръ. Оно входитъ въ кожу и должно разсосаться.

Своеобразныя выраженія дѣвушки коснулись какой-то слабой струны въ его памяти.

— Постойте,—быстро сказалъ Кортлэндъ,—вы Софи, служанка миссъ Доусъ. Значитъ, вы можете мнѣ сказать...

— Ничего, сэръ! ровно ничего!—перебила дѣвушка, крутя головой съ внушительнымъ офиціальнымъ достоинствомъ.— Докторъ запретилъ наотрѣзъ! Надо вамъ тихонько лежать и закрыть глазки, медовый мой,—добавила она, инстинктивно возвращаясь къ прирожденной материнской нѣжности своего племени,—и не тревожиться о томъ, опоздали вы въ школу или нѣтъ. Врачъ опредѣленно сказалъ, сэръ!—заключила она, снова сурово вспомнивъ о долгѣ:—никакихъ разговоровъ съ паціентомъ!

Но Кортлэндъ обладалъ умѣньемъ покорять сердца подчиненныхъ.—Все же вы отвѣтите мнѣ на одинъ только во-

просъ, Софи, и я не стану задавать другихъ. Спасся ли,— онъ замялся, все еще не увѣренный въ реальности своихъ приключеній,—спасся ли Катонъ?

— Если вы говорите о своемъ негодномъ надсмотрщикѣ, черномъ быкѣ въ видѣ негра, *онъ*-то въ безопасности, будьте покойны!—рѣзко отозвалась Софи.—Сперва былъ въ безопасности въ казармахъ, гдѣ спрятался позапрошлой ночью, нахваставши всласть объ убитыхъ имъ ищейкахъ; а вчера утромъ очутился въ безопасности по ту сторону границы графства, послѣ того какъ поднялъ тутъ всю эту кутерьму. Если только существуетъ на свѣтѣ дрянной, заносчивый негръ, котораго я отъ души презираю—такъ это вашъ черный негръ Катонъ! А теперь,—смягчилась она,—закройте глазки, медовый, да бросьте думать объ этомъ черномъ хламѣ; усните маленько. А изъ Софи вамъ не выжать больше ни словечка такъ вы и знайте!

Какъ бы повинуясь ей, Кортлэндъ закрылъ глаза. Но, несмотря на всю свою слабость, онъ чувствовалъ, что краска залила ему щеки при безпощадной критикѣ человѣка, ради котораго онъ рисковалъ жизнью и положеніемъ. Многое въ словахъ Софи, онъ это чувствовалъ, было вѣрно: но въ какой степени онъ попалъ впросакъ въ своемъ донъ-кихотскомъ заступничествѣ за вздорнаго хвастуна и трусливаго мужлана? Тѣтъ не менѣе, нельзя же было отрицать выстрѣла, хладнокровнаго покушенія на убійство Катона! А ищейки, натравленныя на несчастнаго? Это уже пе сонъ—а грубая, непростительная дѣйствительность!

Ему припомнился редлэндскій докторъ—старомодный, консервативный дипломатъ по характеру. Однако военный опытъ нѣсколько расширилъ его симпатіи, и Кортлэндъ надѣялся услыхать отъ него прямодушный отзывъ военнаго человѣка. Тѣмъ не менѣе, оказалось, что докторъ Мэйнардъ прежде всего цѣлитель, а потому профессіонально осторожень не меньше самой Софи. Полковнику лучше пока не говорить объ этомъ. Прошло уже два дня; полковникъ провелъ почти сорокъ восемь часовъ въ постели. Случай разумѣется прискорбный, но это не болѣе, какъ естественное завершеніе продолжительнаго политическаго и расоваго раздраженія—притомъ, послѣдовавшее не безъ серьезнаго вызова. Убійство?.. немножко громкое слово, можетъ ли полковникъ Кортлэндъ присягнуть, что въ Катона, дѣйствительно, *цѣлились*, и что это не было простой демонстраціей, чтобы попугать зазнавшагося негра? Возможно, что онъ заслужилъ, чтобы его проучили,—а учить эти низшія расы можно од-

нимъ только страхомъ, въ чемъ полковникъ долженъ бы успѣть убѣдиться къ этому времени. Ищейки!—ахъ, да!—не что же, ищейки, вѣроятно, являлись частью этого полезнаго урока. Неужели же полковникъ Кортлэндъ настолько легковѣренъ, что воображаетъ, что даже въ старые рабовладѣльческіе дни плантаторы натравляли собакъ на бѣглыхъ негровъ, съ цѣлью уничтожать и портить *свое же имущество*. Проще было бы тогда давать имъ убѣжать. Нѣтъ, сэръ! Ищейки пускались въ ходъ для того,чтобы выгонять негровъ изъ болотъ и другихъ потайныхъ убѣжищъ,—такъ какъ ни одинъ негръ никогда не посмѣлъ бы встрѣтиться съ ними лицомъ къ лицу. Катонъ можетъ лгать, сколько угодно, но всѣмъ извѣстно; *кто* убилъ собакъ майора Рида. Никто не осуждаетъ за это полковника—ни даже самъ майоръ,—но если бы полковникъ прожилъ подольше на югѣ, онъ зналъ бы, что это вовсе не требовалось самозащитой, такъ какъ ищейки никогда не трогаютъ бѣлаго человѣка. Но теперь полковнику больше не приходится заботиться объ этомъ. Дѣло пошло на поправку: онъ проспалъ около тридцати часовъ; жара нѣтъ,—ему надо теперь докончить высыпаться послѣ сильнаго возбуждающаго средства. Онъ же, докторъ, еще навѣститъ его передъ вечеромъ.

Возможно, что слабость не позволяла ему вполнѣ вникнуть въ смыслъ сказаннаго докторомъ; возможно также, что физическое отупѣніе мозга превозмогало всякое умственное возбужденіе; но какъ бы то ни было, онъ снова уснулъ и проспалъ до возвращенія доктора.

— Теперь вы достаточно окрѣпли, полковникъ,—сказалъ тотъ послѣ краткаго осмотра,—чтобы можно было позволить вамъ проснуться и даже ворочать рукой. Вы дешевле отдѣлались, чѣмъ бѣдняга Джо Гигби, которому не раньше трехъ недѣль можно будетъ ступать ногою. Я еще не вынулъ всю дробь, всаженную въ нее въ ту ночь Жоржемъ Дюмономъ.

Кортлэндъ слегка вздрогнулъ. Жоржъ Дюмонъ! Имя того кузена Салли Доусъ, о которомъ говоритъ Чампней! Пусть онъ рѣшительно изгналъ изъ оживающей памяти туманное воспоминаніе о голосѣ дѣвушки—послѣднемъ звукѣ, услышанномъ имъ въ ту ночь,—вмѣстѣ съ окутывавшей его тайной. Но вѣдь это уже не обманъ чувствъ—этотъ кузенъ, его соперникъ, а также соперникъ одинаково обманутаго Чампнея!.. Онъ сдержался и холодно переспросилъ:

— Жоржъ Дюмонъ?

— Да. Но вы, разумѣется, ничего не знали обо всемъ этомъ, пока скитались тамъ по болоту. А между тѣмъ, чортъ возьми,

если вамъ и удалось сплавить своего негра, то гораздо больше благодаря тому, что Дюмонъ подстрѣлилъ Гигби, чѣмъ благодаря тому, что сами вы подстрѣлили собакъ!

— Не понимаю,—холодно отозвался Кортлэндъ.

— Видите ли, прошлой ночью прибылъ сюда Дюмонъ. Онъ навязалъ себѣ сѣверныя идеи, скорѣе для того, чтобы досаждать Гигби и угождать Салли Доусъ, чѣмъ изъ какихъ-либо убѣжденій. Заподозрилъ ли онъ что-нибудь, или вздумалось ему задѣть Джо Гигби ради потѣхи, или же просто онъ увивался около миссъ Салли,—это никому не извѣстно. Но дѣло въ томъ, что онъ врѣзался прямо въ компанію Гигби и крикнулъ: «Если вы вышли на охоту, Джо, то вотъ вамъ случай поквитаться со мной!—подразумѣвая старую *вендетту*,—да вскинулъ ружье на плечо. Гигби не поспѣлъ за нимъ, Дюмонъ спустилъ курокъ, сшибъ Гигби и вскачь спустился обратно: за нимъ слѣдомъ Риды, чтобы отомстить за Гигби, а за ними вся толпа, чтобы присутствовать при потѣхѣ,—позанятнѣе вѣдь будетъ, чѣмъ охота па негра! И вотъ что освободило васъ съ Катономъ, полковникъ.

— А Дюмонъ?

— Тотъ удралъ на станцію Фоксборо, оставивъ Гигби и Ридамъ новый долгъ, съ которымъ имъ придется расплачиваться какъ сумѣютъ. Вы, сѣверяне, не знаете толку въ такихъ вещахъ, полковникъ, но скажу вамъ, что въ смыслѣ мѣткаго выстрѣла и удалого набѣга лихо это вышло у Дюмона.

Кортлэндъ съ трудомъ овладѣлъ собой. Докторъ сказалъ правду. Героемъ жалкаго происшествія оказался ея родственникъ, *его* соперникъ! И ему-то,—ему, быть-можетъ, подвигнутому на то жалостливымъ словомъ миссъ Салли въ пользу обманутаго ею человѣка—онъ, Кортлэндъ, обязанъ жизнью! Невольно онъ рѣзко перевелъ дыханіе.

— Вамъ больно?

— Ничуть. Когда мнѣ можно будетъ встать?

— Можетъ-быть, и завтра.

— А рука?

— Лучше не тревожить ее еще недѣльку—другую.

Онъ помолчалъ и, бросивъ отеческій взглядъ на молодого человѣка, продолжалъ внушительно, но ласково.

— Если вы согласитесь принять отъ меня непрофессіональный совѣтъ, полковникъ Кортлэндъ, то вотъ что: дайте этому дѣлу улечься. Ни вамъ, ни вашимъ дѣламъ не повредитъ, что люди здѣсь узнали, какого вы пошиба человѣкъ; а, съ другой стороны, неграмъ пойдетъ на пользу урокъ, полученный ихъ товарищемъ.

— Благодарю васъ,—холодно замѣтилъ Кортлэндъ,—но мнѣ кажется, что я и безъ того знаю свой долгъ передъ обществомъ, коего являюсь представителемъ, и передъ правительствомъ, которому служилъ.

— Весьма возможно, полковникъ,—спокойно отозвался докторъ,—но позвольте старику напомнить вамъ и правительству, что нельзя измѣнить въ нѣсколько лѣтъ нравы и взаимоотношенія двухъ различныхъ расъ. Ваша знакомая, миссъ Салли Доусъ,—хотя я не вполнѣ раздѣляю ея взглядовъ—даже и та никогда не покушалась это дѣлать.

— Нисколько не сомнѣваюсь, что миссъ Доусъ обладаетъ дипломатическимъ искусствомъ и очарованіемъ, съ которыми я не могу соперничать,—съ горечью возразилъ Кортлэндъ.

Докторъ слегка поднялъ брови и перемѣнилъ разговоръ.

Послѣ его ухода Кортлэндъ потребовалъ себѣ письменныя принадлежности. Онъ успѣлъ принять рѣшеніе: одинъ только исходъ представлялся ему возможнымъ. Онъ написалъ представителю общества, изложивъ недавнія происшествія, при чемъ признавалъ вызывающій образъ дѣйствій своего надсмотрщика, но подчеркивалъ терроризмъ беззаконнаго порядка вещей, дѣлающаго невозможнымъ проведеніе его собственной дисциплины. Онъ просилъ, чтобы о случившемся было доложено въ Вашингтонѣ, дабы могли быть приняты мѣры въ защиту вольноотпущенниковъ. Въ то же время, онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи подать въ отставку, обѣщая, однако, не покидать своего поста до прибытія замѣстителя и пока не будетъ обезпечена безопасность его подчиненныхъ. До тѣхъ поръ онъ будетъ дѣйствовать за свой страхъ, согласно тому, что укажетъ ему здравый смыслъ. Онъ не взводилъ ни на кого личныхъ обвиненій, не называлъ именъ, не требовалъ суда надъ виновными, но просилъ только защиты противъ повторенія подобныхъ нападеній. Гораздо труднѣе было написать второе письмо, хотя и не такое офиціальное. Оно было адресовано коменданту ближайшихъ федеральныхъ казармъ, старому его другу и бывшему соратнику. Въ немъ Кортлэндъ упоминалъ о предложеніи коменданта, въ свое время дипломатически отклоненномъ имъ, расквартировать въ Редлэндсѣ небольшой отрядъ войскъ на время выборовъ. Теперь онъ, наоборотъ, указывалъ на эту мѣру, какъ на необходимую для общественной безопасности. Когда оба письма были запечатаны, онъ не пожелалъ подвергать ихъ шпіонству мѣстнаго почтмейстера

или собственныхъ слугъ, поручилъ ихъ одному изъ довѣренныхъ слугъ миссъ Салли, съ наставленіемъ отправить ихъ въ слѣдующую почтовую контору, отстоявшую въ десяти миляхъ отъ Редлэндса, у станціи Горькій-Ручей.

Къ несчастью, не успѣлъ онъ покончить съ этимъ обязательнымъ дѣломъ, какъ наступила неизбѣжная при его слабости реакція, неудержимо предавшая его во власть воспоминаній. До сихъ поръ, онъ рѣшительно отказывался думать о миссъ Салли; ему удалось даже бороться съ соблазномъ, въ присутствіи присланной ею наперсницы, считавшейся опытной въ уходѣ за больными и въ знаніи цѣлебныхъ травъ; на запросы о его здоровьѣ онъ отвѣчалъ формально-вѣжливой благодарностью. Кортлэндъ рѣшилъ избѣгать, по возможности, личныхъ сношеній до тѣхъ поръ, когда будетъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей; предлогомъ могли служить дѣловыя осложненія, вызванныя послѣдними событіями. Пусть она увидитъ, что онъ только подчиняется доводамъ, которыми она встрѣтила его прежнія исканія. Однимъ словомъ, онъ прибѣгалъ къ той безнадежной логикѣ, съ помощью которой мужчина доказываетъ самому себѣ, что не имѣетъ основаній любить данную женщину, и столь же неопровержимо убѣждается тѣмъ же процессомъ, что долженъ любить ее. И въ разгарѣ этихъ разсужденій онъ уснулъ и увидалъ сонъ, будто бродитъ съ миссъ Салли по кладбищу. Вдругъ изъ группы лилій, надъ которыми склонилась молодая дѣвушка, высунулась треугольная голова змѣи, готовясь укусить ее. Онъ схватилъ ее за шею, боролся съ ней до изнеможенія, какъ вдругъ она поникла и съежилась, оставивъ въ его рукѣ измятую и нѣжно надушенную перчатку, нѣкогда, онъ это помнилъ, сдернутую имъ съ ручки миссъ Салли.

Когда онъ проснулся, въ воздухѣ все еще стоялъ тотъ же ароматъ, замѣтно выдѣляясь среди вкрадывавшихся въ окно болѣе обыденныхъ, хотя и свѣжихъ запаховъ сада. Вечерній вѣтерокъ дышалъ плѣнительной свѣжестью и тихо подрагивалъ косыми полосами шторы, издававшими сонное жужжаніе, подобное жужжанію пчелъ. Золотое зарево заходящаго солнца рисовало перистые листья и пылающія арабески на дешевыхъ стѣнныхъ обояхъ. Но помимо всего этого, онъ ощущалъ умиротворяющее вліяніе невидимой силы, которое боялся нарушить малѣйшимъ движеніемъ. Стулъ въ ногахъ постели былъ пустъ. Софи вышла. Онъ не сталъ искать дальше и не повернулъ головы. Усталый взглядъ безучастно скользнулъ по ковру, и глаза внезапно расшири-

лись: на коврѣ передъ ними явилась «самая маленькая ножка въ штатѣ!»

Кортлэндъ быстро поднялся на локоть, но на его плечо легла нѣжная, хотя и сильная рука; послышался легкій шелестъ кисейныхъ юбокъ, и миссъ Салли, поднявшись съ невидимаго стула за изголовьемъ кровати, встала передъ нимъ.

— Не двигайтесь, полковникъ, я сѣла тамъ, откуда мнѣ не видно было вашего лица, чтобы васъ не разбудить. Но теперь я пересяду.

Она взяла стулъ, оставленный Софи, слегка придвинула его къ кровати и сѣла.

— Какъ вы добры, что пришли, — съ запинкою началъ Кортлэндъ, съ усиліемъ оторвавшись отъ чарующаго видѣнія, благодаря чему къ нему вернулась доля обычнаго холоднаго самообладанія; но боюсь, что мое нездоровье сильно преувеличено. Право, я вполнѣ въ состояніи быть на ногахъ и заниматься дѣлами, когда бы только позволилъ докторъ. Но завтра я уже непремѣнно приступлю къ исполненію своихъ обязанностей, и надѣюсь быть въ полномъ вашемъ распоряженіи.

— Это значитъ, что вамъ не угодно видѣть меня *теперь*, полковникъ,—сказала она, съ мимолетной искоркой въ нѣжныхъ разумныхъ глазахъ.—Я подумала объ этомъ, но такъ какъ мое дѣло не терпитъ отлагательства, то я все же пришла съ нимъ къ вамъ.—Она вынула изъ кармана письмо. Къ полному его ошеломленію, оно оказалось тѣмъ, которое онъ утромъ велѣлъ отправить коменданту. Изумленіе смѣнилось негодованіемъ, когда онъ увидалъ, что печать сломана.

— Кто осмѣлился?—спросилъ онъ, приподымаясь.

Маленькая ручка протянулась впередъ съ почти извиняющимся жестомъ.

— Никто, съ кѣмъ бы вы могли подраться, полковникъ, только *я*. Обыкновенно я не вскрываю чужихъ писемъ, и не сдѣлала бы этого для *себя*, но сдѣлала для *васъ*.

— Для меня?

— Для васъ. Я заранѣе смекнула, что вамъ можетъ взбрести на умъ, и потому велѣла Саму сперва приносить всѣ письма ко мнѣ. До того, что вы пишете обществу, мнѣ нѣтъ дѣла,— оно о васъ позаботится, благо у васъ одни и тѣ же интересы. *То* письмо я не стала вскрывать, но *это* вскрыла, когда увидала адресъ. Оказалось, какъ я и думала, что вы выдали себя головой. Вѣдь если бы только солдаты пришли сюда, нечего и говорить, что вышелъ бы величайшій скандалъ. Потише,

полковникъ, для васъ это, конечно, пустяки, обычное дѣло! Но люди скажутъ, что войска вызваны не для предупрежденія безпорядка, а потому, что полковнику Кортлэнду удобно воспользоваться своими старыми товарищами, чтобы охранять порядокъ въ своихъ владѣніяхъ за счетъ правительства. Тише, тише, полковникъ!— и маленькая фигурка, вскочивъ, замахала руками въ шаловливой комедіи страха.— Не стрѣляйте въ меня! Разумѣется, у васъ этого не было въ мысляхъ, но такъ объснятъ дѣло южане вашему правительству. Вѣдь если бы вы, дѣйствительно, находили, что негры нуждаются въ федеральномъ покровительствѣ,—продолжала она болѣе мягко, но съ лукавѣйшей искоркой въ сѣрыхъ глазахъ,—вы дали бы *мнѣ* написать коменданту, и тотъ прислалъ бы конвой—не для васъ, а для *Катона*,—чтобы онъ могъ возвратиться въ безопасности. Вы получили бы своихъ солдатъ, а я—своего негра, о чемъ (съ кроткимъ ехидствомъ) вы, кажется, не особенно заботились, полковникъ: и нѣтъ ни одного южанина, который могъ бы претендовать на это. Впрочемъ,—съ еще большимъ смиреніемъ, жеманно разглаживая пышныя юбки обѣими ручками,—вы за послѣднее время не слишкомъ-то утруждали меня своими совѣтами.

Внезапно Кортлэнда осѣнило совершенно новое откровеніе. Впервые за все время знакомства съ ней онъ неожиданно проникъ въ то, что являлось сутью ея характера. Глядя на нее прозрѣвшими глазами, онъ уразумѣлъ смыслъ этой гибкой прелести, такой непритворной, а между тѣмъ всегда контролируемой разсужденіемъ безпристрастнаго ума, оцѣнилъ ея прямодушныя рѣчи, ея убѣдительные доводы. Передъ нимъ стояла подлинная дочь долголѣтняго рода политиковъ! Все, что онъ слыхалъ объ ихъ находчивости, тактѣ и сообразительности, встало теперь воочію передъ нимъ, съ добавленіемъ женской прелести. Въ душѣ его шевельнулось чувство облегченія,—быть-можетъ, даже лучъ возрождающейся надежды.

— Но какимъ образомъ это обезпечитъ дальнѣйшую безопасность Катона или оградитъ остальныхъ? — спросилъ онъ, остановивъ на ней глаза.

— Будущее не очень-то васъ касается, полковникъ, разъ что вы подаете въ отставку и вамъ назначаютъ замѣстителя,— возразила она, съ большей серьезностью, нежели выказывала до сихъ поръ.

— Не думаете ли вы, что я покину *васъ* въ такомъ неопредѣленномъ положеніи!—страстно воскликнулъ онъ. Но тутъ же внезапно оборвалъ, лицо его омрачилось.—Я за-

былъ,—холодно добавилъ онъ,—что вы обезпечены болѣе надежнымъ покровительствомъ. Отъ вашего *кузена* вы получите родственные совѣты и болѣе тѣсныя узы...

Къ его безконечному удивленію, миссъ Салли нагнулась впередъ и закрыла смѣющееся лицо руками. Когда ея ямочки снова выступили на свѣтъ Божій, она произнесла съ усиліемъ:

— Не находите ли вы, полковникъ, что въ роли миротворца мой кузенъ оказался еще бо̀льшимъ неудачникомъ, чѣмъ вы?

— Я васъ не понимаю,—пробормоталъ Кортлэндъ.

— Какъ вамъ кажется, полковникъ,—продолжала она, скромно опуская глаза:—что, если бы молодой женщинѣ въ родѣ меня опротивѣли всѣ эти толки на вашъ счетъ, потому только, что вы сѣверянинъ и возитесь съ неграми, что если бы этой женщинѣ вздумалось показать своимъ соотечественникамъ, какого пошиба радикалъ и аболиціонистъ можетъ выйти изъ подобнаго имъ южанина,—не думаете ли вы, что она выписала бы Жоржа Дюмона въ видѣ образца? Только, могу васъ завѣрить, мнѣ и въ голову не пришло, что онъ и Гигби вспомнятъ эту глупую *вендетту* и съ мѣста примутся палить другъ въ друга.

— Стало-быть, когда вы вызвали своего кузена, это была лишь уловка, чтобы защитить меня?—слабо проговорилъ Кортлэндъ.

— Возможно, что даже и не пришлось его *вызывать*, полковникъ,—сказала она съ оттѣнкомъ кокетства.—Допустимъ, что я *позволила ему пріѣхать*. Онъ околачивался бы тутъ поблизости, такъ какъ имѣетъ здѣсь землю, и хотѣлъ также присоединиться къ синдикату. Я имѣла понятіе о его новыхъ идеяхъ, и рѣшила посовѣтоваться съ Чампнеемъ, который вполнѣ нейтраленъ, въ качествѣ иностранца и болѣе давняго жителя, чѣмъ вы. Не говорилъ ли онъ самъ объ этомъ что-нибудь?—добавила она съ серьезнымъ выраженіемъ на губахъ, но съ невыразимымъ лукавствомъ въ глазахъ.

Лицо Кортлэнда омрачилось.

— Говорилъ,—и еще сказалъ мнѣ, миссъ Доусъ, что самъ искалъ вашей руки, но что вы отказали ему, повинуясь желаніямъ своихъ родственниковъ.

Она быстро вскинула на него глазами, и тотчасъ потупилась.

— А вы находите, что мнѣ слѣдовало согласиться?—медленно проговорила она.

— Нѣтъ! Но—вы вѣдь знаете—вы говорили мнѣ...—началъ онъ поспѣшно. Но она уже поднялась съ мѣста, отряхивая складки платья.

— Мы не о дѣлахъ говоримъ, полковникъ, а дѣла были единственнымъ моимъ оправданіемъ, чтобы притти сюда и занять мѣсто Софи. Я сейчасъ пришлю ее къ вамъ.

— Но, миссъ Доусъ! миссъ Салли!..

Она остановилась, замялась—необычная слабость для рѣзкой сдержанной натуры—затѣмъ медленно вытащила изъ кармана второе письмо,—то, которое Кортлэндъ написалъ правленію общества.

— Какъ я уже вамъ сказала, полковникъ, *этого* письма я не прочла, такъ какъ и безъ того знаю, что въ немъ, но рѣшила прихватить и его съ собой, на тотъ случай, *если вы передумаете*.

Онъ приподнялся на подушкѣ, глядя вслѣдъ быстро удалявшейся фигурѣ; но въ это короткое мгновеніе успѣлъ увидать то, чего ни онъ, ни кто-либо другой не видалъ до сихъ поръ, именно жаркій румянецъ на щекахъ Салли Доусъ!

— Миссъ Салли!—Онъ чуть не выпрыгнулъ изъ кровати, но она уже исчезла. Въ дверяхъ послышался новый шорохъ—это вошла Софи.

— Верните ее, Софи, живо!—сказалъ онъ.

Негритянка тряхнула повязанной головой.

— Ну, нѣтъ, медовый мой! Если миссъ Салли сказала, что уходитъ, то такъ вы и знайте, что ея и слѣдъ простылъ!

— Но, Софи!..—Быть-можетъ, его соблазнило нѣчто въ многозначительномъ выраженіи ея лица; быть-можетъ, это былъ просто порывъ забытой юности.—Софи!—проговорилъ онъ съ мольбой,—скажите мнѣ! Не помолвлена ли миссъ Салли со своимъ кузеномъ?

— Это что еще?—изрекла Софи съ презрительнымъ негодованіемъ.—Миссъ Салли помолвлена съ тѣмъ Дюмономъ? Чего ради? Что вы съ ума сошли? Конечно, нѣтъ!

— И съ Чампнеемъ не помолвлена? Скажите мнѣ, Софи, есть у нея *возлюбленный*?

Бѣлки Софи подкатились кверху съ выраженіемъ безмолвнаго презрѣнія.

— И вы это спрашиваете? Лежите здѣсь съ укушенной змѣей рукой! Лежите здѣсь, и миссъ Салли — кому стоитъ только свистнуть, чтобы вокругъ нея собралась вся знать штата,—хлопочетъ взадъ и впередъ у васъ на побѣгушкахъ,—и вы это спрашиваете? Есть, есть у нея возлюбленный,—мало того, она ничего противъ того не можетъ подѣлать: и возлюбленный ея *вы*, и мало того, вы также ничего противъ того не подѣлаете! И не можете ужъ теперь на попятный, ни тотъ ни другой! Потому что вы *ея*, а она *ваша*, во вѣки вѣковъ. Потому что она высосала вашу кровь!

— Что?—захлебнулся Кортлэндъ, ошеломленный тѣмъ, что онъ принялъ за внезапное помѣшательство негритянки.

— Ну, да! Гдѣ ваши глаза? гдѣ ваши уши? Кто же вы такой, что ничего не видите и не слышите? Когда васъ утащили съ болота, въ ту ночь не бросилось ли къ вамъ это бѣдное дитя—эта самая миссъ Салли, и не приложила ли своего младенческаго ротика къ ранѣ, и не высосала ли изъ васъ ядъ, а съ нимъ—какъ знать?—пожалуй, и смерть, рискуя собственной жизнью? Слышите? И если только есть правда въ словахъ стариковъ, вы теперь одна кровь и одна душа! Подите вы прочь, бѣлый человѣкъ. Тошно смотрѣть на васъ! Не двигайтесь! Лежите смирно! Тихонько, полковникъ—ради нея, ради госпожи! Ну, хорошо, ужъ я позову ее! Я верну ее!..

Такъ она и сдѣлала.

* * *

— Послушайте-ка, знаете ли—это было такъ для меня неожиданно, — говорилъ Чампней нѣсколько дней спустя, добродушно пожимая здоровую руку полковника,—да только я вовсе не въ претензіи, старина, и, клянусь Юпитеромъ! это такой благоразумный, практичный для нея выборъ, что нечего удивляться, что никому изъ насъ онъ и въ голову не пришелъ. Понимаете ли, всѣ были такъ увѣрены, что такой дѣвушкѣ долженъ непремѣнно приглянуться кто-нибудь изъ рукъ вонъ несуразный и не дѣловитый, хотя бы въ родѣ этого ея кузена, или Гигби, или даже *меня*! Потому-то мы ничего и не видѣли дальше носа, не подумали о дѣловой сторонѣ! А вы къ тому же все время держались такъ холодно и равнодушно. Но какъ бы то ни было, поздравляю васъ! Теперь дѣло поставлено у васъ на прочную ногу, и, что еще того больше вы заполучили единственную женщину, способную его вести.

Говорятъ, что онъ оказался вѣрнымъ пророкомъ. По крайней мѣрѣ, дѣла синдиката процвѣтали, и съ теченіемъ времени даже Риды и Гигби начали получать свою долю прибыли. Партійныхъ столкновеній больше не случалось, только на слѣдующихъ выборахъ округъ далъ болѣе миролюбивое большинство. Не было, конечно, недостатка въ злыхъ языкахъ, утверждавшихъ, что полковникъ Кортлэндъ сдѣлался просто-напросто управляющимъ своей жены; что она поглотила его безъ остатка, какъ дѣлала это со всякимъ, попавшимъ въ сферу ея вліянія, и что она до тѣхъ поръ не успокоится, пока не сдѣлаетъ изъ него сенатора, чтобы имѣть

своего собственнаго представителя въ народномъ совѣтѣ. Тѣмъ не менѣе, когда я обѣдалъ у нихъ въ Вашингтонѣ, десять лѣтъ тому назадъ, они оба казались весьма счастливыми и благополучными, и помнится мнѣ, что сужденія м-съ Кортлэндъ о дѣлахъ всей республики и объ интересахъ штата, о воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ и семейномъ строѣ отличались большимъ благоразуміемъ и практичностью.

Сама невинность.

Разсказъ. Перев. кн. Е. С. Кудашевой.

ЧАСТЬ I.

Мы всѣ затаили дыханіе въ то время, какъ дилижансъ мчался въ полутьмѣ черезъ гребень Галлопера. Самая карета представлялась лишь смутной валкой тѣнью; боковые фонари предусмотрительно были потушены, и Юба Билль только что вѣжливо вынулъ изо рта наружнаго пассажира сигару, съ помощью которой тотъ намѣревался демонстрировать свое самообладаніе. Ибо прошелъ слухъ, что шайка «дорожныхъ агентовъ» Рамона Мартинеца залегла въ засадѣ у второго подъема и должна руководствоваться нашими огнями при прохожденіи Галлопера, чтобы остановить насъ въ чащѣ за гребнемъ. Если намъ удастся незамѣтно перевалить черезъ гребень и такимъ образомъ миновать чащу, прежде чѣмъ они ее достигнутъ,—мы спасены. Хотя бы они и пустились тогда въ погоню всѣ шансы на нашей сторонѣ.

Грузная колымага переваливалась съ боку на бокъ, колыхалась, ныряла и подскакивала, но Билль не сбивался съ колеи,—«какъ будто»—шепотомъ замѣтилъ курьеръ Общества—«чуетъ носомъ невидимую для глазъ дорогу». Мы знали, что минутами виснемъ на краю склоновъ, отвѣсно обрывавшихся на тысячу футовъ къ макушкамъ сосенъ внизу, но знали также, что и Билль это знаетъ. Еле видимыя лошадиныя головы, сдвинутыя въ видѣ клина натянутыми возжами въ его неподвижныхъ рукахъ, казалось, разсѣкали темноту какъ остріе плуга. Даже топотъ шести лошадей перешелъ въ глухую, однообразную дробь. Но вотъ мы перевалили черезъ гребень и погрузились въ еще болѣе непроницаемый мракъ чащи. Скорѣе представлялось, будто мы остановились,—одна только призрачная ночь продолжала мчаться мимо насъ. Можно было подумать, что лошадей поглотила быстрая Лета: передъ нами возвышались только верхъ кареты и непоколебимая фигура Юбы Билля. Даже въ этотъ ужасный моментъ, скорость наша не уменьшилась; казалось, будто Билль не желаетъ больше *править*, а хочетъ только двигаться, или же управленіе громозд-

кой каретой перешло въ другія руки. Одинъ неосторожный пассажиръ шопотомъ высказалъ ледянящее предположеніе, что мы «повстрѣчаемся съ другой упряжкой». Къ великому нашему удивленію, Билль услыхалъ его; къ еще величайшему удостоилъ его отвѣтомъ.—Ну что же! тогда потягались бы кто скорѣе попадетъ въ адъ!—спокойно замѣтилъ онъ. Однако мы всѣ вздохнули свободнѣе—онъ *заговорилъ*. Почти немедленно, впереди начала слабо бѣлѣть дорожная колея; линія придорожныхъ деревьевъ разстроилась, раздвинулась, и передъ нами открылось безлѣсное пространство: мы были внѣ опасности, повидимому, незамѣченные погоней.

Снова засвѣтились фонари, и посыпался перекрестный огонь поздравленій, комментаріевъ и воспоминаній; но Юба Билль продолжалъ хранить достойное и даже сердитое молчаніе. Самыя неумѣренныя похвалы его мастерству и отвагѣ не встрѣчали отвѣта. —Думаю, что старина жаждалъ боя и потому разочарованъ,—замѣтилъ одинъ изъ пассажировъ. Но люди, знавшіе Билли, его презрѣніе истиннаго бойца къ безцѣльнымъ схваткамъ, съ тревогой наблюдали за нимъ. Временами онъ ѣхалъ степенно минутъ по пяти кряду, вдумчиво сдвинувъ брови и зорко слѣдя пытливыми глазами изъ-подъ полей шляпы, затѣмъ вдругъ мѣнялъ напряженную позу съ невольнымъ жестомъ нетерпѣнія.—Вы о чемъ-то безпокоитесь,—а, Билль? — спросилъ конфиденціальнымъ тономъ курьеръ. Билль поднялъ глаза съ нѣсколько презрительнымъ изумленіемъ.—Не о томъ, что *будетъ*, а вотъ, насчетъ того что было, я не совсѣмъ *сабе*[1]), въ чемъ дѣло. Не видно никакихъ признаковъ, чтобы шайка Рамона вовсе выходила на промыселъ, если же выходила, то никакъ не пойму, почему она не напала на насъ.

— Дѣло въ томъ, что наша хитрость была успѣшна,—замѣтилъ одинъ изъ наружныхъ пассажировъ.—Они ожидали увидѣть наши огни на гребнѣ и, не увидавъ ихъ, прозѣвали насъ. Вотъ мое мнѣніе.

— Вы не назначаете цѣны за это мнѣніе?—вѣжливо освѣдомился Билль.

— Нѣтъ.

— А то въ Фриско есть юмористическій листокъ, который платитъ деньги за такое добро. Я видывалъ въ немъ и похуже вещи.

— Да будетъ вамъ, Билль!—возразилъ пассажиръ, уязвленный хихиканьемъ окружающихъ.—Для чего же тогда вы потушили огни?

---

[1]) Знаю — по-испански (sabe).

— А для того, можеть-быть,—отозвался Билль съ угрюмой усмѣшкой,—чтобы вы, ребята, со страху не принялись палить по кустамъ и не навлекли на насъ ихъ огня.

Объясненіе, хотя и мало удовлетворительное, было, тѣмъ не менѣе, довольно правдоподобно, и мы сочли разумнѣе отвѣтить на него смѣхомъ. Тѣмъ не менѣе Билль впалъ въ прежнюю задумчивость.

— Кто сѣлъ у вершины?—вдругъ отрывисто спросилъ онъ у курьера.

— Деррикъ и Симисанъ съ Холоднаго-Ключа, да одинъ изъ ребятъ «Эксцельсіора»,—отвѣчалъ тотъ.

— Да еще та дѣвушка изъ Доу-Флата, въ графствѣ Пай, со своими узелками! Не забывайте о ней,—иронически подсказалъ наружный пассажиръ.

— Знаетъ ли ее кто изъ васъ?—продолжалъ допрашивать Билль, пренебрегая его ироніей.

— Лучше спросите судью Томпсона, ужъ онъ очень увивался за ней—досталъ ей мѣсто у окна, возился съ ея пожитками.

— Мѣсто у *окна*—повторилъ Билль.

— Да; ей хотѣлось все увидать: она не боится стрѣльбы.

— Вѣрно,—вмѣшался третій пассажиръ;—еще онъ былъ такъ чертовски предупредителенъ, что когда она уронила кольцо въ солому, то онъ противъ всѣхъ правилъ, понимаете ли, зажегъ спичку и посвѣтилъ ей. И было это какъ разъ, когда мы проѣзжали чащу. Мнѣ все это было отлично видно въ окно, такъ какъ я нагнулся надъ колесами съ ружьемъ на готовѣ. И судья Томпсонъ не будетъ виноватъ, если его окаянная глупость не привлечетъ выстрѣла отъ шайки.

Билль издалъ отрывистое ворчаніе, но продолжалъ неуклонно подвигаться впередъ, ничего не отвѣчая и даже не поглядѣвъ на говорившаго.

Теперь оставалось не больше мили до станціи на перекресткѣ, гдѣ намъ предстояло мѣнять лошадей. Вдали уже мерцали ея огни, а надъ высотами гребня на западѣ виднѣлся слабый отблескъ приближающагося разсвѣта. Мы только что вступили въ перелѣсокъ, когда насъ рысью догналъ всадникъ, очевидно, выѣхавшій съ параллельной дорожки. Всѣ слегка вздрогнули; одинъ только Юба Билль сохранилъ прежнее угрюмое спокойствіе.

— Алло!—сказалъ онъ.

Незнакомецъ подъѣхалъ къ каретѣ, въ то время, какъ Билль замедлилъ ходъ. Онъ былъ похожъ на «грузовщика», или погонщика вьючнаго обоза.

— Васъ не задержали на Развилинѣ?—болѣе привѣтливо продолжалъ Билль.

— Нѣтъ,—со смѣхомъ отвѣчалъ погонщикъ,— у *меня* вѣдь нѣтъ никакого клада. Но вижу, что и у васъ также все благополучно: я вѣдь васъ видѣлъ, когда вы переваливали черезъ Галлоперъ.

— *Видѣли* насъ?—рѣзко переспросилъ Билль.—У насъ фонари были потушены.

— Да,—но изъ окна висѣло что-то бѣлое, не то платокъ, не то женская вуаль. Хотя оно и было чуть замѣтно,—такъ, словно бы бѣлая точка ползла вдоль склона,—но такъ какъ я васъ высматривалъ, то и призналъ васъ по ней. Доброй ночи!

Онъ рысью пустился прочь. Мы попытались разсмотрѣть въ темнотѣ другъ друга и выраженіе лица Билля, но онъ не промолвилъ ни слова и не шелохнулся, пока не бросилъ вожжей передъ станціей. Пассажиры быстро спустились съ крыши; курьеръ хотѣлъ послѣдовать за ними, но Билль удержалъ его за рукавъ.

— Я хочу вмѣстѣ съ вами обревизовать дилижансъ съ его пассажирами до отъѣзда.

— Что тамъ случилось?

— Ну-съ,—произнесъ Билль, медленно высвобождаясь отъ одной изъ своихъ огромныхъ перчатокъ,—когда мы въѣхали въ чащу, я видѣлъ, какъ изъ кустарника поднялся человѣкъ— вотъ, какъ сейчасъ васъ вижу. Я былъ увѣренъ, что пришелъ нашъ часъ и сейчасъ начнется музыка, но вдругъ онъ попятился, сдѣлалъ кому-то знакъ, и мы проѣхали мимо, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Ну?

— Ну,—продолжалъ Билль,—это доказываетъ, что этому вотъ дилижансу сегодня ночью *дали свободный пропускъ*.

— Что же вы можете имѣть противъ этого? Я считаю, что намъ страшно повезло!

Билль медленно стащилъ вторую перчатку.—Я привыкъ рисковать своей здѣшней жизнью, — отвѣтилъ онъ съ притворнымъ смиреніемъ,—и всегда благодаренъ за малѣйшую милость свыше. *Но*, — добавилъ онъ съ ироніей, — когда до того доходитъ, что меня щадитъ какой-нибудь конокрадъ изъ тѣхъ вонъ пассажировъ, и мнѣ еще надо называть это спеціальной милостью провидѣнія —нѣтъ, ужъ увольте! Это, сударь мой, свыше моихъ силъ!

ЧАСТЬ II.

Рѣшеніе самодержавнаго Билля задержать отъѣздъ на четверть часа, чтобы укрѣпить какіе-то винты, было встрѣчено пассажирами со смѣшными чувствами. Нѣкоторымъ изъ нихъ не терпѣлось позавтракать у Сахарной Сосны, но другіе были не прочь дождаться разсвѣта и большей безопасности. Курьеръ же, хотя и зналъ истинную причину отсрочки, не могъ, однако, понять ея цѣли. Пассажиры всѣ были люди извѣстные; самая мысль о сообщничествѣ съ «агентами большой дороги» представлялось дикой и невѣроятной, и даже если бы среди нихъ и находился членъ шайки, его присутствіе скорѣе могло бы ускорить грабежъ, нежели предупредить его! Мало того, разоблаченіе и арестъ такого сообщника — которому они явно были обязаны своимъ спасеніемъ—были противны всѣмъ Калифорнскимъ понятіямъ о справедливости, хотя бы по существу и были вполнѣ законны. Явно было, что донъ-кихотское чувство чести Билля съѣхало съ прямого пути.

Станція состояла изъ конюшни, каретнаго сарая и дома изъ трехъ комнатъ. Въ первой изъ нихъ были приспособлены койки для служащихъ, во второй была устроена кухня, а третья и самая просторная служила столовой и гостиной; въ ней также предоставлялась дожидаться пассажирамъ. На станціи не полагалось буфета; но по мановенію всемогущаго Билля откуда-то появилась большая бутыль виски, которымъ онъ гостепріимно попотчевалъ общество. Соблазнительное дѣйствіе крѣпкаго напитка развязало языкъ галантному судьѣ Томпсону. Онъ признался въ томъ, что зажигалъ спичку, чтобы помочь прекрасной уроженкѣ Пайскаго графства искать кольцо, которое, впрочемъ, оказалось у нея на колѣняхъ.—Красивая, цвѣтущая дѣвушка—типъ Дальняго Запада, сэръ! однимъ словомъ, подлинный цвѣтокъ преріи! Однако проста и безхитростна какъ дитя.—Она ѣдетъ въ Мэрисвилль,—но по пути должна встрѣтиться съ знакомыми—вѣрнѣе, съ знакомымъ.—Это первая ея поѣздка въ большой городъ, и вообще, въ какой-либо цивилизованный центръ, съ тѣхъ поръ, какъ она переправилась черезъ преріи три года тому назадъ. Дѣвичье ея любопытство прямо-таки умилительно, а невинность обворожительна. Въ странѣ, склонной къ производству легкомысленныхъ и разбитныхъ дѣвушекъ, можно только привѣтствовать появленіе подобной молодой особы.—Вотъ хотя бы сейчасъ: она осталась въ конюшнѣ смотрѣть, какъ запрягаютъ лошадей, предпочитая удовлетворить свое здоровое молодое

любопытство, вмѣсто того, чтобы слушать пустые комплименты молодыхъ пассажировъ.

Въ самомъ дѣлѣ, фигурка, которую Юба Билль засталъ за этимъ развлеченіемъ, хотя и не отличалась особымъ изяществомъ, тѣмъ не менѣе, вполнѣ оправдывала мнѣніе судьи. Это была, повидимому, деревенская дѣвушка въ полномъ разсвѣтѣ силъ; прямодушные сѣрые глаза и широкій смѣющійся ротъ выражали здравое довольство жизнью и окружающимъ. Она присматривала за погрузкой багажа. Чисто женское движеніе страха, когда одинъ изъ ея свертковъ былъ нѣсколько грубо брошенъ на крышу, послужило Биллю желаннымъ предлогомъ.

— Эй вы, тамъ!—рявкнулъ онъ на помощника,—вы не камни таскаете! Смотрите въ оба, слышите! Вашъ багажъ, миссъ?—добавилъ онъ съ грубоватой учтивостью, обращаясь къ ней.—Примѣрно, эти сундуки?

Она добродушно улыбнулась въ знакъ согласія, и Билль, отстранивъ помощника, подхватилъ на руки большой квадратный сундукъ. Но отъ избытка ли рвенія, или по какой-либо несчастной случайности, только онъ оступился и потерялъ равновѣсіе, при чемъ съ размаху ударилъ сундукомъ о земь и сбилъ его скрѣпы и запоры. Сундукъ былъ простого, дешеваго сорта, но раскрывшаяся при паденіи крышка обнаружила массу отдѣланнаго кружевомъ женскаго бѣлья, несомнѣнно, высшаго качества. Барышня снова вскрикнула и быстро бросилась впередъ, но Билль разсыпался въ извиненіяхъ, собственноручно скрѣпилъ сломанный ящикъ ремнемъ и объявилъ, что заставитъ Общество замѣнить его новымъ. Послѣ этого, онъ небрежно послѣдовалъ за ней въ пассажирскую комнату, освободилъ для нея мѣсто у камина, попросту снявъ наиболѣе юнаго пассажира за шиворотъ со стула и усадивъ на послѣднемъ даму, смѣстилъ другого, стоявшаго передъ огнемъ; послѣ чего, выпрямившись во всю вышину своихъ шести футовъ передъ прекрасной пассажиркой, глянулъ на нее сверху внизъ, доставая списокъ пассажировъ изъ кармана.

— Вы здѣсь прописаны какъ миссъ Мѣллинсъ? — спросилъ онъ.

Она подняла голову, внезапно замѣтила, что ея допросчикъ и она являются центромъ интереса для всего кружка пассажировъ, и, слегка покраснѣвъ,—отвѣчала: «Да».

— Ну-съ, миссъ Мѣллинсъ, мнѣ надо задать вамъ одинъ вопросъ. Задамъ я его прямо передъ всей этой компаніей. Я былъ бы въ правѣ задать его вамъ наединѣ, только это не въ моемъ духѣ: я не сыщикъ. Могъ бы я также вовсе его не задавать, а поступить такъ, какъ если бы уже зналъ отвѣтъ,—

или же предоставить другимъ васъ допрашивать. Можете не отвѣчать, если не хотите: у васъ тутъ есть защитникъ, судья Томпсонъ—онъ останется вашимъ другомъ, правы ли вы, нѣтъ ли, какъ, впрочемъ, и каждый изъ здѣсь присутствующихъ,—все равно, какъ если бы вы сами подобрали свой составъ присяжныхъ. И такъ, вотъ тотъ простой вопросъ, который я хочу вамъ задать: подавали ли вы сигналъ кому-нибудь, когда мы переѣзжали Галлоперъ, часъ тому назадъ?

Мы всѣ были того мнѣнія, что мужество и дерзость Билля здѣсь достигла крайняго предѣла. Публично обвинять «даму» передъ сборищемъ рыцарственныхъ калифорнцевъ, да вдобавокъ еще даму, обладающую молодостью, красотой и невинностью, было верхомъ отчаянности. Общество всколыхнулось явнымъ движеніемъ сочувствія къ прекрасной незнакомкѣ, сперва поднялся легкій ропотъ, но самая смѣлость совершеннаго дѣянія повергла ихъ въ оцѣпенѣніе. Судья Томпсонъ началъ было съ кроткой заискивающей улыбкой:

— Правда, Билль, я долженъ протестовать отъ имени этой дамы... какъ вдругъ, къ всеобщему смущенію, прекрасная обвиняемая отвѣчала съ легкимъ, но внушающимъ довѣріе колебаніемъ.

— *Да, подавала.*

— Гмъ!—поспѣшно вставалъ судья,– м-м-мъ, да—то-есть—м-м-мъ — вы высунули платокъ за окно. Я самъ это замѣтилъ; вы сдѣлали это случайно—можно даже сказать игриво— не придавая тому никакого значенія.

Дѣвушка взглянула на своего защитника со страннымъ смѣшеніемъ гордости и раздраженія, и коротко отрѣзала:

— Я подавала сигналъ.

— Кому?—строго спросилъ Билль.

— Молодому человѣку, за котораго я выхожу замужъ.

По толпѣ прошло движеніе, сопровождаемое хихиканьемъ младшихъ пассажировъ, но яростный взглядъ Билля живо положилъ конецъ всякимъ проявленіямъ.

— Для чего вы подавали ему сигналъ?—продолжалъ онъ.

— Чтобы дать знать ему, что все благополучно,—отвѣчала дѣвушка, съ возрастающимъ румянцемъ и заносчивостью.

— Что—благополучно? спросилъ Билль.

— Что за мной нѣтъ погони, и что онъ можетъ меня встрѣтить за станціей Косса.—Съ минуту она колебалась, затѣмъ продолжала еще надменнѣе, хотя все еще съ примѣсью ребяческаго задора:

— Я убѣжала изъ дому, чтобы выйти за него замужъ. Такъ и сдѣлаю. Никто не можетъ мнѣ помѣшать. Отецъ не согла-

шался только потому, что онъ бѣденъ, а у отца есть деньги. Онъ хотѣлъ выдать меня за человѣка, котораго я ненавижу, и надавалъ мнѣ множество платьевъ и всякаго добра, чтобы подкупить меня.

— И вы теперь везете ихъ въ сундукѣ тому другому?— съ ироніей спросилъ Билль.

— Ну, да,—онъ бѣденъ,—вызывающе сказала дѣвушка.

— Стало-быть, фамилія вашего отца Мёллинсъ?—продолжалъ Билль.

— Нѣтъ, не Мёллинсъ. Я — я такъ только назвалась,— замялась она, съ первымъ признакомъ смущенія.

— А какъ же его зовутъ?

— Эли Геммингсъ.

По кругу прошла улыбка многозначительнаго облегченія. Слава Эли или «Живодера» Геммингса, какъ извѣстнаго скупца и ростовщика, проникла даже за предѣлы гребня Галлопера.

— Мнѣ не приходится вамъ объяснять, миссъ Мёллинсъ, что предпринимаемый вами шагъ—дѣло чрезвычайной важности,— началъ судья Томпсонъ съ отеческой серьезностью, въ которой мы, однако, съ наслажденіемъ уловили явное притворство, — и надѣюсь, что вы и вашъ нареченный взвѣсили это какъ подобаетъ. Упаси Богъ, чтобы я пытался препятствовать естественному влеченію двухъ молодыхъ существъ, но могу ли я спросить, что вамъ извѣстно о — о юномъ джентльменѣ, ради котораго вы приносите такую жертву, и, быть-можетъ, даже рискуете всѣмъ своимъ будущимъ? Напримѣръ, давно ли вы его знаете?

Нѣсколько озабоченный видъ, съ которымъ миссъ Мёллинсъ слушала начало этой рѣчи—немножко вродѣ того, какъ слушаетъ ребенокъ, когда старается что-нибудь понять,—смѣнился здѣсь облегченной улыбкой.

— О да,—быстро сказала она,—почти что цѣлый годъ.

— Далѣе,—съ улыбкой продолжалъ судья,—имѣетъ ли онъ профессію — занимается ли какимъ дѣломъ?

— О да,—отвѣтила дѣвушка,—онъ сборщикъ.

— Сборщикъ?

— Да, онъ получаетъ деньги по счетамъ,—понимаете? — продолжала она съ дѣтской живостью,—не для себя—у *него-то* никогда нѣтъ денегъ, у бѣдняжки! но для своей фирмы. Да еще какая трудная работа!—ему приходится днемъ и ночью разъѣзжать по сквернымъ дорогамъ, въ еще сквернѣйшую погоду. Подчасъ, когда онъ прокрадется къ ранчу, чтобы повидаться со мной, то прямо-таки ногъ подъ собой не чуетъ отъ усталости, — не можетъ усидѣть на сѣдлѣ, не то что стоять.

Вдобавокъ ему еще приходится рисковать. Другой разъ на него сердятся, не хотятъ платить; одинъ разъ даже ему прострѣлили руку, онъ пріѣхалъ ко мнѣ, и я помогла перевязать ее. Но ему и горя мало. Онъ храбрый какъ никто, такой же храбрый какъ и добрый.

Въ этой милой похвалѣ прозвучала такая здоровая нотка правды, что всѣ мы прониклись невольнымъ сочувствіемъ къ говорившей.

— Для какой фирмы онъ собираетъ?—ласково спросилъ судья.

— Навѣрно не знаю — онъ не хочетъ мнѣ сказать, но кажется это одна испанская фирма. Видите ли,—она довѣрчиво обвела глазами собраніе, съ улыбкой невиннаго, но шаловливаго лукавства.—Я знаю это только потому, что разъ заглянула въ письмо, которое онъ получилъ отъ фирмы; въ немъ говорилось, что ему надо торопиться и быть готовымъ въ дорогу на слѣдующій день. Думается мнѣ, что имя было Мартинецъ,—ну да, Рамонъ Мартинецъ.

Наступило мертвое молчаніе — такое глубокое, что мы слышали, какъ лошади позвякиваютъ упряжью въ отдаленной конюшнѣ. Внезапно младшій изъ ребятъ «Эксцельсіора» разразился истерическимъ хохотомъ, но на немъ остановился свирѣпый глазъ Юбы Билля, и онъ немедленно окаменѣлъ въ видѣ нѣмой, осклабленной маски. Дѣвушка, однако, не обратила на него вниманія. Слѣдя за своими воспоминаніями, съ словоохотливостью влюбленной, она продолжала:

— Да, работа тяжелая, но онъ говоритъ, что все это ради меня, и онъ броситъ ее, какъ только мы повѣнчаемся. Онъ могъ бы бросить и раньше, да только ни за что не хочетъ брать моихъ денегъ, ни даже тѣхъ, которыя я могла бы выпросить у отца. Это не въ его духѣ. Ужъ такой гордецъ—нужды нѣтъ, что бѣдный, — вотъ онъ какой, мой Чарли! У меня вѣдь всѣ деньги моей мамы въ сберегательной кассѣ, хотѣла я ихъ взять оттуда — я имѣю на то полное право — и отдать ему, но онъ и слышать не хотѣлъ. Да онъ бы не взялъ ничего, даже изъ тѣхъ вещей, что здѣсь со мной, когда бы только зналъ о нихъ. Вотъ онъ и продолжаетъ ѣздить и ѣздить—здѣсь и тамъ и во всѣ концы, и становится все болѣе испитымъ и печальнымъ, и худѣетъ и блѣднѣетъ день ото дня, и вѣчно тревожится о своей службѣ, и какъ бывало сойдемся мы съ нимъ въ Южномъ Лѣсу или на Дальной Просѣкѣ, нѣтъ-нѣтъ да и вздрогнетъ и говоритъ: «Ну, мнѣ пора, Полли!»—и все-же всегда старается держаться передо мной молодцомъ. Да вѣдь ему пришлось пріѣхать невѣсть откуда сегодня и ждать меня въ чащѣ у

Галлопера, только для того, чтобы узнать, все ли благополучно! Да Боже ты мой! Я подала бы ему сигналъ и показала бы свѣтъ, хотя бы мнѣ пришлось умереть за это въ ту же минуту. Вотъ вамъ! Вотъ, что я знаю о Чарли, вотъ изъ-за чего я убѣжала изъ дому, вотъ почему бѣгу къ нему и мнѣ дѣла нѣтъ до того, кто бы ни узналъ объ этомъ! И только жалѣю, что не сдѣлала этого раньше,—и сдѣлала бы — сдѣлала бы—когда бы—когда бы только онъ *меня попросилъ*! Вотъ вамъ!

Она остановилась, задыхаясь. Затѣмъ юное, смѣющееся лицо внезапно измѣнилось со свойственной юности неожиданностью: набѣжала тучка дѣтской печали, мелькнула молніей трепетная дрожь и, наконецъ, хлынулъ ливень!

Думаю, что эта пустая подробность окончательно завершила нашу деморализацію. Мы слабо улыбались другъ другу, съ тѣмъ напускнымъ мужскимъ превосходствомъ, которое прекрасно сознаетъ собственную безпомощность въ такія минуты. Мы поглядывали въ окно, сморкались, смутно обращались другъ къ другу со словами: «А, что?» или: «Да, знаете ли!» и вздохнули свободно, хотя и прикинулись удивленными, когда Юба Билль, повернувшійся спиной къ прекрасной разсказчицѣ и тыкавшій ногами въ полѣнья очага, внезапно налетѣлъ на насъ и смелъ насъ всѣхъ на дорогу, оставивъ миссъ Мёллинсъ одну. Нѣсколько минутъ онъ шагалъ поодаль вдвоемъ съ судьей Томпсономъ; потомъ возвратился къ намъ, повелительно потребовалъ полнаго игнорированія даннаго вопроса въ разговорѣ съ миссъ Мёллинсъ, вошелъ въ станціонный домъ, вернулся съ молодой дѣвушкой, подавилъ слабое идіотическое ура, раздавшееся было при видѣ снова повеселѣвшаго и румянаго невиннаго личика, вскарабкался на козлы, — и минуту спустя мы уже были въ пути.

— Итакъ, она до сихъ поръ не знаетъ, кто такой ея поклонникъ?—съ живостью спросилъ Курьеръ.

— Нѣтъ, не знаетъ.

— А вы-то *увѣрены*, что онъ состоитъ въ шайкѣ?

— Навѣрное сказать не могу. Возможно, что это одинъ молодецъ изъ Іоло, который дочиста проигрался съ фаро въ Сакраменто и примкнулъ къ шайкѣ отъ нечего дѣлать. Разсказывали, что въ томъ дѣлѣ въ Килеѣ былъ новичекъ — да еще парень не промахъ, — а такъ какъ тамъ было выпущено нѣсколько зарядовъ, то возможно, что и на его долю попало, и тѣмъ объясняется разсказъ дѣвушки о ранѣ въ руку. Поняли? Если только это тотъ самый человѣкъ, то, какъ я слышалъ, это сынъ какого-то важнаго проповѣдника въ штатахъ, да еще студентъ университета въ придачу; говорятъ, сорвался

съ цѣпи въ Фриско и проигрался въ лоскъ. Нѣтъ хуже людей, этого сорта, разъ ужъ они закусили удила. Если хочешь степеннаго, спокойнаго компаньона,— задумчиво добавилъ Билль,— по мнѣ лучше нѣтъ, чѣмъ сынъ *висѣльника*,

— Но что вы теперь намѣрены дѣлать?

— Зависитъ отъ того молодца, который выйдетъ къ ней навстрѣчу.

— Ужъ не вздумали ли вы арестовать его? Довольно-таки подло по отношенію къ обоимъ.

— Не будьте болваномъ, Джимми! Мы съ судьей хотимъ только приняться за этого развеселаго молодца, когда онъ явится за своей красавицей, и поучить его уму-разуму. Если онъ признаетъ себя грѣшникомъ и пожелаетъ исправиться, мы, не долго думая, обвѣнчаемъ ихъ на первой же станціи, и самъ судья безплатно совершитъ обрядъ. Мы рѣшили устроить это дѣло по хорошему, такъ чтобы списокъ пассажировъ былъ въ полномъ порядкѣ, — ужъ вы положитесь на насъ!

— Но неужели вы думаете, что онъ вамъ довѣрится?

— Полли подастъ ему сигналъ, что мы дѣйствуемъ начистоту.

— А—а! замѣтилъ курьеръ. Тѣмъ не менѣе за эти нѣсколько минутъ они какъ бы обмѣнялись ролями. Взглядъ курьера выражалъ сомнѣніе, критику, даже сарказмъ. Наоборотъ, лицо Билля смягчилось, и на немъ появилось нѣчто въ родѣ благожелательной улыбки, въ то время, какъ онъ самоувѣренно и безъ колебаній продолжалъ гнать лошадей.

Между тѣмъ, хотя окружающія насъ вершины освѣщались уже яркимъ свѣтомъ лучезарнаго утра, въ долинѣ, въ которую мы спускались, было еще пасмурно и туманно. Въ хижинахъ и рѣдкихъ ранчахъ, служившихъ предвѣстниками болѣе тѣсныхъ поселеній, мерцали еще огоньки. И всего гуще были тѣни въ той маленькой рощѣ, гдѣ судья Томпсонъ передалъ Биллю на козлы записку, получивъ которую тотъ принялся тотчасъ задерживать лошадей. Наконецъ карета остановилась на перекресткѣ съ поперечной проселочной дорогой. Въ ту же минуту миссъ Мёллинсъ вышла изъ кареты и, махнувъ на прощанье судьѣ, ссадившему ее съ подножки, засеменила вдоль по поперечной дорогѣ и исчезла въ полутьмѣ. Къ нашему удивленію дилижансъ продолжалъ дожидаться, и Билль сидѣлъ, слабо держа возжи въ рукахъ. Прошло пять минутъ—цѣлая вѣчность ожиданія, а также, ибо нѣчто въ лицѣ Юбы Билля воспрещало праздные разспросы, мучительная бездна молчанія! Наконецъ послѣднее было нарушено незнакомымъ голосомъ съ дороги:

— Ступайте впередъ, мы за вами.

Карета тронулась. Вскорѣ мы услыхали за собой другія колеса. Всѣ вывертывали шею, чтобы разсмотрѣть незнакомца, но при свѣтѣ зари могли только разобрать, что за нами слѣдуетъ на нѣкоторомъ разстояніи кабріолетъ съ двумя фигурами. Очевидно, Полли Мёллинсъ и ея поклонникъ. Мы надѣялись, что они насъ обгонятъ. Однако кабріолетъ, хотя и запряженный хорошей лошадью, неизмѣнно соблюдалъ все то же разстояніе, и было слишкомъ явно, что возница вовсе не намѣренъ потворствовать нашему любопытству. Курьеръ прибѣгнулъ къ Биллю.

— Тотъ ли это человѣкъ, что вы думали?—спросилъ онъ съ любопытствомъ.

— Сдается, что да,—кратко отвѣчалъ Билль.

— Но что же тогда,—продолжалъ тотъ съ приливомъ прежняго скептицизма,—можетъ помѣшать имъ теперь улизнуть отъ насъ?

Билль съ усмѣшкой махнулъ рукой по направленію къ ящику.

— Ихъ багажъ!

— Ого!—замѣтилъ курьеръ.

— Да,—продолжалъ Билль.—Мы уцѣпимся за эти оборочки и кружевца и не выпустимъ ихъ изъ рукъ, пока дѣло не будетъ сдѣлано, какъ если бы мы были ея роднымъ отцомъ! Мало того, молодой человѣкъ,—добавилъ онъ, внезапно поворачиваясь къ курьеру,—*вы* отправите ея сундуки *прямымъ краткимъ въ Сакраменто*, съ ярлыкомъ Общества, и выдадите ей накладную, *чтобы она могла получить ихъ тамъ*. А *его* это убережетъ отъ искушенія и отъ вліянія шайки, пока они опять не попадутъ къ бѣлымъ людямъ и къ цивилизаціи. Когда вашъ сѣдовласый дѣдъ,—добавилъ онъ, демонически подмигнувъ курьеру,—говоря проще, когда старый любитель виски, Юба Билль по имени, что сидитъ на этихъ козлахъ, берется устроить вступающую въ жизнь парочку, можете поручиться, что сдѣлаетъ онъ это не какъ-нибудь. Всѣ мѣста нарасхватъ! Спеціальное провидѣніе беретъ одно изъ лучшихъ мѣстъ, когда распорядителемъ бываетъ Юба Билль!

Наконецъ на возвышенности, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, показались станція и разбросанный поселокъ Сахарной Сосны, теперь уже ясно видимые при свѣтѣ утра. Тогда кабріолетъ внезапно промчался мимо насъ—такъ быстро, что лица двухъ сѣдоковъ были почти невидимы,—и, продолжая держаться на благородномъ разстояніи, подкатилъ къ подъѣзду гостиницы. Дѣвушка и ея спутникъ соскочили на землю и

скрылись въ домѣ прежде, чѣмъ мы подоспѣли въ свою очередь. Они, очевидно, рѣшили уклониться отъ нашего любопытства, что и удалось имъ вполнѣ.

Впрочемъ, аппетитъ пассажировъ, обостренный крѣпкимъ горнымъ воздухомъ, оказался на этотъ разъ сильнѣе любопытства; и когда прозвонилъ звонокъ къ завтраку, почти всѣ бросились въ столовую, гдѣ принялись сражаться за мѣста, не заботясь объ исчезнувшей парочкѣ. Судьи и Юбы Билля также какъ не бывало. Притомъ, сквозной дилижансъ въ Мэрисвилль и Сакраменто стоялъ уже на готовѣ, ибо Сахарная Сосна являлась предѣломъ владѣній Билля, дальше котораго его карета не ходила. Однако, минутъ двадцать спустя, въ прихожей и на верандѣ раздалась нѣсколько церемонная суета, и нашимъ глазамъ вновь предстали судья и Юба Билль. Первый, не безъ изысканныхъ ужимокъ, служилъ кавалеромъ видной фигурѣ миссъ Мёллинсъ, въ то время, какъ Юба Билль сопровождалъ къ кабріолету ея спутника. Всѣ бросились къ окнамъ взглянуть на таинственнаго незнакомца и, вѣроятно, эксъ разбойника, жизнь котораго теперь была связана съ нашей прекрасной спутницей. Боюсь, однако, что всѣ мы испытали чувство разочарованія и недовѣрія. Правда, онъ былъ красивъ и даже воспитанъ съ виду, а также здоровъ и молодъ. Но въ его выраженіи было что-то не то пристыженное, не то вызывающее, смѣшанное съ потайной, выжидательной тревогой,—вообще, говоря, нѣчто отнюдь не привлекательное и неподходящее къ новобрачному,—да еще съ такой новобрачной. Зато открытое, радостное, невинное личико Полли Мёллинсъ, сіяющее простодушнымъ восторгомъ и довѣріемъ, снова затопило умиленіемъ наши сердца, загладивъ недочеты въ ея избранникѣ. Мы махали имъ вслѣдъ; думаю даже, что разразились бы троекратнымъ ура, когда бы насъ не сдержало всемогущее око Юбы Билля. И хорошо, потому что минуту спустя насъ призвали передъ лицо сего мягкосердечнаго деспота.

Мы застали его вдвоемъ съ судьей въ отдѣльномъ номерѣ, стоящимъ передъ столомъ съ графинчикомъ и рюмками. Преисполненные ожиданія, мы вошли въ комнату и притворили дверь, послѣ чего онъ окинулъ нашу группу взглядомъ нерѣшительной снисходительности.

— Джентльмены,—медленно произнесъ онъ,—вы всѣ были свидѣтелями начавшейся сегодня утромъ маленькой игры, и судья считаетъ, что вамъ слѣдуетъ присутствовать также и при финишѣ. Между нами говоря, я нахожу, что не ваше это, чортъ возьми, дѣло! но судья стоитъ на томъ, что вы всѣ посвящены въ тайну; вотъ я и рѣшилъ пригласить васъ выпить за

здоровье Чарли Бинга и его супруги, нынѣ благополучно отбывшихъ въ брачное путешествіе. То, что *вы* знаете и что *вы* подозрѣваете о молодомъ человѣкѣ, не стоитъ выѣденнаго яйца, и я бы не далъ вашихъ свѣдѣній на забаву и желтому щенку; но судья полагаетъ, что вы должны дать слово хранить дѣло въ тайнѣ. Это его мнѣніе. Что же касается моего личнаго мнѣнія, джентльмены,—продолжалъ Билль съ усиленной мягкостью и мнимой задушевностью,—я только хотѣлъ замѣтить мимоходомъ, что если бы какой-нибудь забытый Богомъ, вислоухій, безмозглый болтливый идіотъ вздумалъ только пикнуть о *своемъ* мнѣніи...

— Одну минутку, Билль,—перебилъ судья Томпсонъ со степенной улыбкой,—позвольте мнѣ объяснить. Вамъ понятно, джентльмены,—продолжалъ онъ, обращаясь къ намъ,—то своеобразное и, смѣю сказать, трогательное стеченіе обстоятельствъ, которое нашъ добросердечный другъ привелъ, надо надѣяться, къ благополучному концу. Я желаю изложить вамъ свое профессіональное мнѣніе, а именно, что въ его требованіи нѣтъ ничего предосудительнаго для добрыхъ гражданъ, уважающихъ законы своей страны. Хочу также добавить, что вы ничѣмъ не нарушаете уставовъ; что мы не имѣемъ ни крупицы доказательствъ относительно преступнаго прошлаго мистера Чарльза Бинга, за исключеніемъ того, что вы слыхали изъ невинныхъ устъ его нареченной,—отнынѣ запечатлѣнныхъ закономъ устъ его жены. Судя же по нашему личному знакомству съ теперешнимъ его поведеніемъ, оно въ общемъ искупляетъ всякія прежнія погрѣшности, если не является несовмѣстимымъ съ таковыми. Говоря кратко, никакой судъ не сталъ бы обвинять, никакіе присяжные не осудили бы на основаніи подобныхъ уликъ. Если добавить къ этому, что дѣвушка достигла законнаго возраста, что со стороны жениха не наблюдалось нежелательнаго давленія, скорѣе даже наоборотъ, и что я счелъ возможнымъ, въ качествѣ должностного лица, совершить обрядъ бракосочетанія, думаю, что никто изъ васъ не откажется дать испрашиваемое обѣщан"е ради новобрачной и выпить за счастье обоихъ.

Нечего и говорить, что мы съ готовностью исполнили требуемое, чѣмъ даже заслужили одобрительное ворчанье Билля. Большая часть общества, слѣдовавшая со сквознымъ дилижансомъ въ Сакраменто, поспѣшила, однако, откланяться; мы проводили отъѣзжавшихъ на веранду, откуда могли удостовѣриться, что сундуки миссъ Полли Мёллинсъ уже перегружены на вторую карету, подъ покровительствомъ ярлыковъ и печатей всемогущаго общества дилижансовъ. Затѣмъ щелкнулъ

бичъ, карета покатилась, и послѣдніе слѣды предпріимчивой парочки потонули въ нависшемъ въ воздухѣ облакѣ красной пыли.

Но ликованіе Юба Билля по поводу счастливаго исхода происшествія ни мало не убавлялось. Онъ даже нарушилъ предѣлъ обычно тщательно вымѣренныхъ возліяній и, занявъ безъ стѣсненія центръ опустѣвшаго буфета, предавался необычной болтливости въ обществѣ курьера.

— Вы видите теперь,—говорилъ онъ, съ пріятностью переживая недавнія событія,—что когда старый дядя Билль берется за такую штуку, то умѣетъ продѣлать ее въ одну упряжку. А все же была минута, молодой человѣкъ, когда мнѣ показалось, что дѣло проиграно! Было это, когда мы потребовали отъ того молодца, чтобы онъ признался дѣвушкѣ въ своемъ прошломъ. Если бы только она встала на дыбы, либо перескочила черезъ постромки, или хотя бы чуточку попятилась, мы дали бы ему пять минутъ на прощанье, и наклали бы ему въ шею, а дѣвочку съ тряпками снарядили бы обратно къ папашѣ! Да куда тамъ! она только чуть чуть вскрикнула и какъ бы встрепенулась, и тутъ же упала въ истерикѣ къ нему на грудь, и плакала, и смѣялась, и приговаривала, что ничто не можетъ ихъ разлучить. Прямо-таки казалось, что самъ онъ больше разстроенъ, чѣмъ она. Съ минуту даже похоже было, что онъ, въ концѣ-концовъ, не рѣшится жениться, но потомъ все обошлось, и ихъ обвѣнчали крѣпко-накрѣпко,—ужъ на этотъ счетъ можете быть покойны. Полагаю, что онъ вдоволь нашлялся по ночамъ на всю жизнь, и если поселки долинъ и не пріобрѣли въ его лицѣ особенно блестящаго члена, по крайней мѣрѣ, горные гребни избавились отъ лишняго разбойника изъ шайки Рамона Мартинеца.

— Что вы тутъ толкуете о шайкѣ Рамона Мартинеца?—спросилъ спокойный властный голосъ.

Билль быстро оглянулся. Въ буфетъ только что вошелъ ревизоръ отдѣла почтоваго общества, человѣкъ эксцентричный и рѣшительный, одинъ изъ немногихъ, кого самодержавный Билль признавалъ себѣ ровней. Пыльная накидка и мягкая шляпа показывали, что онъ только что пріѣхалъ на ревизію.

— Не откажусь, Билль,—продолжалъ онъ въ отвѣтъ на пригласительный жестъ Билля, направляясь къ стройкѣ буфета.—Сыровато что-то на большой дорогѣ.

— Ну-съ, что вы тутъ толковали о шайкѣ Рамона Мартинеца? Ужъ не повстрѣчались ли съ кѣмъ изъ нихъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Билль, замигавъ глазами и съ нарочитой развязностью поднося стаканъ къ свѣту.

— И не повстрѣчаетесь,—добавилъ ревизоръ, неторопливо потягивая водку.—Дѣло въ томъ, что пѣсенка шайки спѣта. Не потому, чтобы имъ не навертывалось больше никакой работы, а изъ-за трудности сбывать плоды разбоя. Съ тѣхъ поръ, какъ вошелъ въ силу новый приказъ провѣрять и прослѣживать происхожденіе всякаго вида золота, какое только предлагается агентамъ, разбойникамъ некуда съ нимъ дѣваться. Всѣ члены шайки извѣстны въ конторахъ наперечетъ, а имъ бы слишкомъ дорого стоило платить подставному лицу какого бы то не было общественнаго положенія. Да вотъ хотя бы все это слоистое золото, которое они отобрали у общества «Эксцельсіоръ: вѣдь его можно опознать такъ же легко, какъ если бы на немъ былъ штемпель общества! Сплавить его сами они не могутъ; не могутъ также устроить, чтобы другіе сдѣлали это для нихъ· не могутъ доставить его въ монетный дворъ или пробирную палатку въ Фриско, такъ какъ тамъ его не примутъ безъ нашего удостовѣренія и печати; *мы* же не принимаемъ никакого незаявленнаго груза въ предѣлахъ района ихъ дѣятельности, развѣ только отъ агентовъ и извѣстныхъ лицъ. Да вамъ же все это превосходно извѣстно, Джимъ,—внезапно обратился онъ къ курьеру,—такъ вѣдь я говорю?

Отъ внезапности ли этого призыва, либо отъ чего другого, но только курьеръ какъ видно поперхнулся, ибо усиленно закашлялся и, поспѣшно поставивъ обратно стаканъ, пробормоталъ:—Да, разумѣется, несомнѣнно.

— Нѣтъ-съ, господа,—самодовольно заключилъ ревизоръ,—ихъ пѣсенка спѣта. И лучшее доказательство, это то, что они въ послѣднее время принялись за простой пассажирскій багажъ. Да вотъ сейчасъ только въ Доу-Флатѣ они задержали багажный фургонъ и перетаскали уйму багажа. Пришлось мнѣ съѣздить туда для разбора дѣла. И только подумайте, — негодяи сгребли цѣлое приданое у тѣхъ богатыхъ новобрачныхъ, что обвѣнчались на-дняхъ въ Мэрисвиллѣ! похоже будто имъ плохо приходится, а? Дошли до пустого газа и голаго камня, а?

Лицо курьера тревожно обратилось къ Биллю, но тотъ, торопливо проглотивъ остатокъ водки, неподвижно стоялъ, уставившись въ окно. Затѣмъ онъ медленно принялся натягивать одну изъ своихъ громоздкихъ перчатокъ.—Не приводилось ли вамъ,—началъ онъ медленно, протяжно, но вполнѣ отчетливо,—встрѣчаться въ тѣхъ краяхъ со старымъ живодеромъ Геммингсомъ?

— Да.

— И съ его дочерью?

— У него нѣтъ дочери.

— Этакое кроткое, невинное, безхитростное дитя природы?—настаивалъ Билль, съ желтымъ лицомъ, мертвеннымъ спокойствіемъ и сатанинской непоколебимостью.

— Да нѣтъ же. Говорю вамъ, что у него *нѣтъ* дочери. Старикъ Геммингсъ закоренѣлый холостякъ. Онъ слишкомъ скупъ, чтобы содержать кого-нибудь кромѣ себя.

— А не приводилось ли вамъ,—продолжалъ Билль съ невѣроятной разстановкой,—знавать кого-нибудь изъ шайки Мартинеца?

— Какъ же. Всѣхъ ихъ знавалъ. Былъ тамъ у нихъ французъ Питъ, потомъ Чероки Бобъ, Канака, Джо, Одноглазый Стильсонъ, Нѣженка Браунъ, Испанецъ Джэкъ, да еще два три *смазчика* [1]).

— А не встрѣчали вы человѣка, по имени Чарли Бингъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ ревизоръ, съ видимой усталостью и отчаянно поглядывая на дверь.

— Смуглый такой, щеголеватый малый, съ бѣгающими черными глазами и закрученными усиками? — продолжалъ Билль съ тупымъ, безжизненнымъ упорствомъ.

— Да нѣтъ же. Слушайте-ка, Билль, я немножко спѣшу,—но видно вамъ не терпится сыграть свою шутку до моего отъѣзда. Скажите же, въ чемъ дѣло?

— Что вы хотите сказать?—спросилъ Билль съ внезапной рѣзкостью.

— Сказать? Да ну васъ, старина! вы знаете не хуже меня, что описали мнѣ самого Рамона Мартинеца, ха, ха, ха! Нѣтъ, Билль, на этотъ разъ вы дали маху. Спора нѣтъ, вы шутникъ хоть куда, но на этотъ разъ вамъ-таки не удалось меня поддѣть!

Онъ кивнулъ ему и, смѣясь, вышелъ изъ комнаты. Билль обратилъ къ курьеру каменное лицо. Внезапно его мрачные глаза блеснули юмористической искоркой. Онъ наклонился къ молодому человѣку и проговорилъ хриплымъ, ухмыляющимся шопотомъ:

— Но я таки поквитался съ нимъ!

— Какъ такъ?

— Онъ связанъ съ этой лживой маленькой чертовкой на вѣки вѣчные!

---

[1]) Мексиканца.

Рождественскій подарокъ.

Разсказъ для маленькихъ воиновъ.

— Были святки въ Калифорніи—время проливныхъ дождей и просыпающихся травъ. Временами солнце пронизывало бѣгущія облака и хлеставшій дождь, и осѣняло чудомъ суровыя горы,—и смерть и воскресенье сливалось въ одно, и изъ самыхъ нѣдръ разрушенія рождалась и тянулась къ свѣту радостная жизнь. Даже самыя бури, сметая сухіе листья, взлелѣивали возникавшія имъ на смѣну нѣжныя почки. Не было промежутковъ снѣжнаго безмолвія на оживающихъ поляхъ, плугъ земледѣльца шелъ слѣдомъ по бороздамъ, прорытымъ послѣдними дождями. Вотъ почему, быть-можетъ, рождественское убранство гостиной зимними растеніями казалось такимъ постороннимъ, представляя рѣзкій контрастъ со смутно виднѣвшимися въ окна розами, когда налетавшій съ юго-запада вѣтеръ обмахивалъ стекло ихъ нѣжными головками.

— А теперь,—началъ докторъ, придвигая стулъ ближе къ камину и окидывая кругъ бѣлокурыхъ головокъ благосклоннымъ, но твердымъ взглядомъ, прежде чѣмъ я начну разсказъ, знайте разъ навсегда, что я не потерплю никакихъ глупыхъ вопросовъ. При первомъ же—я останавливаюсь, при второмъ—считаю своимъ долгомъ прописать каждому изъ васъ дозу касторовага масла. Тотъ, кто шевельнетъ рукой или ногой, покажетъ этимъ, что желаетъ ампутаціи. Я принесъ инструменты съ собой, и никогда не позволю, чтобы дѣло страдало изъ-за забавы. Ну, что же, обѣщаете?

— Да, да!—хоромъ воскликнуло шесть голосковъ. Тѣмъ не менѣе, за этимъ залпомъ тотчасъ посыпалось съ полдюжины вопросовъ.

— Смирно! Бобъ, спусти ноги и перестань звенѣть саблей, Флора сядетъ рядомъ со мной, какъ маленькая дама. и будетъ всѣмъ подавать примѣръ. Фунгъ-Тангъ также можетъ оставаться, если хочетъ. А теперь, немножко спустите газъ— вотъ такъ, достаточно: только лишь для того, чтобы огонь и рождественскія свѣчи казались ярче. Молчите всѣ! Тотъ,

кто щелкнетъ миндалемъ или вздохнетъ надъ изюмомъ, отправится вонъ изъ комнаты.

Наступило глубокое молчаніе. Бобъ любовно уложилъ рядомъ съ собой саблю и задумчиво обнялъ свое колѣно. Флора, предварительно расправивъ кармашекъ передничка, положила доктору руки на плечи и позволила притянуть себя поближе къ нему. Маленькій слуга-язычникъ Фунгъ- Тангъ, которому было разрѣшено дѣлить всеобщія забавы по случаю рождественскихъ праздниковъ, оглядывалъ группу съ кроткой и въ то же время философской улыбкой. Благостная тишина комнаты нарушалась только тиканьемъ французскихъ часовъ на каминѣ, поддержанныхъ юной пастушкой съ бронзовой кожей и необычайной стройностью членовъ; и въ этой тишинѣ запахъ хвойныхъ растеній, новыхъ игрушекъ, кедроваго дерева,клея и лака сливался въ неподдающееся описанію гармоническое сочетаніе.

«Года четыре тому назадъ въ это же время года,—началъ докторъ,—мнѣ пришлось прослушать курсъ лекцій въ одномъ городѣ. Одинъ изъ профессоровъ, оказавшійся общительнымъ, добродушнымъ человѣкомъ, хотя и нѣсколько туповатымъ и не въ мѣру практичнымъ, пригласилъ меня къ себѣ въ канунъ Рождества. Я очень тому обрадовался, такъ какъ очень заинтересовался однимъ изъ его сыновей, о которомъ разсказывали чудеса, хотя ему всего только исполнилось двѣнадцать лѣтъ. Не рѣшаюсь вамъ сказать, сколько этотъ мальчикъ выучилъ наизусть латинскихъ стиховъ, и сколько сочинилъ англійскихъ. Во-первыхъ, вы бы потребовали, чтобы я ихъ повторилъ вамъ; во-вторыхъ, я не знатокъ въ поэзіи, какъ латинской, такъ и англійской. Но были знающіе люди, утверждавшіе, что его стихи удивительны для мальчика, и всѣ предсказывали ему блестящую будущность. Всѣ, за исключеніемъ отца. Онъ недовѣрчиво покачивалъ головой, какъ только о томъ заходила рѣчь, ибо, какъ я уже вамъ сказалъ, былъ человѣкъ практичный и дѣловитый.

«Вечеръ у профессора очень удался. Въ домѣ собрались всѣ знакомыя дѣти, въ томъ числѣ, конечно, и талантливый сынъ профессора, Рупертъ,—тоненькій мальчуганъ, ростомъ приблизительно съ Боба, и такой же бѣлокурый и нѣжный какъ Флора. По словамъ отца, онъ былъ слабаго здоровья; онъ рѣдко бѣгалъ и игралъ съ другими мальчиками, предпочитая сидѣть дома надъ книжками и сочинять то, что называлъ «своими стишками».

Ну-съ, была тамъ и елка, такая же точно, какъ и ваша, и всѣ мы смѣялись и болтали, выкликая имена дѣтей на по-

даркахъ, и всѣ были веселы и счастливы, какъ вдругъ одинъ изъ дѣтей вскрикнулъ отъ изумленія и объявилъ со смѣхомъ: «А вотъ и подарокъ для Руперта—но какъ бы вы подумали, что это такое?»

Мы всѣ наперерывъ принялись отгадывать: «Бюваръ», «Сочиненіе Мильтона», «Золотое перо», «Словарь риѳмъ». «Нѣтъ? но что же тогда наконецъ?»

— Барабанъ!

— Что?!..—раздался хоръ голосовъ.

— Барабанъ! И на немъ имя Руперта.

Онъ сказалъ правду. Большой, блестящій, новый, окованный мѣдью барабанъ, съ запиской: «Для Руперта».

Разумѣется мы всѣ разсмѣялись и нашли шутку очень удачной. «Видишь, Рупертъ, ты предназначенъ нашумѣть въ свѣтѣ!» замѣтилъ одинъ. «Пергаментъ для поэта!» вставилъ другой. «Послѣдній трудъ Руперта въ овечьемъ переплетѣ», добавилъ третій. «Сыграй намъ классическую мелодію, Рупертъ», просилъ четвертый,—и такъ далѣе, безъ конца. Но Рупертъ, видимо, былъ черезчуръ огорченъ для того, чтобы говорить; онъ мѣнялся въ лицѣ, кусалъ губы, и, наконецъ, разразившись бурными рыданіями, бросился вонъ изъ комнаты. Тогда шутники почувствовали себя пристыженными и принялись спрашивать другъ друга, кто повѣсилъ барабанъ на елку. Но никто не зналъ о томъ, а если кто и зналъ, то смолчалъ при видѣ неожиданнаго сочувствія къ чувствительному ребенку. Призвали и допросили слугъ, но и тѣ ничего не знали. И, что всего страннѣе, всѣ утверждали, что никто не замѣтилъ барабана на деревѣ до той минуты, когда заявили о немъ. Что я думаю? Ну, у меня свой взглядъ на это. Только прошу безъ вопросовъ! Довольно вамъ знать, что Рупертъ больше не приходилъ внизъ въ этотъ вечеръ, и гости вскорѣ разошлись.

Я успѣлъ почти позабыть объ этомъ случаѣ, такъ какъ въ ту же весну разразилась война между Южными и Сѣверными Штатами. Я былъ назначенъ военнымъ докторомъ въ одинъ изъ новыхъ полковъ и отправился на театръ войны. Но мнѣ пришлось проѣздомъ побывать въ городѣ, гдѣ жилъ профессоръ, и здѣсь я повстрѣчался съ нимъ. Первый мой вопросъ былъ о Рупертѣ. Профессоръ печально тряхнулъ головой. «Онъ нездоровъ», сказалъ онъ; «съ самаго Рождества, когда вы видѣли его, онъ чахнетъ съ каждымъ днемъ. Странная болѣзнь», добавилъ онъ, называя мудреное латинское имя, «чрезвычайно рѣдкій случай. Но не зайдете ли вы сами навѣстить его? Это отвлекло бы его мысли и могло бы принести ему пользу».

Я отправился къ профессору и засталъ Руперта лежащимъ на диванѣ и подпертымъ подушками. Вокругъ валялись его книги и—странный контрастъ!—на гвоздѣ, надъ самой головой, висѣлъ тотъ самый барабанъ, о которомъ я говорилъ вамъ. Мальчикъ исхудалъ и осунулся; на щекахъ горѣло по красному пятну, а широко раскрытые глаза блестѣли яркимъ блескомъ. Мнѣ онъ обрадовался; когда же узналъ, куда я ѣду, засыпалъ меня безчисленными вопросами о войнѣ. Я вообразилъ уже, что окончательно отвлекъ его отъ болѣзненныхъ фантазій, какъ вдругъ онъ схватилъ меня за руку и притянулъ къ себѣ.

— Докторъ,—сказалъ онъ тихимъ шопотомъ,—вы не будете смѣяться, если я вамъ скажу одну вещь?

— Конечно, нѣтъ,—сказалъ я.

— Помните этотъ барабанъ?—сказалъ онъ, указывая на висящую на стѣнѣ блестящую игрушку.—Вы знаете также, какъ я получилъ его. Нѣсколько недѣль послѣ Рождества, я спалъ здѣсь на диванѣ, и барабанъ висѣлъ на стѣнѣ, какъ вдругъ я услыхалъ его; сперва онъ билъ слабо и медленно, затѣмъ все быстрѣе и громче, пока его дробь не наполнила всего дома. Посреди ночи я опять услыхалъ его. Я не посмѣлъ никому сказать о томъ, но съ тѣхъ поръ слышу его каждую ночь.

Онъ помолчалъ, тревожно вглядываясь мнѣ въ лицо.

— Иной разъ,—продолжалъ онъ,—онъ начинаетъ потихоньку, иной разъ громко, но всегда подъ конецъ переходитъ въ сборъ, и бьетъ такъ громко и грозно, что я каждую минуту жду, что войдутъ ко мнѣ въ комнату—спросить, въ чемъ дѣло. Но мнѣ кажется, докторъ,—мнѣ кажется,—медленно повторилъ онъ, заглядывая съ мучительнымъ вниманіемъ мнѣ въ лицо,—что никто не слышитъ его, кромѣ меня.

Мнѣ тоже это казалось, но я спросилъ его, не слыхалъ ли онъ барабана въ другое время дня.

— Разъ или два днемъ,—отвѣчалъ онъ,—когда я читалъ или писалъ; тогда онъ билъ очень громко, какъ будто сердился и хотѣлъ отвлечь мое вниманіе отъ книгъ.

Я взглянулъ ему въ лицо и положилъ пальцы ему на пульсъ... Его глаза блестѣли и пульсъ былъ неровенъ и быстръ. Я попытался объяснить ему, что онъ очень ослабѣлъ, что всѣ ощущенія его обострились, какъ это вообще бываетъ у слабыхъ людей, и что поэтому, когда онъ заинтересуется чтеніемъ или взволнуется, или чувствуетъ усталость по ночамъ—въ головѣ его бьется большая артерія, напоминая дробь барабана. Онъ выслушалъ меня съ печальной улыбкой недовѣрія, однако поблагодарилъ, и немного погодя я разстался съ нимъ. Спускаясь съ лѣстницы, я встрѣтилъ про-

фессора, я сообщилъ ему свое мнѣніе о болѣзни—нужды нѣтъ, каково оно.

— Ему нуженъ свѣжій воздухъ и движеніе,—сказалъ профессоръ,—а также нѣкоторое практическое ознакомленіе съ жизнью.

Профессоръ былъ не плохой человѣкъ, но онъ былъ немножко разстроенъ и раздраженъ и думалъ—какъ думаютъ многіе умные люди—что то, чего они не понимаютъ, неизбѣжно должно быть либо глупымъ, либо неприличнымъ.

Въ тотъ же день я выѣхалъ изъ города и въ треволненіяхъ полей сраженій и лазаретовъ забылъ о маленькомъ Рупертѣ и больше не слыхалъ о немъ, пока не повстрѣчался въ арміи со старымъ школьнымъ товарищемъ. Онъ былъ знакомъ съ профессоромъ, и сообщилъ мнѣ, что Рупертъ совсѣмъ помѣшался, и въ одинъ изъ припадковъ бѣжалъ изъ дому. Такъ какъ разыскать его не удалось, то опасались, что онъ упалъ въ рѣку и утонулъ. Можете себѣ представить, какъ я былъ пораженъ въ первую минуту; но, Боже ты мой! я жилъ тогда среди не менѣе ужасныхъ событій, и мнѣ было недосугъ грустить о бѣдняжкѣ Рупертѣ.

Вскорѣ послѣ того разразилась страшная битва, въ которой часть нашей арміи была застигнута врасплохъ и отброшена съ большими потерями. Меня отрядили отъ бригады объѣхать поле сраженія и помочь врачамъ разбитой дивизіи, заваленнымъ непосильной работой. Достигнувъ амбара, служившаго временнымъ лазаретомъ, я немедленно принялся за работу. Ахъ, Бобъ!—добавилъ докторъ, взявъ изъ рукъ оробѣвшаго Боба блестящую саблю и задумчиво держа ее передъ собой,—эти красивыя игрушки—символы жестокой, безобразной дѣйствительности!

Я подошелъ къ статному, крупному вермонтцу,—продолжалъ онъ съ разстановкой, рисуя узоры на коврѣ ноженъ;—онъ былъ тяжело раненъ въ оба бедра, но, тѣмъ не менѣе, увидавъ меня, протянулъ руки, умоляя помочь тѣмъ, кто болѣе въ томъ нуждается. Сперва я не обратилъ вниманія на его просьбу, такъ какъ этого рода безкорыстіе очень было распространено въ арміи; однако онъ продолжалъ:

— Ради Бога, докторъ, бросьте меня; тутъ есть барабанщикъ нашего полка—сущій ребенокъ — онъ умираетъ, если не умеръ уже. Ступайте, осмотрите его сперва. Онъ лежитъ вонъ тамъ. Онъ спасъ не одну жизнь. Онъ былъ на своемъ посту въ сегодняшнюю панику и спасъ честь полка.

Я былъ такъ пораженъ тономъ этого человѣка, болѣе даже чѣмъ смысломъ его словъ,—впрочемъ, подтвержденныхъ

остальными ранеными,—что поспѣшилъ къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ барабанщикъ,рядомъ со своимъ барабаномъ. Я взглянулъ на него—да, Бобъ, да, дѣти мои!—это былъ Рупертъ.

Не понадобилось креста, сдѣланнаго мѣломъ другими врачами на грубыхъ доскахъ его ложа, въ знакъ того, что онъ нуждается въ неотложной помощи; не понадобилось и пророческихъ словъ вермонтца, ни пота, смачивавшаго прилипшія къ блѣдному лбу темные кудри, чтобы доказать мнѣ, какъ онъ плохъ. Я позвалъ его по имени. Онъ открылъ глаза— они какъ бы стали еще больше, расширившись, думается мнѣ, отъ начавшаго мерещиться ему новаго видѣнія,—и узналъ меня. Онъ шепнулъ мнѣ:

— Я радъ, что вы пришли, но не думаю, чтобы вы могли помочь мнѣ.

Я не могъ солгать ему. Не могъ ничего сказать ему. Я только пожалъ ему руку, въ то время, какъ онъ продолжалъ:

— Но вы повидайтесь съ моимъ отцомъ и попросите его простить меня. Никто не виноватъ, кромѣ меня. Прошло много времени, прежде чѣмъ я понялъ, почему барабанъ пришелъ ко мнѣ въ Рождественскую ночь, и почему звалъ меня каждый вечеръ, и что онъ говорилъ мнѣ. Теперь я это знаю. Мое дѣло сдѣлано, и я доволенъ. Скажите отцу, что такъ лучше, я жилъ бы только для того, чтобы мучить и смущать его, и что-то во мнѣ говоритъ, что такъ должно было быть.

Съ минуту онъ пролежалъ молча, затѣмъ схватилъ меня за руку:

— Слушайте!

Я прислушался, но ничего не услыхалъ, кромѣ подавленныхъ стоновъ окружавшихъ меня раненыхъ.

— Барабанъ, — слабо промолвилъ онъ, — развѣ вы не слышите? Барабанъ зоветъ меня.

Онъ протянулъ къ нему руку, какъ бы желая обнять его.

— Слушайте,—продолжалъ онъ,—этого нельзя. Вотъ выстроились ряды для смотра. Видите, какъ солнце блещетъ на длинныхъ рядахъ штыковъ? Лица ихъ сіяютъ—они дѣлаютъ ружьемъ—вотъ идетъ генералъ; но лица его не видно изъ-за сіянія вокругъ головы. Онъ видитъ меня, онъ улыбается мнѣ. Это... и съ тѣмъ именемъ на устахъ, которое привыкъ повторять съ малыхъ лѣтъ, онъ устало вытянулся на доскѣ—и затихъ.

Вотъ и все. И пожалуйста безъ вопросовъ: вамъ дѣла нѣтъ до того, что сталось съ барабаномъ. Это кто тамъ захныкалъ?...

Помилуй Богъ, куда же дѣвались мои пилюли?

Эсмеральда изъ Скалистаго Каньона.

Боюсь, что герой этой лѣтописи вступилъ въ жизнь въ роли самозванца. Его предложили простодушной и сердобольной семьѣ одного обывателя города Санъ-Франциско въ качествѣ ягненка, которому суждено погибнуть отъ руки мясника, если его не купятъ, чтобы играть съ дѣтьми. Смѣсь утонченной чувствительности горожанъ съ ихъ же наивностью помѣшала имъ подмѣтить явные признаки его козлинаго происхожденія. Итакъ, ему навязали ленту на шею и въ подражаніе извѣстной «Мэри» въ дѣтской пѣсенкѣ, довѣрчивыя дѣти повели его съ собой въ школу. Здѣсь, — увы! — обманъ былъ разоблаченъ, и учитель высадилъ его изъ школы за то, что онъ отнюдь не велъ себя «ягненкомъ». Тѣмъ не менѣе добродушная мать семейства настояла на томъ, чтобы оставить его у себя, подъ предлогомъ, что онъ можетъ еще «оказаться полезнымъ». Слабый намекъ ея мужа на «перчатки» былъ отвергнутъ съ негодованіемъ: по ея словамъ, благодѣтельное животное могло со временемъ сдѣлаться источникомъ питанія для болѣзненнаго младенца одного изъ сосѣдей. Но даже и эта надежда рушилась, когда былъ установленъ его полъ. Оставалось только принять его какъ обыкновеннаго козленка и забавляться его талантами— способностью ѣсть, карабкаться и бодаться. Мало сказать, что таланты эти были высшаго качества; способность съѣдать все, что попало, начиная съ батистоваго платка и кончая избирательной афишей, проворство, приводившее его на самыя крыши домовъ, и умѣніе опрокинуть единымъ махомъ самаго увѣсистаго ребенка, дѣлали его предметомъ страха и радости для дѣтской. Послѣднее качество неосторожно развилъ въ немъ малолѣтній слуга негръ, который и самъ былъ впослѣдствіи спихнутъ съ лѣстницы своимъ не въ мѣру усерднымъ ученикомъ. Однажды отвѣдавъ побѣды, Билли больше не нуждался въ поощреніи. Даже повозочка, которую онъ иногда соглашался возить для потѣхи дѣтей, нисколько не мѣшала

ему бодать прохожихъ. Наоборотъ, основываясь на извѣстномъ научномъ принципѣ, онъ усиливалъ натискъ, прибавляя къ нему вѣсъ дѣтскихъ тѣлъ, которыя пускалъ черезъ голову при нападеніи, и несчастный пѣшеходъ оказывался не только сбитымъ съ ногъ, но еще и бомбардированнымъ населеніемъ цѣлой дѣтской.

Какъ ни было плѣнительно это развлеченіе для дѣтскихъ рукъ и ногъ, взрослая публика признала его, однако, опаснымъ. Поднялись негодующіе протесты, и Билли былъ изгнанъ изъ дома въ жестокій, безчувственный міръ. Въ одно прекрасное утро, онъ сорвался съ привязи на заднемъ дворѣ, и въ теченіе нѣсколькихъ дней пользовался преступной свободой, красуясь на сосѣднихъ заборахъ и пристройкахъ. Тотъ пригородъ Санъ-Франциско, въ которомъ жили его довѣрчивые покровители, находился еще тогда въ состояніи вулканическаго разстройства, вслѣдствіе проведенія новыхъ улицъ по скаламъ и пескамъ. Въ виду этого, крыши нѣкоторыхъ домовъ приходились въ уровень съ порогомъ другихъ и являлись особенно приспособленными для фокусовъ Билли. Какъ-то разъ, восхищенное и недоумѣвающее населеніе дѣтской усмотрѣло его стоящимъ на трубѣ новаго дома,—объемомъ не болѣе головки шляпы,—и спокойно созерцающимъ лежащій у его ногъ міръ. Тщетно къ нему взывали тонкіе дѣтскіе голоса; младенческія ручки тянулись къ нему съ безплодной мольбой: онъ оставался величественнымъ и непреклоннымъ, какъ герой Мильтона, вѣроятно, какъ онъ, «превознесенный на сію грѣховную высоту» собственными своими заслугами. Въ самомъ дѣлѣ, было нѣчто сатанинское въ его молодыхъ рожкахъ и остроконечной мордочкѣ, окруженныхъ тихо клубящимся изъ трубы дымомъ. Позднѣе, онъ весьма умѣстно исчезъ, и Санъ-Франциско не зналъ его больше. Одновременно исчезъ и нѣкто Овенъ Макъ-Джиннисъ, сосѣдній скваттеръ, покинувшій Санъ-Франциско для южныхъ пріисковъ. Увѣряли, что онъ взялъ съ собой Билли—хотя нельзя себѣ представить, для чего,—развѣ только для компаніи! Какъ бы то ни было, здѣсь наступилъ крутой поворотъ въ карьерѣ Билли, сдерживающее вліяніе ласковаго обращенія, цивилизаціи и даже полисмэновъ исчезло навсегда. Боюсь, однако, что онъ сохранилъ извѣстную зловредную смекалку, пріобрѣтенную въ Санъ-Франциско отъ съѣденныхъ имъ газетъ и афишъ—театральныхъ и избирательныхъ. Въ Скалистомъ Каньонѣ онъ появился уже въ роли чрезвычайно ловкой серны, снабженной лукавой пронырливостью сатира. Вотъ, и все, что сдѣлала для него цивилизація!

Если м-ръ Макъ-Джиннисъ воображалъ, что Билли будетъ ему не только пріятнымъ, но и полезнымъ, то онъ жестоко ошибся. Лошадей и муловъ въ Скалистомъ Каньонѣ было мало, и онъ попытался использовать Билли для доставки золотоносной земли въ телѣжкѣ отъ его участка къ рѣкѣ. Билли уже достаточно окрѣпъ, чтобы справиться съ этой работой, когда бы не помѣшала злополучная его бодливость. Неосторожный жестъ проходящаго мимо рудокопа былъ принятъ имъ за вызовъ. Нагнувъ голову, на которой новый хозяинъ успѣлъ подпилить зачаточные рога, онъ ринулся на противника вмѣстѣ съ телѣжкой. Снова восторжествовалъ научный законъ, о которомъ мы говорили раньше. Отъ внезапнаго толчка вся поклажа телѣжки взлетѣла на воздухъ и обрушилась на удивленнаго рудокопа, скрывъ его съ глазъ долой. Во всякомъ другомъ мѣстѣ, кромѣ калифорнскаго золотого пріиска, подобная склонность въ упряжномъ животномъ была бы признана нежелательной, но въ Скалистомъ Каньонѣ несчастный владѣлецъ сдѣлался жертвой этой самой склонности именно въ силу ея популярности. У рудокоповъ вошло въ привычку залегать въ засадѣ съ какимъ-либо «молокососомъ» или новичкомъ, котораго подзадоривали задѣть Билли неосторожнымъ движеніемъ. Такимъ образомъ почти ни одна партія «цѣнныхъ камешковъ» не достигла назначенія, и бѣднягѣ Макъ-Джиннису пришлось отказаться отъ Билли въ качествѣ вьючнаго животнаго. Поговаривали, что подъ вліяніемъ частыхъ вызововъ, онъ до того разошелся, что даже самъ Макъ-Джиннисъ не могъ считать себя въ безопасности. Когда однажды онъ прошелъ впередъ телѣжки, чтобы прибрать съ дороги упавшій сукъ, Билли усмотрѣлъ въ актѣ склоненія къ землѣ игривый вызовъ со стороны хозяина—съ неизбѣжнымъ для послѣдняго результатомъ.

На слѣдующій день Макъ-Джиннисъ появился съ тачкой, но безъ Билли. Съ этого дня злодѣй былъ изгнанъ въ скалистые утесы надъ лагеремъ, откуда его лишь изрѣдка сманивали зловредные рудокопы, желавшіе демонстрировать его таланты. Хотя Билли имѣлъ вдоволь пищи среди утесовъ, онъ все еще сохранилъ цивилизованное пристрастіе къ афишамъ; и стоило въ поселкѣ появиться объявленію о циркѣ, концертѣ или политическомъ митингѣ, чтобы онъ былъ тутъ какъ тутъ, пока клей не успѣлъ еще утратить всей своей свѣжести и сочности. Такъ, онъ однажды сорвалъ огромную театральную афишу, превозносившую прелести «Баловницы Сакраменто»; театральный агентъ настигъ его на мѣстѣ преступленія и погналъ по главной улицѣ съ влажной еще афишей

на рогахъ,—которую онъ, въ концѣ-концовъ, приклеилъ по своей системѣ къ спинѣ судьи Бумпойнтера, стоявшаго передъ зданіемъ суда.

Въ связи съ пребываніемъ этой особы въ Скалистомъ Каньонѣ сохранилось еще другое преданіе о продѣлкахъ Билли. Въ это время въ поселкѣ находился проѣздомъ передъ выборами полковникъ Старботтль, рыцарственная преданность котораго къ прекрасному полу побудила его сдѣлать визитъ хорошенькой актрисѣ. Единственная гостиная маленькой гостиницы выходила на веранду, бывшую на одномъ уровнѣ съ мостовой. Послѣ краткаго, но обильнаго любезностями свиданія, въ которомъ полковникъ Старботтль высказалъ признательность поселка со старомодной учтивостью южанина, онъ поднесъ пухлую руку «Баловницы» къ губамъ и съ низкимъ поклономъ попятился на веранду. Однако, къ удивленію «Баловницы», онъ тотчасъ же возвратился вспять, и бросился со страшной поспѣшностью къ ея ногамъ! Нечего пояснять, что по пятамъ у него явился Билли, случайно подмѣтившій его съ улицы, и принявшій его своеобразный выходъ за недостойный джентльмена вызовъ.

Набѣги Билли дѣлались, однако, менѣе частыми, по мѣрѣ того, какъ въ Скалистомъ Каньонѣ происходили свойственныя золотымъ пріискамъ перемѣны. Вскорѣ онъ былъ окончательно позабытъ, съ появленіемъ поселка нѣскольких Юго-Западныхъ семействъ, подъ вліяніемъ которыхъ начали прививаться менѣе буйныя развлеченія. Разсказывали, что его еще встрѣчаютъ иногда въ болѣе недоступныхъ горныхъ стремнинахъ, гдѣ онъ возвратился къ дикому состоянію, а иные предпріимчивые охотники намекали даже, что онъ еще можетъ сдѣлаться «съѣдобнымъ», такъ какъ обратился теперь въ законную добычу. Одинъ путникъ, переправлявшійся черезъ Верхній Перевалъ Каньона, передавалъ, что видѣлъ лохматое, дикое съ виду животное, наподобіе маленькаго оленя, стоящаго то тамъ, то сямъ на недоступныхъ выстрѣлу утесахъ. Но это и подобныя ему преданія внезапно были опровергнуты неожиданнымъ инцидентомъ.

Однажды піонерскій дилижансъ съ усиліемъ карабкался по длинному подъему къ перевалу Сканнерсъ, какъ вдругъ Юба Билль остановилъ лошадей, нажавъ ногами на тормозъ.

— Чудеса!—воскликнулъ онъ съ протяжнымъ вздохомъ.

Сосѣдъ его на козлахъ съ удивленіемъ взглянулъ по направленію его глазъ. Въ просвѣтѣ между придорожныхъ сосенъ виднѣлась, за нѣсколько сотъ ярдовъ отъ дороги, круглая впадина на ярко-зеленомъ склонѣ. Посрединѣ ея

плясала дѣвушка лѣтъ пятнадцати-шестнадцати, постукивая въ тактъ, на манеръ кастаньетъ, парой «костей», обычно употребляемыхъ неграми-менестрелями. Но, что еще того страннѣе, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея плясалъ большой козелъ, съ грубо сплетенной цвѣточной гирляндой на шеѣ, продѣлывая самые несуразные скачки въ подражаніе плясуньѣ. Заднiй планъ суровой сьерры, поэтичная ложбина, своеобразность фигуры и яркiй цвѣтъ красной фланелевой юбки подъ подобраннымъ ситцевымъ платьемъ—все это, вмѣстѣ взятое, составляло поразительную картину, приковавшую къ этому времени всѣ взгляды. Возможно, что танецъ дѣвушки болѣе походилъ на негритянскую пляску, чѣмъ на какое-либо извѣстное па; но все это, даже щелканье костей скрадывалось отдаленiемъ.

— Эсмеральда! Такъ же вѣрно, какъ то, что я живъ!—въ возбужденiи воскликнулъ пссаажиръ на козлахъ.

Юба Билль снялъ ноги съ тормаза и подобралъ вожжи, уронивъ на сосѣда взглядъ глубочайшаго презрѣнiя.

— Это тотъ окаянный козелъ изъ Скалистаго Каньона, да Полли Гаркнессъ! Какъ это только привелось ей съ нимъ связаться?

Какъ бы то ни было, едва успѣла карета достигнуть Скалистаго Каньона, какъ пассажиры не замедлили разсказать о своихъ впечатлѣнiяхъ, подтвержденныхъ Юбой Биллемъ и разукрашенныхъ фантазiей наблюдателя на козлахъ. О Гаркнессѣ было извѣстно, что онъ недавно прибылъ въ страну и поселился съ женой и дочерью по ту сторону перевала Скимнерсъ. Дровосѣкъ и угольщикъ по профессiи, онъ продѣлалъ себѣ путь въ тѣсныхъ рядахъ сосенъ за переваломъ, при чемъ воздвигнулъ почти непроницаемыя укрѣпленiя изъ древесныхъ стволовъ, надранной коры и угольныхъ ямъ вокругъ своей просѣки съ бревенчатой хижиной,—благодаря чему его уединенiе не нарушалось посторонними. Говорили, что онъ полудикiй горецъ изъ штата Георгiи, въ тѣснинахъ котораго гналъ незаконное виски, и что его вкусы и привычки несовмѣстимы съ цивилизацiей. Жена его курила и жевала табакъ; увѣряли будто онъ готовитъ жгучiй напитокъ собственнаго изобрѣтенiя изъ желудей и кедровыхъ орѣховъ; въ Скалистый Каньонъ онъ лишь изрѣдка являлся за провизiей; что касается срубаемаго имъ лѣса, то онъ спускалъ его по «Катку» къ рѣкѣ, по которой тотъ сплавлялся разъ въ мѣсяцъ на отдаленную мельницу, при чемъ самъ Гаркнессъ никогда не сопровождалъ его. Дочь его, рѣдко показывавшаяся въ Скалистомъ Каньонѣ, была еще подросткомъ, золотистымъ какъ папоротникъ осенью, съ дики-

ми глазами и всклоченными кудрями, въ домотканной юбкѣ, широкополой шляпкѣ и грубыхъ башмакахъ, какіе носятъ мальчики. Таковы были простые факты, которыми жители Скалистаго Каньона отвѣчали на легенды путешественниковъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторые изъ молодыхъ рудокоповъ нашли удобнымъ ходить къ рѣкѣ черезъ перевалъ Скиннерсъ,—неизвѣстно, впрочемъ, съ какимъ результатомъ. Утверждаютъ, однако, что однажды въ дилижансѣ находился извѣстный нью-йоркскій художникъ, совершавшій прогулку по Калифорніи, и воплотившій свои воспоминанія въ извѣстной картинѣ «Пляшущая нимфа и сатиръ», о которой свѣдущіе критики говорили, что она «дышитъ греческой жизнью». Въ Скалистомъ Каньонѣ это произвело впечатлѣніе, ибо здѣсь изученіе миѳологіи, вѣроятно, вытѣснялось наблюденіями надъ болѣе удивительными существами изъ плоти и крови. Позднѣе, однако, о картинѣ вспомнили,—и не безъ причины.

Въ числѣ уже упомянутыхъ нововведеній на главной улицѣ поселка воздвиглась деревянная, отдѣланная цинкомъ, часовня, въ которой правильно совершалъ «увѣщавательныя» богослуженія популярный проповѣдникъ особой юго-западной секты. Его даръ первобытнаго вдохновенія сильно дѣйствовалъ на невѣжественныхъ единовѣрцевъ, въ то время, какъ остальные шли на собраніе изъ любопытства. Дѣйствіе его проповѣди на женскій элементъ паствы было сенсаціонно-истерическаго свойства. Женщины, преждевременно состарѣвшіяся отъ родовъ и дрязгъ пограничной жизни, дѣвушки, знавшія только тягости и трудности полуголоднаго дѣтства въ борьбѣ съ жестокой природой,—всѣ неудержимо плѣнялись пышной славой и блаженствомъ, живописуемаго имъ невидимаго міра, который онъ изображалъ на манеръ волшебныхъ сказокъ цивилизованныхъ дѣтей, когда бы только онѣ ихъ знали. Лично онъ не былъ привлекателенъ. Худое, остроконечное лицо, взлохмаченные волосы, встающіе двумя круглыми завитками по обѣимъ сторонамъ четырехугольнаго лба, и длинная жесткая борода, спадавшая на крѣпкую шею и коренастыя плечи—все это принадлежало, конечно, заурядному юго-западному типу, однако въ немъ эти подробности напоминали что-то постороннее. Общее впечатлѣніе выразилось въ замѣчаніи одного рудокопа, присутствовавшаго на первомъ богослуженіи. Когда преподобный м-ръ Цитгольдеръ поднялся на каѳедру, онъ совершенно явственно воскликнулъ: «Провались я, если это не Билли!..» Когда же въ слѣдующее воскресенье у церковныхъ дверей появилась къ всеобщему удивленію Полли Гаркнессъ, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и шляпкѣ

изъ рисовой соломы, въ сопровожденіи настоящаго Билли, и когда она вступила въ бесѣду съ проповѣдникомъ, всѣ были буквально поражены необыкновеннным сходствомъ.

Долженъ съ прискорбіемъ признаться, что Скалистый Каньонъ тотчасъ окрестилъ козла «Преподобнымъ Билли», въ то время, какъ священникъ превратился въ его «брата». Мало того, когда во время службы были произведены попытки вовлечь привязаннаго во дворѣ козла въ прежнія схватки, и онъ оставилъ всѣ вызовы и оскорбленія безъ вниманія, къ его титулу было прибавлено наименованіе «окаяннаго лицемѣра».

Ужели онъ точно исправился? Дѣйствительно ли новая пасторальная жизнь съ нимфообразной хозяйкой окончательно исцѣлила его отъ драчливыхъ поползновеній? Или же онъ просто рѣшилъ, что послѣднія несовмѣстимы съ пляской и серьезно препятствуютъ его характернымъ танцамъ? Пришелъ ли онъ къ тому убѣжденію, что религіозныя брошюры и молитвословы не менѣе съѣдобны, чѣмъ театральныя афиши? Вотъ вопросы, легкомысленно обсуждавшіеся Скалистымъ Каньономъ,—хотя оставалась еще иная, болѣе серьезная, загадка взаимоотношеній преподобнаго м-ра Цитгольдера, Полли Гаркнессъ и козла. Появленіе Полли въ церкви, несомнѣнно, было вызвано усердной пропагандой священника въ околоткѣ. Но слыхалъ ли онъ о пляскахъ Полли съ козломъ? И гдѣ въ этой невзрачной, угловатой, плохо одѣтой Полли скрывалось видѣніе прекрасной нимфы? И когда это проявилась у Билли способность къ искусству Терпсихоры—до или послѣ? Замѣтна ли въ немъ теперь хоть тѣнь этого таланта? Безусловно нѣтъ! Не вѣроятнѣе ли, что преподобный мистеръ Цитгольдеръ самъ плясалъ съ Полли и былъ принятъ за Билли? Пассажиры, способные такъ прельститься красотой Полли, могли съ одинаковой легкостью принять проповѣдника за козла. Къ этому времени произошелъ другой инцидентъ, еще болѣе сгустившій тайну.

Единственнымъ мужчиной поселка, не раздѣлявшимъ общаго мнѣнія относительно Полли, былъ новоприбывшій Джэкъ Фильджи. Относясь отрицательно къ ея представленіямъ съ козломъ, которыхъ онъ ни разу не видалъ,—онъ, тѣмъ не менѣе, былъ не мало очарованъ самой дѣвушкой. Къ сожалѣнію, онъ питалъ одинаковое пристрастіе къ выпивкѣ, а такъ какъ въ трезвомъ видѣ бывалъ непомѣрно застѣнчивъ, а въ остальные времена совершенно непредставителенъ, то его ухаживанье — если только можно такъ выразиться—очень медленно подвигалось впередъ. Узнавъ, однако, что Полли посѣщаетъ церковь,

онъ настолько склонился на увѣщанія преподобнаго Цитгольдера, что обѣщалъ притти на «классъ Библіи» тотчасъ послѣ воскресной службы. День былъ жаркій, и Джэкъ, воздерживавшійся въ теченіе двухъ послѣднихъ дней, неосторожно подкрѣпилъ себя для предстоящаго испытанія добрымъ стаканчикомъ. Онъ нервничалъ и, придя поэтому спозаранку, тотчасъ усѣлся въ пустой церкви у открытой двери. Тишина храма, сонное жужжаніе мухъ, быть-можетъ, также и усыпительное дѣйствіе алкоголя, сильно на него подѣйствовали; нѣсколько разъ глаза его слипались, и голова падала на грудь. Онъ только что началъ приходить въ себя послѣ четвертаго раза, когда получилъ рѣзкій ударъ по уху и свалился навзничь со скамейки. Больше онъ ничего не разобралъ.

Джэкъ медленно поднялся на ноги, съ новымъ ему чувствомъ достоинства, отчасти объяснившимся разобравшимъ его хмелемъ, и добрелъ помятый и растрепанный до ближайшаго «заведенія». Нѣкоторые изъ посѣтителей, зная объ его пристрастіи къ Полли и о цѣли сегодняшней прогулки, высказали естественное любопытство.

— Ну, что, какъ дѣла у васъ тамъ? — спросилъ одинъ.— Похоже, будто ты боролся съ Духомъ, Джэкъ!

— Старикъ должно быть «увѣщавалъ» во-всю, замѣтилъ другой.

— Не схватился ли чего добраго съ Полли?

— Слыхалъ я, что она лихо бьется на кулачки.

Вмѣсто отвѣта, Джэкъ налилъ себѣ чарку виски, осушилъ ее, поставилъ стаканчикъ на прилавокъ и тяжело прислонился къ нему, осматривая допросчиковъ съ грустной укоризной, полной, однако, достоинства.

— Я здѣсь—пришлый человѣкъ, джентльмены,—произнесъ онъ медленно,—вы мало меня знаете; но такъ какъ вы видали меня и трезвымъ и мертвецки пьянымъ, то мнѣ думается, что вы успѣли снять съ меня настоящую мѣрку. Теперь предлагаю вамъ, какъ дальновиднымъ людямъ, вопросъ: видали вы когда-нибудь, чтобы я ударилъ пастора?

— Нѣтъ,—отозвался хоръ сочувственныхъ голосовъ. Буфетчикъ, однако, внезапно вспомнилъ о Полли и преподобномъ Цитгольдерѣ, въ связи съ возможной ревностью Джэка, и осторожно добавилъ:—Нѣтъ еще.

Хоръ, тотчасъ одумавшись, добавилъ:

— Пожалуй, что нѣтъ—нѣтъ еще.

— Слыхали вы когда-нибудь,—торжественно продолжалъ Джэкъ,—чтобы я проклиналъ, бранился и сквернословилъ насчетъ пасторовъ или церкви?

— Нѣтъ!—отозвалась толпа, принося осторожность въ жертву любопытству.—Никогда! Клянемся въ томъ!—А теперь, въ чемъ дѣло?

— Правда, я далеко не то, что называется «достопочтенный членъ»,—продолжалъ онъ, артистически оттягивая развязку.—Я не покаялся въ грѣхахъ; я не кроткій и смиренный послѣдователь; я жилъ не вполнѣ такъ, какъ подобаетъ; я никогда не жилъ на высотѣ своихъ убѣжденій,—но неужели же это достаточная причина для того, чтобы пастору можно было меня бить?

— Зачѣмъ? Что? Когда? Кто побилъ?—спросила толпа въ одинъ голосъ.

Тутъ Джэкъ съ разстановкой разсказалъ, какъ былъ приглашенъ преподобнымъ Цитгольдеромъ посѣтить классъ Библіи. Какъ пришелъ слишкомъ рано и засталъ церковь еще пустой. Какъ сѣлъ у дверей, чтобы быть подъ рукой, когда придетъ пасторъ. Какъ чувствовалъ себя, «такъ сказать, миролюбивымъ и добродѣтельнымъ» подъ жужжанье мухъ, и, вѣроятно, клевалъ носомъ—только каждый разъ опять выпрямлялся—хотя, въ концѣ-концовъ, ужъ не такой же грѣхъ уснуть въ пустой церкви! Какъ, «откуда ни возьмись», явился пасторъ, и «толкъ его съ боку въ голову, и сбилъ его со скамьи, и былъ таковъ!»

— Но что же онъ сказалъ?—вопрошала толпа.

— Ничего. Не успѣлъ я подняться, какъ его и слѣдъ простылъ.

— А вы увѣрены, что это былъ онъ?—продолжали допрашивать его.—Вы вѣдь сами говорите, что спали!

— Увѣренъ ли?—съ презрѣніемъ повторилъ Джэкъ.—Что я не знаю его лица и бороды? Не болталась она, что ли, надо мной?

— Что же вы теперь будете дѣлать?—съ нетерпѣніемъ продолжала толпа.

— Дождитесь, чтобъ онъ пришелъ, тогда увидите,—съ достоинствомъ произнесъ Джэкъ.

Этого было достаточно для толпы. Всѣ въ возбужденіи собрались у дверей, гдѣ стоялъ уже Джэкъ, поглядывая по направленію къ церкви. Минуты тянулись безъ конца; долгое, должно-быть, было собесѣдованіе! Вдругъ церковныя двери распахнулись, и появилась фигура, начавшая смотрѣть вверхъ и внизъ по улицѣ. Джэкъ покраснѣлъ—онъ узналъ Полли—и выступилъ впередъ. Толпа съ деликатностью, но и съ нѣкоторымъ разочарованіемъ, возвратилась обратно въ заведеніе. Такого рода штуки были не по ея части.

Полли увидала Джэка и быстро подошла къ нему. Она что-то держала въ рукѣ.

— Я нашла это на полу церкви,—робко начала она,—поэтому рѣшила, что вы были тамъ, хотя пасторъ и увѣряетъ, что не были, такъ что я извинилась и выбѣжала отдать вамъ ее. Вѣдь это ваша, не правда ли?—Она протянула ему булавку, сдѣланную изъ образца золота, которую онъ надѣлъ въ честь торжества.—Зато мнѣ было не легко добыть вамъ этотъ платокъ—вѣдь это также вашъ?—потому что Билли затащилъ его во дворъ за церковью и разлегся себѣ на землѣ, да давай пожирать его.

— Кто?—быстро спросилъ Джэкъ.

— Билли—мой козелъ.

Джэкъ глубоко перевелъ дыханіе и оглянулся на трактиръ.

— Вы вѣдь больше не вернетесь въ классъ?—поспѣшно спросилъ онъ.—Если нѣтъ, то я... я провожу васъ до дому.

— Я не прочь,—скромно отвѣтила Полли,—если только вамъ по дорогѣ.

Джэкъ предложилъ ей руку, и, поспѣшно минуя трактиръ, счастливая парочка вскорѣ зашагала по дорогѣ къ перевалу Скиннерса.

Долженъ съ прискорбіемъ признаться, что Джэкъ не сознался въ своей ошибкѣ, оставивъ преподобнаго Цитгольдера подъ подозрѣніемъ, что онъ совершилъ на него ничѣмъ не оправданное покушеніе. Характерно, однако, для Скалистаго Каньона то, что это подозрѣніе не только не повредило его репутаціи, какъ духовнаго лица, но внушило къ нему уваженіе, въ которомъ ему до сихъ поръ отказывали. По выраженію критиковъ, въ человѣкѣ «что-нибудь да есть», если онъ умѣетъ бить прямо сплеча. Странно сказать, толпа, вначалѣ сочувствовавшая Джэку, начинала теперь допускать какія-нибудь провинности съ его стороны. Его послѣдующее молчаніе, склонность отвѣчать на вопросы безсмысленной улыбкой; разражаться неудержимымъ хохотомъ когда его вкрадчиво допрашивали, видалъ ли онъ Полли за пляской съ козломъ?—все это окончательно возстановило противъ него общественное мнѣніе. Послѣднее, однако, вскорѣ заинтересовалось болѣе животрепещущимъ инцидентомъ.

Преподобный Цитгольдеръ организовалъ въ Скиннерстаунѣ библейскія живыя картины въ пользу своей церкви. Предполагалось иллюстрировать «Ревекку у колодца», «Нахожденіе Моисея», «Іосифа съ братьями», но болѣе всего Скалистый Каньонъ взволновался объявленіемъ, что Полли Гаркнессъ олицетворитъ «Дочь Іевѳая». Въ день представленія, однако,

выяснилось, что картину отмѣнили и замѣнили другой, безъ поясненія причинъ. Скалистый Каньонъ, естественно негодуя на устраненіе мѣстныхъ талантовъ, разсыпался въ тысячѣ безумныхъ предположеній. Въ общемъ, однако, преобладало мнѣніе, что причину слѣдуетъ искать въ мстительномъ отношеніи Джэка Фильджи къ преподобному Цитгольдеру. Джэкъ, какъ водится, глупо улыбался, но нельзя было ничего отъ него добиться. Лишь нѣсколько дней спустя, когда случился новый инцидентъ, увѣнчавшій рядъ таинственныхъ событій, уста его открылись для полнаго разоблаченія.

Въ одно прекрасное утро въ Скалистомъ Каньонѣ появилась ослѣпительная афиша, съ очаровательнымъ изображеніемъ «Баловницы Сакраменто» въ самой коротенькой юбочкѣ, какая только можетъ быть, выплясывающей съ тамбуриномъ передъ украшеннымъ цвѣточными гирляндами козломъ, являющимъ, однако, несомнѣнное сходство съ Билли. Текстъ афиши, напечатанный гигантскимъ шрифтомъ и пестрящій восклицательными знаками, гласилъ, что «Баловница» выступитъ въ роли «Эсмеральды», въ сопровожденіи ученаго козла, спеціально подготовленнаго даровитой артисткой. Козелъ будетъ плясать, играть въ карты и исполнять магическіе фокусы, извѣстные читателямъ прекраснаго сочиненія Виктора Гюго «Соборъ Парижской Богоматери»; и въ довершеніе всего собьетъ съ ногъ и опрокинетъ коварнаго соблазнителя, капитана Фербюса. Чудесное представленіе ставится подъ покровительствомъ полковника Старботтля и скиннерстаунскаго городского головы.

Когда весь Скалистый Каньонъ столпился, разинувъ ротъ, у афиши, Джэкъ смиренно присоединился къ группѣ. Всѣ глаза обратились къ нему.

— Не похоже на то, чтобы ваша Полли участвовала въ *этомъ*, а равно и въ живыхъ картинахъ,—замѣтилъ одинъ изъ публики, пытаясь скрыть любопытство подъ легкой насмѣшкой.—Словно какъ будто она и не собирается танцовать.

— Она никогда и не танцовала,—возразилъ Джэкъ съ улыбкой.

— Никогда не танцовала! Откуда же тогда взялись всѣ эти розсказни о ея пляскахъ на перевалѣ?

— Танцовала-то Баловница Сакраменто: Полли только ссудила ее козломъ! Ей, видите ли, полюбился Билли послѣ того, какъ онъ кувыркнулъ тогда полковника Старботтля, и пришло въ голову, что можно бы научить его кое-какимъ штукамъ. Такъ она и сдѣлала, а репетиціи всѣ продѣлывала тамъ у перевала, чтобы не попадаться никому на глаза и дер-

жать все дѣло въ секретѣ. Она подкупила Полли, чтобы та отпускала ей козла и не выдавала ея, и Полли никому и слова не пикнула, кромѣ меня.

— Стало-быть, въ тотъ день Юба Билль видѣлъ за пляской Баловницу?

— Ее. Самое.

— И ее то и изобразилъ тотъ художникъ изъ Нью-Йорка?

— Именно.

— Такъ вотъ почему Полли не выступила въ живыхъ картинахъ въ Скиннерстаунѣ! Значитъ, Цитгольдеръ почуялъ, что дѣло не ладно? А? Разнюхалъ, что плясала-то все время просто-напросто актерка?

— Нѣтъ, видите ли,—началъ Джэкъ съ притворнымъ колебанiемъ,—это ужъ будетъ другая исторiя. Право, мнѣ, можетъ-быть, и не годится вамъ это разсказывать. Тутъ вѣдь ничего нѣтъ общаго съ афишей о Баловницѣ, и могло бы быть непрiятно старику Цитгольдеру. Нѣтъ, ребята! и не просите даже.

Но было нѣчто въ его глазахъ, а еще болѣе въ лѣнивой медлительности истиннаго юмориста, сдѣлавшее толпу настойчивой и неумолимой. Она рѣшила, что такъ или иначе получитъ свою исторiю, и слышать не хотѣла объ отказѣ.

Видя это, Джэкъ съ важностью прислонился къ скалѣ и, засунувъ руки въ карманъ, досадливо уставился въ землю и началъ:

— Видите ли, ребята, старикъ Цитгольдеръ наслушался розсказней о Полли и томъ козлѣ; и вздумалось ему пристроить ее къ своимъ живымъ картинамъ. Вотъ и попросилъ онъ ее постоять съ козломъ и бубнами за «дочь Iевѳая», въ ту минуту, когда старикъ приходитъ домой и вступаетъ въ городъ и клянется, что убьетъ перваго, кого встрѣтитъ,—словомъ, все какъ въ Библiи. Ну-съ, Полли не охота была говорить, что не она участвовала въ представленiи съ козломъ, а Баловница,—пришлось бы выдать Баловницу головой; вотъ она и уговорилась притти съ козломъ и представить картину. Ну-съ, пришла Полли—оробѣла немножко; пришелъ и Билли—онъ-то, будьте покойны, молодецъ молодцомъ и готовый на всякiя штуки. Но тутъ оказалось, что болванъ, который представлялъ Iевѳая, ни къ чорту не годится: знай только скалитъ зубы на Полли и пятится отъ козла. Старикъ Цитгольдеръ прямо изъ кожи лѣзетъ; наконецъ забрался самъ на подмостки, чтобы показать имъ, что отъ нихъ требуется. Вотъ онъ входитъ гоголемъ, вдругъ замѣчаетъ Полли,—какъ-та приплясываетъ ему навстрѣчу вмѣстѣ съ козломъ: вотъ онъ всплескиваетъ

рукамп—вотъ такъ—и падаетъ на колѣни и вѣшаетъ голову вотъ такъ—и кричитъ: «Мое дитя! мой обѣтъ! о небо!» Но тутъ-то какъ разъ Билли — ему ужъ надоѣли всѣ эти фокусы—повернулся на заднихъ ногахъ, да вдругъ и примѣтилъ пастора!—Джэкъ помолчалъ съ минуту, затѣмъ, еще глубже запустивъ руки въ карманы, лѣниво протянулъ:—Не знаю, замѣчали ли вы, ребята, какъ старикъ Цитгольдеръ похожъ на Билли?

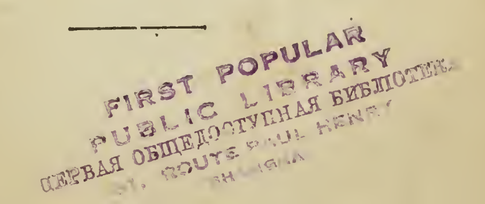
Раздался быстрый нетерпѣливый хоръ: «Да, да! Дальше, дальше!»

— Ну-съ,—продолжалъ Джэкъ,—какъ увидалъ Билли старика Цитгольдера на колѣняхъ съ понуренной головой, далъ онъ вдругъ прыжокъ, да щелкнулъ копытцами, словно говоритъ: «Мой теперь выходъ!» да опустилъ въ свой чередъ голову, да какъ бросится прямо на пастора!..

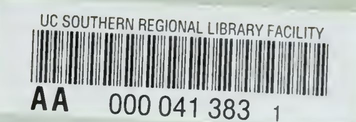
— Да какъ сброситъ его изъ-за кулисъ прямо на улицу!—перебилъ восхищенный слушатель.

Но Джэкъ и глазомъ не повелъ.—Вы такъ думаете? —серьезно замѣтилъ онъ.—Но тутъ-то вы и даете маху,—и тутъ-то и далъ маху самъ Билли!—медленно добавилъ онъ.—Пожалуй, вы также замѣтили, что у пастора голова и плечи хоть куда! Либо отъ этого, либо отъ того, что козлу негдѣ было разогнаться, да только Билли хлопнулся на колѣни, а пасторъ какъ поддастъ ему, да однимъ махомъ долой его съ подмостковъ! Вотъ послѣ этого пасторъ и рѣшилъ, что эту «картину» лучше оставить,—будто некому больше играть Іевѳая, а ему самому неприлично выступать на подмосткахъ. Но пасторъ все же считаетъ, что это можетъ послужить Билли урокомъ.

И дѣйствительно, послужило, ибо съ этой минуты Билли навсегда пересталъ бодаться. Онъ покорно исполнилъ свою роль въ спектаклѣ Баловницы въ Скиннерстаунѣ, послѣ чего блисталъ повсюду въ провинціи: искусство онъ заимствовалъ у Баловницы, а простоту у Полли, но одинъ только Скалистый Каньонъ зналъ, что истинное начало его воспитанію было положено первой репетиціей съ преподобнымъ Цитгольдеромъ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

UC SOUTHERN REGIONAL LIBRARY FACILITY
AA 000 041 383 1